

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

ИСТОРИЧЕСКИЕ
СОБЫТИЯ
В ЖИЗНИ КИТАЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск VI

К 100-летию
Коммунистической
партии Китая

Москва
ИДВ РАН
2021

УДК 082(510)
ББК 94.3(5Кит)
И90

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

*Рецензент:
к.и.н. Н.В. Анисимцев*

И90 Исторические события в жизни Китая и современность. Выпуск VI. К 100-летию Коммунистической партии Китая: сборник статей / сост., отв. ред. Н.Л. Мамаева. — М.: ИДВ РАН, 2021. — 296 с.

ISBN 978-5-8381-0395-6

DOI: 10.48647/w4616-7750-5001-a

Сборник статей посвящен важнейшему событию в истории Китая — 100-летию юбилею со дня образования Коммунистической партии Китая, под руководством которой в 1949 г. победила демократическая революция и успешно развивается процесс построения модернизированной социалистической державы.

Отличительной чертой сборника, позволившей представить масштабно и всесторонне стратегию КПК в китайской революции и заслуги китайских коммунистов, является научное сотрудничество исследователей ИДВ РАН с китайскими коллегами — членами авторского коллектива сборника, сотрудниками университетов Цинхуа, Пекинского, Нанькайского, Института новой истории КАОН.

Статьи распределены по двум разделам: «Коммунистическая партия Китая: история и современность» и «Политико-правовые и управленческие аспекты деятельности КПК».

Содержание сборника свидетельствует о повышении научного уровня исследований по истории КПК. Глубокое погружение в историю учредительного I съезда КПК (1921 г.) и всестороннее тщательное изучение предыстории и содержания VI съезда партии (1928 г.), определившего контуры нового маршрута революции, учитывающие китайскую специфику, позволили точнее определить степень участия Коминтерна в этих событиях. Тема «Коминтерн и КПК» выходит на передний план. Эффективность сотрудничества и помощи КИ и РКП(б)/ВКП(б) в создании КПК признается в историографии практически единогласно.

Получили также освещение слабо изученные проблемы партийного строительства в провинции Гуандун в критический для существования КПК период, наступивший после разрыва единого фронта ГМД и КПК летом 1927 г., и формирования гендерной политики КПК.

Представлена объективная картина системного взаимодействия КИ и КПК по конкретным направлениям: создание КПК, партийное строительство, подготовка высших партийных и военно-политических кадров, оказание помощи финансовой и вооружением Коминтерном и СССР Компартии Китая в годы антияпонской войны.

Авторы вводят в научный оборот архивные материалы, расширяют сферу исследований, выявляют причины устойчивости и стабильности КПК, касаются обстоятельств, способствовавших сохранению энергии развития, невзирая на многочисленные трудности.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Китая (КПК), Коммунистический Интернационал (Коминтерн, КИ), Российская Коммунистическая партия (большевиков) / Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) / РКП(б) / ВКП(б), Академия общественных наук Китая (КАОН), помощь Коминтерна и СССР КПК, I съезд КПК, VI съезд КПК, Гоминьдан.

УДК 082(510)
ББК 94.3(5Кит)

© Мамаева Н.Л., составление, 2021

© ИДВ РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

ISBN 978-5-8381-0395-6

Редакционная коллегия: д.и.н. Н.Л. Мамаева (отв. ред.-сост.), А.Л. Верченко, Т.Г. Герасимова (отв. секр.), к.и.н. Д.А. Смирнов, к.и.н. И.Н. Сотникова, к.полит.н. Е.Н. Степанова.

Издание сборника научных статей «Исторические события в жизни Китая и современность» осуществляется с 2016 г. Настоящий выпуск VI. Его тематика охватывает взаимоотношения СССР с китайской компартией и китайским правительством, партийно-государственное строительство в период новейшей истории Китая.

Отрасли науки (разделы рубрикатора ГРНТИ):

- 03.00.00 История. Исторические науки
- 11.25.91 Теория и практика международных отношений, внешняя политика и дипломатия отдельных стран.
- 03.91.00 История отдельных стран
- 10.07.23 Право и политика

Сборник научных статей включен в Российскую научную электронную библиотеку (eLibrary).

Всем статьям присваивается цифровой идентификатор объекта (DOI).

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением редакционной коллегии. Ответственность за достоверность публикуемых сведений несут авторы.

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Federal State-Funded Institution of Science
Institute of the Far Eastern Studies
(IFES RAS)

**HISTORIC EVENTS
IN THE LIFE OF CHINA
AND MODERNITY**

*For the 100th Anniversary
of the Chinese Communist Party*

Moscow
IFES RAS
2021

Reviewer

N.V Anisimtsev (Ph.D. (History))

Historic Events in the Life of China and Modernity. For the 100th Anniversary of the Chinese Communist Party. Collection of articles. Issue VI. Compiler, editor-in-chief N.L. Mamaeva. — M.: IFES RAS, 2021.

The collection of articles is dedicated to the important event in the history of China, the 100th anniversary of the Chinese Communist Party (CCP), under the guidance of which the democratic revolution won in 1949 and the process of building of a modernized socialist state has been successfully developing thereafter.

The distinctive feature of the collection is the scientific cooperation with the Chinese colleagues working at Tsinghua, Beijing, Nankai Universities and at the Institute of Modern History of the Chinese Academy of Social Sciences.

The articles are divided into two sections: “The Chinese Communist Party: History and Modernity” and “Political, Legal and Administrative Aspects of the CCP Activity”.

The content of the articles shows the increased level of scientific research of the history of the CCP. A deep immersion in the history of the CCP 1st founding Congress (1921) and a detailed in-depth study of the background and the content of the CCP 6th Congress (1928), which determined the contours of a new route of the revolution, taking into account Chinese specifics, made it possible to more accurately determine the degree of participation of the Comintern in these events. The effectiveness of the assistance of the Comintern and RCP(b)/All Union Communist Party (b) [VKP(b)] in creating the CCP is almost unanimously recognized in historiography.

The issue of the party construction in the Kwangtung province (late 1920s — early 1930s) and the CCP gender policy formation are also covered.

The collection introduces a picture of the systematic interaction of the Comintern and the CCP in concrete directions: the CCP creation, party construction, top military-political personnel training, the Comintern and the USSR financial and military aid to the CCP during the Anti-Japanese war period. The authors introduce the archive materials, thus widening the research sphere, finding the reasons of the CCP sustainability and stability.

Keywords: The Chinese Communist Party (the CCP), the Communist International (CI), Russian Communist Party (Bolsheviks) — RCP(b)/ All-Union Communist Party (Bolsheviks) — VKP (b), Chinese Academy of Social Sciences (CASS), the Communist International and USSR aid to the CCP, the CCP 1st Congress, the CCP 6th Congress, the Kuomintang (the KMT).

© N.L. Mamaeva, compilation, 2021

© IFES RAS, 2021

© Team of authors, 2021

Editorial Board: N.L. Mamaeva, Dr.sc. (History) (editor-in-chief), A.L. Verchenko, T.G. Gerasimova (executive secretary), D.A. Smirnov, Ph.D. (History), I.N. Sotnikova, Ph.D. (History), E.N. Stepanova, Ph.D. (Political sciences).

The collection of the scientific articles “Historic Events in the Life of China and Modernity” has been published since 2016. The present issue is VI. Its subject matter covers the USSR’s relationship with the Chinese Communist Party and Chinese government, party-state building in the period of contemporary history of China.

Branch of science (in the Russian Federation):

- 03.00.00 History. Historical sciences.
- 11.25.91 Theory and practice of the international relations, foreign policy and diplomacy of individual countries.
- 03.91.00 History of individual countries.
- 10.07.23 Law and policy.

The collection of research articles is included in Russian Scientific Digital Library (eLibrary).

All articles are assigned Digital Object Identifier (DOI).

The authors’ opinion may not coincide with the Editorial board’s point of views. The authors assume responsibility for the accuracy of their information.

СОДЕРЖАНИЕ

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КИТАЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Ван Ци.</i> Коммунистический Интернационал и китайская революция: исследования китайских ученых	11
<i>Верченко А.Л.</i> Гендерный вопрос в политике КПК раннего периода (1920-е годы)	22
<i>Сюй Син.</i> Влияние Октябрьской революции в России и Коммунистического Интернационала на создание Коммунистической партии Китая	38
<i>Герасимова Т.Г.</i> Исторический путь Чэнь Юня (1905—1995)	51
<i>Сотникова И.Н.</i> К вопросу о роли П.А. Мифа в истории Компартии Китая в 1925—1931 гг.	82
<i>Е Фань.</i> Военно-политическая академия им. Н.Г. Толмачева и первые высшие военно-политические кадры КПК	102
<i>Пожилов И.Е.</i> «Революция по найму»: о проблемах мобилизации крестьян и рабочих в КПК после разрыва с Гоминьданом (по материалам провинции Гуандун)	112
<i>Мамаева Н.Л.</i> Коминтерн и VI съезд Коммунистической партии Китая	129
<i>Смирнов Д.А.</i> К вопросу о соотношении внутреннего и внешнего факторов в разработке стратегии и тактики китайской революции на примере VI съезда КПК	145
<i>Чэнь Кайкэ.</i> Финансовая и военная помощь Советского Союза КПК в период антияпонской войны	156

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА КНР. ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И МОДЕРНИЗАЦИИ (В СФЕРЕ ЭКОЛОГИИ)

<i>Троцинский П.В.</i> Политико-правовые основы формы государственного устройства КНР	171
<i>Ершов А.В.</i> История органов государственного управления КНР	183

<i>Смирнов Д.А., Степанова Е.Н.</i> Политический аспект экологической проблемы модернизации Тайваня и большого Китая	213
<i>Волошина А.В.</i> КПК и «тайваньский вопрос»: 25 лет после третьего кризиса в Тайваньском проливе	241
<i>Клиновский В.А.</i> Статусное планирование и формирование института лингвистических прав в Британском Гонконге в 1970—1990 гг.	265
Summary	277
Список авторов	292

CONTENTS

THE CHINESE COMMUNIST PARTY: HISTORY AND MODERNITY

<i>Wang Qi</i> . The relationship between the Comintern and the Chinese Revolution: Chinese scholars research	11
<i>Verchenko A.L.</i> Gender problem in the CCP's early period policies (the 1920-s)	22
<i>Xu Xing</i> . The influence of Russian October Revolution and the Communist International on the founding of the Communist Party of China	38
<i>Gerasimova T.G.</i> Chen Yun's (1905—1995) historical path	51
<i>Sotnikova I.N.</i> To the question about the role of P.A. Myth in history the Chinese Communist Party in 1925—1931	82
<i>Ye Fan</i> . The Tolmarchyov Military-Political Academy and the CPC first high-ranking military-political cadres	102
<i>Pozhilov I.E.</i> "Revolution for hire" about some problems of the peasants and workers recruitment in the CCP after the break with Guomindang (on the materials of Guangdong)	112
<i>Mamaeva N.L.</i> Comintern and the VI congress of the Communist Party of China	129
<i>Smirnov D.A.</i> The 6 th CCP Congress as an illustration of internal and external factors correlation in the Chinese Revolution strategy and tactics development	145
<i>Chen Kaike</i> . Financial and military aid of the Soviet Union to the Chinese Communist Party during the period of the Anti-Japanese war	156

POLITICAL AND LEGAL AND ADMINISTRATIVE ASPECTS OF THE PARTY AND GOVERNMENT ACTIVITY IN THE PRC. THE PROBLEMS OF POLITICAL STABILITY AND MODERNIZATION (IN ECOLOGICAL SPHERE)

<i>Troshchinskiy P.V.</i> Political and legal framework of the form of the PRC state structure	171
<i>Ershov A.V.</i> The history of the PRC state government system	183

<i>Smirnov D.A., Stepanova E.N.</i> Political aspect of ecological problem of modernization in Taiwan and Greater China	213
<i>Voloshina A.V.</i> The CCP and the “Taiwan issue”: 25 years since the third Taiwan strait crisis	241
<i>Klinovsky V.A.</i> Status planning and the development of language rights in British Hong Kong in 1970—1990	265
Summary	277
List of Authors	294

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КИТАЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.48647/c5374-5105-9564-f

Ван Ци

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И КИТАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ

Аннотация. Проблема взаимосвязи между Коммунистическим Интернационалом и китайской революцией является важной темой, затрагивающей историю Коммунистической партии Китая, историю китайской революции, историю китайско-советских отношений, историю международного коммунистического движения и историю международных отношений. После начала политики реформ и открытости в конце 1970-х годов китайские ученые преодолели запреты в академической науке, напряженно работали над этой темой и получили значимые результаты. В год 100-летия Коммунистической партии Китая и 20-летия подписания китайско-российского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве автор провела систематический анализ итогов работы китайских ученых по теме «Коминтерн и китайская революция» на основе китайской научной базы ЧЖИВАН, в которой собраны академические статьи из самых авторитетных научных журналов. Автор проанализировала статьи, написанные на основе подлинных архивных документов, с целью внести некоторую ясность в исторические вопросы, таким образом способствуя процессу научного исследования отношений Коминтерна и Китайской революции. Результаты исследования автор представила в четырех частях: 1) обзор результатов исследований отношений Коммунистического Интернационала и китайской революции на начальном этапе (1919—1927), 2) обзор результатов исследований отношений Коммунистического Интернационала и китайской революции на втором этапе (1927—1935), 3) обзор результатов исследований отношений Коммунистического Интернационала и китайской революции на заключительном этапе (1935—1943), 4) обзор тематических исследований китайских ученых об учреждениях Коммунистического Интернационала по Китаю и деятельности представителей Коммунистического Интернационала в Китае. Цель исследования состоит в усвоении исторических знаний, содейст-

вии продвижению всестороннего стратегического сотрудничества между Китаем и Россией в новую эпоху. Если Китай и Россия будут вместе, они будут выполнять взятую на себя священную миссию быть стабилизирующим фактором мира и развития на планете.

Ключевые слова: Коминтерн, РКП(б), ВКП(б), китайская революция, научные исторические исследования.

Автор: Ван Ци (Ph.D), профессор Цинхуа, исполнительный директор Института стратегического сотрудничества между Китаем и Россией (ИССКР), Университет Цинхуа, Пекин, КНР. E-mail: wq@tsinghua.edu.cn

Wang Qi

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE COMINTERN AND THE CHINESE REVOLUTION: CHINESE SCHOLARS RESEARCH

Abstract. The relationship between the Comintern and the Chinese Revolution is an important subject affecting the history of the Communist Party of China, the history of the Chinese revolution, the history of Sino-Soviet relations, the history of the international communist movement and the history of international relations. After Reform and Opening policy start in the late 1970s Chinese scholars overcame the ban in the academic science and achieved meaningful academic results through skills and hard work in this field. On the occasion of the 100th anniversary of the Communist Party of China foundation and the 20th anniversary of the signing of the Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation Between the People's Republic of China and the Russian Federation, the author conducted a systematic analysis of Chinese scholars research results of the relationship between “the Comintern and the Chinese Revolution” based on the Chinese scientific base ZHIWANG, which presents the collection of academic articles from the most authoritative scientific journals. The author analyzed the articles written on the basis of the original archival documents to clarify many historical issues thus promoting the process of scientific research of the problems of the Comintern and the Chinese Revolution relationship. The author presented the research results in four parts: 1) the review of research results of the Comintern and the Chinese Revolution relationship at the initial stage (March 1919—July 1925); 2) the review of research results of the Comintern and the Chinese Revolution relationship at the second stage (July 1927—July 1935); 3) the review of research results of the Comintern and the Chinese Revolution relationship at the final stage (July 1935—May 1943); 4) the review of conducted by the Chinese scientists case studies of the Comintern institutions and the Comintern representatives activity in China. The purpose of this research is to master the historical knowledge and promote the relationship of China-Russia comprehensive strategic partnership in the new era. As long as China and Russia work closely together, they will fulfill the sacred mission of being a stabilizing factor for world peace and development.

Keywords: Comintern, the R.P.S.U.(B), the VKP(b), Chinese Revolution, scientific historical research

Author: WANG Qi, Ph.D., Senior Professor at Tsinghua University, Executive Director of the Institute of China-Russia Strategic Cooperation at Tsinghua University, Beijing, China. E-mail: wq@tsinghua.edu.cn

Проблема взаимоотношений между Коммунистическим Интернационалом и китайской революцией является важной темой, имеющей отношение к истории КПК, истории китайской революции, истории китайско-советских отношений, истории международного коммунистического движения, истории международных отношений. После начала проведения в Китае политики реформы и открытости в конце 1970-х годов китайские ученые преодолели запреты в науке, интенсивно работали над этой темой и получили значимые научные результаты. Автор обратилась к ресурсам банка данных авторитетных научных журналов Китая ЧЖИВАН (知网)*, который содержит 3352 статьи, собранные с начала 1980-х годов до настоящего времени, освещающие взаимоотношения Коммунистического Интернационала и китайской революции. Отношения Коммунистического Интернационала, РКП(б)/ВКП(Б) и Компартии Китая анализируются в 667 статьях, опубликованных после 1979 г., в том числе в ведущих научных периодических изданиях, диссертациях, материалах конференций и авторитетных газетах. Одновременно автор обратилась к ресурсам банка данных Китайской государственной библиотеки, в которой соответствующие материалы, накопленные с 1980-х годов, находятся в 48 разделах. В них, следуя предложениям Чжоу Эньлая, содержащимся в его докладе «Коммунистический Интернационал и китайская компартия» (июль 1960 г.) [1], история взаимоотношений Коминтерна и КПК подразделяется на три исторических периода — ранний период (март 1919 — июль 1927 гг.), средний (июль 1927 — июль 1935 гг.) и заключительный (июль 1935 — май 1943). Опубликованные в ведущих периодических изданиях статьи, относящиеся к первому периоду и содержащие наиболее репрезентативные точки зрения китайских ученых, представляются для ознакомления российским ученым.

Китайские ученые полностью признают помощь Коминтерна Коммунистической партии Китая и китайской революции на этом историческом этапе, которая проявилась в следующих трех аспектах.

I. Под руководством и с помощью Коминтерна в июле 1921 г. родилась Коммунистическая партия Китая.

1. Коммунистический Интернационал способствовал распространению марксизма-ленинизма в Китае, помог китайским передовым элемен-

---

* Чживан — ведущая китайская информационная платформа научных статей. С текстами упомянутых в данной работе статей можно ознакомиться по адресу: URL: www.cnki.net

там создать первые коммунистические группы и заложил идеологическую и кадровую основу для создания Коммунистической партии Китая — это неоспоримый факт. Результаты исследований по этой теме в основном изложены в следующих работах: Тун Хуа «Пребывание Ли Дачжао в Советском Союзе в 1924 г. и изучение соответствующих материалов» 全华: 1924 年李大钊在苏联的经历及相关文献研究, 2020; Чэнь Сяньчу «О роли Советской России и Коминтерна в истории КПК раннего периода» 陈先初: 论苏俄、共产国际在中共早期历史上的作用 2019; Гэ Кайюн: Переводы материалов о Советском Союзе в журнале «Новая молодежь» в 1923—26 гг.» 葛开勇: 1923—1926 年〈新青年〉与苏联文献翻译, 2018; Чэнь Цзиньлун «Мао Цзэдун и юбилей Октябрьской революции» 陈金龙: 毛泽东与十月革命纪念, 2017; Чэнь Шихуа, Лю Цзин «Обзор деятельности по внешней пропаганде образования КПК» 陈世华、刘晶: 中国共产党成立前后的对外宣传活动述论, 2016; Сяо Шэнь «Лю Цзэжун — инициатор установления контактов между Коминтерном и КПК» 肖牲: 刘泽荣: 中国与共产国际交往的开启者, 2015; Сюй Юаньгун «Историческое исследование источников финансирования деятельности КПК в ранний период» 徐元宫: 中共建党初期活动经费来源的历史考察, 2013; Цэн Юнхун «О роли Коминтерна в период образования КПК» 曾永红: 试论苏联共产国际在中国共产党成立过程中的作用, 2010; Фань Шэньчэн «Роль и направляющая деятельность Коминтерна в ходе оказания помощи по образованию КПК» 苑申成: 共产国际在帮助中国共产党建党中的作用与启示, 2003; Дун Баожуй «Поездка Ли Дачжао в Советский Союз» 董宝瑞: 《李大钊的苏联之行, 2000; Дай Сюэцзи «По пути Октябрьской революции: увеличение числа обучающихся в СССР студентов и китайское революционное движение в 1920—30-х гг.» 戴学稷: 走十月革命的道路——二三十年代的留苏浪潮与中国革命运动, 1989; Сян Цин «Коминтерн и китайская революция в период создания КПК» 向青: 中国共产党创建时期的共产国际和中国革命, 1980 и др.

2. Классическая работа В.И. Ленина «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам», разработанная для Второго конгресса Коминтерна, заложила основы стратегии и тактики Коминтерна по руководству революцией в колониальных и полуколониальных странах и районах. Исследования по этой теме включают следующие работы. Хуан Цзунлянь, Сян Цзотао «Горячая тема и холодный анализ — диалог по исследованию некоторых важных вопросов Ленина и ленинизма» 黄宗良、项佐涛: 热话题与冷思考——关于列宁和列宁主义若干重要问题研究的对话, 2020; Чжун Хай «Распространение и влияние теории Ленина по национальному и колониальному вопросу в Китае в ранний период (1920—1927)» 钟海: 列宁民族和殖民地问题理论在中国的早期传播及其影响 (1920—1927), 2017; Мэнь Сяоцзюнь «О вкладе

Советской России в продвижение мировой революции: под углом зрения принятия КПК ленинской теории по национальному вопросу» 门小军: 论苏俄为推动世界革命所作的贡献——中国共产党接受列宁的民族理论的视角, 2013; Тянь Цзыпой, Ян Жун «Время проникновения в Китай ленинской теории по национально-колониальному вопросу и ее влияние на самых ранних этапах» 田子渝, 杨荣: 列宁民族殖民地问题的理论传入我国的时间与最初影响, 2010; Пэн Шучжи «Теория Ленина по национально-колониальному вопросу в последние годы его жизни: к 60-й годовщине со дня смерти Ленина» 彭树智: 列宁晚年的民族殖民地问题理论——纪念列宁逝世六十周年, 1984.

3. Коминтерн выдвинул стратегию создания единого демократического революционного фронта сотрудничества Гоминьдана и КПК. В начальный и средний периоды Великой революции (конец 1924—1926 гг.) указания Коминтерна и И.В. Сталина в отношении курса и политики КПК были в основном верными. Например, в течение этого периода на 6-м, 7-м, 8-м пленумах Исполкома Коминтерна было принято много решений относительно определения характера, задач, объекта, движущих сил и перспектив китайской революции. Результаты исследований по этому вопросу представлены в следующих статьях. Лю Цзин «Обзор исследований проблемы взаимоотношений между Советской Россией, Коминтерном и Китайским Гоминьданом» 吕静: 苏俄、共产国际与中国国民党关系问题研究综述, 2013; Хуан Ли «Обзор истории отношений Коминтерна, ВКП(б) и ЦК КПК к Северному походу» 黄黎: 共产国际、联共(布)及中共中央对北伐态度的历史考察, 2012; Лю Илун «Гоминьдан в поле зрения СССР и Коминтерна в период Великой революции» 刘遗伦: 大革命时期苏联及共产国际视野中的国民党, 2011; Ло Сюн «Коминтерн и Великая китайская революция — «правда» из газеты «Правда» 罗雄: 《共产国际与中国大革命—真理报》中的“真理”; Сюй Цзиньхой «Советская Россия и инцидент с “таможенными излишками” в Гуанчжоу» 徐静玉: 苏俄与广州关余事件, 2011; Хуан Ли «Коминтерн и китайская революция: несколько вопросов» 黄黎: 共产国际与中国革命的几个问题, 2008; Чжан Тунлэ «Анализ отношений Сунь Ятсена к Советской России», 2007; Чэнь Цзюнь «Первое ходатайство Гоминьдана о вступлении в Коминтерн и причины неудачи» 陈均: 《国民党第一次申请加入共产国际经过及失败原因考察》, 2006; Чжао Чунхуа «Эволюция определяющей идеи Коминтерна об установлении революционной диктатуры в Китае (1926—1927)» 赵崇华: 1926 - 1927 年共产国际对建立中国革命政权指导思想的演变, 2006; Ли Ин «Коминтерн и Китайский Гоминьдан в период Великой революции» 李颖: 大革命时期的共产国际与中国国民党, 2006; Ван Гуанинь «Об историческом вкладе Коминтерна в военное движение КПК в период Великой революции» 王光银: 论大革命时期共产国际对我党军事运动的历史

贡献, 2006; У Цзючжань «Об эволюции позиции СССР и Коминтерна по Северному походу» 吴九占: 论苏联、共产国际对北伐态度的演变, 2004; Ян Куйсун «Сунь Ятсен и КПК: историческое исследование с упором на российский фактор» 杨奎松: 《孙中山与共产党——基于俄国因素的历史考察, 2000; Яо Цзиньго «Первые шаги в изучении вопроса о попытке Гоминьдана вступить в Коминтерн» 姚金果: 对国民党试图加入共产国际问题的初步探讨, 2000; Чжан Вэй «Коминтерн и первое сотрудничество между Гоминьданом и КПК» 张伟: 共产国际与第一次国共合作, 1992; Ли Цзяцзюнь, Лу Цзяньхун «Хроника основных событий, касающихся Коминтерна и Сунь Ятсена (1991 — март 1925 гг.) 李家钧、陆建洪: 《共产国际与孙中山大事年表 (1919—1925.3, 1988; Лю Дэси «Утверждение курса на сотрудничество между Советской Россией, Коминтерном и Сунь Ятсеном» 刘德喜: 苏俄、共产国际与孙中山合作方针的确立, 1986; Хуан Сюзун «Разработка Сунь Ятсеном политики сотрудничества с Россией и КПК и помощь Коминтерна» 黄修荣: 孙中山联俄联共政策的制定与共产国际的帮助, 1983.

Китайские ученые подчеркивают, что Коминтерн способствовал распространению марксизма-ленинизма в Китае и стимулировал рождение руководящего ядра китайской революции — Коммунистической партии Китая, на раннем этапе осуществлял руководство КПК в разработке теоретической платформы и стратегии действий, подготовил большую группу ключевых кадров. Предоставленная Коминтерном финансовая помощь сыграла жизненно важную роль в выживании и развитии КПК. Во время Великой революции Коминтерн поддерживал тесные отношения с китайским Гоминьданом, основной силой, с которой сотрудничала КПК. Под руководством и с помощью Коминтерна прошла реорганизация Гоминьдана. Неоспоримы заслуги Коминтерна и его представителей в победе Национально-революционной армии в Северном походе, которые выразались в предоставлении вооружения и снаряжения, в развитии политической работы, в разработке стратегического курса Северного похода.

В то же время в руководстве китайской революцией Коминтерн допускал и ошибки, проявляя повышенное внимание к китайской буржуазии, Гоминьдану и Чан Кайши в ущерб руководству революцией, особенно руководству вооруженными силами, что привело к поражению Великой революции. Исследования на эту тему проведены в следующих работах. Ян Ян. «Характер режима Гоминьдана в период Великой революции: три интерпретации ВКП(б) и Коминтерна в 1926—1927 гг.» 杨昉: 大革命时期国民党政权的性质——基于1926—1927年联共(布)和共产国际的三次解释, 2019; Лу Ичжи «О Сталине и китайской революции: руководство, влияние и мотивы» 陆轶之: 论斯大林对中国革命的指导、影响及原因2017; «Оценка достижений и промахов представителей Коминтерна в период Великой революции» 刘霞: 大革命时期共产国际代表功过评说,

2014; Ли Чуаньбин «Успехи и промахи Коммунистического Интернационала и его представителей в период Великой революции в Китае» 李传兵: 中国大革命时期共产国际及其代表的功过评析, 2011; Цао Муцин «Правда и ложь о достижениях и промахах Коминтерна в Великой китайской революции» 曹木清: 共产国际对中国大革命的功过是非, 2009; Чжу Хун «Сравнение экономической помощи Советского Союза и Коминтерна Гоминьдану и КПК в период Великой революции» 朱洪: 大革命时期苏联和共产国际对国共两党经济援助之比较, 2007; Цай Ли «Почему Коммунистический Интернационал переоценил революционную природу Гоминьдана» 蔡丽: 共产国际为什么高估了国民党的革命性, 2005; Го Сяоя «Уступки Коммунистического Интернационала и КПК в деле об “упорядочению партийных дел”» 郭晓霞: 共产国际与中共在“整理党务案”上的退让, 2005; Юй Сяохан «Влияние Коммунистического Интернационала на отношения КПК с левой фракцией Гоминьдана в период Великой революции» 郁晓航: 大革命时期共产国际对中共与国民党左派关系的影响, 2002; Чжан Сиюй «Анализ основных причин ошибок Коминтерна в стратегии и тактике китайской революции 1924—1927 гг.» 张希宇: 1924—1927年共产国际关于中国革命政策和策略失误的基本原因探析», 2001; Тан Баолин «Оценка линии Коминтерна в руководстве Великой китайской революцией» 唐宝林: 重评共产国际指导中国大革命的路线, 2000; Мин Юэ «Руководство Коммунистического Интернационала и поражение Великой революции» 明月: 共产国际的指导与大革命的失败, 1998; Су Хан «О теоретических истоках ошибок Коминтерна и Сталина в руководстве Великой китайской революцией» 苏杭: 试论共产国际、斯大林指导中国大革命失误的理论根源, 1996; Лю Гохуа «Стратегия Коммунистического Интернационала для Великой китайской революции». Обзор. 刘国华: 共产国际对中国大革命战略之评述, 1988; Ян Юньжо, Цю Лу «Дискуссии в Коминтерне по китайскому вопросу накануне и после поражения Великой революции», 杨云若、邱路: 大革命失败前后共产国际内部围绕中国问题的争论, 1987; Цюй Хоуфан «Поражение Великой революции в Китае и Коммунистический Интернационал», 曲厚芳: 中国大革命的失败与共产国际, 1987; Ли Шэнпин «О Коммунистическом Интернационале и Китайской революции», 李盛平: 试论共产国际与中国大革命, 1987; Ляо Гайлун «Коммунистический Интернационал и Великая китайская революция» 廖盖隆: 共产国际和中国大革, 1986; Го Цзидун, У Цзяньсы «Коммунистический Интернационал, Советский Союз и поражение Великой китайской революции» 郭纪东、武兼思: 共产国际、苏联与中国大革命的失败, 1985; Ян Юньжо «Коммунистический Интернационал и первая гражданская революционная война в Китае» 杨云若: 共产国际和中国第一次国内革命战争, 1982 и др.

Китайские ученые подчеркивают, что в этот период главными считались «успехи» Коминтерна, а «недостатки» отходили на второй план. Нельзя из-за неудач отрицать успехи Коминтерна, также нельзя из-за его успехов не поднимать вопрос о неудачах. Самые типичные результаты исследований представлены в следующих работах: Лю Шучунь, Тун Сяньго «Анализ отношений Коминтерна и китайской компартии» 刘淑春、佟宪国：共产国际与中国共产党关系评析，2019；Чжу Жуньин «Анализ двойного влияния Коминтерна и представителей ВКП(б) на КПК в период Великой революции» 朱荣英：试析共产国际及联共（布）代表在大革命时期对中国共产党产生的双重影响，2013；Хуан Сюжун «Обзор отношений Коминтерна, ВКП(б) и КПК в ранний период существования партии». 朱荣英：《试析共产国际及联共（布）代表在大革命时期对中国共产党产生的双重影响》，1986.

Проблема поражения Великой революции и ответственности Чэнь Дусю всегда была актуальной темой дискуссий в китайских академических кругах. Некоторые ученые считают, что КПК, будучи отрядом Коммунистического Интернационала, обязана была подчиниться его руководству. Подобные организационные отношения лишали КПК права самостоятельно руководить китайской революцией. Значительные различия между силами КПК и Гоминьдана делали поражение революции неизбежным. К тому же, по своему характеру Чэнь Дусю расходился с «правым оппортунизмом». Самыми репрезентативными работами по этой тематике считаются следующие: Сюй Яньминь «Несколько доводов в пользу того, что Чэнь Дусю не является “правым оппортунистом”» 许艳民：陈独秀不是“右倾机会主义”的几点理由，2010；Ли Яли «Поражение Великой революции и ответственность Чэнь Дусю», 李雅莉：大革命的失败与陈独秀的责任，2010；Ли Мэйли «Ошибки Коминтерна в руководстве в период Великой революции в Китае, вызванные неверными решениями» 李梅丽：程序弊端导致中国大革命时期共产国际的错误指导，2010；Ван Кэмэн «Чэнь Дусю и Коммунистический Интернационал» 王克孟：陈独秀与共产国际，2007；Сяо Гуйцин «Влияние Коминтерна на зигзагообразное развитие политических взглядов Чэнь Дусю в период Великой революции» 肖贵清：共产国际对大革命时期陈独秀政治思想曲折发展的影响2007；Яо Цзиньго «Организационные отношения между тремя сторонами — Коммунистическим Интернационалом, ВКП(б) и КПК в период Великой революции» 姚金果：大革命时期共产国际、联共（布）与中共三者之间的组织关系，2003；Сюй Гуаншоу «Отношения Чэнь Дусю и Коминтерна: от разногласий к уступкам» 徐光寿：陈独秀对共产国际由分歧到屈从，2003；Су Хан «Коммунистический Интернационал, Советский Союз и правоуклонистские ошибки Чэнь Дусю» 共产国际、苏联与陈独秀的右倾错误，2000；Ян Куйсун «Чэнь Дусю и Коминтерн: в то же время поговорим о правом оппортунизме Чэнь Дусю»

杨奎松：陈独秀与共产国际——兼谈陈独秀的“右倾”问题，Мэн Тао-жань «Об отношении Коммунистического Интернационала к правому оппортунизму Чэнь Дусю» 孟陶然：论共产国际与陈独秀右倾机会主义的关系，1990 и др.

Китайские ученые провели глубокий анализ по некоторым специальным темам. Например, «Органы Коминтерна, занимавшиеся Китаем», «Представители Коминтерна в Китае». Стоит отметить такие работы, как: Хуан Ли «Органы Коминтерна и ВКП(б), занимавшиеся Китаем» 黄黎：共产国际、俄共（布）的对华机构；Пэн Вэйянь, Чжан Цзэюй «Исследование отношений между органами Коминтерна и советских спецслужб с КПК на примере Шанхая в 1920—30-е годы», 彭伟妍、张泽宇：共产国际及苏联情报机构与中共关系研究——以20世纪30年代上海为例，2015；Хуан Ли «История из глубин секретных архивов: Дальневосточное бюро Исполкома Коминтерна в 1926—1927 гг.», 黄黎：《秘档深处的历史——1926—1927年的共产国际执委会远东局，2014.

Проведены исследования таких органов Коминтерна, работавших на китайском направлении в первый период деятельности Коминтерна, как: Восточноазиатский секретариат (Шанхай, май 1920 — август 1920 гг.), Секция восточных народов Сибирского бюро ЦК РКП(б) (Иркутск, август 1920 — январь 1921 гг.), Дальневосточный секретариат Коминтерна (Иркутск, март 1921 — май 1922 гг.), Восточный отдел Коминтерна (Москва, декабрь 1922 — март 1926 гг.), Китайская комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) (Москва, март 1925 — март 1928 гг.), Дальневосточное бюро Исполкома Коминтерна (Шанхай, июнь 1926 — апрель 1927 гг.). Китайские ученые отмечают, что Коминтерн непосредственно руководил КПК, начиная с создания коммунистических кружков в ранний период до официального образования коммунистической партии, а также руководил последующей деятельностью партии, ее организационной работой, предоставлял помощь, имел для этого специальные органы. Коминтерн внес большой вклад в дело китайской революции. В то же время под его руководством и руководством его органов были совершены лево- и правоуклонистские ошибки, которые привели к поражению китайской революции. История свидетельствует о том, что китайская революция была невозможна без марксистско-ленинской теории, но марксистско-ленинская теория должна сочетаться с конкретной практикой китайской революции. Только так можно было добиться окончательной победы китайской революции.

Исследование личностей представителей Коммунистического Интернационала в Китае осуществлено в следующих статьях: Ли Сяньян, Ли Линь «В память о забытых — последующая судьба представителей Коминтерна, оказавших влияние на китайскую революцию», 李向阳、李林：为了忘却的记忆——影响中国革命的共产国际代表们的最后命运，

2011; Сюй Шичан «Представители Коминтерна на сцене китайской революции», 徐世强: 活跃在中国革命舞台上的共产国际代表, 2010; Ван Синьшэн «Миссия и задачи Ли Дэ [Отто Брауна] в Китае — новые исследования», 王新生: 李德来华的身份及任务新探, 2009; Ли Шэнпин «Рой и Великая китайская революция», 李盛平: 罗易与中国大革命, 1984; Ли Ган, Гун И «Маринг и первое сотрудничество Гоминьдана и китайской компартии» 李刚、宫义: 马林与第一次国共合作, 1982, а также исследования, касающиеся первого представителя, направленного Коминтерном в Китай Г.Н. Войтинского, участника первого съезда КПК Маринга, советника М.М. Бородина, помогавшего в реорганизации Гоминьдана, М. Роя, раскрывшего Ван Цзинвэю «Майскую инструкцию» Коминтерна, В.В. Ломинадзе, отстаивавшего на совещании 7 августа [1927 г.] вооруженное восстание, Ван Мина, поддерживаемого П.А. Мифом, «властителя» Центрального советского района и Красной армии Ли Дэ [Отто Брауна].

Обобщая все сказанное выше, следует отметить, что китайские ученые добились значительных успехов в исследовании взаимосвязи между Коммунистическим Интернационалом и Великой китайской революцией в первый период (1919—1927) существования Коммунистического Интернационала.

Во-первых, были достигнуты выдающиеся результаты в работе по выявлению, систематизации и переводу исторических материалов, которые уже увидели свет в виде 21-томной серии архивных документов под редакцией Хуан Сюжуна «Коммунистический Интернационал, ВКП(б) и китайская революция» [2]. На пути исследований еще предстоит большая работа, в том числе по переводу, редактированию, обработке и изданию оригинальных исторических документов, переданных Советским Союзом Центральному архиву Китая в 1956 г.

Во-вторых, на основе оригинальных архивных документов удалось прояснить многие исторические вопросы, отличить правду от вымысла. Научные исследования продолжают углубляться и расширяться, обогащая тематику исследований по истории КПК, истории китайской революции, истории китайско-советских отношений, истории международного коммунистического движения, истории международных отношений. В-третьих, растут ряды научных работников, блестяще проявляет себя молодежь, которая продолжает изучение вопроса отношений Коммунистического Интернационала и китайской революции.

Библиографический список

1. Чжоу Эньлай. Гунчань гоци цун чэнли дао цзесань гун цуньцзай эршисы нянь (1919—1943) сань гэ ба нянь : [Двадцать четыре года существования Коминтерна с момента создания до роспуска (1919—1943), три периода по 8 лет].

URL: <http://dangshi.people.com.cn/n1/2019/1101/c85037-31432006.html> (дата обращения: 01.03.2021).

2. Гунчань гоцзи, лянъгун (б) юй чжунго гэмин данъань цзыляо цуншу : [Коминтерн, ВКП(б) и китайская революция. Сборник архивных документов (1917—1943)]. 21 тт. Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 1997—2012. 8 млн иероглифов.

References

1. *Zhou Enlai*. Gongchan guoji cong chengli dao jiesan gong cunzai ershi nian (1919—1943), san ge ba nian [The Communist International existed for 24 years from the foundation to the dissolution (1919—1943), three periods of eight years]. URL: <http://dangshi.people.com.cn/n1/2019/1101/c85037-31432006.html> (accessed: 1 March, 2021) (In Chinese).

2. Gongchan guoji, liangong (bu) yu zhonggong geming dangan ziliao congshu: 1917—1943. Gong 21 juan. [Comintern, All-Russian Communist Party (Bolshevik) and the Chinese revolution. Collection of archival documents: 1917—1943]. 21 vol. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe [Central Literature Publishing House], 1997—2012, 8 mill. characters.

А.Л. Верченко

ГЕНДЕРНЫЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ КПК РАННЕГО ПЕРИОДА (1920-е ГОДЫ)

Аннотация. В статье рассматривается формирование политики КПК по гендерному вопросу в первые годы после образования партии (1921). Углубление изучения позиции КПК в женском движении расширяет перспективы дальнейшего более глубокого анализа истории Китая. В основу гендерной политики партии легли политические установки КПК в женском движении, впервые сформулированные на II съезде КПК в 1922 г. Они состояли в признании важности женского движения, эмансипации женщин и установления равенства полов, предоставления женщинам равных с мужчинами прав в политике, экономике, культуре, образовании и других сферах. Партия рассматривала движение за освобождение женщин не только как проблему гендерного равноправия, но и как часть национально-революционного движения и демократической революции, она ориентировала женщин на активное участие в общественной жизни страны. Первые активистки были выходцами из среды интеллигенции, часто оказывались женами руководящих деятелей партии и работали вместе с мужьями, неся в массы как просвещение, так и идеологические постулаты партии. В партийных организациях были созданы женские отделы, однако расширению работы с женщинами в масштабах всей страны мешала нехватка квалифицированных кадров. КПК предприняла конкретные меры для усиления своего влияния среди женщин из разных социальных слоев: начала выпускать специализированные газеты, рассчитанные в основном на женщин, открыла в Шанхае школу для подготовки кадров женского движения, направляла коммунисток на работу на предприятия, на организацию выступлений женщин в защиту своих экономических интересов, особенно в период подъема стачечной борьбы в начале 1920-х годов.

Ключевые слова: КПК, гендерное равенство, женское движение, женщины-члены КПК, Коминтерн, Гоминьдан.

Автор: Верченко Алла Леонидовна, старший научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН (ИДВ РАН), (Москва).

E-mail: veailan@yahoo.com ORCID : 0000-0002-8718-8338

GENDER PROBLEM IN THE CCP'S EARLY PERIOD POLICIES(THE 1920-S)

Abstract. The article discusses the formation of the CCP gender policy in the first years after the formation of the party (1921). A more detailed study of the CCP position in the women's movement expands the prospects for the further deeper analysis of the history of China. The political guidelines of the CCP in the women's movement were first formulated at the II-d CCP Congress in 1922 and formed the basis of the gender policy of the party. Among those guidelines were: the recognition of the importance of women's movement, women emancipation, gender equality establishment, providing women and men with equal rights in politics, economy, culture, education and other areas. The party considered the women liberation movement not only as a problem of gender equality but also as a part of the national revolutionary movement and the democratic revolution; the party focused its female members on the active participation in the country's social life. The first activists were representatives of intellectuals, they often turned out to be the wives of party leaders and worked alongside with their husbands propagating both educational aspects and party ideological postulates within the society. In the party's organizations, there were established women's units, but the expansion of the work with the women across the country stumbled upon the lack of the qualified personnel. The CCP took specific measures to strengthen its influence among women from various social layers: the party started to issue specialized newspapers targeted predominantly at females, in Shanghai, there was opened a special female training school, female communists were deployed to the enterprises for arranging women economic interests protection actions, especially during the rise of the strike movement actions in the early 1920s.

Keywords: the CCP, gender equality, women's movement, the CCP women-members, Comintern, Kuomintang.

Author: Alla L. VERCHENKO, senior researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).

E-mail: veailan@yahoo.com; ORCID : 0000-0002-8718-8338

Женский вопрос в Китае в начале XX в.

В начале XX в. женское движение в Китае находилось в зачаточном состоянии, что было вызвано объективными обстоятельствами и обусловлено особым отношением к женщинам в стране. Традиционно их воспринимали как часть домашнего хозяйства, призванную служить интересам клана и семьи, обязанную обеспечивать продление рода. Жизнь девочки, жены, невестки была встроена в четко очерченный круг правил поведения, что приводило к подавлению инициативы и потребности в социальной адаптации. Любое, даже самое слабое сопротивление существ-

вующему порядку воспринималось как нарушение установленного предками кодекса поведения, вызывало нарекания со стороны членов семьи, не находило понимания в обществе. Многие женщины внутренне ощущали ограничения личного пространства, но не могли сопротивляться мощной силе обычая. Никакое организованное женское движение с выдвиганием экономических или политических требований в таких условиях не могло возникнуть, хотя в отдельных китайских исследованиях упоминается женское движение в период реформ (1898 г.).

Синьхайская революция, которую китайские историки сравнивают с буржуазными революциями на Западе и в России, не принесла китайским женщинам никаких изменений в их статусе, не привела ни к изменению положения в семье, ни к включению в общественную жизнь и участию в кампаниях за установление равных с мужчинами политических и экономических прав. Временный президент Китайской Республики Сунь Ятсен подписал указы, запрещавшие бинтовать ноги девочкам, заключать браки между малолетними детьми по сговору родителей, брать наложниц. Это были прогрессивные документы, которые могли открыть женщинам путь к участию в жизни общества. В движение за освобождение женщин включились даже некоторые ветви даосизма, которые предлагали решать проблему изменения сознания женщин с помощью духовных практик. Однако последующее развитие внутривнутриполитической ситуации ясно показало, что право решать судьбу женщин, составлявших около половины населения страны, оставалось в руках мужчин. Женщины, богатые и бедные, трудящиеся и домашние хозяйки, — не получили ни реального освобождения в семье, ни права участвовать в общественной или государственной жизни, ни даже обсуждать свои проблемы, тем более принимать по ним решения.

Если руководствоваться общепризнанным определением женского движения как совокупности многих женских организаций с фиксированным и нефиксированным членством, которые активно действуют в обществе с целью удовлетворения интересов различных социальных слоев женщин, а также корректировки государственной политики для достижения гендерного равенства в различных сферах общественной жизни, то в первые два десятилетия XX в. нельзя говорить о существовании в Китае организованного женского движения ни в широком смысле (участие в национальной революции), ни в узком (самоорганизация в союзы и общества с целью достижения равных с мужчинами гражданских и политических прав).

Толчок к развитию движения за права женщин дали «Движение за новую культуру», выдвинувшее лозунги «Демократия» и «Наука», «Движение 4 мая» 1919 г., проникновение марксизма в Китай, а также Октябрьская революция в России. Китайская интеллигенция знакомилась с

идейными и общественными течениями в зарубежных странах, предпринимала попытки перенести их опыт на китайскую почву в поисках путей спасения родины, обновления общества, в том числе по гендерному вопросу. По инициативе англоязычной «Weekly Review» в июле 1919 г. развернулась дискуссия «С чего начинается освобождение женщин?», в ходе которой общественность обсуждала такие аспекты, как эмансипация женщин, их экономическая независимость, образование и самостоятельность, уважение личности, изменения в семейных отношениях, урегулирование трудовых отношений между мужчинами и женщинами. Обсуждение показало, что передовые умы, главным образом либеральная интеллигенция, осознали необходимость изменений сложившегося положения женщин в Китае. Кинематограф также откликнулся на проблему. В 1913 г. китайские режиссеры Чжан Шичуань и Чжэн Чжэнцю сняли фильм «Брачные осложнения» об иррациональности заключения брака по сговору родителей. В том же году появился фильм «Чжуан-цзы проверяет жену», в котором главную женскую роль по традиции по-прежнему исполнил мужчина, но на роль служанки пригласили женщину, что по тем временам было смелым шагом режиссера. Этот период можно считать предтечей движения за эмансипацию женщин (кит.: 妇女解放运动, 女权运动, 女性运动). Расширялась социальная база сторонников равенства полов. Свой голос поднимали и студентки, и работницы, и домохозяйки, — женщины из разных слоев общества. Наиболее активные из них участвовали в пропагандистско-агитационной работе среди населения, писали статьи в газеты и журналы о необходимости освобождения женщин.

Первой партией, которая предприняла шаги по организации женщин, оценив возможность их мобилизации в своих общественно-политических интересах, стал Гоминьдан. Под его эгидой в Китае в начале XX в. создавались женские объединения («Союз женщин», «Новые женщины» и др.), издавались женские газеты и журналы («Газета молодых женщин», «Женская газета», «Ежедневная газета женщин-патриотов», «Женские и семейные вопросы», «Грудь и женщины», «Освобождение женщин»). Примечательно, что редакторами в них часто выступали мужчины, что по-прежнему подчеркивало их гендерное превосходство, показывало, что именно они знают, какую информацию следует доносить до женщин. Пресса в основном освещала сугубо женские проблемы, традиционно замыкая женщину в рамках семьи. Отдельные прогрессивные женщины, в основном из высших слоев общества требовали предоставления политических прав и, в частности, права участвовать в выборных органах власти.

На волне «Движения 4 мая» 1919 г. многие образованные молодые женщины активизировали просветительскую деятельность, вместе с мужчинами пытались нести знания в народ. В ряде педагогических школ (училищ), где занимались девушки, прогрессивные преподаватели реко-

мендовали студенткам читать современную прессу, учили их свободно мыслить и передавать свои взгляды ученикам. В Тяньцзине в 1919 г. по инициативе Лю Цинъян¹ была создана Патриотическая ассоциация женщин, позже вошедшая в общество «Пробуждение», куда на равных условиях принимали девушек и юношей, члены которого помогали ликвидировать неграмотность среди женщин и оказывали помощь женщинам, испытавшим домашнее насилие. Газета «Новый народ», печатный орган одноименного Хунаньского студенческого общества, напечатала изложение речи В.И. Ленина на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г., в которой говорилось об участии женщин в общественной и политической жизни, о праве женщины на получение развода, о борьбе с предрассудками путем пропаганды и просвещения народных масс. Это были вопросы, которые особенно остро стояли в Китае и требовали своего решения.

Существовали группы взаимопомощи, где девушки вместе учились и работали, повышали свой образовательный уровень. В их числе была, например, группа Мяо Боин в Пекине, ставившая целью просветительскую деятельность в целях построения общества, в котором не будет эксплуатации и угнетения, в котором все будут равны. Подобная активность женщин выходила за рамки предписанного женщинам кодекса поведения и рассматривалась как вызов старому, как удар по конфуцианским постулатам и вековым традициям. Женщинам, получившим традиционное воспитание, было гораздо труднее отойти от общепринятых правил поведения, чем женщинам Запада или России, труднее адаптироваться к стремительно происходившим в Китае изменениям. Проявление свободомыслия и самостоятельности нередко заканчивалось полным разрывом с семьей и лишением ее поддержки. Случаи участия женщин в общественной жизни оставались редкостью. Основным направлением их активности в первые десятилетия XX в. была просветительско-педагогическая деятельность, которая позиционировалась ими как составная часть движения за преобразование общества и спасение государства.

Накануне образования компартии. I съезд КПК

Стремительное развитие политических процессов внутри Китая в начале XX в. привели к росту самосознания китайской нации, в первую очередь, представителей интеллигенции и образованной молодежи. Создаются кружки, группы, объединения разной политической направленности.

---

¹ Лю Цинъян (1894—1977) — одна из первых женщин-членов КПК, вступила в партию во Франции в 1921 г., в КНР — зам. председателя Всекитайской федерации женщин, жена Чжан Шэньфу — одного из основателей Коммунистической партии Китая.

сти. Их члены ищут пути обновления оказавшегося в глубоком социально-политическом и экономическом кризисе Китая. В этом отношении практика русской революции и конкретные мероприятия по претворению ее лозунгов в жизнь приобрели для Китая большое значение. Советская Россия была страной, где Китай увидел воплощение социалистической теории на практике, что было крайне существенно для ставивших на первое место практицизм китайцев. Многие прогрессивные молодые интеллигенты обращаются к изучению марксизма, опыта большевиков в России. В Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, Чанша, Ухане, Цзинане формируются коммунистические группы, составившие основу для создания в 1921 г. Коммунистической партии Китая.

КПК, хотя и не сразу, выделила женское движение в отдельное направление работы. На I съезде КПК женское движение не попало в круг обсуждавшихся проблем. Оно не упоминалось ни в Первой программе КПК, ни в единственной резолюции съезда. Выступившие на съезде Чжан Готао (от Пекинской коммунистической группы) и Чэнь Гунбо (от имени Гуанчжоуской коммунистической группы) не поднимали вопрос о работе среди женщин. Съезд принял решение поддерживать контакты по общим вопросам развития и согласования ведения классовой борьбы с III Интернационалом и его Дальневосточным секретариатом, находившемся в Иркутске [1, с. 8]. Хотя I съезд не дал никаких специальных указаний по женскому движению, коммунистические организации на местах начали работу с женщинами, прежде всего с трудящимися женщинами, рассматривая их как часть рабочего класса. Например, возникшая в 1907 г. как суфражистская организация Шанхайская женская федерация была реорганизована в 1921 г. и стала опорной базой распространения коммунистических идей среди женщин. Большое внимание женскому движению уделяли Ли Дачжао, Ли Да, Чэнь Дусю. В ноябре 1921 г. ЦИК КПК выпустил уведомление, в котором предлагал всем местным организациям обратить внимание на проблему освобождения женщин и необходимость работы с ними.

Вопрос об отношении коммунистов к женскому движению в Китае получил освещение в специальном разделе доклада «Коммунистическая партия Китая», подготовленного секретарем китайской секции Дальневосточного секретариата Исполкома Коминтерна (ИККИ) Чжан Тайлэем в июне 1921 г. Доклад был представлен III конгрессу Коминтерна (22 июня — 12 июля 1921 г.), который состоялся еще до официального образования КПК. (Учредительный съезд партии прошел 23 июля — 5 августа 1921 г.). Представляется, что доклад был написан в Иркутске под руководством и влиянием Коминтерна и большевиков, содержал разделы, соответствовавшие направлениям работы, которые должны быть в коммунистической партии, исходя из опыта РКП (б), в том числе о женском дви-

жении. Большевики ориентировали китайских коммунистов на то, что «не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия» [2, с. 186].

В докладе Коминтерну китайский представитель сообщал о том, что в Китае женщины начинают бороться со своим подневольным состоянием, протестуют против давления учения Конфуция, требуют освобождения, вступают в коммунистические организации, выступают как стойкие революционеры, цель борьбы которых — уничтожение капитализма и империализма как препятствия на пути экономического и политического освобождения. Постановка вопроса была актуальной, но утверждать, что женщины осознали важность антиимпериалистического движения, вступают в коммунистические организации и выдвигают политические и экономические требования, было преувеличением. Доклад скорее намечал содержание будущей работы китайских коммунистов в женском движении, которое только предстояло формировать и организационно оформлять. Документы последующих съездов КПК свидетельствуют о значительном влиянии Коминтерна и принятых им документов на политику и реальные шаги китайской компартии в женском движении. Китайские коммунисты внимательно изучали состояние и опыт женского движения в России — с целью определения роли женского движения в национально-освободительной борьбе в Китае и задачи КПК в развитии женского движения.

Чжан Тайлэй информировал Коминтерн о том, что китайские женщины начинают бороться с капиталистической системой. В этом раннем документе прозвучал тезис о том, что в Китае, как и в промышленно развитых странах Запада, женский вопрос должен стать «частью общего вопроса, направленного к освобождению человечества от цепей капиталистического и империалистического рабства». Именно исходя из этой идеи, КПК формулировала свою политику и конкретные шаги в руководстве женским движением.

Что касается упомянутых Чжан Тайлэем женщин, «вступающих в коммунистические организации», то на самом деле таковых были единицы. В Китае самой первой коммунисткой считается Мяо Боин (1899—1929) [3, с. 6—20]. Она начала знакомство с марксизмом в коммунистическом кружке профессора Ли Дачжао в Пекинском университете. Тогда она училась в Высшей педагогической школе (позже переименованной в университет). Мяо Боин приехала в Пекин из Чанша, где окончила педагогическое училище. Ее прогрессивные взгляды сложились под влиянием образованного отца, внедрявшего новые формы обучения, выступавшего за образование для женщин. Директор педагогического училища в Чанша, где Боин училась, Ли Цяосун была сторонницей освобождения женщин и установления гендерного равенства, поощряла стремление студен-

ток к чтению общественно-политических газет и журналов, тогда как во многих школах и училищах ученицам запрещалось свободно собираться, проводить обсуждения и даже бесконтрольно покидать территорию школы. Организованного движения за освобождение женщин в провинции Хэнань еще не было, но благодаря работе таких прогрессивных педагогов, как Ли Цяосун, шла подготовка мыслящих новыми категориями учителей, которые впоследствии передавали прогрессивные идеи подрастающему поколению. Следует отметить, что провинция Хэнань дала немало известных участниц национально-революционного движения и его составной части — движения за освобождение женщин (Сян Цзиньюй², Цай Чан³, Мяо Боин, Ян Кайхуэй) [4]. На формирование коммунистических взглядов Мяо Боин оказал влияние Ли Дачжао. Девушка слушала его лекции по социологии и феминизму, в кружке читала журнал «Новая молодежь», познакомилась с «Манифестом коммунистической партии», работами К. Маркса, В.И. Ленина, материалами об Октябрьской революции, распространяла переводы марксистской литературы, вместе с товарищами участвовала в переводе и издании отдельных глав «Манифеста коммунистической партии» и «Капитала». Она была убеждена, что марксизм — это единственная правильная теория, пригодная для руководства китайским революционным движением, а Октябрьская революция в Советской России указала правильный путь построения идеального общества. Ее деятельность носила пропагандистско-агитационный характер и была направлена на распространение марксистских и коммунистических идей, формирование организованного рабочего движения там, где это было возможно. Мяо Боин всегда показывала лучшие результаты в учебе и оставалась «отличницей» на протяжении своей очень короткой жизни, отдавая всю энергию делу партии, которое она ставила во главу угла, оставляя дом, мужа, детей на втором плане. Она не поднялась до высших ступеней партийного руководства, не оказалась в тени своего мужа — известного деятеля КПК, руководителя рабочего движения Хэ Мэнсюна. Везде, куда ее направляла партия, она демонстрировала самоотверженную работу, в которой совмещала руководящую деятельность в гуще рабочего движения, в организации забастовок и массовых митингов 1920-х годов с политико-просветительской и агитационной работой среди женщин-работниц. Ее деятельность высоко оценивали руководители КПК (например, секретарь Северного ЦК КПК Ли Дачжао).

---

² Сян Цзиньюй (1895—1928) — член КПК с 1922 г., первая женщина в руководстве партии, в 1922 на II съезде КПК избрана кандидатом в члены ЦИК КПК. Первый зав. женотделом ЦИК КПК (1922).

³ Цай Чан (1900—1990) — член КПК с 1923 г., руководитель женского движения, известный деятель международного женского движения. В КНР — Председатель Все-китайской федерации женщин.

Первая резолюция КПК по женскому вопросу

Руководители КПК понимали, что работа с женщинами требовала особых подходов, т. к. будучи угнетенными в течение веков, они были полностью отстранены от общественной жизни. Требовались колоссальные усилия, напряженная просветительская и агитационная работа, чтобы пробить броню безразличия, смирения и покорности, разбудить в женщинах стремление покончить с безысходностью и добиваться улучшения своей жизни. Вопрос об эмансипации женщин был включен в повестку дня следующего после учредительного, II Всекитайского съезда КПК (16—23 июля 1922 г.), который принял первую в истории партии «Резолюцию о женском движении» [1, с. 87—89]. Съезд констатировал, что в Китае трудящиеся женщины испытывают бесчеловечное отношение к ним на производстве, неравенство с мужчинами в оплате труда; в семье значительная часть женщин по-прежнему скована путями феодальных норм, лишена прав в политике и экономике [1, с. 87—89]. Резолюция показала, что для компартии проблема освобождения женщин не ограничивается только гендерными факторами. Фактически был утвержден курс на создание объединенного демократического фронта с участием профсоюзов, крестьянских союзов, союзов торговцев, учителей, студентов, политических женских союзов для участия в национально-революционном движении с целью свержения феодальных милитаристов и империалистического гнета и создания подлинно демократического независимого государства. При этом отмечалось, что КПК должна сохранить свою политическую самостоятельность, проводить собственную линию, в том числе в руководстве женским движением.

В отличие от Гоминьдана КПК с момента образования рассматривала проблему освобождения женщин как глубоко интегрированную в контекст национально-освободительной борьбы, считала ее важным фактором этой борьбы. С первых лет существования КПК ставила задачу добиваться освобождения всех женщин, представлявших разные классы и слои общества. Это было важное положение, подразумевавшее включение в женское движение феминистских групп разной направленности по всему Китаю, объединение их в целях общей борьбы за эмансипацию женщин. Так, в резолюции о женском движении, принятой III Всекитайским съездом КПК (12—20 июня 1923 г., Гуанчжоу), указывалось, что нельзя игнорировать ни девушек, ни замужних женщин, ни женщин-политиков, что не следует акцентировать классовую принадлежность участниц движения, т. е. прилагать усилия для вовлечения в движение как можно большего числа женщин. Сян Цзинььюй отмечала, что женское движение за политические права не должно отказываться от сотрудничества с женщинами-работницами, в противном случае оно обречено на поражение [5]. Ли Дачжао в 1922 г. также подчеркивал важность объеди-

нения разных женских движений, будь то религиозные объединения, сторонники матриархата или борцы за политические свободы, и отмечал, что их объединение послужит целям освобождения всех женщин [6, с.15—18]. Для реализации целей движения за эмансипацию женщин во второй половине 1922 г. в Пекине при участии коммунистов была предпринята попытка созвать Женский национальный конгресс (妇女国民会议).

В соответствии с резолюцией «Об объединенном демократическом фронте», принятой II съездом КПК, началась работа коммунистов с женскими группами других партий, в первую очередь Гоминьдана. КПК широко использовала эту возможность. В отличие от компартии организации Гоминьдана на многих территориях функционировали легально и давали коммунистам возможность проводить в них работу с женщинами. Сотрудничество КПК с Гоминьданом в национальном движении было отличительной чертой начала 1920-х годов. Партия признавала его временным, отвечавшим требованиям момента. Члены КПК на индивидуальной основе вступали в Гоминьдан. Например, руководителем женского комитета Хубэйской провинциальной организации Гоминьдана была член КПК и член Гоминьдана Ли Вэнь⁴. Цай Чан, в 1925 г. вернувшаяся на родину после учебы в СССР, заняла должность заместителя секретаря Женского отдела комитета КПК провинций Гуандун и Гуанси, под руководством Хэ Сяннин⁵ работала в руководстве Женским отделом ЦИК Гоминьдана, заведовала женскими учебными курсами. Еще раньше там начала работать первая коммунистка в провинции Гуандун Гао Тяньбо (1898—1929).

Из документов раннего периода следует, что коммунисты не относились к женскому вопросу как первостепенному. Члены КПК и Социалистического союза молодежи проводили идею о том, что следует стремиться не только к собственному освобождению, но в качестве граждан страны добиваться независимости и освобождения китайской нации. Главными лозунгами КПК в национально-революционном движении того времени были «Долой милитаристов», «Долой иностранных империалистов», и усилия компартии направлялись на организацию партийного руководства женским движением в рамках задач общенационального значения. Женщины участвовали в кампании за созыв Национального собрания, в забастовочном движении, «Движении 30 мая», Северном походе, таким образом внося свой вклад в дело национального освобождения.

---

⁴ Ли Вэнь (1903—1997) — член КПК с 1926 г., деятельница женского движения, жена Ло Инуна. Приехала на учебу в КУТК в 1928 г., участвовала в работе VI съезда КПК.

⁵ Хэ Сяннин (1878—1972) — феминистка, политик, художница, поэтесса, супруга Ляо Чжункая. В Гуандунском правительстве Сунь Ятсена занимала пост зав. женским отделом.

Пути реализации решений КПК

Первые женщины — члены КПК Мяо Боин, Сян Цзиньюй, Ся Чжисю,⁶ Цай Чан по поручению партии работали в женском движении в Пекине, Шанхае, в провинциях Хэнань, Хубэй, Цзянсу и др. Исходя из общих задач КПК в национально-революционном движении, они сосредоточили внимание на понятных для женщин проблемах, агитировали работниц начать борьбу за объединение женского движения по всей стране, ликвидацию старых моральных норм, порабощавших женщин, за равные с мужчинами права в семье, на производстве и в обществе, равенство в профессиональной деятельности, за право наследовать имущество, за свободу заключать и расторгать брак.

В центре внимания женской работы КПК находились работницы, особенно в период подъема стачечной борьбы. В августе 1922 г. под руководством Сян Цзиньюй на Шанхайской шелковой фабрике «Тайлай» прошла забастовка с участием 500 работниц, выдвинувших требования о сокращении рабочего дня, повышении заработной платы, прекращении третирувания женщин. Забастовка была поддержана на других фабриках и закончилась победой. В 1922—1923 гг. в Китае на 60 фабриках бастовало более 30 тыс. человек. Женщины участвовали в 18 забастовках, что было показателем вовлеченности женщин в экономическую борьбу вообще и за свои права, в частности [7, с. 33]. Выдвигались такие требования, как: заключение справедливых контрактов с хозяевами, улучшение условий труда, сокращение рабочего дня, предоставление выходных, обеспечение равной с мужчинами оплаты труда. На собраниях и митингах коммунистки рассказывали о положении женщин в Китае и в других странах, о развитии международного женского движения. Митинговая агитация была наиболее результативной формой работы в стране, где 90 % населения не умели читать, газеты и журналы были им недоступны. Простые китайцы хорошо воспринимали устные выступления. Традиционно на рыночных площадях пересказ литературных произведений или сообщения о последних новостях из уст уличных рассказчиков собирали массы народа. Коммунисты использовали привычный для простых китайцев жанр для устной агитации, проводя митинги и собрания под открытым небом.

Женщины — члены КПК по поручению партии работали в профсоюзном движении, поднимали на забастовки и мужчин, и женщин. В 1922 г. Мяо Боин как секретарь Китайской организации профсоюзов вместе с однопартийцами руководила забастовкой на Пекин-Суйюаньской железной дороге. Кроме того, женщины — члены КПК организовы-

---

⁶ Ся Чжисю (1906—1987) — член КПК с 1923 г., деятельница молодежного женского движения, жена Чжао Шияня.

вали рабочие клубы и вечерние школы, где вели работу по ликвидации неграмотности и повышению общего культурного уровня в среде рабочих (Сюй Цюаньчжи⁷ работала в Аньюаньском клубе горняков, Ван Ичжи⁸ вела работу в среде банковских служащих в Шанхае). Женщины участвовали в сборе средств на различные цели, помогали нуждающимся, работали по линии Красного креста, способствовали созданию больниц для бедных, женских трудовых школ, женских художественных институтов и других учреждений.

Активизировать женское движение были призваны женские отделы, решение о создании которых КПК приняла в 1922 г. на своем II съезде, ориентируясь на соответствующую резолюцию Коминтерна. Первым руководителем Женотдела ЦИК КПК стала Сян Цзиньью⁹. Хотя китайские коммунисты пристально изучали опыт ВКП (б), однако не форсировали введение в организациях КПК женотделов (В Советской России женотделы были организованы в 1919 г.). Представляется, что в то время КПК исторически не созрела для выполнения задач, поставленных перед советскими женотделами: «воспитание женщин в духе социализма и привлечение их к хозяйственному строительству и государственному управлению; координация процессов трансформации институтов брака и материнства, изменение бытовых условий». Тем не менее, КПК продолжала обращаться к опыту Советской России и ВКП (б). Она признавала, что в тот период Советская Россия была единственной страной, где женщины обрели полное равноправие в области политики, экономики и общественной жизни, где они принимали равное с мужчинами участие в практической работе по перестройке общественной системы. Не без влияния советского опыта в программных документах КПК появились идеи об открытии детских воспитательных учреждений, вечерних школ, чтобы дать женщине возможность расширить круг интересов, заниматься не только домашними делами.

КПК начала создавать женские комитеты в партийных организациях на два года раньше Гоминьдана, который приступил к их формированию только в 1924 г. Но их было крайне мало из-за недостатка кадров. Руководство КПК считало, что руководить женскими отделами должны женщины — члены КПК. Однако в 1924 г., например, во всем Китае было 20 коммунисток и 40 членов социалистического союза молодежи, т. е. 60 женщин [7, с. 32], которые могли бы проводить соответствующую рабо-

---

⁷ Сюй Цюаньчжи (1903—1934) — член КПК, деятельница профсоюзного и женского движения, вторая жена Чэнь Танью.

⁸ Ван Ичжи (1901—1991) — член КПК с 1922 г., деятельница женского движения, вторая жена Чжан Тайлэя.

⁹ По другим сведениям, эту должность занимала Ян Цзыле, жена Чжан Готао, который в то время был членом ЦИК КПК.

ту. Недостаток женских кадров в партии тормозил распространение влияния КПК на женскую половину китайского населения и вовлечение в движение действительно широких масс женщин.

Большинство женщин-руководителей женского движения первого поколения пришли в революцию вместе с мужьями-коммунистами (Сян Цзиньюй, Цай Чан, Мяо Боин, Ся Чжисю, Ян Цзыле¹⁰). Они были хорошо образованы, некоторые учились за границей, получили современные общественно-политические знания, стремились применить их на практике для строительства нового государства. Они с полной отдачей работали в рамках объединенного демократического фронта, проводили линию КПК. Женщины выдерживали колоссальные нагрузки. Хотя активистки работали крайне напряженно, их было слишком мало, чтобы сделать работу массовой и эффективной в масштабе всей страны. Их деятельность носила ограниченный характер и замыкалась на Шанхае, провинциях Хунань и Гуандун. КПК выдвинула идею об организации интеллектуального центра для руководства движением и учреждении специальных женских печатных органов или полос в других коммунистических изданиях. Первой газетой, в которой редактором была женщина (Ван Хуэйю), стала «Фунюй шэн» («Голос женщин»). Для нее писали Ли Да, Цай Хэсэнь, Сян Цзиньюй, Шао Лицзы, Шэнь Цзэминь, Шэнь Яньбин. Вскоре в разных городах появились и другие печатные издания: «Китайская женщина» (Пекин), «Женский авангард» (Хунань), «Знаменитые женщины», «Друзья женщин» (Пекин). Свои газеты выпускали общества освобождения женщин в Хунани и Гуандуне. По статистике, с 1922 по 1927 гг. при участии Коммунистической партии Китая издавалось 18 женских газет и журналов, которые пропагандировали политическую линию партии по женскому вопросу, сыграли важную роль в пробуждении сознания женской аудитории [8].

С первых лет существования КПК ставила задачу готовить кадры для женского движения, особенно для руководства движением женщин-работниц. Например, в 1922 г. в Шанхае была открыта Народная женская школа, где студентки одновременно учились и работали [9]. Вероятно, китайские коммунисты решили воплотить в Китае свой опыт во время пребывания во Франции и Германии в области совмещения работы с учебой. Директором школы был Ли Да, его жена Ван Хуэйю руководила Рабочим отделом. В школе преподавали известные деятели коммунистической партии: Чэнь Дусю, Гао Юйхань, Шао Лицзы, Чэнь Вандао, Чэнь Яньбин. Среди учениц школы наиболее известны будущая писательница Дин Лин, ее подруга, первая жена Цюй Цюбо Ван Цзяньхун, вторая жена

---

¹⁰ Ян Цзыле (1902—1994) — член КПК с 1922 г., активистка женского движения, жена Чжан Готоа, по некоторым сведениям, первый руководитель женского отдела ЦИК КПК.

Чэнь Дусю Гао Цзюньмань и Ван Ичжи. Студентки в возрасте от 12 до 30 лет параллельно с учебой работали на фабриках, изучали условия труда и нужды простых тружениц, учились работать в массах. Первая в стране подобная школа не только готовила кадры для руководства женским движением, но и стала местом проведения подпольных встреч коммунистов. Первый опыт был не совсем удачным. Школа просуществовала всего один семестр и была закрыта из-за финансовых трудностей.

В 1926 г. в Гуандуне Гомиьдан и КПК совместно организовали Школу женских кадров, директором которой была Хэ Сянин, заместителем — Цай Чан. Школа работала до разрыва сотрудничества партий в 1927 г. Более 100 студенток, приехавших из разных районов Китая, изучали историю китайского национально-освободительного движения, рабочего движения, крестьянского движения, движения китайских и советских женщин, знакомились с основами марксизма, с положением в международном женском движении. Лекции читали Хуэй Дайин, Дэн Чжунся, Пэй Бай, Дэн Инчао, Тань Пиншань, Чжоу Эньлай, Ф.С. Бородин, супруга Бородина, политического советника ЦИК Гомиьдана (1923—1927 гг.) [10]. Таким образом, принятием «Резолюции о женском движении» КПК заложила основы политики на этом направлении работы, обозначила движение за освобождение женщин не только как чисто гендерную проблему, но и как часть национально-революционного движения и демократической революции, наметила конкретные мероприятия партии по руководству женским движением и приступила к их осуществлению на практике. Хотя в последующие документы КПК [11, с. 125, 226—229] вносились коррективы в соответствии с изменениями во внутривнутриполитической ситуации в стране, общая линия на освобождение женщин и предоставление им всеобъемлющих гражданских прав и свобод, освобождение от классовой и гендерной дискриминации осталась неизменной.

Библиографический список

1. Чжунгун чжуньян вэньцзянь сюаньцзи : [Избранные документы по истории КПК. В 18 т. Т. 1: 1921—1925]. Пекин: Чжунгун чжуньян дансяо чубаньшэ, 1989. 676 с. (На кит. яз.).
2. Ленин В.И. Из Речи на I Всероссийском съезде работниц. 19 ноября 1918 г. // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 37. С. 185—187.
3. Верченко А.Л. История Китая в лицах: первая женщина — член КПК Мяо Боин // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 1. С. 6—20.
4. У Хао. Кэпа дэ хунань жэнь : [Эти удивительные хунаньцы]. URL: <https://books.google.ru/books?id> (обращение: 10.11.2020). (На кит. яз.).

5. *Сян Цзинъюй*. Чжунго фунюй юньдун цзапин (цун лю юэ дао иа юэ) : [Обзор женского движения (с июля по август)]. URL: <https://www.marxists.org/chinese/xiangjinyu/mia-chinese-xjy-19231201a.htm> (обращение: 19.03.2021). (На кит. яз.).

6. *Ли Дачжао*. Сяньдай дэ фунюй юньдун : [Современное женское движение] // Ли Дачжао. Полное собрание сочинений. В 5 т. 2006. Т. 5. С. 15—18. (На кит.яз.).

7. *Чэнь Юэюэ*. Во дан ди и цы нюйцзе тунъи чжаньсянь дэ цзяньли хэ тэ-дьянь : [Первый женский единый фронт: образование и особенности]. Чунцин санься сюэюань сюэбао. 2001 № 4. С. 31—35. (на кит. яз). DOI:10.13743/j.cnki.issn.1009-8135.2001.04.006

8. *Чжоу Тэцзюнь*. Чжунго гунчаньдан ди и гэ гуаньюй фунюй юньдун дэ цзюэи : [Первая резолюция КПК по женскому движению]. URL: http://www.bjsupervision.gov.cn/ywyl/202103/t20210308_73073.html (обращение: 19.03.2021) (На кит. яз.).

9. Чжунго гунчаньдан чуанбань дэ ди и со фунюй сюэсяо: пинминь нюйсяо : [Первая женская школа, основанная КПК: народная женская школа]. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_8071922 (обращение: 04.03.2021). (На кит.яз.).

10. Фунюй юньдун цзянси со : [Школа женского движения]. URL: <http://book.lvezhun.com/whjycd/231967.html> (обращение: 04.03.2021). (На кит.яз.).

11. Документы по истории Коммунистической партии Китая. 1920—1927 гг. // сост. И.Н. Сотникова, А.Л. Верченко. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИДВ РАН, 2021. 652 с.

References

1. Zhonggong zhongyang wenjian xuanji. 18 ce. Di yi ce (1921—1925). [Selected documents of the Chinese Communist Party, in 18 vol.] Beijing: Zhonggong zhongyang dangxiao chubanshe [CCP CC Party School publishing house], 1989, Vol.1, 1921—1925. 676 p. (In Chinese).

2. *Lenin V.I.* Iz Rechi na I Vserossiyskom s"yezde rabotnits. 19 noyabrya 1918 g. [From the Speech at the I All-Russian Congress of Working Women]. Lenin PSS. Izd. 5. Moskva: Izdatelstvo politicheskoy literatury [Political literature publishing house], 1969, Vol. 37, pp. 185—187. (In Russian).

3. *Vercenko A.L.* Istoriya Kitaya v litsakh: pervaya zhenshchina — chlen KPK Myao Boin [Chinese history in faces: the first woman-CCP member Miao Boin]. Vos-tochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: facts and analytics]. 2021, No.1, pp. 6—20. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-6-20.

4. *Wu Hao*. Кепа де hunan ren [Amazing Hunan People], URL: <https://books.google.ru/books?id> (accessed: 10.11.2020) (In Chinese).

5. *Xiang Jingyu*. Zhongguo funv yundong zaping (cong liu yue dao ba yue) [Miscellaneous Comments on the Chinese Women's Movement (from June to August)],

URL: https://www.marxists.org/chinese/xiangjingyu/mia-chinese-xjy-1923_1201a.htm (accessed: 19.03.2021) (In Chinese).

6. *Li Dazhao*. Xiandai de funv yundong. 5 juan. [Modern women's movement] in 5 vol, Beijing: Renmin chubanshe [People's publishing house], 2006, Vol. 5, pp.15—18. (In Chinese).

7. *Chen Yueyue*. Wo dang di yi ci nvjie tongyi zhanxian de jianli he tedian [The CCP's first women's united front: foundation and characteristic], Chongqing sanxia xueyuan xuebao [Journal of Chinese Three Gorges University], 2001, No. 4, pp. 31—35. (In Chinese). DOI:10.13743/j.cnki.issn.1009-8135.2001.04.006.

8. *Zhou Tejun*. Zhongguo gongchandang di yi ge guangyu funv yundong de jueyi [CCP's first resolution on women's movement]. URL: http://www.bjsupervision.gov.cn/ywyl/202103/t20210308_73073.html (accessed: 19.03.2021) (In Chinese).

9. Zhongguo gongchandang chuangan de di yi suo funv xuexiao: pingmin nvxiao [The first women's school founded by the Communist Party of China: Civilian Girls' School]. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_8071922 (accessed: 04.03.2021) (In Chinese).

10. Funv yundong jiangxi suo [Women's Movement school], URL: <http://book.lvezhun.com/whjydc/231967.html> (accessed: 04.03.2021) (In Chinese).

11. Dokumenty po istorii Kommunisticheskoy partii Kitaya. 1920—1927 gg. [Documents of the Chinese Communist Party], sost. I.N. Sotnikova, A.L. Verchenko, 2-ye izd., ispr. i dop., M.: IDV RAN, 2021. 652 p. (In Russian).

Сюй Син

ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ И КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА НА СОЗДАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ

Аннотация. Образование КПК происходило в особых исторических условиях, обусловленных влиянием как внутривнутриполитических, так и международных факторов. Октябрьская революция принесла китайскому народу марксизм-ленинизм, который послужил руководящей теоретической и организационной основой для создания КПК.

Публикация Ли Дачжао в 1918 г. известных трех статей дала толчок к стремительному распространению марксизма. После Октябрьской революции группа передовых интеллектуалов, представленная Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Цюй Цюбо и Мао Цзэдуном, осознала, что Октябрьская революция в России открыла новую эру мировой революции, и сделала правильный выбор — идти по пути Октябрьской революции.

В то время правительство Советской России и Коминтерн под руководством В.И. Ленина выполнили следующие задачи: во-первых, они направили Г.Н. Войтинского (китайский псевдоним У Тинкан), чтобы помочь организовать первые коммунистические группы; во-вторых, они направили в Шанхай представителя Коминтерна Г. Маринга и представителя Дальневосточного секретариата Коминтерна Никольского оказать помощь в созыве «Первого съезда» КПК и создании всекитайской объединенной политической партии, способствовали установлению сотрудничества между Гоминьданом и КПК; в-третьих, они включили КПК в сферу деятельности Коминтерна; в-четвертых, они собрали в Шанхайской школе иностранных языков китайских прогрессивных молодых людей (в том числе Лю Шаоци), которых после краткосрочной подготовки отправили на учебу в КУТВ в Москву, чем помогли подготовить группу революционеров, ставших хребтом недавно родившейся компартии Китая.

Одна из особенностей КПК состоит в том, что в процессе создания она не оказалась под влиянием Второго Интернационала. Резолюция II Всеки-

тайского съезда КПК «признала Коммунистическую партию Китая одной из секций Коминтерна». С самого начала существования КПК была тесно связана с Коминтерном. С момента рождения КПК воплотила в себе китайскую революционную традицию и преимущества рабочего класса, строгие организацию и дисциплину, сильный революционный характер и упор на реальную борьбу. За сто лет борьбы могущество Коммунистической партии Китая быстро выросло, ее влияние продолжает расширяться.

Ключевые слова: КПК, международная обстановка, Октябрьская революция, Коминтерн, марксизм, ленинские принципы партийного строительства.

Автор: Сюй Син, историк, профессор, руководитель докторантов Института государственного управления имени Чжоу Эньлая, Нанькайский университет, Тяньцзинь, КНР. E-mail: ctxuxing77@163.com

Xu Xing

THE INFLUENCE OF RUSSIAN OCTOBER REVOLUTION AND THE COMMUNIST INTERNATIONAL ON THE FOUNDING OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA

Abstract. The CCP was founded at the background of special historic conditions stipulated by the influence of both internal political and international factors. The October Revolution brought Marxism-Leninism to the Chinese people, it served as the guiding theoretical and organizational framework for the CCP foundation.

The publication of Li Dazhao three well-known articles in 1918 pushed the rapid propagation of Marxism. After the October Revolution a group of advanced intellectuals Li Dazhao, Chen Duxiu, Qu Qiubai and Mao Zedong realized that the October Revolution in Russia opened a new era of the world revolution, so they made their right choice to follow the October Revolution path.

At that time the Soviet Russia government and the Comintern led by Lenin fulfilled the following tasks: first, they sent Voitinsky (Chinese pseudonym Wu Tingkang) to assist in organizing the earliest Communist groups; second, they sent the Comintern representative Ma Lin [Maring] and Nikolsky, the representative of the Secretariat of the Comintern Far Eastern Bureau, to Shanghai to help convene the CCP “First Congress” and found a national united political party, they promoted the establishment of first cooperation between the Guomindang and the CCP; third, they included the CCP in the sphere of the Comintern activity; fourth, they gathered together the Chinese progressive young people in Shanghai Foreign Languages School, including Liu Shaoqi, who after a short-term training was sent to Moscow to study at the Communist University of the Toilers of the East (KUTV), thus they helped to train a group of revolutionaries who became the backbone of the newly created Communist Party of China.

One of the CCP’s peculiarities is that in the process of the Party creation it didn’t appear to be under the Second International influence. The resolution of the

Second National Congress of the CCP “recognized the CCP as one of the Comintern parts”. From the first moment of its existence the CCP was closely connected with the Comintern. From the moment of its creation the CCP embodied the working class’ tradition and advantages, strict organization and discipline, strong revolutionary character and emphasis on the real struggle. For the period of 100 years’ struggle the CCP’s potency has rapidly grown and its influence continues expanding.

Keywords: the Communist Party of China, international situation, October Revolution, the Comintern, the Party foundation, Marxism, Lenin’s principles of party building.

Author: Xu Xing, historian, professor, supervisor of doctoral students at Zhou Enlai School of Government, Nankai University, Tianjin, PRC.

E-mail: ctxuxing77@163.com

Образование КПК стало результатом соединения марксизма с революционным движением в Китае. Рождение КПК происходило в особых исторических условиях и было обусловлено как внутривосточными, так и международными факторами. Залпы Октябрьской революции донесли до народа Китая идеи марксизма-ленинизма, ставшие идейным руководством и теоретической основой КПК. Политическая и организационная поддержка Коминтерна, конкретная помощь и руководство со стороны представителей Коминтерна в Китае помогли в подготовительной работе по созданию КПК. Именно благодаря этим историческим факторам особенностью в деятельности КПК со дня ее образования стало то обстоятельство, что она формировалась согласно ленинским принципам партийного строительства, воплощая в себе лучшие специфические черты китайского рабочего класса.

I. Влияние победы Октябрьской революции в России на Китай

С точки зрения международной обстановки, в которой происходило образование КПК, победа Октябрьской революции под руководством В.И. Ленина в 1917 г. оказала большое влияние на народ Китая, искавший пути спасения родины. Она привлекла к себе внимание китайских идеологов и интеллектуалов, многие ведущие печатные издания Китая публиковали тогда новости о революции в России. В 1919—1920 гг. правительство Советской России опубликовало две декларации, в которых заявляло об отказе от привилегий царской России в Китае, об аннулировании неравноправных договоров России с Китаем. Советское правительство намеревалось вернуть китайскому народу все то, что было захвачено в Китае Царской Россией в одиночку, а также совместно с Японией или странами Антанты, и предложило китайскому правительству провести пере-

говоры относительно аннулирования российско-китайского договора 1860 г., выхода Советской России из «Заключительного протокола» от 7 сентября 1901 г., а также из всех русско-японских соглашений, конвенций и договоров по Китаю, заключенных в 1907—1916 гг. Позиция правительства Советской России глубоко потрясла китайское общество, представители всех его слоев наперебой публиковали в печати статьи, в которых единодушно называли решение правительства РСФСР «беспрецедентным в истории человечества», «предтечей справедливости и гуманности», само правительство Советской России образно сравнивали с «юной девушкой, стремящейся к справедливости и гуманности», а рабочих, крестьян и солдат Советской России считали «самой дорогой сердцу частью мирового человечества». Победа Октябрьской революции воодушевила передовую часть китайского общества, способствовала ее переосмыслению судьбы своей страны, постепенному отходу от концепции «Британия и Америка наши учителя» и переходу к концепции «Россия — наш учитель». Октябрьская революция также способствовала распространению и практическому применению в Китае марксистско-ленинского учения. Социальные условия и задачи революции в России и в Китае были в чем-то схожи, например, и там, и там долгое время господствовал феодализм, и там, и там имела место бедность. Эти обстоятельства обусловили быстрое восприятие передовой частью китайского общества идей ленинизма, близких к реалиям Китая. Как точно отмечал Мао Цзэдун, «залпы Октябрьской революции стали уроком коммунизма для мирового пролетариата, для других прогрессивных людей» [1, с. 4—5].

Октябрьская революция кардинально изменила взгляды китайских политиков и идеологов, о чем свидетельствуют, в частности, три статьи Ли Дачжао с пропагандой идеи социализма, опубликованные в 1918 г., что привело к широкому распространению марксизма в Китае. В своей работе «Сравнение французской и русской революций» Ли Дачжао описывает Октябрьскую революцию в России и Французскую буржуазную революцию как две различные по своей природе революции. На митинге в Пекине Ли Дачжао выступает со своей знаменитой речью «Победа простолудинов» и тогда же пишет статью «Победа большевизма». В этой статье он исследует связь между завершением Первой мировой войны и Октябрьской революцией в России и начинает анализировать судьбу собственной страны с позиции пролетарского мировоззрения. Ли Дачжао вскрыл сущность империализма, рассказал об огромном значении Октябрьской революции, описал перспективы мирового революционного развития, воспел Октябрьскую революцию, назвав ее «новой эрой мировой революции, новой эрой пробуждения человечества». Он ясно называл победу Октябрьской революции «победой большевизма», а про большевистскую партию говорил, что «большевики основывают свою деятель-

ность на учении немецкого экономиста, социалиста Маркса». Ли Дачжао пророчески восклицал: «Отныне и повсюду будет реять победное знамя большевизма. Повсюду будет звучать триумф большевизма. Пробил час гуманизма! Взошла заря свободы! Мир будущего будет миром красного знамени!» [2, с.117].

Усилиями таких прогрессивных интеллигентов, как Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Ли Да в Китае с 1918 г. росло число печатных изданий и статей, пропагандировавших идеи марксизма и Октябрьской революции. Кроме журнала «Синь циннянь» и еженедельника «Мэйчжоу пинлунь», статьи о марксизме, переводы трудов Маркса, Энгельса, Ленина также публиковали «Цзюэу» — приложение шанхайской «Миньго жибао», «Сюэдэн» — приложение шанхайской «Шиши синьбао», «Цзинбао» — приложение пекинской «Чэньбао», шанхайская «Чжунхуа синьбао», «Газета тяньцзиньского союза студентов». В издании «Синь шэхуэй» (редакторы Цюй Цюбо и Чжэн Чжэньдо) также публиковались статьи с пропагандой идеи социализма. Под влиянием сообщений об Октябрьской революции и пропаганды ее идей некоторые передовые китайцы создавали объединения, нацеленные на исследование нового общества, новых идей Советской России, а некоторые решительно настроенные китайские интеллигенты даже хотели отправиться в Россию, чтобы увидеть все своими глазами. Так, в августе 1920 г. в Чанша Мао Цзэдун, Хэ Шухэн организовали Общество исследования России. Они заявили, что главная цель этого Общества — «исследование всего, что касается России», и наметили три задачи, стоящие перед Обществом: «1) исследовав все, издать серию книг о России; 2) направить своих представителей в Россию для изучения ситуации на месте; 3) поощрять совмещение своими представителями учебы и работы в России» [3]. Многие китайские газеты писали об этом. Так, пекинская «Чэньбао» опубликовала сообщение под заголовком «Направлять людей в Россию на учебу», а также информировала о встрече ответственного лица Шанхайской всекитайской федерации профсоюзов Чжан Цзяня с русским представителем в Шанхае, рассказала о маршруте следования в Россию, финансовых расходах для совершения такой поездки, сроках изучения в России тех или иных специальностей и т. д. [4]. Помимо Чанша общества исследования России возникали и в других местах Китая. Например, коммунистическая группа в провинции Гуандун организовала Школу русского языка, целью которой было «исследование России», «исследование современных идейных течений», «исследование мировой литературы для народа». В пекинской школе иностранных языков учился Цюй Цюбо. В октябре 1920 г. он решил поехать в Советскую Россию, чтобы изучать ситуацию на месте. В период своего пребывания в РСФСР Цюй Цюбо подготовил новостные сообщения для пекинской «Утренней газеты» общим объемом 160 тыс. иероглифов и написал две

книги: «Путевые записки о новой России» и «Впечатления о красной столице». Цюй Цюбо стал первым представителем Китая, изучавшим на месте ситуацию в Советской России, первым автором объемных сообщений об обстановке в Советской России после Октябрьской революции и первым китайцем, приглашенным преподавать в московском Коммунистическом университете трудящихся Востока.

После Октябрьской революции целый ряд передовых китайских интеллигентов, в числе которых были Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Цюй Цюбо, Мао Цзэдун, не только убедились в силе идей марксизма и в силе пролетариата, но и испытали новые надежды на освобождение китайской нации. Эти интеллигенты осознали, что Октябрьская революция «это и есть новая эра мировой революции, новая эра пробуждения человечества. И мы в своем мрачном Китае, мертвом Пекине ощущаем ее светлый луч, который как маленькая яркая звезда в глубоком мраке, освещает путь новой жизни человечества» [5]. В конечном счете эти интеллигенты сделали правильный выбор и вступили на путь, открытый Октябрьской революцией. Именно по этому поводу Мао Цзэдун заметил: «Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм. Октябрьская революция помогла передовым людям всего мира, в том числе и Китая, пересмотреть свои проблемы, применяя пролетарское мировоззрение в качестве орудия для изучения судеб своей страны. Идти по пути русских — таков был вывод» [6, с. 460].

Сделав вывод о необходимости идти по пути русских, передовые китайцы начали широко распространять и изучать идеи Ленина. Как сообщало 1 сентября 1921 г. «Жэньминь чубаньшэ», издано «Полное собрание сочинений Ленина» в 17 томах и будет подготовлено более полное собрание сочинений, в которое войдут переводы работ Ленина, опубликованные в ряде прогрессивных изданий. Масштаб пропаганды ленинских идей не уступал пропаганде идей Маркса и Энгельса. Целый ряд китайских интеллигентов, которые начали формироваться как коммунисты, восприняли идеи Ленина об осуществлении революции насильственным путем, о демократической диктатуре рабочих и крестьян, о критическом отношении к реформизму. Эта русифицированная теория марксизма сыграла важную роль в успешном ведении вооруженной революционной борьбы в Китае, а ленинская теория о национальном вопросе в колониях, ленинские принципы партийного строительства, указания Коминтерна по китайскому вопросу, две Декларации советского правительства, обращенные к Китаю, глубоко воодушевили первых китайских марксистов и повлияли на их взгляды, стали теоретическим руководством в деле создания КПК. Создание КПК на ленинских принципах партийного строительства было неизбежным выбором эпохи.

II. Деятельность представителей Коминтерна в Китае ускорила рождение КПК

Партия большевиков во главе с Лениным очень внимательно относилась к вопросам китайской революции, рассматривая революционную борьбу угнетенных наций как составную часть международного коммунистического движения и активно поддерживая эту борьбу. Созданный в марте 1919 г. в Москве Коминтерн отслеживал ход антиимпериалистической, антифеодальной борьбы в странах Востока, в особенности в Китае, и оказывал большую помощь этой борьбе политически, организационно и финансово. После образования Коминтерна его представители были направлены в Китай, чтобы на месте руководить процессом создания партии китайских коммунистов и оказать им конкретную помощь, ускорив таким образом рождение КПК.

Основные направления работы правительства Советской России, возглавляемого Лениным, и Коминтерна в деле создания КПК:

1. Помощь в создании первых коммунистических групп в Китае

В апреле 1920 г. иностранный отдел Дальневосточного бюро РКП(б) направил из Владивостока в Китай своих представителей, в частности Г.Н. Войтинского (китайский псевдоним У Тинкан), для ознакомления с развитием революционной ситуации в Китае после «Движения 4 мая». Вместе с Войтинским в Китай отбыли М.Ф. Кузнецова, И.К. Мамаев и находившийся в России китаец, член РКП(б) Ян Минчжай. Сначала группа Войтинского прибыла в Пекин, где встречалась с Ли Дачжао, а затем направилась в Шанхай к Чэнь Дусю. Изучив ситуацию на месте, Войтинский счел, что в Китае может быть создана коммунистическая партия [7, с. 27]. Его мнение в определенной степени способствовало созданию КПК. Весной 1921 г., оказав помощь в создании коммунистических групп в Шанхае, Пекине, Войтинский отбыл в Россию.

2. Помощь в проведении I съезда КПК и налаживании первого сотрудничества Гоминьдана и КПК

В июне 1921 г. в Шанхай прибыли представитель Коминтерна Г. Маринг и представитель секретариата Дальневосточного бюро Коминтерна В.А. Нейман (Никольский). Они оказали помощь в проведении I съезда КПК, на котором была создана единая всекитайская партия коммунистов, а также способствовали налаживанию сотрудничества Гоминьдана и КПК. После прибытия в Шанхай Маринг и Никольский установили связь с членами уже действовавшей там коммунистической группы Ли Да и Ли Ханьцзюнем. По воспоминаниям Ли Да, Маринг и Никольский предложили им созвать всекитайский съезд коммунистов и провозгласить на нем создание Коммунистической партии Китая. После этого Ли Да направил письма в региональные коммунистические группы с предложением направить на съезд в Шанхай по два делегата от каждой группы

[7, с. 27]. Согласно архивным записям, «открытие съезда было назначено на 20 июня, однако фактически оно состоялось только 23 июля, когда в Шанхай добрались делегаты из Пекина, Ханькоу, Гуанчжоу, Чанша, Цзинани и из Японии» [7, с. 35]. На съезде присутствовали представитель Коминтерна Маринг и представитель секретариата Дальневосточного бюро Коминтерна Никольский.

После окончания I съезда КПК Маринг продолжал оказывать помощь КПК. Так, Чэнь Дусю был освобожден из-под ареста только после того, как Маринг, задействовав нужные связи, пустил в дело несколько тысяч юаней, выделенных Коминтерном для КПК. Кроме того, Маринг активно способствовал налаживанию сотрудничества между только что созданной КПК и Гоминьданом, для чего в декабре 1921 г. отправился в Гуйлинь к Сунь Ятсену. В июле 1922 г. Маринг направил доклад в Коминтерн, в котором предложил, чтобы китайские коммунисты шли в Гоминьдан для ведения политической работы, но не отказывались при этом от своей партийной самостоятельности. Коминтерн принял предложение Маринга и поручил ему руководить этим направлением деятельности КПК. В августе 1922 г. Маринг снова встретился с Сунь Ятсеном в Шанхае и передал ему мнение Коминтерна по поводу сотрудничества Гоминьдана и КПК, в связи с чем Сунь Ятсен принял решение о «союзе с Россией, о союзе с КПК» и реорганизации Гоминьдана. В январе 1923 г. Коминтерн принял решение о переводе Маринга на работу в Дальневосточное бюро Коминтерна и в октябре 1923 г. он был отозван в Россию, а правительство СССР направило в Китай других представителей, в частности М.М. Бородина для ведения серьезной работы по налаживанию сотрудничества Гоминьдана и КПК.

3. Привлечение китайских делегатов к участию в форумах Коминтерна

Коминтерн привлек китайских делегатов для участия в работе II Конгресса Коминтерна, открывшегося в июле 1920 г. (Лю Шаочжоу и Ань Эньсюэ были официальными китайскими делегатами, а первые китайские студенты в Советской России присутствовали в качестве наблюдателей). Коминтерн также пригласил китайских делегатов для участия в работе открывшегося в январе 1922 г. I съезда коммунистических и революционных организаций народов Дальнего Востока (в работе этого форума от КПК участвовали Цюй Цюбо, Чжан Готао, от Гоминьдана — Чжан Цюбай). II съезд КПК принял решение о вступлении китайских коммунистов в Коминтерн. После одобрения Коминтерном КПК стала одной из его ячеек.

4. Помощь только что родившейся КПК в деле подготовки революционных кадров

В апреле 1921 г. согласно декрету ВЦИК РСФСР началась подготовка к созданию в Москве на базе Восточных курсов при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР Коммунистического универ-

ситета трудящихся Востока (КУТВ). Сначала КУТВ подчинялся Народному комиссариату просвещения РСФСР, а впоследствии был переподчинен непосредственно ЦК РКП(б)/ВКП(б). Дальневосточный отдел Коминтерна постоянно поддерживал связь с КУТВ, который с самого начала своей деятельности решал две задачи: во-первых, подготовка национальных кадров для восточных регионов Советской России и, во-вторых, подготовка кадров для стран Востока с учетом всех особенностей революционного развития в этих странах с целью содействия мировой пролетарской революции. В свете решения этих задач в КУТВ бесплатно получали марксистско-ленинское теоретическое образование и проходили политическую подготовку представители нацменьшинств из восточных регионов Советской России/СССР и студенты из таких стран Востока, как Китай, Япония, Корея, Индия.

Большой вклад в деятельность Коминтерна по подготовке китайских революционных кадров внес Ян Минчжай. Ранее в России он вступил в партию большевиков, после Октябрьской революции был направлен партийной организацией в Москву на учебу. Весной 1920 г. Ян Минчжай сопровождал группу Войтинского в Китай и активно помогал Войтинскому в Пекине, Шанхае устанавливать связи с китайскими коммунистами. В сентябре 1920 г. Шанхайская коммунистическая группа поручила Ян Минчжаю возглавить Школу иностранных языков, в частности для того, чтобы готовить там китайских студентов к поездке на учебу в Советскую Россию. Большинство студентов этой Школы были из числа китайских коммунистов, а преподавали в этом учебном заведении главным образом члены шанхайской коммунистической группы и педагоги из Советской России. Так, русский язык преподавали сам Ян Минчжай и жена Войтинского Кузнецова (на должность преподавателя русского языка была также приглашена Ван Юаньлин), японский язык преподавал Ли Да, французский — Ли Ханьцзюнь, английский — Ли Чжэньин. По сути дела, эта Школа, в которой упор делался на преподавание русского языка и базовых знаний теории социализма, стала «колыбелью» для китайских коммунистов, направлявшихся на учебу в Советскую Россию.

В период с марта до мая 1921 г. шанхайская школа иностранных языков направила на учебу в Советскую Россию три группы студентов, в числе которых были Лю Шаоци, Жэнь Биши, Ло Инун, Сяо Цзингуан. В Москве эти студенты были зачислены в китайскую группу КУТВ и изучали философию, марксистскую политэкономию, научный социализм. В составе «китайской группы» КУТВ первого набора было человек 30—40, в их числе Лю Шаоци, Жэнь Биши, Ло Инун, Ван Ифэй, Юй Сюсун, Сяо Цзингуан, Пэн Шучжи, Жэнь Цзоминь, Ван Шоухуа, Кэ Цинши, Цао Цзинхуа, Ху Шилян, Жэнь Юэ, Чэнь Вэйжэнь, Цзян Гуанцы, У Фан. Преподавателем был Цюй Цюбо. Первые китайские сту-

денты в Советской России были в основном выпускниками руководимой шанхайскими коммунистами Школы иностранных языков. После учебы в КУТВ продолжительностью от одного года до трех лет многие китайские студенты стали последовательными марксистами. Первые китайские студенты начали возвращаться в Китай в 1922 г. Они не только стали одними из первых членов КПК, но и сыграли важную роль в руководстве рабочим, молодежным движением, в организационном развитии КПК, в пропаганде теории марксизма-ленинизма, в культурном обмене между Китаем и зарубежными странами. Например, после возвращения в 1922 г. в Китай Лю Шаоци возглавил забастовку рабочих в Аньюане, будучи руководителем Клуба железнодорожников и шахтеров Аньюаня и ответственным лицом объединенного профсоюза рабочих металлургической компании «Ханьпин». Впоследствии Лю Шаоци был избран заместителем председателя Всекитайской федерации профсоюзов, стал одним из руководителей «движения 30 мая» и Сянган-Гуанчжоуской забастовки, стал одним из выдающихся вождей руководимого КПК китайского рабочего движения. После возвращения в Китай Ло Инун стал секретарем районного комитета партии провинций Цзянсу и Чжэцзян, совместно с Чжоу Эньлаем руководил тремя восстаниями рабочих в Шанхае. После возвращения в Китай Сяо Цзингуан и Ван Ифэй стали известными военными деятелями.

Именно благодаря политическому руководству и организационной помощи со стороны руководимого Лениным советского правительства и со стороны Коминтерна Коммунистическая партия Китая родилась, развивалась и окрепла. Влияние Октябрьской революции в России и помощь Коминтерна, сыгравшие роль внешнего ускорителя образования КПК, сыграли очень большую роль в истории КПК.

III. КПК формировалась в соответствии с ленинскими принципами партийного строительства

КПК формировалась после Октябрьской революции в соответствии с ленинскими идеями и принципами партийного строительства, под руководством Коминтерна (III Интернационала), без негативного влияния II Интернационала.

Создавая коммунистические группы, первые китайские марксисты уже тогда обсуждали ленинские идеи и принципы партийного строительства, в связи с чем издаваемый шанхайской коммунистической группой ежемесячник «Гунчаньдан» еще до I съезда КПК опубликовал на своих страницах десятки статей и заметок по вопросам партийного строительства. В 1920—1921 гг. такие марксисты, как Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Мао Цзэдун, Цай Хэсэнь, Дун Биу, Чжан Шэньфу, Ли Ханьцзюнь обсуждали принципы партийного строительства. Общество «Синьминь» издало три

выпуска «Сборников писем членов общества “Синьминь”», в которых были опубликованы 38 писем Мао Цзэдуна с полученными на них ответами, 14 писем Цай Хэсэня с ответами, содержащими глубокие рассуждения о партийном строительстве. Так, характеризуя будущую политическую партию, авторы писем отмечали, она будет «зачинателем, вождем, авангардом, боевым отрядом революционного пролетарского движения, нервным центром пролетарского движения» [8, с. 49—50]. Проанализировав лучшие качества пролетариата и специфику китайского рабочего класса, авторы писем утверждали, что будущая коммунистическая партия станет авангардом пролетариата. В письме Мао Цзэдуну Цай Хэсэнь писал: «Считаю, что преобразование Китая будет происходить в полном соответствии с принципами и методами марксизма» [8, с. 50—51]. В ответном письме Мао Цзэдун резюмирует: «Исторический материализм есть философская основа нашей партии, это учение о фактах, в отличие от рационализма, который нельзя подтвердить, но можно легко опровергнуть» [9, с. 4]. Эти высказывания свидетельствуют о том, что первые китайские марксисты, такие как Цай Хэсэнь и Мао Цзэдун, имели четкие представления о характере будущей компартии, считали ее руководящими идеями марксизм.

В те годы ряд европейских социал-демократических партий были подвержены влиянию II Интернационала и утверждали, что нет необходимости в партийном единстве и партийной дисциплине, отрицали необходимость внутривнутрипартийной самокритики и внутривнутрипартийной борьбы, и наоборот, выступали за либерализм и беспринципное примиренчество, допускали существование внутри партии различных идейных течений и фракций и даже отрицали руководящую роль партии в профсоюзах и других рабочих организациях. Ленин решительно боролся с этой идеологией, его принципы партийного строительства и его учение о партийном строительстве представляли собой развитие учения Маркса и Энгельса о пролетарской партии. Ключевыми моментами ленинского учения о партийном строительстве были следующие: пролетарская партия должна быть передовым, сознательным, организованным боевым отрядом пролетариата, должна строиться на принципах демократического централизма, должна реализовывать диктатуру пролетариата, должна быть центральной и руководящей силой, осуществляющей великую историческую миссию перехода к коммунизму; пролетарская партия должна быть сплоченной и единой организацией, сохраняющей тесную связь с народными массами; должна последовательно развивать критику и самокритику, допускать необходимую внутривнутрипартийную борьбу; у пролетарской партии должны быть выдающиеся вожди; в пролетарской партии должна быть строгая, железная дисциплина, в своей деятельности пролетарская партия

должна использовать научные методы, должна следовать принципу «практика — критерий истины»¹.

Отличительной особенностью процесса создания КПК явилось то, что II Интернационал не повлиял на этот процесс. КПК была создана после банкротства идеологии социал-демократии и ревизионизма II Интернационала и в соответствии с ленинскими идеями и принципами партийного строительства. В принятой I съездом КПК «Первой программе КПК» была ясно указана необходимость «соединиться с III Интернационалом», содержался тезис о том, что «наша партия использует форму советов для организации трудящихся рабочих и крестьян, солдат для пропаганды коммунизма, признает социальную революцию своей главной политической установкой; решительно разрывает все связи с «желтой» интеллигенцией, с другими партиями и группировками подобного толка». В «Первой программе КПК» было также определено, что члены КПК обязаны признавать Программу, и что «перед вступлением в наши ряды необходимо разорвать все связи с теми партиями, группировками и блоками, которые пытаются выступать против программы КПК» [10, с. 2]. На II съезде КПК была принята «Резолюция о вступлении Коммунистической партии Китая в III Интернационал», в которой говорилось о «признании Коммунистической партии Китая секцией Коминтерна» [10, с. 17]. Такой подход с момента создания КПК идейно и организационно обеспечил ее тесную связь с Коминтерном.

Однако, помимо следования ленинским принципам партийного строительства, создание КПК характеризовалось также приверженностью традициям китайской революции, признанием специфических преимуществ китайского рабочего класса. Со дня своего образования КПК отличала жесткая организация, строгая дисциплина, высокая степень революционности и боевитости. КПК сосредоточила внимание на практической борьбе, в течение столетия этой борьбы сила и влияние КПК неуклонно возрастали, что обеспечило исторический взлет китаизированной теории марксизма, составляющей главное преимущество и главное специфическое отличие КПК от других политических партий.

Библиографический список

1. Мао Цзэдун цзай ци да дэ баогао хэ цзянхуа цзи : [Доклад и выступления Мао Цзэдуна на VII съезде КПК. Сборник]. Пекин: Чжунъян чубаньшэ, 1995. 270 с.
2. Ли Дачжао. Буэршивэйкэ шэнли : [Ли Дачжао. Победа большевизма] // Ли Дачжао сюаньцзи : [Избранные произведения Ли Дачжао]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1959. 570 с.

---

¹ Эти идеи Ленина отражены в таких работах, как: «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?», «Что делать?», «Шаг вперед, два назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

3. Дагунбао (Чанша). 23 августа 1920 г.
4. Чэньбао (Пекин). 18 сентября 1920 г.
5. *Ли Дачжао*. Синь цзюань. (Новая эра). Мэйчжоу пинлунь. № 3. 5.01.1919.
6. *Мао Цзэдун*. Лунь жэньминь миньчжу чжуаньчжэн : [О демократической диктатуре народа] // Мао Цзэдун сюаньцзи. 4 т. (Мао Цзэдун. Избранные произведения в 4 т.). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1991. Т. 4. С. 1123—1517.
7. Чжунго гунчаньдан дэ цзюши нянь. Синь миньчжучжуи гэмин шици : [Девяносто лет КПК. Период демократической революции]. Пекин: Чжунгун данши чубаньшэ, Данцзянь дуу чубаньшэ, 2016. 354 с.
8. *Цай Хэсэнь* вэньцзи : [Цай Хэсэнь. Собрание сочинений]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1980. 850 с.
9. *Мао Цзэдун* вэньцзи. 8 цэ : [Мао Цзэдун. Собрание сочинений в 8 т.]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1993. Т.1. 513 с.
10. Цзянь дан илай чжунъяо вэньсянь сюаньбянь (1921—1949) : [Сборник важных материалов с момента образования КПК. 1921—1949]. 26 т. Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 2016. Т.1. 536 с.

References

1. Mao Zedong zai qi da de baogao he jianghua ji [Mao Zedong's report and speeches at the 7th Congress of the CCP]. Beijing: Zhongyang cubanshe (Central Committee of the CPC Publishing house), 1995. 270 p. (In Chinese).
2. Li Dazhao. Buershiweizhuyi shengli [Li Dazhao. The Victory of Bolshevism] // Li Dazhao xuanji [Selected works of Li Dazhao], Beijing: Renmin chubanshe, 1959. 570 p. (In Chinese).
3. *Dagongbao* (Changsha), 23 August, 1920. (In Chinese).
4. *Chenbao* (Beijing), 18 September, 1920. (In Chinese).
5. *Li Dazhao*. Xin jiyuan [New Era], *Meizhou pinglun*, No 3, 5 January, 1919. (In Chinese).
6. *Mao Zedong*. Lun renmin minzhu zhuanzheng [On the People's Democratic Dictatorship] // *Mao Zedong xuanji* [Selected Works of Mao Zedong], 4 Vol., Beijing: Renmin chubanshe, 1991, Vol. 4. P. 1123—1517. (In Chinese).
7. Zhongguo gongchandang de jiushi nian. Xin minzhuzhuyi geming shiqi [CCP's Ninety Years. The Period of the New Democratic Revolution], Beijing: Zhonggong dangshi chubanshe, Dangjian duwu chubanshe, 2016. 354 p. (In Chinese).
8. Cai Hesen wenji [Collected Works of Cai Hesen], Beijing: Renmin chubanshe, 1980. 850 p. (In Chinese).
9. *Mao Zedong wenji* [Collected Works of Mao Zedong], 8 Vol., Beijing: Renmin chubanshe, 1993, Vol. 1. 513 p. (In Chinese).
10. Jian dang yilai zhongyao wenxian xuanbian (1921—1949) [Selection of Important Documents Since the Founding of the Party (1921—1949)], 26 Vol., Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 2016, Vol. 1. 536 p. (In Chinese).

Т.Г. Герасимова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ ЧЭНЬ ЮНЯ (1905—1995)

Аннотация. Статья посвящена персоналии китайского государственного и политического деятеля, авторитетного влиятельного экономиста, ветерана Компартии Китая, тепло относившегося к СССР и его народу, невзирая на трудные периоды советско-китайского взаимодействия. В новейшей истории Китая имя Чэнь Юнь напрямую связано с мерами по оживлению экономики, разрушенной гражданской войной 1946—1949 гг., курированием им ведущегося с помощью Советского Союза строительства 156 крупнейших промышленных объектов в 1950-е годы. Ему принадлежит разработка первого пятилетнего плана в КНР (1953—1957), под его влиянием шло социалистическое строительство в КНР. Чэнь Юнь занимал должности заместителя премьера Госсовета Китайской Народной Республики (1954—1972, 1976—1987), заместителя председателя ЦК Коммунистической партии Китая (1956—1987).

В деятельности Чэнь Юнь раскрывается принципиальная верность теории и практике марксистской политэкономии, научного коммунизма и пролетарского интернационализма как в годы правления Мао Цзэдуна, так и на первом этапе «политики реформ и открытости» (1978—1992). Наряду с этим Чэнь Юнь осознавал необходимость связи экономики с развитием «социалистической духовной цивилизации».

Талантливый экономист-стратег, убежденный сторонник централизованного планирования, Чэнь Юнь многократно указывал, что «начиная экономическое созидание», следует выступать против концепции восстановления абсолютно всего, что оказалось разрушенным, и в первую очередь восстанавливать важнейшие для государства объекты экономики. Он считал, что развитие производства необходимо сделать центральной задачей КПК на все годы. Во имя решения этой задачи Чэнь Юнь предпринял немало эффективных усилий по возрождению национальной экономики.

В Китае исторические заслуги Чэнь Юнь оцениваются очень высоко. Его имя неизменно указывается среди выдающихся пролетарских революционеров старшего поколения рядом с Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем, Лю Шаоци, Чжу Дэ и Дэн Сяопином. На XIX съезде КПК Си Цзиньпин назвал его лидером старшего поколения, который « всю свою жизнь посвятил на

циональному освобождению китайского народа, делу реформ, открытости и модернизации страны, завоевавшим высокий авторитет, всеобщее уважение и в Китае, и за его пределами».

При изучении биографии политика использовались российская и зарубежная литература, первоисточники и материалы интернет-ресурсов.

Ключевые слова: Чэнь Юнь, Китай, новейшая история, образование КНР, КПК, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, пролетарские революционеры старшего поколения, строительство нового Китая.

Автор: Герасимова Татьяна Григорьевна, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (Москва). E-mail: gerta48@mail.ru

T.G. Gerasimova

CHEN YUN'S (1905—1995) HISTORICAL PATH

Abstract. The article is dedicated to the biographical research of the Chinese statesman and politician, authoritative and influential economist, the oldest veteran of the CCP, who treated the USSR and its people warmly despite difficult periods in the Soviet-Chinese interaction. In Chinese Contemporary History Chen Yun's name is directly related to the revitalization measures of the economy ruined by the Civil war 1946—1949, his supervision of the construction of 156 largest industrial objects in the 1950-s, which was carried out with the URSS help. He made the first five-year plan in the PRC in 1953—1957, under his influence the socialist construction took place in the PRC. Chen Yun worked as a vice premier of the PRC State Council (1954—1972, 1976—1987), vice-chairman of the CCP Central Committee (1956—1970).

In Chen Yun's activity there appears some principal loyalty to the theory and practice of Marxist political economy, scientific communism and proletarian internationalism during both Mao Zedong's years of government and policy and at the first stage of "reform and openness policy" (1978—1992). Besides, Chen Yun realized the necessity of the connection between the economy and the "socialist spiritual civilization".

Talented economist-strategist, a convinced supporter of the centralized planning, Chen Yun pointed out multiple times that while "starting the economic creation" it is necessary to stand up against the conception of reconstruction of all that turned out to have been ruined; first, it's necessary to reconstruct the objects of the economy, the most important for the state. He thought that the production development is to become the CCP central task for the further time. To fulfill that task Chen Yun made a number of effective efforts of the national economic revival.

Chen Yun's historical merits are highly appreciated in China. His name is inalterably indicated among the outstanding proletarian revolutionaries of the older generation next to that of Mao Zedong, Zhou Enlai, Liu Shaoqi, Zhu De and Deng Xiaoping. At the XIX CCP Congress Xi Jinping called him an older generation leader, who "all his life dedicated to the national liberation of the Chinese, to the cause of reforms, openness and modernization of the country, who gained high credibility, general respect both in China and out".

In the research the author used Russian and foreign literature, original sources as well Internet resources.

Keywords: Chen Yun, China, Contemporary History, the PRC formation, the CCP, Mao Zedong, Deng Xiaoping, biography, proletarian revolutionaries of the older generation, modernization, New China construction.

Author: Tat'yana G. GERASIMOVA, senior researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow). E-mail: gerta48@mail.ru

Приступая к исследованию биографии, хочется обратить внимание, что единственная история, которая не поддается фальсификации, это — история личная, история человека. И поэтому история, которая прослеживается через биографию человека, имеет больше признаков достоверности. Мы не найдем лучшего учебника истории, чем рассмотрение биографий людей талантливых и незаурядных, людей — носителей цивилизационной этики и культуры, огромного знания, творчески устремленных.

Обращение к яркой фигуре одного из героев китайской революции и социалистического строительства, видного политического и государственного деятеля Чэнь Юня это прежде всего обращение к истории Китая, к истории коммунистического движения, к истории социально-экономической жизни страны нового и новейшего времени.

В плеяде первых китайских революционеров-марксистов, высших руководителей старшего поколения, чья самоотверженная деятельность привела в 1949 г. к народно-демократической революции и провозглашению Китайской Народной Республики, Чэнь Юнь был одним из пионеров и основателей социалистического экономического строительства Китая, беззаветно преданных Коммунистической партии Китая.

Вся жизнь этого человека, как и многих пролетарских революционеров, была отдана борьбе за дело рабочего класса и его партии, за национальное и социальное освобождение китайского народа. Судьба страны накрепко переплелась с личной судьбой Чэнь Юня, как у многих влиятельных руководителей КПК. В его жизни слились воедино и самоотверженная революционная борьба, и трагизм сложной и противоречивой эпохи. Ему — профессиональному революционеру, активному участнику многих ключевых событий новейшей истории Китая пришлось испытать опалу и немилость со стороны и власти, и своих соратников.

Имя Чэнь Юня в российской и зарубежной историографии неизменно указывается среди выдающихся пролетарских революционеров старшего поколения как одно из «восьми бессмертных КПК», таких, как Дэн Сяопин, Пэн Чжэнь, Ян Шанкунь, Бо Ибо, Ли Сяньнянь, Ван Чжэнь, Сун Жэньцзюнь¹.

---

¹ В Китае они назывались «восемь великих высокопоставленных чиновников», имевших значительную власть в 1980-е — начале 1990-х годов XX в. В начале 1990-х

Чэнь Юнь родился 13 июня 1905 г. в уезде Цинпу (район Шанхая) провинции Цзянсу, рано лишился родителей. В 7 лет пошел в школу, но из-за отсутствия денег бросил учебу и не имел возможности получить систематическое образование. Работал в лавке, пока директор школы, которому он понравился за сообразительность, не разрешил ему продолжать учебу бесплатно. В 14 лет окончив начальную школу, Чэнь начал познавать экономические законы дикого капитализма, грубо говоря, на себе. В 15 лет он поступил на работу в шанхайское книжное издательство, выпускающее учебники, журналы, научную и художественную литературу. Это был хороший шанс для самообразования.

Ранние годы Чэнь Юня во многом определялись значимыми историческими событиями и атмосферой того времени. Октябрьская революция в России, приход к власти большевиков и установление советского строя отразились на развитии Китайской Республики. Коммунистический Интернационал (КИ) способствовал распространению идей марксизма-ленинизма в Китае. В период 1919—1921 гг. распространение научного социализма в Китае приобрело довольно широкий размах. К августу 1920 г. в Китае было издано 16 работ, пропагандирующих марксистские идеи, в том числе в Шанхае в переводе на китайский язык вышел «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. С юношеских лет Чэнь вступил на путь борьбы за освобождение китайского народа от гнета иностранных империалистов, национальной феодально-милитаристской и компрадорской реакции. Он жил в эпицентре зарождавшегося коммунистического движения — в Шанхае, где началась его революционная деятельность, участвовал в «Движении 4 мая 1919 г.», был одним из организаторов событий «Движения 30 мая», положивших начало революции 1925—1927 гг.

В январе 1925 г. в обстановке роста рабочего движения и подъема национально-освободительной борьбы открылся IV съезд Коммунистической партии Китая. Компартия имела шанс превратиться в массовую пролетарскую партию, левые тенденции усиливались. КПК возглавлял Чэнь Дусю — из плеяды первых китайских коммунистов. В 1925 г. Чэнь Юнь вступил в ряды КПК и многие годы потом был членом ЦК КПК и его Политбюро. По воспоминаниям советского дипломата, китаеведа О.Б. Рахманина, Чэнь Юнь был одним из немногих руководителей КПК, который пришел в революционное движение из рабочего класса [1].

В 1925—1926 гг. в Шанхае и некоторых других крупных городах нарастало профсоюзное забастовочное движение, носившее антиимпериали-

---

годов, однако, они стали терять свои позиции в политбюро и правительстве. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

стический характер (прежде всего в английской колонии Гонконг). В 1926 г. вместе с Лю Шаоци (одним из основателей КНР) Чэнь Юнь выступил организатором объединенных шанхайских профсоюзов, а в 1927 г. участвовал в восстаниях шанхайских рабочих. В этот период Чэнь Юнь под псевдонимом «товарищ Ляо» был одним из организаторов знаменитого шанхайского восстания. В Шанхае тогда он познакомился с коммунистом, членом ВКП(б) М.И. Сладковским [1]. Подполье, конспиративные явки, постоянная опасность, вера в коммунистическое будущее сблизили этих людей. Их встреча и через 20 лет в Маньчжурии была очень теплой².

После подъема национального антиимпериалистического движения 1925—1927 гг. и последующего кризиса в революционном лагере КПК перешла на позиции оппозиционной силы, противостоящей «националистам» и нацеленной на завоевание политической власти в стране. В Китае началась гражданская война, коммунисты уходили из городов в сельские районы, где создавали «революционные базы» и отряды Красной армии. В 1931 г. на IV пленуме ЦК КПК 6-го созыва Чэнь Юнь был избран членом ЦК КПК и вошел в когорту вождей. На V пленуме в 1934 г. он стал членом Политбюро ЦК КПК и с этого времени находился в первых партийных рядах.

В 1932—1933 гг. Чэнь Юнь был направлен на революционную опорную базу в провинции Цзянси, куда нелегально перебрался и где стал членом руководящего штаба профсоюзов советского района. Остатки революционных войск, ушедших в сельские районы, сливались с местными крестьянскими отрядами и превращались в крупные боевые единицы. Комиссаром и фактическим лидером этой небольшой повстанческой армии стал Мао Цзэдун. В тот период среди проявивших себя будущих военачальников войск КПК (Пэн Дэхуай, Хэ Лун, Фан Чжиминь) был и Дэн Сяопин, успевший к тому времени поработать и поучиться во Франции. К 1933 г. в рядах китайской Красной армии состояло уже около 300 тыс. человек.

Гоминьданом было организовано несколько антикоммунистических походов (так называемые карательные походы Гоминьдана), в результате которых войска КПК потерпели поражение и были вынуждены начать стратегическое перебазирование в Северо-Западный Китай. В 1934—1935 гг. Чэнь Юнь участвовал в Северо-Западном (Великом) походе Красной армии Китая, был представителем ЦК партии в 5-й армейской группировке.

В ходе Великого похода Красной армии в январе 1935 г. в Цзуньи состоялось расширенное совещание Политбюро ЦК КПК, на котором Мао

---

² М.И. Сладковский долго был на партийной работе, потом перешел на научную — стал первым директором академического Института Дальнего Востока, членом-корреспондентом Академии наук СССР. Это был партийный деятель и выдающийся ученый.

Цзэдун сделал важный шаг к тому, чтобы стать лидером КПК. На совещании в Цзуньи Чэнь Юнь поддержал линию Мао. В задачу Чэнь Юня входило информирование Коминтерна о совещании в Цзуньи и событиях Великого похода. Когда неожиданно связь с шанхайской радиостанцией, захваченной гоминьдановцами, прекратилась, то в Москву в составе делегации КПК в КИ был направлен Чэнь Юнь. Он добрался туда в последний день работы VII конгресса Коминтерна. Подготовил доклад для ИККИ о Великом походе и совещании в Цзуньи. В Коминтерне благоприятно восприняли информацию о вхождении Мао Цзэдуна в группу ведущих руководителей КПК, тем более что еще до получения этих сведений имя Мао Цзэдуна на конгрессе называлось в числе выдающихся деятелей коммунистического движения [2, с. 324].

Информация, которую Чэнь представил в Коминтерн о борьбе с левацкой линией в КПК на совещании в Цзуньи, укрепила доверие Коминтерна к Мао Цзэдуну и способствовала становлению нового руководящего ядра ЦК КПК во главе с Мао Цзэдуном. Чэнь Юнь никогда не посягал на верховенство Мао. Весной 1935 г. он руководил работой партии в районах, контролируемых Гоминьданом, а летом был направлен в Шанхай для восстановления подпольной работы КПК. Его заметки о Великом походе были изданы в СССР.

В 1935—1937 гг. Чэнь Юнь был направлен на учебу в СССР, где в Международной ленинской школе, находившейся под эгидой Коминтерна и предназначавшейся «специально для обучения среднего и высшего кадрового состава как КПК, так и других иностранных коммунистических партий», начал изучать экономику, хотя и исключительно по работам Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина [3, с. 74].

Чэнь Юнь преподавал в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), был членом делегации ЦК КПК в Коминтерне, где и получил счастливую возможность горстями черпать бесценный опыт мирового коммунистического движения. Это очень помогло ему в будущем: когда в 1937 г. Чэнь Юнь вернулся в Китай, он сразу же был назначен заведующим организационным отделом ЦК КПК, одновременно руководил финансово-экономической работой. По оценке О.Б. Рахманина, не каждому удастся совместить качества парторганизатора и экономиста [1]. В дальнейшем Чэнь настойчиво занимался самообразованием, а после провозглашения Китайской Народной Республики постигал экономику социализма на практике³.

В эти годы Чэнь Юнь много сделал для ознакомления международной общественности с героической борьбой китайского народа. По воспоминаниям китаевода Ю.М. Галеновича, с приезда в Москву до послед-

---

³ URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Den-Syaopin.29.html>

них дней своей жизни Чэнь Юнь всегда был неизменным и искренним другом нашей страны [4]. По возвращении из Москвы в феврале 1937 г. в течение года Чэнь Юнь работал в составе делегации КПК в Синьцзяне.

7 июля 1937 г. началась война, которую в Китае называют Войной сопротивления китайского народа японским захватчикам. Стойкость Китая способствовала снижению военной угрозы со стороны Японии для СССР. Первостепенным на китайском направлении оказалось объединение сил Гоминьдана и КПК против внешнего врага. Борьба за единый антияпонский фронт позволила коммунистам вернуться в города.

В 1944 г. Чэнь Юнь был назначен заместителем начальника Северо-Западного финансово-экономического управления, занимавшегося работой на территории пограничного района Шэньси—Ганьсу—Нинся.

В апреле 1945 г. в Яньане был созван VII съезд КПК, провозгласивший в качестве основы деятельности партии наряду с марксизмом-ленинизмом идеи Мао Цзэдуна («китаизированный марксизм»). В августе 1945 г. Чэнь Юнь избран кандидатом в члены секретариата ЦК КПК. В том же году Советская Красная армия вступила в Северо-Восточный Китай и вместе с частями НОАК разгромила Квантунскую армию, что ускорило завершение антияпонской войны.

В 1946 г. Чэнь Юнь — один из руководителей Северо-Восточного бюро КПК в Маньчжурии, которая имела особое значение для победы коммунистов в гражданской войне. Северо-Восточный Китай, представлявший собой наиболее развитый в индустриальном отношении регион страны, фактически являлся экономическим придатком Японии, которая в 1930—1940-е гг. превратила его в свою военно-промышленную базу на оккупированной китайской территории, в плацдарм для завоевания Китая и подготовки к войне с Советским Союзом [2, с. 484, 611—614].

После победы в антияпонской войне Чэнь Юнь работал в качестве заместителя секретаря Северо-Восточного бюро ЦК КПК, секретаря Южно-Маньчжурского отделения бюро ЦК КПК, был заместителем политкомиссара Северо-Восточной демократической объединенной армии и Ляодунского военного района, председателем Дунбэйского финансово-экономического комитета, военным комендантом г. Шэньяна.

Чэнь Юнь на своих высоких постах всегда поддерживал тесные связи с командованием Советской Красной армии, активно продолжал сотрудничать с М.И. Сладковским, бывшим в то время советником маршала Василевского по экономическим вопросам. Это сотрудничество продолжалось и после освобождения Советской армией Северо-Восточного Китая, когда при содействии Чэнь Юня первые советские специалисты были приглашены в Северо-Восточный Китай для восстановления разрушенных японцами мостов и железнодорожных путей [4].

Под его руководством были начаты восстановительные работы на железных дорогах и предприятиях Дунбэя. Несколько тысяч кадровых работников во главе с Чэнь Юнем были направлены в Шэньян и другие промышленные центры для организации управления, восстановления порядка, проведения революционных преобразований и налаживания хозяйственной жизни на освобожденных от гоминьдановцев территориях на юге Маньчжурии.

В Маньчжурии в то время велись переговоры о передаче КПК трофейного японского оружия и снаряжения, захваченных во время Второй мировой войны Красной армией. С китайской стороны этими делами занимался Чэнь Юнь, получивший на этом поприще громадный хозяйственный опыт [1].

Программа экономического строительства в регионе была разработана Чэнь Юнем и другим видным деятелем Компартии Китая Чжан Вэньтянем (на тот момент членом Постоянного комитета и заведующим отделом Северо-Восточного бюро ЦК КПК). Были подготовлены «Тезисы о структуре экономики Северо-Востока и основном курсе в экономическом строительстве» (сентябрь 1948 г.) [2]. Ставилась задача развития на Северо-Востоке государственного капитализма, который в новодемократической экономике должен, в свою очередь, направлять развитие частнокапиталистического уклада на принципах добровольности и взаимовыгоды при подписании контрактов с капиталистами.

В октябре 1948 г. Чэнь Юнь был избран председателем Всекитайской федерации профсоюзов и находился на этом посту до 1953 г. Деятельность Чэнь Юня в этот период нуждается в более глубоком освещении в историографии.

Противоречия между Гоминьданом и КПК после разгрома милитаристской Японии привели к возобновлению гражданской войны. Советский Союз оказал действенную поддержку китайским коммунистам. КПК позиционировала себя как носителя прогрессивных социальных идей. Гоминьдан воспринимался Компартией Китая как объединение коррумпированных бюрократов, опиравшихся на помощь «империалистов». Победа КПК в гражданской войне в условиях поддержки Коммунистической партии со стороны демократических сил — партий и общественных организаций — создали необходимые предпосылки для провозглашения 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики.

Разрушения в ходе многолетней войны и коррумпированное правление Гоминьдана стали причиной сокращения производства, нехватки материальных ресурсов, серьезной инфляции и роста цен, повсеместной дезорганизации китайской экономики. Народная власть ощущала глубокий финансовый дефицит, испытывала огромные трудности в обеспечении единства управления финансово-экономической работой в масштабах всего Китая.

9 мая 1949 г. Чэнь Юнь направился в Пекин, чтобы возглавить центральное направление финансово-экономической работы. На другой день после прибытия в Пекин Чэнь Юнь вместе с Чжу Дэ и Лю Шаоци провел совещание, продолжавшееся до конца мая, на котором обсуждались вопросы создания финансово-экономических органов от центра до местного уровня.

Образование Центральной финансово-экономической комиссии в середине июля 1949 г. стало событием, знаменовавшим начало руководства Коммунистической партией Китая финансово-экономической деятельностью в масштабах всей страны. Как раз тогда Чэнь Юнь заявил: «Сегодня наша работа — это уже не работа в масштабах одного района или одной воинской части, это работа в интересах 475 млн человек, работа в масштабах всей необъятной страны» [5].

После образования КНР Чэнь Юнь активно включился в строительство нового Китая на посту заместителя премьера Государственного административного совета. Делать все приходилось в непростой обстановке и впервые. Создав Центральную финансово-экономическую комиссию Государственного административного совета Центрального народного правительства КНР, он добился обеспечения единства управления финансово-экономической деятельностью, навел порядок в этой сфере, способствовал восстановлению имеющих важное значение объектов национальной экономики, упорядочению торгово-промышленного хозяйства. Чэнь Юнь подходил к делу творчески. В процессе руководства Финансово-экономической комиссией он постепенно взял на себя полноту ответственности за обеспечение единства управления финансово-экономической работой в масштабах всего Китая. Все это позволило заложить надежную основу для успешного старта финансово-экономического направления в новом Китае. В октябре 1950 г. его избрали членом секретариата ЦК КПК. Ко второму полугодю 1950 г. частное торгово-промышленное хозяйство было в основном переведено на рельсы государственного капитализма, число действующих торговых организаций значительно превысило число закрывшихся, многие предприятия переставали быть убыточными, становясь доходными, наметилась тенденция к рационализации структуры производства. Началось всестороннее возрождение национальной экономики [5].

С июня по сентябрь 1950 г. Чэнь Юнь провел 36 общекитайских специализированных совещаний. На них была детально представлена статистическая оценка производственного потенциала государственного и частного секторов по всем отраслям экономики. Изучена текущая ситуация в сфере производства и сбыта на внутреннем и внешнем рынках страны. Определены конкретные меры по упорядочению производства, структу-

ры продукции, отношений между государственным и частным секторами, соотношения производства и сбыта продукции в торгово-промышленном хозяйстве. Правильная экономическая политика быстро дала плоды.

В первые годы КНР была проведена земельная реформа. С 1952 г. Чэнь Юнь непосредственно занимался проблемами индустриализации. Он вел переговоры с СССР по программе экономической помощи КНР, занимался программой централизованных сельскохозяйственных закупок и распределением продуктов в городах, указывая, что развитие сельского хозяйства является основой экономики⁴. В августе в составе делегации во главе с Чжоу Эньлаем Чэнь Юнь посетил Советский Союз. В ходе визита обсуждались вопросы дальнейшего развития советско-китайского сотрудничества. В этот период с помощью СССР в КНР создавалась промышленность, закладывались основы целых отраслей современной науки, развивалась социалистическая культура. Чэнь Юнь прекрасно понимал все трудности перехода от гоминьдановского Китая к построению социалистического Китая. Он постоянно стремился учитывать китайскую специфику в социалистическом строительстве, с интересом изучал опыт развития экономического строительства в СССР, способствовал укреплению дружеских отношений между двумя странами. Включившись в крупномасштабное сотрудничество с СССР, Чэнь Юнь в этот период непосредственно курировал проект реконструкции и строительства с помощью Советского Союза «156 производственных объектов» КНР [4; 6, с. 74]. Отметим, что немалая заслуга Чэнь Юня, стоявшего у истоков этого грандиозного события в экономике⁵, заключалась также в создании благоприятной для сотрудничества обеих стран атмосферы. В процессе подготовки и реализации этого проекта Китай и Советский Союз демонстрировали взаимное уважение и взаимопонимание, шли на договоренности конфиденциального характера и в итоге добились высоких результатов. Восстановление и развитие экономики Китая, по мнению некоторых ки-

---

⁴ Жилкибаев С.Н. «Красный технократ»: очерк политэкономических идей Чэнь Юня // 40 лет экономических реформ в КНР / сост. П.Б. Каменнов; отв.ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 121-122.

⁵ Представляют интерес записи бесед по экономическим вопросам посла СССР в КНР Н.В. Рощина с премьер-министром КНР Чжоу Эньлаем и председателем Финансово-экономического комитета Чэнь Юнем, показывающие процесс выработки экономических документов, условий предоставления кредита Китаю и определения объема поставок его натурального возмещения СССР. Интересны Приложения 1 и 3 о контактах на высшем уровне, о дополнительном кредите, а также о помощи СССР в восстановлении Китая. См.: Русско-китайские отношения в XX веке: Документы и материалы: Т. V: Советско-китайские отношения. 1946 — февр. 1950 г.: Кн. 2: 1949 — февр. 1950 г. / РАН, Ин-т Дальнего Востока, Мин-во иностранных дел РФ; отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники ист. мысли, 2005. (520 с.) С. 204—206, 220—224, 227, 285.

тайских историков, позволило существенно изменить политическую и экономическую ситуацию в мире, укрепить лагерь социализма, возглавляемый Советским Союзом [7].

Данные, приведенные в докладе Финансово-экономического комитета КНР от 9 февраля 1952 г., функционировавшего до сентября 1954 г. под руководством заместителя премьера Государственного административного совета КНР Чэнь Юня, говорят о положительных результатах советской помощи [6, с. 75].

С именем Чэнь Юня были связаны разработка и реализация первого пятилетнего плана развития народного хозяйства страны (1953—1957 гг.). Чэнь был убежденным сторонником централизованного планирования⁶. Разработка первого пятилетнего плана началась еще в 1951 г. под руководством Чэнь Юня и Чжоу Эньлая. Однако сложность политической и экономической ситуации в стране в начале 1950-х годов, отсутствие опыта плановой работы, аморфность определения социально-экономической стратегии развития страны задерживали составление плана.

Тесное сотрудничество КНР и Советского Союза продолжалось в течение «десятилетия дружбы» (1949—1960 гг.). В этот период советско-китайских отношений установилась тесная дружба Чэнь Юня с И.В. Архиповым — руководителем большой группы советских специалистов, работавших в Китае в первое десятилетие после образования КНР. Он был одним из основателей Общества китайско-советской дружбы [4].

В 1953 г. Чэнь занимался проведением денежной реформы на основе паритетного обменного курса при дальнейшем усилении с 1954 г. централизованной государственной системы ценообразования и торговли, что было начато еще в 1949 г. [8, с. 122].

По предложению Чжоу Эньлая в 1954 г. Чэнь Юнь стал заместителем премьера Госсовета КНР и председателем Центрального финансово-экономического комитета, позже занимал должности министра торговли и председателя комитета по капитальному строительству [2, с. 816]. При личном участии Чэнь Юня в течение короткого времени были решены вопросы инфляции, сбалансированы рыночные цены.

Утверждение реально выполнимого среднесрочного плана развития национальной экономики Китая стало важным шагом на пути решения основных задач индустриализации, предусмотренных генеральной линией КПК на переходный период.

В конце 1950-х годов ухудшились отношения Пекина с Москвой, что сопровождалось нарастающей идеологической полемикой и отзывом советских специалистов из КНР. Чэнь Юнь в трудные годы советско-

---

⁶ От одного капитализма ко многим. URL: <https://thelib.info/ekonomika/1026663-ot-odnogo-kapitalizma-ko-mnogim-8-stranica/>

китайских отношений, несмотря на то, что высшие китайские руководители забыли дорогу в советское посольство, в очередную годовщину Октябрьской революции посетил торжественный прием в Посольстве СССР в КНР, где вновь встретился с М.И. Сладковским [4].

* * *

В сентябре 1956 г. на VIII съезде КПК, подводившем итоги социально-экономических преобразований в стране, выступление Чэнь Юня имело важное значение. Он озвучил концепцию «трех главных» (государственные и коллективные предприятия, централизованный план и государственный рынок) и «трех вспомогательных» (частные и индивидуальные предприятия, свободный обмен излишков вне плана, частный рынок, ограниченный государством) социалистической экономики КНР, чему впоследствии он останется верен до конца жизни [8, с. 120—121]. Заявляя о проблемах экономики после радикальной национализации, он впервые выдвинул идею о соотношении плана и рынка, об основных и вспомогательных функциях государственного регулирования экономики страны.

По мнению Чэнь Юня, в области промышленности и торговли следует сочетать государственно-коллективный сектор с частным, причем первый должен играть главную роль, а второй — служить дополнением; в области планирования основная роль принадлежит государству, а дополнительная — рыночному регулированию; что касается социалистической экономики в целом, следует взаимно сочетать плановую экономику и рыночную, при этом плановая экономика должна главенствовать, а рыночная — выступать в качестве дополнения. Чэнь Юнь говорил о том, что в производственной и хозяйственной деятельности на торговых и промышленных предприятиях, а также при планировании промышленной и сельскохозяйственной продукции основными формами собственности должны быть государственная и кооперативная. Вместе с тем, в качестве дополнения должна быть сохранена и единоличная форма хозяйственной деятельности.

По оценке китаевода-экономиста Э.П. Пивоваровой, Чэнь Юнь был единственным из высшего руководства страны, кто еще в 1956 г. выступил с критикой процесса ускоренных преобразований в сфере социалистической собственности, проведенных в КНР в 1955—1956 гг. [9, с. 8—9].

Чэнь Юнь предложил также серию мероприятий по оживлению экономики и исправлению допущенных ошибок. Новые идеи оживления экономики некоторые окрестили «новой экономической политикой», они явились результатом разработки утвержденного VIII съездом партии курса на использование государственной и коллективной форм хозяйственной деятельности в качестве основных, а единоличных хозяйств в определенных пределах в качестве дополнения к ним. Он мотивировал необ-

ходимость изменить методы планового управления со стороны государства в отношении некоторых видов продукции, поскольку государственные планы включают в себя лишь отдельные виды универсальных товаров широкого потребления и почти совсем не предусматривают ассортимента продукции. После того, как они по инстанциям спускаются вниз, там заботятся лишь о выполнении показателей плана по объему производства и по отчислению прибыли и не уделяют достаточного внимания тому, соответствует ли их продукция потребностям рынка [9, с. 10].

В результате проведения этих мероприятий, как утверждал Чэнь Юнь, «в нашей стране появится отнюдь не капиталистический, а социалистический рынок, который будет отвечать обстановке в стране и потребностям народа». Плановое производство будет являться основной формой промышленного и сельскохозяйственного производства, а свободное производство, осуществляемое в соответствии с обстановкой на рынке и в рамках, допускаемых государственным планом, будет представлять собой дополнение к плановому производству» [10].

Чэнь Юнь в 1956 г. выдвигал образную идею «птичьей клетки»⁷. В этой «модели» роль плана отводилось клетке, а птица символизировала экономку. Регулируя размеры и конфигурацию клетки, можно, по желанию архитекторов, придавать «необходимую свободу действий» птице [11, с. 156].

Четкое представление о смешанной экономике, сложившееся у Чэнь Юня, и известный доклад Мао Цзэдуна «О десяти главных взаимоотношениях» помогли Китаю решительно отмежеваться от сталинизма. Однако прямые ссылки Чэнь Юня на частную собственность и рыночные механизмы не понравились Мао Цзэдуну⁸. Хотя делегаты VIII съезда КПК благосклонно восприняли предложения Чэня, Мао их проигнорировал, и они не оказали сколько-нибудь значительного влияния на экономическую политику партии.

«Политическая верность» Мао Цзэдуну и экономическая эффективность его усилий в экономике привели на VIII съезде КПК к избранию его членом ПК Политбюро. В том же 1956 г. на 1-м пленуме 8-го созыва Чэнь Юнь был избран заместителем председателя ЦК КПК. В январе

---

⁷ Философии «птичьей клетки» Дэн Сяопин противопоставлял философию «кошки», которая, невзирая на окраску, должна хорошо ловить мышей. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=6566>

⁸ Соприкасаясь с жизнью бурлящего Шанхая еще в юности, Чэнь Юнь с уважением относился к индивидуальному предпринимательству. Выступив с критикой политики Мао Цзэдуна, направленной на ликвидацию частной собственности, впоследствии он был уволен с ответственных постов, лишившись звания главного специалиста по экономике.

1957 г. возглавил группу ЦК КПК по экономической работе из 5 человек, работавшей над выработкой стратегии экономического развития страны.

В январе и марте 1958 г. на совещаниях ЦК КПК (в Наньине и Чэнду) Мао Цзэдун, видимо, уже приняв решение об организации «большого скачка», подверг резкой критике экономическую политику Чжоу Эньля и Чэнь Юня.

Вторая сессия VIII съезда КПК в мае 1958 г. начертала курс «трех красных знамен», то есть новой генеральной линии, «большого скачка» и народных коммун. Китай стал жить по слогану «три года упорной работы — десять тысяч лет счастья». Страна боролась с «четырьмя вредителями»: крысами, мухами, воробьями и комарами. Эта борьба, однако, обернулась массовым голодом и гибелью по меньшей мере 15 млн человек. Вся страна была мобилизована для участия в «большом скачке», массы народа участвовали в реализации амбициозных ирригационных проектов. В отдельные дни на сооружение водохранилищ выходило до 150 млн человек, включая высших руководителей КНР [12].

Чэнь Юнь всегда призывал к трезвому учету особенностей страны при выработке экономической политики, необходимости исходить из реальной обстановки, реальных возможностей, реальных темпов преобразований, не допуская поспешности. Для преодоления отсталости и нищеты Чэнь указывал, что необходимо создать и развивать многоукладную планово-рыночную экономику [8, с. 121].

В 1961 г. на 9-м пленуме ЦК КПК были установлены контуры нового курса — «политика урегулирования»: сокращение темпов экономического развития, введение хозрасчета при усилении роли центра, допущение индивидуального сектора экономики, сбалансирование развития, соединение плана и рынка, увеличение внешней торговли. Успехи урегулирования экономики позволили Чэнь Юню лишний раз убедиться в «святости» централизованной плановой экономики, которой, по его мнению, необходимо управлять реалистично и рационально [8, с. 122].

На расширенном рабочем совещании ЦК КПК (11 января—7 февраля 1962 г.), обобщившем опыт строительства конца 1950-х годов, особенно провала «большого скачка», впервые открыто было признано, что основной причиной трудностей являются не стихийные бедствия, как об этом говорили раньше, а «ошибки, допущенные в работе и в руководстве». Доклады содержали анализ трудностей в стране. Мао Цзэдун вынужден был признать, что Чэнь Юнь разбирается в вопросах экономического строительства лучше, чем кто-либо из высшего руководства КПК.

Критика «большого скачка» со стороны части высшего руководства прозвучала на VIII (Лушаньском) пленуме ЦК КПК, где главным оппонентом Мао Цзэдуна выступил министр обороны Пэн Дэхуай. Его взгляды были охарактеризованы как «правооппортунистические» [12]. Чэнь

Юнь, сразу не принявший «большой скачок», отказался, однако, поддержать критику этого курса Пэн Дэхуаею, а пожелал «не подвергать партию и страну опасности раскола в этот кризисный период» [8, с. 122]. Вместе с тем, он пытался корректировать производственные планы, пытаясь снизить урон стране. После провала «большого скачка» Чэнь Юнь призвали руководить экономикой, но он вскоре снова впал в немилость.

В 1962 г. развернулась борьба против «классово чуждых элементов», после чего была инициирована кампания «социалистического воспитания», продолжавшаяся вплоть до начала «культурной революции» 1966—1976 гг., которую сами китайцы назвали впоследствии «десятилетием хаоса». Были репрессированы председатель КНР Лю Шаоци, генеральный секретарь ЦК КПК Дэн Сяопин и многие другие видные партийцы. В стране развернулось движение хунвейбинов — «красных охранников», недоучившихся студентов и старшеклассников, с удовольствием избивавших «реакционных» профессоров и партийных руководителей.

В 1966 г. в период «культурной революции» Чэнь Юнь подвергся жестокому и несправедливому нападкам. Его называли ревизионистом, авангардом реставрации капитализма. Предложения Чэнь Юня по реформированию деревни и внедрению семейного подряда были оценены как правый уклон. Чэнь Юнь среди прочих утратил пост заместителя председателя ЦК партии, подвергся критике как противник линии Мао Цзэдуна, но ему сохранили членство в ЦК КПК, отправив в провинцию Цзянси руководителем химического завода. Параллельно Чэнь усердно изучал труды классиков марксизма-ленинизма, особенно труды Ленина о нэпе [8, 122—123].

В апреле 1969 г. состоялся IX съезд КПК, на котором тон задавали активисты «культурной революции» и военные. Был принят новый устав партии, закрепивший исключительное положение вождя. Одновременно в руководящие структуры возвращались репрессированные кадровые работники и сплывались вокруг Дэн Сяопина как лидера прагматиков. Деятельность Чэнь Юня в эти годы нуждается в изучении.

В 1972 г. Чэнь Юня вернули в Пекин. На X съезде КПК ему сохранили пост члена ЦК КПК, а Госсовет КНР направил его на научно-практическую работу в области современной экономики и финансов, в том числе в целях организации работы для привлечения иностранных инвестиций [8, 123].

В январе 1976 г. умер Чжоу Эньлай, виднейший сподвижник Мао, а в сентябре скончался сам Мао Цзэдун.

* * *

В 1976 г. закончилось двадцатисемилетнее правление Мао Цзэдуна. Начались новые времена в континентальном Китае. Взошли иные имена,

среди которых были Хуа Гофэн, Е Цзяньин, Чэнь Юнь, Дэн Сяопин, Ху Яобан, Чжао Цзяян⁹.

В последние годы жизни Мао Цзэдуна Чэнь Юнь был отстранен с ответственных постов. После смерти «великого кормчего» он стал соратником Дэн Сяопина в его планах преобразования страны. К этому времени Чэнь Юнь пришел к выводу, что чрезмерная централизация по образцу Советского Союза наносит вред развитию экономики. Он предлагал обеспечить более широкое использование рыночных механизмов, основываясь на соотношении спроса и предложения, а не правительственного распределения ресурсов.

После реабилитации и возвращения к государственной и партийной деятельности выдающаяся роль Чэнь Юня проявилась в преодолении разрушительных последствий «культурной революции» и реабилитации ее жертв, необоснованно подвергшихся репрессиям. По оценке известного китаевода проф. Ю.М. Галеновича, после смерти Мао и конца «культурной революции» Чэнь Юнь «оказался старейшиной руководителей КПК, самым высокопоставленным деятелем в сложившейся иерархии партии» [13, с. 238].

В ноябре 1978 г. на конференции КПК Чэнь Юнь сформулировал «шесть вопросов», направленных на критику репрессивной маоистской политики и леворадикального курса Хуа Гофэна, что способствовало изменению расклада сил в партии в пользу реформаторских сил. Впоследствии Чэнь Юнь принял участие в критике концепции Хуа «два абсолюта» и высказывался о практике как критерии истины, раскрепощении сознания, поддержал курс «четырёх модернизаций» и реабилитацию жертв «культурной революции» [8, 123—124]. Чэнь Юнь выступил за то, чтобы центр внимания партии был перенесен с классовой борьбы и политических кампаний на экономическое строительство и решение социальных проблем, улучшение жизни народа и особенно крестьянства. Возрастало его влияние на организационно-хозяйственную деятельность страны.

Программа Чэнь Юня по развитию рыночных отношений, нереализованная в 1950-е годы, легла в основу хозяйственной реформы на рубеже 1980-х годов. Новый путь, основные контуры которого стали обрисовываться после смерти Мао Цзэдуна, по существу предлагаемых Чэнь Юнем методов отрицал тот путь строительства в КНР, который в течение более чем двух десятилетий лихорадил экономику страны.

Поворотным в истории Китая считается 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, состоявшийся в Пекине в декабре 1978 г. В результате его реше-

---

⁹ См. подробнее: *Галенович Ю.М.* Смерть Мао Цзэдуна. М.: ИзографЪ, 2005. 672 с. Рассказывается о конце эпохи Мао Цзэдуна и начале новой эры. На основании полувекового изучения страны автор предлагает свою версию происходившего в Китае в этот период. Книга написана с использованием китайских источников информации.

ний, направленных на прекращение массовых политических кампаний и перенесение центра партработы на экономическое строительство, открывалась дорога политике реформ и внешней открытости. Окончательное возвращение Чэнь Юня на государственную службу произошло только после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва.

На пленуме Чэнь заявил о необходимости «политики урегулирования» (1978—1981 гг.): устойчивое развитие экономики, устранение диспропорций при развитии внешней торговли, которую «проводил Финансово-экономический комитет Госсовета КНР во главе с Чэнем (в ранге вице-преьера КНР)». Однако в связи с болезнью Чэнь Юня и проблемами на местах политика не достигла своих целей [8, 123; 14, с. 220—223].

В 1978 г. Чэнь Юнь был вновь избран заместителем председателя Госсовета КНР, членом ПК Политбюро ЦК КПК, а также занял пост первого секретаря Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины. В 1982 г. переизбран на последние два поста (должности председателя и заместителя председателя ЦК КПК были упразднены) [2, с. 816].

Чэнь Юнь в марте 1979 г. высказался за возвращение к активной работе Дэн Сяопина, за пересмотр приговоров участникам событий на площади Тяньаньмэнь в апреле 1976 г.; за реабилитацию бывшего председателя КНР Лю Шаоци, а также таких видных государственных деятелей и экономистов, как Бо Ибо, и других руководителей КПК разного уровня.

С его активным участием был коренным образом решен вопрос об отношении к интеллигенции и повышении ее роли в развитии страны, большое внимание он проявил к преподавательскому составу, повышению его заработной платы и охране здоровья. Много внимания Чэнь Юнь также уделял кадровой политике, подготовке и выдвижению молодых честных и профессионально подготовленных работников.

Характерными чертами личности Чэнь Юня, которыми он заметно выделялся среди окружения, были всегда четкость и конкретность. Он указывал, что в работе и учебе нужно ориентироваться не на указания начальства, а в большей степени на факты, на реальную действительность.

Разъяснение характера экономических реформ Чэнь Юнь привел в работе «О проблеме плана и рынка» (1979 г.). Проблемы современной экономической системы КНР Чэнь объяснял тем, что план является чересчур жестким, что ведет к диспропорциям в производстве, распределении и потреблении. В итоге он призывал к курсу на существование двух составляющих социалистической экономики: 1) плановая экономика как основное и главное; 2) элементы рыночного регулирования как второстепенное и подчиненное, но необходимое и неизбежное. Отраслевая структура экономики: «Сельское хозяйство, легкая промышленность, тяжелая промышленность» [15, с. 231—232].

Когда историки говорят о политических и экономических реформах в КНР или «политике реформ и открытости», то заявляют о судьбоносном водоразделе между старым и новым Китаем, которым стал 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, а единственным героем нового времени называется Дэн Сяопин. При этом забывают, что рядом с Дэном тенью была еще фигура Чэнь Юня.

Общественная популярность Чэнь Юня была не меньше, чем Дэн Сяопина. Партийная пропаганда начала 1980-х годов провозглашала Чэнь Юня «экономическим спасателем КНР». «Красным экономическим гуру» Чэнь Юня признавали Ху Яобан и Чжао Цзяян, уважительно советовавшие с Чэнем по разным вопросам экономики. Дэн Сяопин и Бо Ибо считали Чэнь Юня главным при принятии важных экономических решений [14, с. 33; 215—218; 222—223, 278].

По мере углубления экономических реформ усиливалась борьба вокруг вопроса о соотношении рынка и плана в экономике. Чжао Цзяян критиковал взгляды Чэнь Юня, считая, что Чэнь был ярким приверженцем централизованной плановой экономики и общественной собственности, и что его позиция и разногласия по этим вопросам в руководстве партии и страны препятствовали осуществлению рыночных реформ [8, с. 124; 15, с. 120—121].

По вопросу создания Свободных экономических зон (СЭЗ) в руководстве Китая также существовали сильные разногласия: Дэн Сяопин, Ху Яобан, Чжао Цзяян с самого начала занимали активную позицию по поддержке их создания. Чэнь Юнь, напротив, никогда не скрывал своего настороженного отношения к ним: он был единственным руководителем партии, который никогда не посещал СЭЗ. Он связывал СЭЗ с вхождением в социалистическую страну «финансового капитала империализма» [14, с. 233—238].

В июне 1981 г. на 6-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва был принят важный комплексный акт «Решение по некоторым вопросам истории партии с образования КНР» [15, с. 183—191]. Пленум определил курс на более медленное, но более сбалансированное развитие и резко осудил прежнюю практику «ускоренного строительства социализма». В Решении была широко освещена борьба Мао Цзэдуна во главе с КПК — с Коминтерном и ВКП(б) против «ошибочных уклонов в международном коммунистическом движении». В дальнейшем эта борьба только усилилась в ходе т.н. советско-китайской полемики и военно-политической напряженности после 1956 г. На 6-м пленуме критическую оценку продал и Дэн Сяопин [16, с. 366—371, 399]. Однако Чэнь Юнь как оппонент Дэна в выступлении с замечаниями по проекту Решения не забыл с гордостью упомянуть об огромной роли Коминтерна, КПСС и СССР в создании,

развитии и приходе к власти КПК, освобождении Китая от японской оккупации и индустриализации нового Китая [17, с. 370—373].

Среди властных группировок в КПК в 1980-е годы существовали различные взгляды не только на внутреннюю политику, но и внешнюю. Освещая этот период жизни Чэнь Юня, упомянем о дружеском расположении его к Советскому Союзу. По воспоминаниям О.Б. Рахманина, когда в 1980-е годы руководители КНР и СССР стали осознавать необходимость восстановления двусторонних межгосударственных отношений, Чэнь Юнь был одним из немногих тогда политиков, которые считали необходимым активно восстанавливать контакты между нашими партиями и государствами, собирать разбросанные камни. Учитывая авторитет Чэнь Юня, его дружеская позиция относительно СССР имела большое значение. Не случайно Чэнь Юня называли «совестью партии» [1].

Положительное и теплое отношение к СССР и его опыту строительства социализма Чэнь Юнь проявил также во время знаменательной товарищеской встречи в 1984 г. с делегацией из СССР во главе с почетным председателем Общества советско-китайской дружбы, бывшим советником Госсовета КНР И.В. Архиповым. По словам Ю.М. Галеновича, именно тогда, в годы первой оттепели советско-китайских отношений Чэнь Юнь перед камерами телевидения тепло обнял Архипова, продемонстрировав свое дружеское расположение к посланцу из Советского Союза [4].

* * *

В начале 1980-х годов Чэнь Юнь вновь поставил вопрос о соотношении плана и рынка в экономике, указывая на необходимость сочетать плановую экономику и рыночную, которая является крупным дополнением к плановой. Эти идеи в дальнейшем получили поддержку и развитие во время поездки в южные районы Китая в 1992 г. Дэн Сяопина, подчеркнувшего, что план и рынок являются и капиталистическим, и социалистическим способами производства. Чэнь Юнь отдавал предпочтение госсектору и централизованному планированию потому, что верил в превосходство социализма над капитализмом. Китайское руководство в большинстве своем в той или иной степени разделяло его мнение.

Приоритет государственного плана был закреплен в 4-й действующей Конституции КНР 1982 г. В ней говорилось, что «государство осуществляет плановое хозяйство на основе социалистической общественной собственности». Упоминания о рыночном регулировании и товарном хозяйстве отсутствовали. Чэнь Юнь на данном этапе развития страны был признанным авторитетом в области экономической политики. Он давно пришел к убеждению, что советская модель скрывает экономическое развитие, и хотя никогда не критиковал Сталина, неизменно призывал учитывать специфику Китая.

Звездный час Чэнь Юня наступил в 1981 г., когда его идеи в обязательном порядке должны были изучать кадровые работники. Разработка 6-й пятилетки (1981—1985) велась в тесной связи со взглядами Чэнь Юня.

На XII съезде КПК в сентябре 1982 г. было узаконено начало рыночных реформ: власть страны объявила о «всеобъемлющей модернизации социализма». Во вступительной речи Дэн Сяопина был обнаружен «основной вывод», сделанный китайским руководством «на основе обобщения длительного исторического опыта»: «Сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной практикой нашей страны, идти собственным путем и строить социализм со спецификой Китая» [18]. Чэнь Юнь сохранил пост члена ПК Политбюро ЦК КПК, переизбран секретарем Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины; утвержден первым секретарем ЦКПД КПК на первом пленуме ЦК КПК 12-го созыва [12]. Чэнь Юнь одобрил практику ухода старшего поколения руководителей на пенсию, уйдя с поста вице-премьера Госсовета КНР.

Страна вступила на новый путь развития, однако сохранилась привычная «революционная» риторика. Назвав идеи Мао Цзэдуна «продуктом соединения всеобщих положений марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции» и одновременно «квинтэссенцией коллективной мудрости КПК», в КНР стали выбирать из идейного наследия Мао Цзэдуна те моменты, которые были созвучны тенденциям новой экономической политики КНР.

30 ноября 1982 г. на V сессии ВСНП 5-го созыва в докладе премьера Госсовета КНР Чжао Цзыяна были оглашены основные задачи 6-й пятилетки (1981—1985). Эта пятилетка разрабатывалась в рамках курса «урегулирования» экономики, поэтому цели были поставлены достаточно скромные. Напомним, что высказывание Чэнь Юня «не ориентироваться на вышестоящих, не ориентироваться на книги, а ориентироваться на факты» стало важной частью возобладовавшего после смерти Мао прагматического подхода, за который выступал Дэн Сяопин¹⁰.

Накануне 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва в 1984 г., принявшего курс на построение плановой товарной экономики, Чэнь Юнь в целом одобрил данный курс, где формально продолжалась линия самого Чэня «о плане и рынке». Однако в письменном заявлении пленуму он высказал свои предостережения, что в погоне за «западной моделью развития» многие забывают, что план необходим и «может творить чудеса» [17, 434—438]. На совещании с общественностью в 1984 г. им подчеркивалось, что главной задачей реформы является развитие производительных

---

¹⁰ URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%D0%92/van-nin/kak-kitaj-stal-kapitalisticheskim/8> (дата обращения: 25.05.2021).

сил и ликвидация уравниловки, но добиться этих целей необходимо без возрождения капитализма и под руководством КПК [8, с. 126].

Впрочем, это был последний раз, когда Чэнь Юнь выражал поддержку политэкономическому характеру реформ. Он не поддержал проект экономических реформ XIII съезда КПК в 1987 г., где была выдвинута концепция «начальной стадии социализма» и новая максима: «государство регулирует рынок, рынок направляет предприятия». На съезде Чэнь открыто встал и вышел из зала заседания в знак протеста. В ответ съезд по предложению Дэн Сяопина и проявленной инициативе Бо Ибо назначил Чэнь Юня председателем Центральной комиссии советников ЦК КПК [15, с. 281—282; 438—443; 469].

XIII съезд ознаменовал утверждение тезиса «начального социалистического этапа», впервые выдвинутого в 1981 г. на 6-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва. Акцент был сделан на консолидации КПК и широких масс, последовательном проведении политики реформ и открытости, развитии с опорой на собственные силы, на модернизации, «создании социализма на основе гармонии, цивилизации, демократии и обогащения». В рамках программы обновления кадров Чэнь Юнь был освобожден от занимаемых партийных постов, но тогда же был избран председателем Центральной комиссии советников КПК.

В 1987 г. с поста генерального секретаря ЦК КПК был снят Ху Яобан и избран на этот пост сторонник рыночных реформ Чжао Цзыян. На пост премьера Госсовета КНР Чэнь Юнь продвинул Ли Пэна — сторонника плановой экономики [8, с. 126—127].

Чэнь Юнь, возглавляя «лагерь левых консерваторов» (Ли Сяньнянь, Ван Чжэнь, Дэн Лицюнь, Ху Цяому, Яо Илин и Сун Пин), утверждал, что рыночные реформы вместо восстановления истинного облика социализма ведут к его гибели. Он ратовал за необходимость на основе более глубокого применения марксизма-ленинизма, укрепления диктатуры пролетариата и КПК совершенствовать централизованную плановую систему, а не вводить рыночное хозяйство. Его сторонники выступали за удержание «птицы рынка» в «клетке планового регулирования», за замедление темпов реформы и «усвоении» осуществленных преобразований.

О накале борьбы за будущее социализма в Китае во второй половине 1980-х годов смело заявлял секретарь Дэна Ван Жуйлинь в 1987 г.: «Все еще нельзя сказать, кто победит!» [14, 424; 516—542]. В 1988 г. во властном эшелоне КПК продолжалось скрытое «перетягивание каната»: Дэн Сяопин и Чжао Цзыян стремились добиться официального запуска реформы либерализации цен при макрорегулировании, а Ли Пэн и Чэнь Юнь всеми силами пытались остановить реформу, повернув назад к плану, либо сделать ее как минимум более длительной и подготовленной. Их

борьба пришла к компромиссу, что реформа должна проводиться, но при должной подготовке и коррекции новой системы.

Очередной пленум объявил проведение «курса на урегулирование, упорядочивание и оздоровление экономики» (1989—1991 гг.): усиление общественного сектора, централизованное планирование и ограничение частного сектора. Последнее вызвало торможение экономического роста, падение роли частного бизнеса и иностранных инвестиций, но начался более устойчивый рост экономики. Непосредственно этот курс проводился Ли Пэнном, однако тайную роль играли Чэнь Юнь и «лагерь левых консерваторов» [8, с. 127—128].

Противником «левого консерватизма» выступил главным образом Дэн Сяопин. Впоследствии Дэн смог перетянуть на свою сторону Цзян Цзэминя. Это было реализовано на XIV съезде КПК в 1992 г. принятием новой экономической доктрины — теории Дэн Сяопина о «социалистической рыночной экономике». Экономический курс Дэн Сяопина позволил рынку под макроконтролем государства проявить главную роль в распределении ресурсов. Против подобного поворота Чэнь Юнь открыто уже не смог ответить. Лишь в прошальной речи соратнику Ли Сяньняню в 1992 г. Чэнь признался, что современная экономика намного сложнее прошлой эпохи [8, с. 128]. Так, главная дискуссия о будущем китайской политэкономической модели закончилась победой «рыночных реформаторов» во главе с Дэн Сяопином и поражением «левых консерваторов» во главе с Чэнь Юнем [15, с. 495].

20 мая 1989 г. в условиях разгона массового политического движения на площади Тяньаньмэнь Дэн Сяопин при согласии Чэнь Юня и большинства ветеранов КПК сместил Чжао Цзыяна с поста генсека ЦК КПК. 26 мая заседание Центральной комиссии советников КПК под председательством Чэнь Юня поддержало НОАК в подавлении так называемого контрреволюционного мятежа [15, с. 440]. Новым генеральным секретарем ЦК КПК стал Цзян Цзэминь, бывший секретарем Шанхайского горкома партии, который смог мирным образом урегулировать аналогичные беспорядки.

По свидетельству профессора Ю.М. Галеновича, Чэнь Юнь сыграл чрезвычайно важную роль в переходе управления в руки Цзян Цзэминя и людей его поколения; «появление Цзян Цзэминя на посту генерального секретаря ЦК КПК после событий 1989 г. явилось результатом компромисса между Чэнь Юнем и Дэн Сяопином» [13, с. 235]. Весной 1989 г. после событий на площади Тяньаньмэнь при решающем участии Дэн Сяопина сохранилась линия «рыночных реформаторов».

Таким образом, конкурирующие концепции Чэнь Юня и Дэн Сяопина, как показывает анализ, обнажились во внутрипартийной дискуссии и борьбе на этапе углубления реформ (1984—1989 гг.) и «политики урегу-

лирования, упорядочивания и оздоровления экономики» (1989—1991 гг.). В ходе открытой дискуссии Дэн Сяопин не смог заставить Чэнь Юня изменить свое мнение относительно реформирования социалистической экономики, но смог победить Чэня, подготовив поколение верных курсу Дэна преемников и передав им основную власть. Итак, главная дискуссия о будущем китайской политэкономической модели закончилась победой «рыночных реформаторов» во главе с Дэн Сяопином и поражением «левых консерваторов» во главе с Чэнь Юнем.

Несмотря на то, что после XIII съезда КПК Чэнь Юнь формально отошел от повседневной государственной и партийной деятельности, он вплоть до своей кончины в Пекине 10 апреля 1995 г. не только активно поддерживал широкую экономическую реформу, но и выступал одним из соразработчиков ее стратегии.

XIV съезд КПК проходил в 1992 г., на нем впервые было объявлено, что теория «социализма с китайской спецификой» Дэн Сяопина должна играть «общепартийную направляющую роль». Партийному руководству удалось решить две проблемы: придать легитимный характер процессу становления «рыночного социализма» и обеспечить сохранение политического режима КПК [12].

* * *

Среди зарубежных экспертов сложилось мнение, что на протяжении 1980-х и начала 1990-х годов решающая роль в китайской политике принадлежала двум ветеранам партии — Дэн Сяопину и Чэнь Юню. Дэн Сяопина обычно воспринимают в качестве архитектора экономических реформ, Чэнь Юня же чаще всего считают осторожным консерватором. Действительно, в отличие от Дэн Сяопина Чэнь Юнь с большим скепсисом смотрел на быстрый рост экономики. Это, по его мнению, могло создать в будущем гораздо больше проблем, чем в настоящее время. Провал политики «большого скачка» при Мао Цзэдуэ и «скачка вовне» при Хуа Гофэне только подтверждал его мнение. Чэнь Юнь верил в коллективную собственность и централизованное планирование. При этом в отличие от Мао Цзэдуэ и некоторых китайских вождей, не разбиравшихся на должном уровне в современной экономике, у Чэня за плечами был жизненный опыт учебы в молодости в Шанхае.

Чэнь Юнь отдавал предпочтение госсектору и централизованному планированию потому, что верил в превосходство социализма над капитализмом, и китайское руководство в большинстве своем в той или иной степени разделяло его мнение. Но он также хорошо знал, что такое частный бизнес, чтобы верить в «чистый» социализм и полный отказ от частной собственности и рыночных сил. К сожалению, уже сложившаяся привычка видеть в Дэне реформатора, а в Чэне консерватора помогла

укорениться упрощенному, черно-белому пониманию роли китайских лидеров, весьма далекому от истины [19].

Разногласия между Дэн Сяопином и Чэнь Юнем относительно характера и масштабов необходимых реформ появились в 1982 г., с тех пор они все более и более углублялись. В то время как Дэн Сяопин смотрел на развитие экономики в качестве единственного критерия политики, Чэнь подчеркивал необходимость ее связи с развитием «социалистической духовной цивилизации», выступая против вестернизации и снижения моральных устоев общества¹¹.

Чэнь опасался, что безоглядное экономическое развитие потенциально несет угрозу социалистической идеологии и морали. В связи с этим примечательна его речь от 24 сентября 1985 г., в которой он указал на три проблемы, стоящие перед партией. Во-первых, партия должна преодолеть тенденцию недооценки этики в идеологической сфере. Недопустимо на первое место ставить материальное благосостояние: необходимо заботиться о социалистической этике. Во-вторых, следует бороться с проникновением капиталистической идеологии, бороться с «обожествлением денег». В-третьих, партийные комитеты и инспекция по дисциплине должны неукоснительно выполнять свои обязанности. Следует решительно бороться с нездоровыми тенденциями, которые угрожают социализму, коррумпируют партийный стиль работы, подрывают дисциплину [11, с. 156—157].

Есть смысл анализировать этот период детально как уникальный случай в истории. Безусловно, экономические трансформации зависят от культурно-исторической базы и происходят не без ее влияния. Очевидно, что Чэнь это понимал. И по мнению некоторых экспертов, поэтому «Теория нравственных чувств» А. Смита оказалась очень созвучна китайской традиции, став весомой книгой для взгляда на современную китайскую экономику. В Китае было явно осознано, что без нравственного развития невозможно придти к главной цели для страны — счастью и благополучию ее граждан [19].

Противоречия между Дэном и Чэнь Юнем не были результатом конфликта интересов или идеологических воззрений, хотя Чэнь Юнь, несомненно, был больше предан основным идеям социализма. По признанию большинства исследователей, раскол в китайском правительстве все же замедлил ход экономических реформ, но при этом мало кто отмечает, что расхождения между Дэном и Чэнем даже помогли сохранить атмосферу терпимости и политической толерантности, так не свойственную временам Мао Цзэдуна. Присутствие двух лидеров на политической сцене и их разногласия между

---

¹¹ В 1989 г. он ставил под вопрос необходимость военного подавления студенческих волнений на площади Тяньаньмэнь.

собой освободили от «театра одного актера», которым была политическая жизнь эпохи Мао. Чэнь Юнь и Дэн Сяопин, несмотря на все различия, применяли прагматический подход. И хотя Дэн был старше Чэнь Юня, он не стеснялся говорить: «Надо посоветоваться с товарищем Чэнь Юнем» [1].

Основные контуры концепции социализма с китайской спецификой вырисовывались на протяжении всех лет хозяйственной реформы через столкновение самых различных мнений, в ходе изучения китайского и международного опыта, но, главное, через экспериментальное апробирование всех наиболее существенных нововведений с последующим обобщением как положительных, так и отрицательных результатов. Такой метод способствовал официальному признанию тех «прорывов» в экономической теории социализма, главным из которых стало признание допустимости рыночного регулирования и частного хозяйства при строительстве социализма.

Надо отметить, что путь к таким признаниям не был скорым, пройти его Дэн Сяопин смог благодаря тому, что работал в тесном контакте с одним из самых грамотных специалистов высшего управленческого звена страны Чэнь Юнем и внимательно относился к тем научным разработкам, над которыми трудились лучшие ученые-экономисты страны.

По оценке западных экспертов, эта особенность политической жизни сильно повлияла на ход экономических реформ в Китае. Большинство китайских политиков научились быть готовыми к тому, чтобы, осознав, изменить свои взгляды, если те не соответствуют действительности. Их поиск и сомнения, готовность к отказу от когда-то непререкаемых догм создали условия для восприятия новых идей и перемен. Дэн Сяопин, Чэнь Юнь и другие китайские вожди постмаоистской эпохи не были мудрее всех своих предшественников, но трагедия политики «большого скачка» и катастрофа «культурной революции» освободили их от веры в теории. Ведь если социализм мог привести к таким неудачам, то идеология, которая мыслилась как всемогущая — всего лишь самообман. Убежденность в этом объединяла Чэнь Юня и Дэн Сяопина. Они оба осознанно придерживались сугубо прагматического, экспериментального подхода к реформам. Несмотря на то, что Дэн Сяопин, Чэнь Юнь и другие ветераны партии занимали командные посты, уже никакой политической лидер, не мог навязать свою волю партии, как это часто делал «великий кормчий». Это было становлением более открытого мировоззрения. Как одно из свидетельств глубинных изменений во взглядах членов партии можно привести либеральный политический курс генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана в начале 1980-х годов¹². На примере Хуа Яобана необхо-

---

¹² Коуз Рональд. Как Китай стал капиталистическим. URL: <https://www.litres.ru/nin-van/kak-kitay-stal-kapitalisticheskim/chitat-onlayn/>; <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%92/van-nin/kak-kitaj-stal-kapitalisticheskim/8>

димось реформ осознали и остальные члены руководства партии. Многие из них в 1978 г. совершили свои первые в жизни зарубежные поездки, которые при Мао не были возможны, сильно расширившие их представление о месте Китая в современном мире.

Вполне вероятно, что исследование истории страны, личной истории людей через события, в которых они были непосредственными участниками, помогает понять особенность китайской политической жизни в более широком масштабе. За Дэном всегда была поддержка значительной части партии и армии. С ним всегда приходилось считаться даже Мао Цзэду, не говоря уже о Хуа Гофэне. Именно благодаря этому Дэн Сяопин и занял в последние десятилетия своей жизни место бесспорного первого руководителя КПК и КНР. Особое внимание обратим на тот факт, что определенную роль при партийно-политическом раскладе руководящего звена Компартии играл Чэнь Юнь, в свое время бесспорный высший авторитет в вопросах экономической политики и влиятельная фигура в партийной и политической жизни страны. И при разных взглядах Дэн Сяопин и Чэнь Юнь сумели найти соотношение между своими позициями и сбалансировать их.

* * *

В Китае исторические заслуги Чэнь Юня оцениваются очень высоко. Имя Чэнь Юня неизменно указывается в ряду выдающихся пролетарских революционеров старшего поколения наряду с Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем, Лю Шаоци, Чжу Дэ и Дэн Сяопином¹³.

На XIX съезде КПК в 2017 г., в юбилейный год 70-летия образования КНР, Си Цзиньпин назвал его руководителем старшего поколения, «свою жизнь отдавшим делу национального освобождения китайского народа, делу реформ, открытости и модернизации страны, завоевавшим высокий авторитет, всеобщее уважение как в Китае, так и за его пределами»¹⁴.

При сравнении Дэн Сяопина и Чэнь Юня говорят обычно, что первый, конечно, гораздо более известен, чем второй. Однако заметим, что китайцы недаром издали выступления и статьи их обоих — и больше никто из руководителей (исключая, конечно, Мао) такого объемного собрания сочинений не удостоился. Основные труды вошли в «Собрание сочинений Чэнь Юня» в трех томах («Чэнь Юнь вэнь сюань»)¹⁵.

В Китайской Народной Республике официально утвержден список ста памятных мест, на базе которых разворачивается образцовое воспита-

---

¹³ URL: <https://ru.shops-com.in/1386991/1/chen-yun.html>

¹⁴ Выступление Си Цзиньпина от имени ЦК КПК на открытии в Пекине XIX съезда КПК. Синьхуа Новости. URL: http://russian.news.cn/2017-10/18/c_136689260.htm (дата обращения: 25.05.2021).

¹⁵ URL: <https://www.twirpx.org/file/3226300/>

ние в духе патриотизма. Значимое место в этом списке отводится домам-музеям руководителей нации, среди них есть и музей Чэнь Юнь в г. Шанхае. «Бывшая резиденция Чэнь Юнь»¹⁶ — одно из исторических зданий района Кинпу, где жил и работал великий политик, пролетарский революционер, глубоко уважаемый китайцами.

В 2019 г. в Сянгане проходила выставка под названием «Родоначальник и основоположник экономического строительства нового Китая»¹⁷. Она была посвящена жизни и деятельности Чэнь Юнь. Выставка познакомила с выдающимися подвигами и незаурядной судьбой видного деятеля Китая. У жителей была возможность лучше узнать личность Чэнь Юнь и осознать тот великий путь, который проделала их Родина в своем развитии. Каждый житель Сянгана мог поучиться у старшего поколения революционеров их патриотизму. Экспозиция делится на четыре темы: «Бессмертные подвиги, совершенные ради национальной независимости, освобождения китайского народа, зарождения и основания Китая», «Выдающийся вклад, внесенный в строительство социализма», «Выдающийся вклад, внесенный в строительство пути для социализма с китайской спецификой» и «Вечное сияние».

В печати отмечалось, что «выставка укрепляет положительное отношение и патриотические чувства жителей Сянгана по отношению к Китаю и к китайской нации, демонстрируя исторический вклад в возрождение китайской нации, который внесли Чэнь Юнь и другие революционеры старшего поколения»¹⁸.

В заключение отметим, что революционер-профессионал, активный участник всех ключевых событий новейшей истории Китая, Чэнь Юнь был одним из немногих руководителей КПК, который пришел в революционное движение из рабочего класса. В деятельности Чэнь Юнь прослеживается принципиальная верность в теории и на практике марксистской политэкономии, научному коммунизму и пролетарскому интернационализму, как в периоды «политики восстановления», первого пятилетнего плана, «большого скачка», «политики урегулирования» и «культурной революции», так и на первом этапе «политики реформ и открытости» (1978—1992 гг.) [8, с. 119]. Чэнь Юнь постоянно стремился учитывать китайскую специфику в социалистическом строительстве, с интересом изучал опыт развития экономического строительства в СССР. Он

---

¹⁶ URL: https://www.tourmesto.ru/byvshaya_rezidenciya_chen_yun_the_former_residence_of_chen_yun.html

¹⁷ Заместитель председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая /ВК НПКСК/ 12-го созыва, старший сын Чэнь Юнь Чэнь Юань отметил, что выставка приурочена к 70-й годовщине образования КНР, это прекрасная тема и ее проведение имеет большое значение.

¹⁸ URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/1108/c31521-9630473.html>

совмещал не только руководящую и партийную работу, но и был выдающимся экономистом-стратегом в период возрождения национальной экономики, продолжая им быть вплоть до самой своей кончины. Чэнь Юнь скончался 10 апреля 1995 г. в канун 90-летия и похоронен торжественно, со всеми почестями на революционном кладбище Бабаошань.

Следует выделить, что этот китайский государственный деятель активно содействовал укреплению дружеских советско-китайских отношений. По воспоминаниям российских коллег, с первого приезда в Москву до последних дней своей жизни Чэнь Юнь всегда был неизменным и искренним другом нашей страны. Российские китаеведы Института Дальнего Востока Ю.М. Галенович, В.Я. Портяков, Г.В. Куликова и другие ученые-китаеведы в выступлениях в Обществе Российско-китайской дружбы по случаю дат исторической памяти видного китайского деятеля тепло вспоминали, что Чэнь Юнь через всю свою жизнь пронес глубокие чувства к нашей стране и народу.

Изучение личной истории Чэнь Юня, как и любой другой выдающейся личности из плеяды старшего поколения, помогает раскрыть суть всех ключевых событий новейшей истории Китая. Его биография помогает понять особенности китайской внутривосточной и экономической жизни. Исследования о видных деятелях Китая необходимы, они открывают в полноте исторический путь развития огромной страны, которая притягивает к себе взоры людей всей планеты.

Можно еще много говорить о незаурядной личности Чэнь Юня, мирно и почетно ушедшего в отставку с поста ЦКС КПК в 1992 г. Его роль в позитивных событиях революционной истории и истории мирного строительства, по мнению многих видных ученых и политиков, была не менее яркой, чем роль Дэн Сяопина. В КНР, как мы видели, немало сделано для увековечения его памяти. Особенно приятно, что Чэнь Юнь является примером для последующих поколений политиков Китая. Большое количество пользователей «Всемирной паутины», среди которых и десятки тысяч китайских подростков, юношей и девушек, заходят на сайт Музея Чэнь Юня. Используя эту платформу, китайцы подрастающего поколения выражают свою любовь к уважаемой фигуре своего наставника.

Библиографический список

1. *Драбкин А.* Рукопожатие через годы // Правда. 30.06.2005. № 69 (28830). URL: <https://kprf.ru/pravda/issues/2005/69/article-8319/> (дата обращения 20.05.2021).
2. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. VII: Китайская Республика (1912—1949 гг.) / Отв. ред. Н.Л. Мамаева; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука — Восточная литература, 2013. 863 с.

3. *Панцов А.В.* Дэн Сяопин. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2013. 558 с.

4. *Галенович Ю.М.* Выступление на торжественном собрании Общества российско-китайской дружбы (ОРКД) и Института Дальнего Востока РАН по случаю 110-й годовщины со дня рождения Чэнь Юня (Москва, 15 июня 2015 г.). URL: http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=187&cntnt01category_id=10&cntnt01returnid=65 (дата обращения 06.04.2021).

5. *Лю Шуйкай.* Чэнь Юнь юй синь Чжунго цайцзин гунцзодэ чубу : [Чэнь Юнь и первые шаги финансово-экономической работы в новом Китае] // Дандэ вэньсянь : [Документы КПК]. 1995. № 3.

6. *Мамаева Н.Л., Сотникова И.Н., Верченко А.Л.* Участие СССР в реконструкции и строительстве «156 производственных объектов» в КНР в 1950-е годы. Новые факты и обстоятельства советско-китайского сотрудничества / Институт Дальнего Востока РАН М.: Весь Мир, 2018. 608 с.

7. *Шэнь Чжисхуа.* Сулянь чжуаньцзя цзай чжунго (1948—1960) : [Советские специалисты в Китае (1948—1960)]. Пекин: Чжунго гоцзи гуанбо чубаньшэ, 2003; М.: Вост. лит-ра, 2015. (440 с.) С. 121—122.

8. *Жилкибаев С.Н.* «Красный технократ»: очерк политэкономических идей Чэнь Юня // 40 лет экономических реформ в КНР / сост. П.Б. Каменнов; отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 118—136.

9. *Пивоварова Э.П.* Черты преемственности и новизны в экономической политике пяти поколений руководства КНР. М.: ИДВ РАН, 2018. 52 с.

10. Материалы VIII всекитайского съезда КПК. М.: Политиздат, 1956. С. 313—314.

11. *Селищев А.С., Селищев Н.А.* Социально-экономическое развитие государств Евразии и других зарубежных стран // Проблемы современной экономики. 2019. № 1 (69). С. 156—161. Экономическая терапия по-китайски (часть 1) с. 156.

12. Хронология съездов КПК. Съезды и пленумы, изменившие партию и страну. URL: <http://hronologiya-china.tass.ru/hronologiya-sezdov-kpk/> (дата обращения 24.05.2021).

13. *Галенович Ю.М.* Смерть Мао Цзэдуна. М.: ИзографЪ, 2005. 672 с.

14. *Галенович Ю.М.* Чжао Цзыян и реформы в Китае. М.: СПСЛ, Русская панорама, 2012. 752 с.

15. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. IX: Реформы и модернизация (1976—2009) /Отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016. 996 с.

16. *Дэн Сяопин.* Избранное. В 3 т. Т. 2. Пекин: Изд-во литературы на иностр. языках, 1995. 560 с.

17. *Чэнь Юнь.* Избранные произведения: в 3 т. Т. 3. Пекин: Изд-во литературы на иностр. языках, 2001. 562 с.

18. XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая. Пекин, 1982. С. 3—4.

19. Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим / пер. с кит. А. Разинцева. М.: Новое издательство, 2016. 386 с.

References

1. Drabkin A. Rukopozhatie cherez gody` [Shaking hands through the years] // Pravda. 30.06.2005. № 69 (28830). URL: <https://kprf.ru/pravda/issues/2005/69/article-8319/> (data obrashcheniia 20.05.2021).

2. Istoriia Keitaiia s drevnei`shikh vremen do nachala XXI veka: v 10 t. T. VII: Keitai`skaia Respublika (1912—1949 gg.) [History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: in 10 volumes. Vol. VII: The People's Republic of China (1912—1949)] / Otv. red. N.L. Mamaeva; In-t Dal`nego Vostoka RAN. M.: Nauka — Vostochnaia literatura, 2013. 863 s.

3. Pantcov A.V. De`n Siaopin. Zhizn` zamechatel`ny`kh liudei` [Deng Xiaoping. The life of wonderful people]. M.: Izd-vo «Molodaia gvardiia», 2013. 558 s.

4. Galenovich Iu.M. Vy`stuplenie na torzhestvennom sobranii Obshchestva rossijsko-kitai`skoi` družby` (ORKD) i Instituta Dal`nego Vostoka RAN po sluchaiu 110-i` godovshchiny` so dnia rozhdeniia Che`n` Iunia (Moskva, 15 iunია 2015 g.) [Speech at the ceremonial meeting of the Russian-Chinese Friendship Society on the occasion of Chen Yun's 110th birth anniversary (Moscow, June 15 2015)]. — URL: http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=187&cntnt01category_id=10&cntnt01returnid=65 (data obrashcheniia 06.04.2021).

5. Liu Shukai`. Che`n` Iun` iui` sin` Chzhungo tciai`tczin guntczode` chubu (Che`n` Iun` i pervy`e shagi finansovo-e`konomicheskoi` raboty` v novom Keitae) [Chen Yun and the first steps of the financial-economic work in New China] // Dande`ve`n`sian` (Dokumenty` KPK). 1995. № 3.

6. Mamaeva N.L., Sotneykova I.N., Verchenko A.L. Uchastie SSSR v rekonstrukcii i stroitel`stve «156 proizvodstvenny`kh ob`ektov» v KNR v 1950-e gody`. Novy`e fakty` i obstoiatel`stva sovetsko-kitai`skogo sotrudnichestva [The URSS participation at the reconstruction and construction work of “156 industrial objects” in the PRC in the 1950-s. New facts and obstacles of the Russian–Chinese cooperation] / Institut Dal`nego Vostoka RAN. M.: Izdatel`stvo «Ves` Mir», 2018. 608 s., ill.

7. She`n` Chzhihua. Sulian` chzhuan`tczia tczai` chzhungo (1948—1960) (Sovetskie spetsialisty` v Keitae (1948—1960) [Soviet specialists in China (1948—1960)]. Pekin: Chzhungo gotczy guanbo chuban`she`, 2003; M.: Vost. lit-ra, 2015. (440 s.). S. 121—122.

8. Zhilkibaev S.N. «Krasny`i` tekhokrat»: ocherk polite`konomicheskikh idei` Che`n` Iunia [“Red technocrat”: the essay of Chen Yun's political-economic ideas] // 40 let e`konomicheskikh reform v KNR [40 years of economic reforms in the PRC] / sost. P.B. Kamennov; otv.red. A.V. Ostrovskii`. M.: IDV RAN, 2019. S. 118—136.

9. Pivovarova E. P. Cherty' preemstvennosti i novizny' v e'konomicheskoi' politike piati pokolenii' rukovodstva KNR [The features of the continuity and originality in the economic policy of the five generations of the PRC leadership]. M.: IDV RAN, 2018. 52 s.

10. Materialy' VIII vsekitai'skogo s'ezda KPK [The materials of the VIII All-China Congress of the CCP]. M.: Politizdat, 1956. S. 313—314.

11. Selishchev A.S., Selishchev N.A. Sotsial'no-e'konomicheskoe razvitie gosudarstv Evrazii i drugikh zarubezhny'kh stran [Social-economic development of Eurasian states and other foreign states] // Problemy' sovremennoi' e'konomiki. 2019. № 1 (69). S. 156—161. E'konomicheskaiia terapiia po-kitai'ski (chast' 1) [Chinese way of economic therapy. (Part 1)]. S. 156.

12. KHronologiiia s'ezdov KPK. S'ezdy' i plenumy', izmenivshie partiiu i stranu [The chronology of the CCP Congresses. Congresses and plenums, which changed the party and the state]. — URL: <http://hronologiya-china.tass.ru/hronologiya-sezdov-kpk/> (data obrashcheniia 24.05.2021).

13. Galenovich Iu.M. Smert' Mao TCze'duna [Mao Zedong's death]. M.: «Izograf'», 2005. 672 s.

14. Galenovich Iu. M. Chzhao TCzy'ian i reformy' v Keitae [Zhao Ziyang and reforms in China]. M.: SPSL, Russkaia panorama, 2012. 752 s.

15. Istoriia Keitaia s drevnei'shikh vremen do nachala XXI veka: v 10 t. T. IX: Reformy' i modernizatsiia (1976—2009) [History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: in 10 volumes. Vol. IX. Reforms and modernization (1976—2009)] / Otv. red. A.V. Vinogradov. M.: Nauka, 2016. 996 s.

16. De'n Siaopin. Izbrannoe. V 3 t. T. 2 [Deng Xiaoping. Selected. In 3 volumes. Vol. 2]. Pekin: Izd-vo literatury' na inostr. iazy'kakh, 1995. 560 s.

17. Che'n Iun'. Izbranny'e proizvedeniia: v 3 t. T. 3 [Chen Yun. Selected works in 3 volumes. Vol. 3]. Pekin: Izd-vo literatury' na inostr. iazy'kakh, 2001. 562 s.

18. XII Vsekitai'skii' s'ezd Kommunisticheskoi' partii Keitaia [The 12 All-China Congress of the CCP]. Pekin, 1982. S. 3—4.

19. Kouz R., Van N. Kak Keitai' stal kapitalisticheskim [How China became capitalist] / per. s kit. A. Razintceva. M.: Novoe izdatel'stvo, 2016. 386 s.

И.Н. Сотникова

К ВОПРОСУ О РОЛИ П.А. МИФА В ИСТОРИИ КОМПАРТИИ КИТАЯ В 1925—1931 ГГ.

Аннотация. Данная статья будет интересна специалистам по истории КПК и китайской революции. Она посвящена исследованию деятельности хорошо известного ранее Китаевода-политолога, автора многочисленных работ по Китаю П.А. Мифа в наиболее активный период его участия в китайской политике Коминтерна в отношении КПК. На протяжении ряда лет П. Миф находился на различных должностях: от проректора Университета им. Сунь Ятсена в Москве до руководителя Дальневосточной секции Восточного Секретариата ИККИ, члена Китайской комиссии Политкомиссии Политсекретариата ИККИ. Соответственно различным было его влияние на политику КПК. Более пятидесяти лет вопрос об этом влиянии не рассматривался в отечественной литературе, в отличие от китайских исследований, уделяющих роли П. Мифа в истории КПК значительное внимание. Исследование основывается на большом объеме архивных документов и рассматривается на фоне идеологических перипетий в ВКП(б), Коминтерне и в Китайской Компартии. Период работы Мифа в Университете совпал по времени с борьбой в ВКП(б) с правой оппозицией и троцкизмом. Печально известный тандем Миф — Чэнь Шаоюй (Ван Мин), образовавшийся в то время в Университете, оказал негативное влияние на судьбу многих молодых китайских революционеров. Переход Мифа на работу в Коминтерн поставил его в один ряд с видными разработчиками политического курса КПК. На позицию Мифа оказало влияние усиление «левых» тенденций в коммунистическом движении, связанных с прогнозами общего кризиса капитализма. Догматизм в формулировании директив для КПК восточным звеном Коминтерна под руководством Мифа способствовал значительному распространению в партии авантюристических взглядов, получивших название «линии Ли Лисаня». Фактическая поддержка этого курса КПК со стороны представительства ИККИ в Китае и Восточного секретариата Коминтерна продолжалась вплоть до открытого неповиновения и противостояния КПК Дальневосточному бюро ИККИ и Коминтерну. Именно это обстоятельство прежде всего вызвало резкую критику Москвы. Решающее влияние на позицию КПК оказала оцен-

ка левацкой линии, зафиксированная в «Письме ИККИ о лилисаневщине». П.А. Миф, находившийся в это время в Китае, оказал негативное влияние на кадровый состав КПК, выдвинув в руководство партии и КСМК выпускников советских вузов.

Ключевые слова: Китай, история Коммунистической партии Китая, Университет им. Сунь Ятсена, П.А. Миф, ИККИ, догматизм, IV пленум КПК.

Автор: Сотникова Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (Москва).

E-mail: sotnikova.irina@gmail.com

I.N. Sotnikova

TO THE QUESTION ABOUT THE ROLE OF P.A. MYTH IN HISTORY THE CHINESE COMMUNIST PARTY IN 1925—1931

Abstract. This article will be of interest to the specialists in the history of the CCP and the Chinese revolution. It is dedicated to the study of the activities of the previously well-known sinologist-political scientist P.A. Mif, the author of numerous works on China, during the most active period of his participation in the Chinese policy of the Comintern regarding the CCP. Over the years P. Mif held different positions: from the vice rector of Moscow Sun Yat-sen University to the head of the Far Eastern section of the Eastern Secretariat of the ECCI, the member of the Chinese Commission of the Political Commission of the Political Secretariat of the ECCI. His influence on the CCP policies varied accordingly. For more than fifty years the issue of this influence has not been considered in Russian scientific literature in contrast to the Chinese studies in which, there was paid considerable attention to the role of P. Mif in the CCP history. The study is based on a large amount of archival documents and is viewed in the background of the ideological twists and turns in the VKP(b), the Comintern and the Chinese Communist Party. Mif's working period at the University coincided with the struggle in the VKP(b) against the right-wing opposition and Trotskyism. The notorious tandem Mif — Chen Shaoyu (Wang Ming) formed at the University at that time made a negative impact on the fate of many young Chinese revolutionaries. Mif's transfer to work in the Comintern put him on a par with the prominent developers of the CCP political course. Mif's position was influenced by the "leftist" tendencies strengthening in the communist movement associated with a capitalism general crisis prediction. The dogmatism in the formulation of directives given to the CCP by the eastern link of the Comintern under the leadership of Mif contributed to a significant spread of the so-called the "Li Lisan lines" adventurous views in the Party. The actual support of this course of the CCP on the part of the ECCI mission in China and the Eastern Secretariat of the Comintern continued right up to open disobedience and opposition of the CCP to the Far Eastern Bureau of the ECCI and the Comintern. It was this circumstance that first of all provoked sharp criticism from Moscow. The assessment of the leftist line recorded in the "Letter of

the ECCI on the Lilisanevism” made a decisive influence on the CCP position. P.A. Mif, while being in China at that time had a negative impact on the CCP cadre by nominating Soviet universities graduates to the Party and the CYLC leadership.

Keywords: China, History of the Chinese Communist Party, Sun Yat-sen, P.A. Mif, ECCI, dogmatism, the IV Plenum of the CCP.

Author: Irina N. SOTNIKOVA, PhD (Hist), Leading Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow). E-mail: sotnikova.irina@gmail.com

Имя Павла Александровича Мифа (наст. — Михаил Александрович Фортус, 1901—1938) — советского китаеведа-политолога, автора многочисленных работ по Китаю, ректора Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК/КУТК) известно сейчас лишь узкому кругу специалистов, хотя на протяжении ряда лет он вплотную занимался вопросами китайской революции. Особенно заметное влияние на политику КПК Миф оказал в 1925—1931 гг., когда стоял во главе УТК и являлся руководителем восточного звена Коминтерна, разрабатывавшего тактику Компартии Китая в революционной борьбе. В КНР с появлением в последние годы новых исторических материалов и расширением исследовательских горизонтов в академических кругах развернулась целая дискуссия о влиянии Мифа на историю КПК, а публикации на эту тему «множатся день ото дня» [1, с. 36].

В советской историографии биография Мифа наиболее полно представлена в публикациях конца 60-х годов прошлого века историка-китаеведа А.М. Григорьева [2]. Стоит коротко напомнить события жизни М. Фортуса. До октября 1917 г. он окончил 6 из положенных 8 классов гимназии. В 16 лет Фортус вступил в ряды РСДРП и включился в революционную партийную работу на Украине, затем участвовал в гражданской войне в России на польском и Юго-Западном фронтах.

По окончании гражданской войны Фортус окончил первый коммунистический вуз РСФСР — Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова, а с 1922 г. остался там же на научной и преподавательской работе. Затем Фортуса направили на работу в Коммунистический университет трудящихся Востока им. И.В. Сталина (КУТВ), в котором велась подготовка кадров для молодых революционных и коммунистических партий стран Востока. Здесь Фортус впервые заинтересовался проблемами революционной борьбы в колониальных и зависимых странах. Одновременно он начал преподавать в специальном высшем учебном заведении ЦК РКП(б) — Институте красной профессуры (ИКП). До перехода на работу, целиком связанную с Китаем, Фортус два года находился на партийной работе на Украине.

В сентябре 1925 г., когда в Москве в срочном порядке был организован Университет им. Сунь Ятсена (УТК) для подготовки национальных кадров китайской революции, Мифа вызвали в Москву и в ноябре 1925 г. назначили проректором УТК. Он вполне соответствовал требованиям этой должности: высшее профессиональное образование и стаж научно-педагогической работы в «Свердловке», КУТВ и ИКП.

Ректором Университета стал член ЦК РКП(б), секретарь Коминтерна, член ИККИ, известный публицист Карл Радек (Собельсон).

Понятно, что из-за занятости и востребованности Радека основная нагрузка по организации учебного процесса легла на плечи Мифа. Что входило в его компетенцию? Он контролировал организацию учебной и учебно-методической работы факультетов и кафедр, координировал составление учебных программ и планов, определял оптимальный штат профессорско-преподавательского состава.

Квалифицированных кадров и переводчиков в созданном Университете не хватало, не было необходимых учебных материалов. В начальный период становления УТК произошло знакомство Мифа с Чэнь Шаоюем (Голубев, Ван Мин). Чэнь был студентом первого набора, который за 4—5 месяцев смог неплохо выучить русский язык и начал работать переводчиком. Он быстро стал необходимым помощником администрации УТК, помогал переводить распоряжения руководства, выпускать стеклографическим способом учебные пособия и разработки на китайском языке, которые знакомили слушателей с важнейшими решениями Коминтерна по Китаю. Как близкого к администрации студента-активиста, способного объясниться по-русски и разъяснить на родном языке сложные пассажи марксистского учения, Чэня избрали членом бюро комсомольской ячейки, ответственным за пропаганду [3, с. 65].

Тандем Миф — Чэнь Шаоюй, впоследствии оказавший серьезное влияние на историю КПК, с самого начала оказался удобен им обоим. В УТК Миф поддерживал Чэня в борьбе за лидерство среди студентов, а Чэнь старался быть полезным Мифу в переводе встреч видных работников Коминтерна и РКП/ВКП(б) со студентами, а также в ознакомлении с настроениями пестрого по составу слушателей Университета. Первая проблема, с которой столкнулся в УТК Миф, было распространение троцкистских настроений среди студентов и преподавателей.

Следует отметить, что ректор Радек являлся сторонником Л.Д. Троцкого. Поэтому неудивительно, что на торжественной церемонии в Доме союзов в честь открытия УТК в ноябре 1925 г. выступил Троцкий [4, с. 44—45], который был широко известен как один из вождей русской и мировой революции. Троцкий пообещал, что «Советская Россия сделает все возможное для помощи Китаю в его национальной революции, предоставив помощь в виде вооружения и экономической поддержки...»

[4, с. 48]. Эти слова произвели сильное впечатление на присутствующих в зале студентов и преподавателей, создали благоприятную почву для появления сторонников Троцкого в УТК. После антикоммунистического демарша Чан Кайши в марте 1926 г. Троцкий, А.И. Рыков, Г.Е. Зиновьев и др. открыто выступили против того, чтобы китайские коммунисты сосредоточились на завоевании сторонников внутри Гоминьдана. Это мнение противоречило установкам Сталина и его сторонников по вопросам китайской политики. Разногласия в ВКП(б) и Коминтерне привели к исключению из Политбюро ЦК партии лидеров оппозиции за фракционность. Многие студенты УТК, просто симпатизировавшие Троцкому, формально превратились в участников троцкистской оппозиции.

К стороннику Троцкого Радеку Миф сначала относился достаточно лояльно, его первая книга «Уроки шанхайских событий» (1926 г.) вышла под редакцией Радека. Однако с изменением политической расстановки сил в ВКП(б) Миф пересмотрел свою позицию и присоединился к партийному большинству. Борьба с троцкистами в УТК началась осенью 1926 г., когда студенты оспивали ректора УТК на торжественном заседании по случаю 15 годовщины Синьхайской революции. Возмущенный Радек попытался убедить ректорат составить письмо-протест, но Миф и другие его не поддержали. Наоборот, Миф возглавил борьбу с троцкизмом в УТК и начал критиковать Радека и симпатизирующих ему студентов и преподавателей [11, с. 334].

Репутация ярого борца с троцкизмом в УТК выдвинула Мифа в число проверенных и надежных специалистов по Китаю. Он включился в работу ИККИ по разработке тактики КПК в китайской революции. В 1926 г. он выступал на VI (март) и VII (ноябрь) пленумах Исполкома Коминтерна. Причем на VII пленуме ИККИ Миф вместе с В.Н. Кучумовым, заведующим иностранным курсом УТК, представили на обсуждение Киткомиссии при Президиуме пленума проект тезисов по китайскому вопросу, которые вместе с другими материалами легли в основу дискуссии, развернувшейся на пленуме. Различия обнаружились в подходах к тактике решения крестьянского вопроса. Китайская национальная революция, демонстрировавшая явный спад, оценивалась Мифом с крайне левых позиций. Он считал, что в Китае происходит перерастание «теперешней буржуазно-демократической революции в непосредственно социалистическую», настаивал на создании крестьянских советов и на переходе всей власти в их руки, на выселении из деревень всех помещиков, джентри и т. д. [12, л. 9]. Члены Киткомиссии критически отнеслись к взглядам Мифа. Тем не менее, он был избран в редакционную комиссию для окончательной редакции тезисов. Задачи, которые ставились перед КПК пленумом, значительно превышали возможности партии на тот момент [13, с. 127—141].

В 1927 г. Миф впервые попал в Китай в качестве эксперта Коминтерна. Киткомиссия при Политбюро по просьбе ЦК КПК 17 февраля 1927 г. приняла решение направить в Китай группу пропагандистов из «11 товарищей из УТК и КУТВ (из них 4 китайца) за счет указанных университетов» [14, с. 609, 621, 622]. Миф отобрал для поездки Чэнь Шаоюя, Янь Цзюньчжуна (Желтов), Пань Цзячэня (Клюев) и Лю Гочжана (Фогель). Перед группой ставилась задача помочь ЦК КПК наладить издание ежедневной газеты, организовать 3—6-месячные курсы подготовки 3—5 тыс. рабоче-крестьянских военно-политических кадров, которые затем станут базой для расширения будущей революционной Красной армии, руководства вооруженными формированиями крестьян и проведения аграрной реформы [14, с. 622]. Планировалось, что студенты вернутся в Университет для продолжения учебы.

По прибытии 22 апреля в Ханькоу Миф познакомился с Чэнь Дусю, Цай Хэсэнем, Цюй Цюбо и Пэн Шучжи. Когда он изложил цель приезда группы, Чэнь Дусю и члены Политбюро ЦК КПК лишь формально поддержали идею о газете и план создания трех корпусов революционной Красной Армии в 150 тыс. человек, вооружения рабочих и крестьян. Вплоть до эвакуации ЦК КПК из Уханя решение об открытии курсов не было принято [3, с. 81—83], таким образом, план группы так и не был выполнен.

Вместе с делегацией Коминтерна и Профинтерна Миф принял участие в работе V съезда КПК в Ухане (27 апреля — 9 мая 1927 г.). По более поздней оценке Чжоу Эньлая, проект задач КПК, представленный Мифом, «ограничивался лишь узким планом работы» [5, с. 443].

Под давлением советской делегации съезд подверг критике правоуклонистские взгляды Чэнь Дусю, выразившиеся в отказе от руководства революцией в пользу буржуазии, хотя практические меры для их исправления предложены не были. Главной задачей КПК на текущем этапе съездом в духе резолюции VII пленума ИККИ было названо проведение аграрной революции и создание сельской революционной власти. Принятая резолюция по аграрному вопросу носила половинчатый характер. В целом политические решения съезда отражали позицию ВКП(б) и Коминтерна по сохранению сотрудничества КПК и Гоминьдана за счет отказа от более радикальных требований.

В Москве тем временем Политбюро ЦК ВКП(б) решило отозвать Мифа из Китая и назначить ректором УТК вместо Радека [14, с. 730]. Но через несколько дней его приезд отсрочили на два месяца и дали директиву: полностью подчинить всю «организационную работу» центральным органам Киткомпартии [14, с. 744, 775].

Пока Миф находился в Китае, в УТК начался новый всплеск волнений студентов, связанных с выступлением Троцкого и его сторонников на

VIII пленуме ИККИ (18—30 мая 1927 г.) с критикой политики Коминтерна в Китае [4, с. 176—181]. По возвращении Миф столкнулся не только с ожесточенной фракционной борьбой в УТК между сторонниками и противниками Троцкого, но и с противостоянием парткома и временной администрации. С трудом при участии Чэнь Шаоюя Мифу удалось прекратить хаос и склоки. Вскоре он получил должность ректора УТК. Борьба против троцкизма в УТК этими организационными и административными мерами не ограничилась, началась и идеологическая борьба Мифа и Чэнь Шаоюя против всех сомневающихся в политике Коминтерна. При этом Миф со своей стороны всячески поддерживал Чэня в борьбе за лидерство. В конце 1927 г. троцкистская оппозиция в Советском Союзе подошла к концу своего существования, а в УТК она ушла в подполье. Часть студентов заявили о своем выходе из оппозиции, а других с подачи Чэнь Шаоюя при поддержке Мифа арестовали. Судьба многих из них была трагична [4, с. 227—228].

Осенью 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) поставило перед Мифом задачу постепенной коммунизации УТК, «не исключая возможности приема в него некоммунистов и некомсомольцев рабочих и крестьян в пределах 20 % общего состава» [5, с. 151]. До конца 1927 г. проходила «чистка» от гоминьдановцев под предлогом «нецелесообразности» сохранения в УТК ячейки Гоминьдана. Миф получил на этот счет указания от Комиссии Политбюро ЦК «о технике откомандирования правых гоминьдановцев» [5, с. 195].

Следующей идеологической кампанией в УТК с активным участием Мифа стала борьба с т.н. «Цзянсу-Чжэцзянским землячеством». На деле землячество представляло небольшое объединение земляков, выходцев из пров. Цзянсу и Чжэцзян, организовавших кассу взаимопомощи. Существование подобной неформальной организации руководство УТК сочло нарушением партийных норм, что давало возможность шельмовать ее членов как заговорщиков. Чэнь Шаоюй и др. потребовали в отношении организаторов землячества Юй Сюсуна (Нариманов), Чжоу Давэня (Чугунов) и Дун Исяна (Орлинский) полного расследования вопроса в партбюро с привлечением ГПУ. Миф пригласил прибывшего в апреле 1928 г. в Москву для участия в IV Конгрессе Профинтерна Сян Чжунфа, который выступил на встрече с китайскими студентами с разгромной речью против землячества, охарактеризовав его как антипартийную фракционную организацию среди членов КПК в СССР. И только под давлением большого числа обращений от китайских студентов в ЦК КПК землячество было признано неполитической организацией [16, с. 94—106]. Мифу пришлось отступить, тем не менее, с его помощью Чэнь Шаоюю удалось вытеснить своих врагов из УТК в Международную ленинскую школу или на работу на Дальнем Востоке.

С конца 1927 г. — начала 1928 г. в Политбюро ЦК ВКП(б) муссировался вопрос о реорганизации УТК. Миф неоднократно делал сообщения на Оргбюро ЦК ВКП(б) по этому вопросу, и в мае 1928 г. было принято решение о «сосредоточении подготовки китработников при УТК и ликвидации китайского сектора при КУТВ». Окончательное переименование УТК в Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК) произошло лишь 17 сентября 1928 г. на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) после специальных обращений Мифа в Агитпроп ЦК ВКП(б) и Секретариат ЦК ВКП(б) [5, с. 410, 498—499]. Мифу поручалось провести «точную проверку всех студентов для посылки в Китай на партийную работу наиболее способных, а также отослать в Китай тех, кто не обнаружил расположения учиться» [5, с. 434].

По воспоминаниям студента УТК Шэн Юэ (Мицкевич) осенью 1928 г. в Университете вновь произошел раскол между комсомольскими руководителями (Симэнь Цзунхуа, Гао Чэньле, Линь Цито и др.) и партбюро Университета [4, с. 232]. Миф на общем собрании студентов КУТК сообщил о существовании подпольной троцкистской организации «Боевой комитет». Дошло до вынесения вопроса на комиссию партколлегии ЦК ВКП(б) в составе О.А. Пятницкого, А.А. Сольца, представителя китайской Делегации в ИККИ и Мифа. В результате было принято «Обращение ко всем китайским студентам в СССР» с разъяснением того, какой огромный вред может нанести КПК, работающей в труднейших условиях нелегальности и белого террора, малейшее нарушение партдисциплины. Миф подвергся критике за вынесение вопроса на общее собрание студентов [5, с. 493]. Вслед за этим последовала очередная «чистка» рядов китайских студентов.

В октябре 1928 г., по рекомендации партбюро, университетские власти во главе с Мифом начали отсылать самых явных своих противников в Сибирь, где те направлялись на тяжелую физическую работу. Среди сосланных в Сибирь были Гао Чэньле, Линь Цито и прочие. Некоторые, например Симэнь Цзунхуа, на следующий год были отправлены обратно в Китай «без поддержки партии», что означало вероятность сразу оказаться в руках полиции [4, с. 232]. В начале марта 1929 г. В.И. Вегер заменил Мифа на посту ректора, однако Миф продолжал следить за делами Университета, а расправа с неугодными студентами продолжалась в КУТК вплоть до его расформирования. Бывшие студенты отправились не на родину, а в Сибирь, где многие подверглись репрессиям или были депортированы на родину. Так для многих молодых людей закончилась учеба революции.

Параллельно с ректорством в Университете Миф привлекался к работе в Коминтерне. За время пребывания в Китае статус его повысился: 8 июля 1927 г. его включили в состав Китайской комиссии при Политсек-

ретариате ИККИ. Политика Коминтерна в Китае в эти годы во многом определялась положениями, выдвинутыми Сталиным в его статьях и выступлениях 1927 г., в работах и выступлениях генерального секретаря ИККИ Н.И. Бухарина 1927—1928 гг., а также в выступлениях других руководителей и работников ВКП(б), Коминтерна и Профинтерна — О.В. Куусинена, С.А. Лозовского, Д.З. Мануильского, Л.И. Мадьяра и др. С 1927 г. в круг разработчиков китайской политики в советский период ее развития вошел Миф.

Первая инициатива Мифа — вызвать в Москву бывшего секретаря шанхайской организации партии Ло Инуна (Бухаров) — относится к осени 1927 г. Миф мотивировал свое предложение отсутствием в Москве официального представителя ЦК КПК [5, с. 83]. Надо понимать, что Миф предлагал вызвать именно выпускника КУТК, а не какого-нибудь независимого партийца, поскольку предпочитал опираться на «проверенных» людей.

В декабре 1927 г. Миф включился в борьбу с оппозицией: в выступлении на XV съезде ВКП(б) он подверг критике несостоятельность взглядов антипартийной троцкистской оппозиции, ее попытки исказить линию Коминтерна и ВКП(б) по вопросам китайской революции [6]. 12 членов оппозиции были выведены на съезде из состава ЦК ВКП(б). Установки Коминтерна на «продолжение борьбы за завершение буржуазно-демократической революции «плебейским путем», т. е. революционным выступлением блока рабочих, крестьян и городской бедноты под гегемонией пролетариата», по-прежнему отражали серьезную переоценку возможностей такого блока, уровня и характера рабочего и крестьянского движения.

Наряду с Бухариным, Сталиным, В.В. Ломинадзе и Ф.Ф. Раскольниковым (Петров, Ильин) Миф был включен в состав комиссии по подготовке резолюции IX пленума ИККИ (9—25 февраля 1928 г.) по китайскому вопросу, в которой указывалось на ряд симптомов того, что рабоче-крестьянская революция идет к новому подъему [7, с. 764]. С другой стороны, пленум предостерегал китайских коммунистов от «неправильного учета нынешней обстановки и недооценки сил противника», от величайшей опасности «оторваться от масс, забежать далеко вперед, расплыть свои силы и дать себя разбить по частям». В этом случае «авангард рабоче-крестьянского движения — Коммунистическая партия будет наверняка разбита и дезорганизована» [7, с. 764]. Вопросы китайской революции, затронутые на пленуме ИККИ, а также итоги дискуссии по китайскому вопросу на XV съезде ВКП(б) была освещены в статье Мифа «Спорные вопросы китайской революции» (1928), в которой, как указывалось в примечаниях от редакции, излагалась «точка зрения нашей партии и Коминтерна» [6, с. 108—122].

С начала 1928 г. в руководстве ВКП(б) и Делегации ВКП(б) в ИККИ наметилась тенденция к резкому сужению круга лиц, принимавших решения по Китаю. Желая снять с себя ответственность за провал китайской политики, руководство ВКП(б) формально перенесло решение этих вопросов в Коминтерн, а вскоре Киткомиссия Политбюро ЦК партии прекратила свою работу. Тем не менее, все важные решения ИККИ по-прежнему утверждались в Политбюро ЦК ВКП(б). Карьера Мифа в Коминтерне продолжала идти в гору, он был назначен заведующим Китайской секцией вновь организованного Восточного лендерсекретариата ИККИ, а затем введен и в монгольскую подкомиссию вместо Петрова (Раскольников) [5, с. 318, 351].

К этому времени относятся новые инициативы Мифа. 23 марта 1928 г. от имени Дальневосточного секретариата ИККИ он предложил Л.М. Карахану воспользоваться присутствием в СССР члена ЦИК Гоминьдана, вдовы Сунь Ятсена Сун Цинлин, которая 14 июля 1927 г. после контрреволюционного переворота Чан Кайши опубликовала декларацию протеста против политики Гоминьдана, предавшего учение Сунь Ятсена. Миф считал, что после соответствующих бесед «ответственных товарищей» с Сун Цинлин, ее можно привлечь к работе по общественной линии, выдвинув план создания в Китае антиимпериалистической лиги, а также использовать ее авторитет для разложения гоминьдановско-милитаристских верхов и давления на нанкинский и уханьский центры в деле возобновления дипломатических отношений с СССР [5, с. 356—357].

Еще с одной инициативой 6 апреля 1928 г. Миф обратился к Бухарину: предложить ЦК КПК «захватить и закрепиться в определенном районе, который мог бы служить базой движения» и военно-политическим центром «на территории от Восточной реки до границы Хунани». По линии военного ведомства Миф по согласованию с начальником Разведуправления Я.К. Берзиным (Кюзис) считал возможным перебросить китайских коммунистов, окончивших военные учебные заведения в СССР, и вооружение в этот район, а также «выделить 1 млн китдолларов для военно-политической работы в указанном районе» [5, с. 362—363].

В Москве весной-летом 1928 г. предполагалось провести нескольких форумов: IV конгресса Профинтерна, VI конгресса Коминтерна, V конгресса КИМ (Коммунистический Интернационал молодежи). В связи с тем, что делегаты КПК должны были принимать участие в этих конгрессах, было решено провести съезд КПК в Москве.

VI Всекитайскому съезду КПК (18 июня — 11 июля 1928 г.) Коминтерн и ВКП(б) придавали исключительное значение. В комиссию по проведению съезда были включены Бухарин (руководитель), Ж. Эмбер-Дро, Куусинен, П. Тольятти и Миф [5, с. 438]. Миф назначался ответственным за проведение съезда КПК в СССР (с. Первомайское Наро-Фоминского р-

на Московской обл.). Эта деятельность включала в себя не только прием и доставку делегатов, обеспечение мер конспирации и безопасности, но и подготовку материалов съезда, а именно проектов резолюций, организацию устного и письменного перевода. Все материалы съезда были подготовлены на китайском и русском языках. Для этого еще в марте 1928 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение «обязать правление УТК совместно с КУТВ выделить 15 студентов для участия в VI съезде КПК с дальнейшим направлением для работы небольшими группами» [5, с. 353]. Проекты всех резолюций, вследствие невысокого уровня концептуального стратегического мышления основной массы делегатов, готовились заранее специальными комиссиями, а затем представлялись для обсуждения и принятия на пленарные заседания съезда. Миф участвовал в подготовке 7 из 11 проектов резолюций, включая Устав партии, аграрную программу, крестьянский, военные вопросы и оргрезолцию [5, с. 438,439].

Чэнь Шаоюя Миф сделал своим помощником по оргвопросам и в изучении материалов, посылаемых китайской компартией в ИККИ. Чэнь выполнял обязанности переводчика в подготовительных комиссиях. Он не обладал каким-либо официальным статусом, не являлся делегатом. Но эта работа дала ему возможность лично познакомиться с некоторыми руководителями Коминтерна, ВКП(б) и КПК, что могло помочь Чэнь Шаоюю в будущем. В частности, Чэнь переводил беседу Сталина с делегацией КПК, приехавшей на съезд [3, с. 107—111].

Сам Миф присутствовал на заседаниях съезда лишь урывками. Много времени у него уходило на подготовку окончательных проектов резолюций и поправок к резолюциям. Мифу очень хотелось поднять статус съезда, он высказывал пожелание о присутствии Сталина, а если он не сможет лично явиться, «было бы весьма желательно получить от него письменное приветствие» [5, с. 441]. Сталин отказался выступить с докладом на съезде, мотивируя свой отказ перегруженностью. Это решение поддержало Политбюро ЦК ВКП(б) [5, с. 445].

Китайские исследователи в целом положительно оценивают работу Мифа по подготовке и проведению съезда КПК. Его предложение выдвинуть в члены ЦК КПК кандидатуру не присутствовавшего на VI съезде Мао Цзэдуна получило одобрение в Китае [8, с. 71, 115, 116]. Первопричину этого предложения следует искать в письме Ли Вэйхана, полученном 25 мая 1928 г. в ИККИ, где говорилось об успехах деятельности Мао Цзэдуна в Хунани и Цзянси [5, с. 411]. Перед предложением кандидатуры Мао Миф предварительно получил согласие руководства ВКП(б) и Коминтерна.

По сути принятых съездом решений можно сказать, что ответственным за исход революции 1925—1927 гг. в Китае был выбран Чэнь Дусю.

Архивные документы Коминтерна показывают, что все разработчики нереальных планов для китайских коммунистов в равной степени несут ответственность за поражение революции. Работе VI съезда КПК посвящена более поздняя и наиболее известная работа Мифа, в которой излагалось содержание решений VI съезда КПК, детально разъяснились основные моменты дискуссии и решений по аграрно-крестьянскому вопросу [9].

С 1928 г. Миф окончательно перешел на работу в Коминтерн на должность заместителя заведующего ВС (Восточный секретариат) Коминтерна и стал одним из активных участников определения политики КПК в «советский период», т. е. в период создания опорных баз советского движения в Китае. Во время работы съезда КПК в июне 1928 г. Миф вновь выступил с инициативой: направить телеграмму в Шанхай представителю ИККИ в Китае Альбрехту (Абрамович-Четуев) с предложением провести в Шанхае «пробную» антиимпериалистическую демонстрацию студентов, рабочих, городской бедноты под антиимпериалистическими и антигоминьдановскими лозунгами [5, с. 440—441].

Вслед за VI съездом КПК в Москве открылся VI конгресс Коминтерна (17 июля — 1 сентября 1928 г.), на котором в Киткомиссии конгресса проходили дискуссии по китайскому вопросу под руководством Мифа. Комиссия подготовила проект резолюции конгресса «О задачах Киткомпартии» и направила на утверждение Сталину, Бухарину, Ворошилову и Пятницкому [5, с. 458—460]. Во время дискуссии по проекту Бухарин, приведя в пример слова китайцев о том, что их «замучили невыполнимыми приказами о восстаниях», отметил заслугу IX пленума ИККИ, вовремя прекратившего путчизм, грозивший опасностью потери китайской партии [5, с. 453—454]. Однако конгресс поддержал внесенное Сталиным положение о необходимости «безусловного выполнения» решений Коминтерна и охарактеризовал текущий момент китайской революции как полосу подготовки массовых сил к новому подъему революции [10, с. 156]. В резолюции подчеркивалось, что «грядущий подъем вновь поставит перед партией как очередную практическую задачу подготовку и проведение вооруженного восстания как единственного пути завершения буржуазно-демократической революции и свержения власти империалистов, помещиков и национальной буржуазии, власти Гоминьдана» [5, с. 454].

В результате организационных решений VI конгресса Коминтерна временно исполняющим обязанности заведующего Дальневосточной секцией (ДВС) Восточного секретариата был назначен Кучумов, а Миф — его заместителем и ответственным за работу с Компартией Китая в Дальневосточной секции Восточного секретариата [15, с. 155]. В связи с этим Миф поставил перед Агитпропом ЦК ВКП(б) вопрос об освобождении его от

работы в ИККИ или в УТК, поскольку совмещать оба поста считал невозможным [5, с. 501].

По поручению коллегии Восточного секретариата 29 октября 1928 г. Миф сформировал Китайскую комиссию секретариата, в состав которой помимо него самого и Кучумова вошли: Цюй Цюбо, Чжан Готао, Сано Манабу (Като), Дэн Чжунся, Ло Дэнъин, Ван Жофэй (Юэ Фэй). Через год комиссия получила статус постоянной, решая вопросы текущей политической работы, связанной с разработкой и осуществлением политики советов в Китае. В целом курс на «советизацию», напрямую связанный с именем Сталина [2, с. 34, 35], во многом был продолжением политики ВКП(б) и ИККИ в Китае.

В качестве председателя ДВС на протяжении 1929 г. Миф участвовал в подготовке всех директив для КПК, включая военные [5, с. 518—521, 521—530]. Ключевым вопросом после VI съезда КПК являлся вопрос об отношении к кулаку в китайской деревне. Исходя из ленинских установок о враждебной сущности кулака в России, при несоответствии советской модели китайским реалиям, Миф направил одобренное на заседании Политсекретариата ИККИ письмо в ЦК КПК по крестьянскому вопросу, в котором уточнялись решения съезда в плане снятия «оппортунистического» лозунга «союза с кулаком» [10, с. 179—189]. Кулаки в Китае, по сути, представляли собой сельскую буржуазию, поэтому эта корректировка в корне являлась ошибочной на буржуазно-демократическом этапе китайской революции.

Миф участвовал также в подготовке директив для представительства ИККИ в Китае — Дальбюро (ДВБ). Начиная с конца 1928 г. решался вопрос о представителе Коминтерна (ДВС) в Дальбюро ИККИ в Шанхае. Кучумов предлагал руководству ВКП(б) три кандидатуры на эту должность: секретаря Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) И.А. Зеленского, одного из руководителей Профинтерна И.И. Лепсе или Мифа [14, с. 512]. Несмотря на важность вопроса о представителе, решение в течение 1929 г. не было найдено.

Во взаимоотношениях Коминтерна и его китайской секции в это время первое место заняла проблема преодоления обострившихся разногласий между руководством КПК и Дальбюро ИККИ. Дело было в формировании в руководстве КПК т.н. ультралевой «линии Ли Лисаня», подразумевавшей немедленную организацию вооруженных восстаний в городах. Истоки происхождения «левой» линии заключались в завышении оценок масштабов и уровня развития рабочего движения, партизанских действий, содержащихся как в документах ЦК КПК, так и в оценках Коминтерна, а соответственно — в его директивах КПК. В ряде основных документов и директив к 1930 г. определилась существенная эволюция: при определении задач КПК на первое место была выдвинута задача создания

территориальных баз советов в ряде сельских районов Центрального Китая. ВКП(б) и Коминтерн, считая «новый подъем революционного движения в Китае бесспорным фактом», через ДВБ предписывали Китайской компартии «расширять партизанское движение, вооружаться за счет милитаристических частей, захватывать отдельные районы и создавать в них советские очаги» [5, с. 616—617].

ЦК КПК со своей стороны, не информируя Дальбюро и ИККИ о своих планах и обвиняя Дальбюро в исповедовании правых взглядов и в сомнениях в социалистическом характере революции в Китае, считало Дальбюро ИККИ и Коминтерн — оппортунистами [5, с. 803]. Дальбюро, не имея собственного переводчика, некритически воспроизводило данные ЦК КПК, а получаемая в Коминтерне информация не ставилась под сомнение. В этом заключалась одна из причин отсутствия жесткой и четкой реакции Москвы на политический курс КПК. Кроме того, в известной резолюции «Новый революционный подъем и победа первоначально в одной или нескольких провинциях», принятой Политбюро ЦК КПК 11 июня 1930 г., Коминтерн вплоть до осени 1930 г. не видел угрозы, поскольку теория о возможности построения социализма в СССР, разработанная при участии Бухарина в противовес идее перманентной мировой революции Троцкого, являлась официальной доктриной государства после XIV съезда ВКП(б). Ли Лисань, да и все Политбюро ЦК КПК считали, что резолюция от 11 июня 1930 г. «составлена полностью в соответствии с указаниями ИККИ, VI съезда Компартии Китая» [5, с. 907].

На фоне общей борьбы после X пленума ИККИ (3—19 июля 1929 г.) с «правой» оппозицией в лице Бухарина, А.И. Рыкова и М.П. Томского в ВКП(б) и ИККИ не видели опасности в курсе КПК и бывшие студенты КУТК. Ван Цзясян (Коммунар), Шэнь Цзэминь (Гудков), Чэнь Юаньдао (Невский), Цинь Бансянь (Погорелов, Бо Гу) и Чэнь Шаоюй в обход ЦК КПК и обычных каналов связи партии с Москвой сообщали Мифу о ситуации в партии [5, с. 892—893, 896—897, 928—929, 938—941, 960—961, 972—973, 1026—1027, 1053—1056, 1118, 1176—1177]. Так, Чэнь Шаоюй, прибывший в Шанхай вместе с женой в феврале 1929 г. и получивший назначение на нелегальную низовую работу, жаловался Мифу на то, что «москвичам» за несогласие принять «правый уклон» и за фракционность дали выговор с последним предупреждением, а его самого исключили на 6 месяцев из партии [5, с. 801, 892—893, 928—929, 938, 960—961, 972—973]. «Москвичей» волновала в основном собственная судьба.

По поручению Политкомиссии Политсекретариата ИККИ Миф составил проект телеграммы в Политбюро ЦК КПК по поводу разногласий ДВБ с руководством ЦК, в которой не было ни слова осуждения «линии Ли Лисаня». Даже телеграмма ЦК КПК в ИККИ от 18 июля 1930 г. о планах организации восстаний в Нанкине, Шанхае, Ухане и других городах

Китай не заставила ИККИ выступить против повсеместной организации восстаний, а в конце июля Политкомиссия признавала «политическую линию ЦК Киткомпартии правильной» [5, с. 945]. Материалы, поступающие из ДВБ, также свидетельствовали о необходимости вооруженного восстания в Нанкине и пр. До середины августа ДВБ тревожили не столько планы Ли Лисаня организовать восстания в Учане, Харбине, Пекине и Тяньцзине при неременной поддержке Советской Красной армии, сколько критические выпады Политбюро ЦК КПК в адрес ИККИ о «непонимании конкретной китайской обстановки» и призывы «защищать свою линию от Коминтерна» [5, с. 962—963].

После нескольких подобных сообщений от ДВБ в китайский вопрос вмешался Сталин. В телеграмме В.М. Молотову из Сочи от 13 августа он отметил фантастичность и опасность крена китайского руководства: «Всеобщее восстание в Китае в данной обстановке — чепуха» [5, с. 997]. В ЦК КПК 25 августа была направлена телеграмма об отсутствии серьезных шансов захвата крупнейших городов, а сама эта идея характеризовалась как «вреднейший авантюризм» [5, с. 1018].

Руководство КПК, отказываясь подчиниться одергиванию Коминтерна, продолжало настаивать на соответствии курса «резолуции 11 июня» директивам Коминтерна. Сообщения о «возмутительных решениях руководства КПК, принятых через голову ДВБ» [5, с. 911], и тяжелые последствия восстаний побудили Москву принять ряд мер политического и организационного характера. Ли Лисаня вызвали в Москву, а в Китай новым руководителем Дальбюро ИККИ в Шанхае был направлен Миф под псевдонимами Вильгельм и Купер.

Прибыв в Шанхай в 20-х числах октября, Миф не застал III сентябрьский пленум ЦК КПК, который должен был разобраться с ультралевой линией. Как назначенный Москвой секретарь ДВБ Миф осудил примиренческие решения ДВБ по поводу «левацкой» линии Ли Лисаня. При нем была принята резолюция о том, что в предложениях ДВБ III пленуму «линия Ли [Лисаня] была охарактеризована не в такой политически острой форме», как это было необходимо, что ДВБ не контролировало решения пленума [5, с. 1119]. В ноябре, после получения «Письма ИККИ о лилисаневщине», в котором политическая линия Ли Лисаня объявлялась Коминтерном «оппортунистической», «антиленинской», «антимарксистской», ДВБ под руководством Мифа дезавуировало решения III пленума ЦК КПК, признав необходимым изгнать из руководства партии сторонников левацкой линии и выдвинуть в руководящие органы твердых борцов. Бюро развернуло активную подготовку к новому партийному форуму [11, с. 335; 5, с. 1121—1122]. В период подготовки к новому пленуму обострилась внутрипартийная борьба между «молодыми коминтерновцами», критиковавшими политику ЦК за правый и левый уклон, и группой

Ло Чжанлуна, считавшей, что в КПК нет правого уклона. Миф и ДВБ поддержали Чэнь Шаоюя и его сторонников, и раскол был преодолен.

В отсутствие Ли Лисаня, выведенного на III пленуме из состава Политбюро ЦК КПК и находящегося в Москве, 8 января 1931 г. состоялся IV пленум ЦК КПК. Политическая линия ЦК КПК подверглась серьезной критике. Миф присутствовал лишь на последнем заседании пленума, но с его подачи произошло значительное обновление ЦК и Политбюро партии. На пленум были приглашены «молодые товарищи из [советских] школ» — вчерашние студенты КУТК. Под давлением Мифа из Постоянного комитета Политбюро ЦК вывели Цюй Цюбо, а Чэнь Шаоюя с низкой должности заведующего одним из отделов райкома в Шанхае кооптировали сразу в члены ЦК и Политбюро ЦК партии [3, с. 155]. Еще одного ученика Мифа Шэнь Цзэминя кооптировали в ЦК с правом совещательного голоса. В Постоянный комитет заочно включили Чжан Готао, знакомого Мифа по работе в Москве, а через неделю после пленума туда же ввели Чэнь Шаоюя [11, с. 335—336], поставив его вровень с генеральным секретарем ЦК Сян Чжунфа и старейшими членами партии.

В марте 1931 г. аналогичная реорганизация руководящих органов была проведена в китайском комсомоле. Секретарем ЦК китайского комсомола стал Бо Гу [11, с. 336]. Постепенно «московские кадры» заняли многие руководящие посты в КПК и КСМК. Это был серьезный удар по авторитету компартии. В руководстве партии и комсомола оказались люди, вовсе не имеющие никакого практического опыта работы. В заслугу себе Миф и ДВБ ставили создание Бюро ЦК Центрального советского района в составе Сян Ина, Жэнь Биши, Мао Цзэдуна, Чжу Дэ и др. [5, с. 1317].

Фактически левый уклон в КПК сохранился и после IV пленума ЦК КПК. ДВБ во главе с Мифом утверждало в феврале 1931 г., что нужно «уже сейчас предусматривать необходимость для нашей армии развивать наступления на крупные города», например, на Чанша и Наньчан [5, с. 1317]. Через месяц Кучумов в записке на имя Мануильского указывал, что «революционный подъем в части районов Китая достиг наивысших форм классовой борьбы — вооруженного восстания и гражданской войны, советская власть стала действительностью, а Красная армия «обеспечит мощный подъем революционного движения» [5, с. 1344]. В ДВБ, и в ИККИ, и в ЦК КПК не прекращались споры об искажении линии партии, состоянии китайской революции, о численности коммунистов и частей Красной армии, о перспективах советского движения.

В 1931 г. в Китае значительно усилилось полицейское преследование коммунистов, положение ДВБ ухудшалось с каждым днем, в КПК произошла серия арестов. Провал радиостанции задержал установление радиосвязи с Москвой на три месяца, заботой Мифа стала ее организация.

Он сообщал в ИККИ, что радиопередатчики имеются в достаточном количестве, «но трудность заключается... в отсутствии достаточных кадров... Их нужно нам самим подготовить... без радиостанции никакого своевременного реагирования на события не может быть и речи» [5, с. 1436].

Ситуация в Китае продолжала усугубляться. Никто из членов Дальбюро не имел «чистых» документов. Члены Дальбюро — Миф и Рильский не знали иностранных языков, свои директивы писали по-русски, поэтому им требовался переводчик для общения с членами Политбюро ЦК КПК. Председатель ДВБ Миф не мог даже выйти в дневные часы, т. к. был хорошо известен как бывший ректор УТК/КУТК. Он сообщал в ИККИ, что члены ДВБ «вынуждены ограничить число заседаний... День ото дня наша работа становится все труднее» [5, с. 1373]. 30 марта 1931 г. Дальбюро телеграфировало в ИККИ о том, что положение в Шанхае «не гарантирует безопасности Мифа и других членов ДВБ, что дальнейшее пребывание Мифа чрезвычайно опасно. ДВБ просило разрешить отъезд не позже 20 апреля. Глава Отдела международной связи Пяницкий получил согласие Сталина на отъезд Мифа. 5 апреля Политкомиссия Политсекретариата ИККИ приняла решение о его возвращении [5, с. 1386]. Миф уехал в Москву в апреле 1931 г. Вслед за ним в конце сентября 1931 г. в Москву выехали Чэнь Шаоюй с женой.

Это был поворотный момент в реальной роли Мифа в истории КПК. Инициатива в политике КПК перешла с этого момента к Делегации КПК в ИККИ, в частности, к Чэнь Шаоюю, который по рекомендации Мифа стал членом Делегации. Для работы в ИККИ Чэнь взял себе новый псевдоним, под которым останется известен в истории Китайской Компартии и Коминтерна, — Ван Мин. Дальневосточная секция Восточного лендерсекретариата и Миф по-прежнему целенаправленно продвигали на ключевые посты в КПК выпускников московских интернациональных вузов. Именно с помощью Мифа Ван Мин в 1931 г. занял пост главы Делегации КПК в Коминтерне, а Бо Гу после отъезда Ван Мина в СССР стал членом Центрального бюро КПК, а затем и генеральным секретарем ЦК КПК [11, с. 381—382].

Таким образом, деятельность Мифа в наиболее показательный период его участия в китайской политике Коминтерна в 1925—1931 гг. представляется далеко не однозначной. На протяжении ряда лет Миф находился на различных должностях: от проректора и ректора УТК/КУТК до руководителя ВС ИККИ, члена Китайской комиссии Политкомиссии Политсекретариата ИККИ. Соответственно этому положению его влияние на политику КПК было различным. Анализ архивных документов позволил выявить как позитивное, так и негативное влияние Мифа на раннюю историю КПК. С одной стороны, нельзя не отметить организаторских

способностей Мифа по налаживанию учебного процесса подготовки китайских студентов в УТК/КУТК и проведению VI съезда КПК. Однако жесткое преследование инакомыслия в УТК и в КПК нанесло скорее вред молодой китайской партии. Наибольший ущерб КПК был нанесен Мифом при вмешательстве в кадровую политику на IV пленуме ЦК КПК, когда все руководство партии было заменено неопытными, но послушными Коминтерну выпускниками московских вузов. Отвечая на вопрос о том, что внес Миф в разработку курса КПК, можно сказать, что его вклад заключается в интерпретации и модификации теоретических построений Коминтерна. Догматическое следование значительному полеванию курса Коминтерна в переоценке возможностей КПК нашло отражение в директивных материалах, подготовленных под руководством Мифа в Восточном секретариате Коминтерна, а также в его публицистических работах. Это еще раз указывает на необходимость дальнейшего изучения исторического опыта Коминтерна как крупнейшей международной политической организации первой половины XX в.

Библиографический список

1. *Чэн Шаньцзянь*. Лунь макэсы чжуи цзай чжунго чуаньбо чжун мифу дэ чжэньши цзюан : [О настоящей роли Мифа в распространении марксизма в Китае] // Дан ши вэньюань. 2017. Вып. 5, ч. 2. С. 36—38.
2. *Григорьев А.М.* Павел Александрович Миф // Народы Азии и Африки. 1969. № 2. С. 237—241.
3. *Мэн Циншу*. Чэнь Шаоюй — Ван Мин. Биография. Воспоминания. М.: БФ «Онтопсихология», 2011. 970 с.
4. *Шэн Юэ*. Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2009. 320 с.
5. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. III. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1927—1931. В 2 ч. М.: Буклет, 1999. 1598 с.
6. *Миф П.А.* Спорные вопросы китайской революции // Большевик, 1928. № 3/4. С. 108—122.
7. IX пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. Резолюции и постановления (9—15 февраля 1928 г.) // Коммунистический Интернационал в документах: Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ, 1919—1932. М.: Партийное изд-во, 1933. 1007 с.
8. *Ли Мао*. Макэсы чжуи чжунго хуа ши юй ся дэ чжунгун дан нэй цзютяо чжуи яньцзю (1921—1945) : [Исследование догматизма в Коммунистической партии Китая с точки зрения китаизации марксизма. (1921—1945)]. Чэнду: Юго-Западный Университет Цзюатун, 2017. 311 с.
9. *Миф П.А.* Китайская революция. М.: Парг. изд-во, 1932. 322 с.

10. Коммунистический Интернационал и китайская революция: Документы и материалы / Ин-т Дальнего Востока АН СССР; отв. ред. М.Л. Титаренко. М.: гл. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1986. 317 с.

11. *Ланцов А.* Мао Цзэдун. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2012. 867 с.

12. РГАСПИ. (Российский Государственный архив социально-политической истории). Ф. 495. Оп. 165. Д. 267. Л. 9.

13. *Картунова А.И.* Китайский вопрос на VII пленуме ИККИ: дискуссия в Китайской комиссии (декабрь 1926 г.) // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 4. С. 127—141.

14. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. В 5 т. Т. 2. ВКП(б), Коминтерн и национально-освободительное движение в Китае. 1926—1927. В 2 ч. М.: Буклет, 1996. 1011 с.

15. *Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К.* Организационная структура Коминтерна. 1919—1943. М.: РОССПЭН, 1997. 287 с.

16. *Сотникова И.Н.* Из когорты первых: Юй Сюсун. К 120-летию со дня рождения // Проблемы Дальнего Востока, 2019. № 5(2). С. 94—106.

References

1. *Cheng Shanjian.* Lun makesi zhui zai zhongguo chuanbo zhong mifu de zhen-shi zuoyong [On the real role of Myth in the spread of Marxism in China]// Dang shi wenyuan. 2017. Issue. 5, part 2, p. 36—38. (In Chinese)

2. *Grigor'yev A.M.* Pavel Aleksandrovich Mif [Pavel Alexandrovich Myth] // Narody Azii i Afriki. 1969, No 2, p. 237—241. (In Russian).

3. *Men Tsinshu.* Chen' Shaoyu — Van Min. Biografiya. Vospominaniya [Chen Shaoyu — Wang Ming. Biography. Reminiscences]. Moskva: BF «Ontopsikhologiya», 2011. 970 p. (In Russian).

4. *Shen Yue.* Universitet imeni Sun' Yatsena v Moskve i kitayskaya revolyutsiya. Vospominaniya [Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese revolution. Reminiscences]. Moskva: IV RAN: Kraft +, 2009. 320 p. (In Russian).

5. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы [The All Union Communist Party (B), the Comintern and China]. Т.III. V dvukh chastyakh. 1999, Moskva: AO «Buklet». 1598 p. (In Russian).

6. *Mif P.A.* Spornyye voprosy kitayskoy revolyutsii [Controversial issues of the Chinese revolution] //Bol'shevik, 1928, No. 3/4, p. 108—122. (In Russian).

7. IX plenum Ispolnitel'nogo komiteta Kommunisticheskogo Internatsionala. Rezolyutsii i postanovleniya (9—15 fevralya 1928 g.) [IX plenum of the Executive Committee of the Communist International. Resolutions and decrees (9—15 February 1928)]// Kommunisticheskiy Internatsional v dokumentakh: Resheniya, tezisy i voz-zvaniya kongressov Kominterna i plenumov IKKI, 1919—1932 [Communist International in documents: Decisions, theses and appeals of the congresses of the Comintern

and plenums of the ECCI, 1919—1932)]. Moscow: Partiynoye izdatel'stvo, 1933. 1007 p. (In Russian).

8. *Li Mao*. Makeshi zhuyi zhongguo hua shi yu xia de zhonggong dang nei jiaotiao zhuyi yanjiu [A Study of the Dogmatism in the Chinese Communist Party from the Perspective of Marxism the Sinicization (1921—1945)]. Chengdu: Southwest Jiaotong University, 2017. 311 p. (In Chinese)

9. *Mif P.A.* Kitayskaya revolyutsiya [Chinese revolution]. Moskva: Partiynoye izdatel'stvo, 1932. 322 p. (In Russian).

10. Kommunisticheskiy Internatsional i kitayskaya revolyutsiya: Dokumenty i materialy [The Communist International and the Chinese Revolution: Documents and Materials]/ In-t Dal'nego Vostoka AN SSSR; Otv. red. M.L. Titarenko. Moskva: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva «Nauka», 1986. 317 p. (In Russian).

11. *Pantsov A.* Mao Tszedun [Mao Zedong]. 2-ye izd., ispr. Moskva: Molodaya gvardiya, 2012. 867 p. (In Russian).

12. RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History], fond 495, opis' 165, delo 267, list 9. (In Russian).

13. *Kartunova A.I.* Kitayskiy vopros na VII plenumе IKKI: diskussiya v Kitayskoy komissii (dekabr' 1926 g.) [The Chinese question at the VII plenum of the ECCI: discussion in the Chinese commission (December 1926)] // Problemy Dal'nego Vostoka. 2012, No 4, p.127—141. (In Russian).

14. VKP(b), Komintern i Kitay. Dokumenty [The All Union Communist Party (B), the Comintern and China]. T. II. V dvukh chastyakh. 1996. Moskva: AO «Buklet». 1011 p. (In Russian).

15. *Adibekov G.M., Shakhmazarova E.N., Shirinya K.K.* Organizatsionnaya struktura Kominterna. 1919—1943 [Organizational structure of the Comintern. 1919—1943]. 1997. Moskva: ROSSPEN. 287 p. (In Russian).

16. *Sotnikova I.N.* Iz kogorty pervykh: Yuy Syusun. K 120-letiyu so dnya rozhdeniya [From the cohort of the first: Yu Shusun. To the 120th anniversary of the birth] // Problemy Dal'nego Vostoka, 2019, No 5(2), p. 94—106. (In Russian).

Е Фань

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ ИМ. Н.Г. ТОЛМАЧЁВА И ПЕРВЫЕ ВЫСШИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КАДРЫ КПК

Аннотация. В конце 20-х годов XX в., в самый тяжелый период китайской революции, когда ей больше всего не хватало революционных кадров, советская Военно-политическая академия имени Н.Г. Толмачева (ВПАТ) подготовила более 40 высших военно-политических специалистов, многие из которых в последующем заняли высокие должности в органах КПК, в ее вооруженных силах, а после образования КНР и в различных государственных органах. Тем самым это советское военное учебное заведение навечно внесло свой вклад в дело становления и укрепления народной армии Китая, в дело окончательной победы китайской революции и освобождения китайского народа. Тем не менее, в Китае и за его пределами об этом учебном заведении известно не столько, сколько оно того заслуживает; недостаточно системных исследований о контингенте китайских курсантов и об отдельных китайских курсантах, обучавшихся в ВПАТ. Обращаясь к этой «красной истории» в канун 100-летия образования КПК, открывая яркие страницы истории российско-китайской дружбы, мы отдаем дань памяти павшим борцам революции, «перебрасываем мостки» из прошлого в будущее российско-китайских отношений и действительно способствуем их непрерывному поступательному развитию. Спустя почти столетие, исторические материалы в российских архивах хранят свидетельства пребывания китайских курсантов в этом советском военном учебном заведении. Взяв за основу недавно обнаруженные материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Российского государственного военного архива (РГВА), дополнив их мемуарами китайских курсантов, автор настоящей статьи попытался всесторонне и системно восстановить историю учебы и жизни китайских курсантов в ВПАТ в конце 20-х годов XX в. и таким образом в той или иной степени заполнить «белые пятна» в сфере научных исследований о китайцах, обучавшихся в СССР. Кроме того, настоящая статья представляется полезной в плане изучения персоналий в истории КПК.

Ключевые слова: СССР, Китай, военно-политические кадры, Военно-политическая академия им. Н.Г. Толмачева, китайские курсанты.

Автор: Е Фань, кандидат исторических наук, профессор-ассистент, научный руководитель аспирантов Института марксизма Пекинского университета, КНР. E-mail: ye5125172@mail.ru

Ye Fan

THE TOLMACHYOV MILITARY-POLITICAL ACADEMY AND THE CPC FIRST HIGH-RANKING MILITARY-POLITICAL CARDES

Abstract. In the late 1920-s during the hardest period of the Chinese revolution at the situation of a serious shortage of the revolutionary cadres the N.G.Tolmachev Soviet Military-Political Academy (TMPA) trained more than 40 well-prepared military-political specialists many of which later became high-ranked cadres in the CCP apparatus, in its military forces, and after the PRC formation in the various state organs as well. Thus, this Soviet military educational institution for ever contributed to the formation and strengthening of the People's Liberation Army, to the cause of the Chinese revolution final victory and the Chinese people liberation. Nevertheless, inside and out of China this educational institution isn't as popular as it deserves; there is some certain lack of systematic research of the Chinese cadets contingent and individual cadets who studied at the TMPA. Turning to this "red history" on the eve of the 100-th anniversary of the CCP's formation, opening the bright pages of the Russia-China friendship history we pay tribute to the fallen heroes of the revolution, "throw bridges" from the past to the future of the Russia-China relationship thus promoting its continuous progressive development hereafter. Almost a century later historic materials in the Russian archives preserve the evidence of the Chinese cadets' stay at this Soviet military educational institution. Having taken as a basis the recently discovered materials of the Russian State Archive of Social and Political History (RSASPH) and Russian State Military Archive (RSMA) and having supplemented them with the Chinese cadets' memoirs the author of the present article tried to reconstruct comprehensively and systematically the history of the Chinese cadets' training and life at the TMPA at the end of the 1920-s., thus, fulfilling, to some extent, the history "white spots" at the sphere of the scientific research of the Chinese who studied in the USSR. Besides, this article appears useful for the research of personalities in the CCP history.

Keywords: the USSR, China, military-political cadres, the Tolmachev Military-Political Academy, Chinese cadets.

Author: YE Fan, Ph.D of Historical Sciences, Assistant professor of the Institute of Marxism of Peking University, China. E-mail: ye5125172@mail.ru

С осени 1927 г. до конца весны — начала лета 1930 г. в условиях спада коммунистического движения в Китае жестокая реальность заставила молодую КПК осознать важность и необходимость наличия собственных

вооруженных сил. В соответствии с решениями Коминтерна, Политбюро ЦК ВКП(б) и Реввоенсовета СССР ряд советских военных вузов согласились принять на обучение китайских коммунистов. Прежде всего, двери для китайских курсантов-коммунистов распахнуло советское военное учебное заведение Военно-политическая академия имени Н.Г. Толмачева (ВПАТ).

Вплоть до настоящего времени из-за недостатка исторических документов в Китае было немного известно о подготовке военно-политических кадров в академии. Для системного и всестороннего исследования вопросов подготовки военно-политических кадров для КПК в конце 20-х гг. XX в. в ВПАТ, автор настоящей статьи взял за основу данные архивных материалов Российского Государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Российского государственного военного архива (РГВА) и дополнил их мемуарами китайских курсантов.

1. О китайских курсантах Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачёва

С августа 1927 г. по февраль 1929 г. по распоряжению IV (Разведывательного) Управления Штаба РККА, Политуправления и Управления военно-учебных заведений (УВУЗ) Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), а также по решению Восточного лендерсекретариата ИККИ в ВПАТ небольшими группами прибыли 46 китайских курсантов и один переводчик. Это были выпускники московского Университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (УТК), которые были сведены в «восточную группу» (позднее переименованную в «особую группу»), выпускники военно-политической группы КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока), слушатели московской пехотной школы им. М. Ашенбреннера. Среди них: Фу Чжун, Цзян Цзинго, Сяо Цзингуан, Лю Боцзянь, Ли Цюньцзе (Ли Чжожань) и многие другие.

Распределение курсантов в одну из трех групп проходило с учетом их базовой политической подготовки, военной подготовки и степени владения русским языком. В подготовительную группу были определены 22 курсанта, прошедшие годичную военно-политическую подготовку в КУТВ. На первый курс были зачислены 10 курсантов из выпускников КУТВ и УТК. 14 выпускников УТК, которые первыми прибыли в ВПАТ в 1927 г. попали на второй курс.

Китайских курсантов ВПАТ курировали еще четыре организации: IV Управление Штаба РККА, Политуправление Реввоенсовета СССР, УВУЗ РККА и Делегация КПК в Исполкоме Коминтерна (ИККИ). Каждый документ, касающийся китайских курсантов, готовился в четырех экземплярах, которые под грифом «совершенно секретно» рассылались в эти инстанции. Важными вопросами, связанными с обучением китайских

курсантов, занимались начальники ВПАТ Я.Л. Берман и А.Л. Шифрес, что свидетельствует о внимании Академии к китайским курсантам. По требованию УВУЗа командование ВПАТ выделяло лучших преподавателей, регулярно отчитывалось об обучении китайцев [1, Л. 35 об.]. Кроме того, командование ВПАТ создало новую должность — заместителя начальника Учебного отдела — для курирования китайских курсантов. Им стал бывший заместитель начальника Учебного отдела курсов «Выстрел» Д. Годес, затем в декабре 1929 г. его сменил Н.П. Бочаров. Среди преподавателей в ВПАТ были как боевые командиры РККА, так и бывшие офицеры царской армии. Для повышения профессионального уровня обучения курсантов командование Академии дополнительно пригласило преподавателей, понимавших Китай и имевших соответствующую квалификацию [1. Л. 17].

2. Учеба китайских курсантов

Перед командованием ВПАТ была поставлена цель «подготовить руководителей военных отделов парткомов губернского и областного масштаба, военно-политических руководителей военно-революционных отрядов и комиссаров регулярных частей» [1. Л. 191 об.]. В соответствии с этой целью необходимо было решить следующие задачи: дать слушателям марксистские методологические навыки; научить слушателей теории и практике военного дела в боевой работе полка и дивизии; изучить принципы организации РККА, этапы ее строительства и постановку партийно-политической работы; дать инструкторские навыки для управления низшими соединениями и для ведения политической работы в масштабе полка [2. Л. 90]. В связи с поставленными задачами командование ВПАТ разработало комплексный учебный план, включавший три направления: общественные науки, военное дело и политическая работа.

Основная часть дисциплин по общественным наукам для китайских курсантов соответствовала обычной учебной программе Академии с упором на вопросы стратегии и тактики пролетариата до завоевания власти. Специально были включены дисциплины, посвященные экономике и политической истории государств Востока, а вопросы социалистического строительства в СССР немного сокращены.

Для будущих китайских политработников в учебный план военного дела были добавлены дисциплины, связанные с приобретением навыков командования низовыми подразделениями, дисциплины по организационной работе в РККА, а дисциплины, касающиеся вопросов стратегии и оперативного искусства, были сокращены.

Политическая работа была ориентирована на изучение организационной структуры, истории, развития политорганов, целей политической работы в РККА, что должно было привить китайским курсантам навыки

ведения политической работы в войсках полкового звена [2. Л. 94—94 об].

Полный курс обучения был рассчитан на три года. Как свидетельствуют архивные документы, китайские курсанты изучали те же дисциплины, что и советские курсанты Академии. Обучение 1927—1930 гг. было направлено на подготовку политических кадров для регулярной армии. Поэтому помимо общеобразовательных предметов (математика, русский язык) значительное число учебных часов было направлено на политическое образование, на изучение истории русской революции, ленинизма, исторического материализма, политэкономии, истории классовой борьбы на Западе и т. п. Меньшее количество учебного времени уделялось военным дисциплинам: вопросам стратегии и тактики, организационным принципам построения армии, военной администрации, истории военного искусства, топографии [2. Л. 95]. Обучение в ВПАТ предусматривало также приобретение навыков верховой езды, плавания, стрельбы, вождения автомобиля. Установленные дисциплины не вполне были адаптированы к практическим требованиям китайской революции.

В целях большего соответствия образования в ВПАТ задачам подготовки китайских кадров, УВУЗ РККА потребовало внести в учебный план такие дисциплины, как «тактика вооруженного восстания», «военно-политическая практика в ходе восстания», «техника подполья», «тактика уличных боев», «организация партизанских и красногвардейских отрядов», «партизанское движение», «политическая работа в буржуазных войсках», «история классовой борьбы в Китае в XIX—XX веках». Для активизации интереса курсантов к учебе Управление предложило разбирать на занятиях значимые боевые эпизоды восстаний в Шанхае и Гуанчжоу [2. Л. 124, 191]. Администрация ВПАТ со своей стороны вносила коррективы для «китаизации» учебного плана подготовки курсантов, включала в него дисциплины, связанные с ситуацией в Китае и с китайской революцией. По воспоминаниям Сяо Цзингуана: «В то время советская военная наука была очень развита, ею были сформулированы довольно системные принципы стратегии и тактики. Мы изучали как теорию стратегии и тактики ведения боевых действий регулярными войсками, так и теорию стратегии и тактики партизанской войны» [3, с. 71].

Советская сторона корректировала учебные планы подготовки китайских курсантов в связи с ухудшением ситуации в «белых районах» Китая и успешно создания Цзинганшаньской революционной опорной базы в пров. Цзянси. Согласно июньскому 1929 г. указанию IV Управления Штаба РККА руководство Академии должно было «возможно больший упор перенести на воспитание руководящих работников подполья, военных отделов парткомов». Появились новые предметы: теория и практика вооруженного восстания, ведение крестьянской партизанской войны и техника подполья. Управ-

ление указывало также, что «огромное значение имеет воспитание из китайских товарищей настоящих большевиков» [1. Л. 168].

Архивные документы свидетельствуют, что ВПАТ специально заказывала в издательском управлении УТК/КУТК печатные издания для обучения китайских курсантов, материалы о форумах ВКП(б) и Коминтерна, о решениях Коминтерна по китайскому вопросу. Дополнительные материалы о резолюциях и совещаниях КПК курсанты получали от Делегации КПК в ИККИ и УВУЗа РККА. Следует отметить, что в период обучения в ВПАТ китайские курсанты — Сяо Цзингуан, Ли Чжожань, Лю Боцзянь, Лу И, Ли Сягун, Дун Лянши — на основе двух учебных пособий Академии написали книгу на китайском языке «Основные принципы партийно-политической работы в РККА и империалистическая военно-политическая пропаганда». Этот двухтомник применялся в ходе организационного строительства Китайской красной армии (ККА) в военное и в мирное время, этой информацией пользовались бойцы и командиры ККА. Возможно, книга, подготовленная китайскими курсантами ВПАТ, вообще стала для Китая первым специальным трудом о военно-политической работе. Она и сегодня заслуживает внимания исследователей.

По общепринятой в военных учебных заведениях практике в зимний период учебный процесс представлял собой теоретические занятия, лекции и самостоятельную работу с материалами. Китайские курсанты занимались вместе с советскими курсантами параллельного потока, участвовали в групповых семинарах [4, с. 165]. Защита дипломной работы для китайских курсантов не предусматривалось.

В летний период проходили полевые занятия и учения в лагерях. Летняя практика предполагала четыре вида занятий: решение тактических задач на местности, топографическая съемка, стрельбы, общевойсковые полевые выходы. Как вспоминал Сяо Цзингуан: «Занятия проходили комбинированно. Как правило, мы разбирали определенные боевые эпизоды, занимались моделированием боевых ситуаций на ящике с песком, составляли сценарии боевых действий. У нас достаточно регулярно проводились командные учения по тактике, оперативному искусству и практические боевые учения, мы отрабатывали наступление и оборону, масштабные и локальные действия, принятие стратегических решений и действия в конкретном бою, — вся эта учеба носила весьма системный характер» [3, с. 71].

Пребывание в лагерях подразумевало также посещение воинских частей РККА, наблюдение за общевойсковыми учениями войск, ознакомление с повседневной жизнью советских военнослужащих. Помимо учебы в лагерях, китайские курсанты имели возможность наблюдать за ходом учений кораблей ВМФ СССР с борта военного крейсера в Финском заливе. Стоит отметить, что после образования КНР среди высшего ком-

состава НОАК было крайне мало тех, кто имел даже такие поверхностные, как у китайских курсантов ВПАТ, представления о ВМФ СССР. Поэтому, возможно, назначение позднее одного из этих бывших курсантов — Сяо Цзингуана первым в истории КНР командующим ВМС НОАК было не лишено оснований.

О внимании КПК к обучавшимся в ВПАТ китайским курсантам и о надеждах, которые партия связывала с ними, свидетельствует визит в Академию Сян Чжунфа, избранного в 1928 г. генеральным секретарем ЦК КПК. После завершения VI съезда КПК он посетил Академию, во время встречи с курсантами отметил важную роль, которую КПК отводит военной работе, и выразил надежду на то, что после возвращения в Китай курсанты включатся в вооруженную борьбу.

3. Жизнь китайских курсантов

Содержание более 40 китайских курсантов ежемесячно составляло примерно 8 тысяч рублей, по валютному курсу того времени это более 4 000 долларов США. Эта была немалая сумма и она менялась в зависимости от конкретного числа китайских курсантов и от наличия специальных расходов. Денежные средства поступали в ВПАТ из УВУЗ РККА и расходовались на выплату жалования преподавателям, стипендий китайским курсантам, на административные нужды, на закупку учебников и справочных материалов, на организацию занятий китайских курсантов в лагерях, на выездные мероприятия, на прочие расходы, связанные с повседневной жизнью китайских курсантов. Каждому китайскому курсанту выплачивалась стипендия в размере 150 руб., которая была сопоставима с денежным довольствием командира батальона или полка РККА. Стипендия курсантов ВПАТ была самой высокой среди всех китайских курсантов, обучавшихся в советских военных вузах: в пехотных, артиллерийских и военно-инженерных училищах Москвы стипендия составляла лишь 30 руб. И хотя китайцы, обучавшиеся в ВПАТ, все потребительские расходы оплачивали за свой счет, стипендии позволяли им жить в достатке.

Когда после поражения революции в Китае КПК в срочном порядке направила на учебу в СССР большую группу китайских коммунистов и комсомольцев, количество китайских курсантов в советских военных учебных заведениях резко возросло. 25 сентября 1928 г. на заседании Делегации КПК в ИККИ и Реввоенсовета СССР было решено сократить размер стипендий китайских курсантов во всех советских военных вузах. По требованию УВУЗа размер стипендии китайских курсантов ВПАТ и Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе был сокращен до 90 руб. [2. Л. 103]. Значительное сокращение привычных расходов вызвало недовольство китайских курсантов, они забрасывали письмами Делегацию КПК в

ИККИ, жалуясь на житейские трудности. Одно из таких писем наглядно иллюстрирует статьи расходов китайских курсантов в СССР:

1. Постоянные ежемесячные расходы. Трехразовое питание — 60 руб.; наем жилья — 12 руб.; гигиенические принадлежности — 3 руб.; гигиенические процедуры — 5 руб.; стирка — 3 руб.; уборка — 1 руб.; канцтовары — 2 руб.; пресса — 4 руб.; взнос в курсантскую кассу взаимопомощи — 3 руб.; клубный сбор — 20 коп.; общественный сбор — 1,5 руб.; партвзносы — 2,4 руб.; покупка книг и учебников — 10 руб.; починка одежды, обуви — 2 руб.; личные расходы — 18 руб.; проезд на трамвае — 2 руб.; табак — 6 руб. Итого — 135 руб.

2. Непостоянные расходы. Зимняя, летняя одежда — 10 руб. в год; перчатки — 10 руб. на 3 года; спортивная одежда и обувь — 8 руб. на 2 года; простыни — 12 руб. (на полтора года); наволочки, банные и лицевые полотенца — 8 руб. (на год); форменная одежда (пошив формы курсант оплачивал самостоятельно.) — 55 руб. (на 2 года); плащ — 30 руб. (на 3 года); одеяло — 30 руб. (на 3 года); чайник — 5 руб. (на 3 года); таз для умывания — 1 руб. (на 3 года); подушка — 10 руб. (на 3 года); обязательный взнос на облигации госзайма — 10 руб.; портфель — 10 руб. (на 3 года); военный ремень — 2 руб. (на год). Кроме этого, были расходы на экскурсионные поездки и на отдых во время каникул [5. Л. 31]. По подсчетам китайских курсантов в месяц необходимо было 135 руб., поэтому они требовали сохранить размер стипендии в 120 руб. Тщательно изучив аргументы курсантов, А.Л. Шифрес направил письмо в УВУЗ с просьбой удовлетворить требования китайских курсантов, повысить стипендию с 90 до 120 руб., особенно семейным. Кроме этого, он считал необходимым выделить каждому китайскому курсанту 100 руб. для приобретения основных бытовых предметов: ватников и кальсон, матрасов, подушек, одеял и постельного белья [2. Л. 158]. Однако предложение Шифреса Управление отклонило: «Материальное положение китайских товарищей в Вашей Академии неизмеримо лучше, чем курсантов других военных школ и студентов КУТК... Материальную помощь семейным можно оказывать лишь в единичных, исключительных случаях, никак не вводя этого в систему» [2, Л. 168]. Таким образом обсуждение проблемы было прекращено, а УВУЗ потребовало от начсостава ВПАТ провести с китайскими курсантами соответствующую разъяснительную работу. В случае экстренной необходимости материальную помощь китайским курсантам предлагалось изыскивать из других статей расходов [1. Л. 36 об.]. До окончания учебы в СССР стипендии курсантов больше не менялась.

Продовольственное снабжение в ВПАТ было хорошим, на территории Академии имелся кооперативный магазин. Питание в академической столовой было разнообразным и калорийным, имелось молоко, сливочное

масло, куриные яйца, рыба, разные виды мяса — можно сказать, изобилие по советским меркам того времени.

В период летних каникул командование ВПАТ организовывало для китайских курсантов поездки на экскурсии и на отдых. К примеру, осенью 1928 г. китайцы отдыхали на побережье Крыма. Цзян Цзинго описывал пребывание в санатории: «Завтрак в 7 утра. Очень плотный. В санатории 150 отдыхающих — мужчины и женщины. Обеденный зал новый, но посадочных мест всего 85, поэтому каждый прием пищи организован в две смены в определенное время, за каждым отдыхающим закреплено посадочное место, порядок строгий. Ослабленным по назначению врача положена бесплатная добавка; ежедневно, помимо завтрака, обеда и ужина, у отдыхающих еще полдник» [6, с. 27]. Цзян Цзинго не лукавил, в то время в СССР была создана весьма совершенная и отлаженная система санкурлечения, которая предполагала непременно оздоровление каждого отдыхающего.

Таким образом, учеба и жизнь китайских курсантов в Академии была стабильной, хорошо организованной, насыщенной и сытой. ВПАТ подготовила для КПК более 40 военно-политических специалистов, прошедших системную, профессиональную подготовку и в последующем занявших высокие и высшие посты в органах КПК, в ее вооруженных силах, а после образования КНР и в государственных органах.

Библиографический список

1. РГАСПИ (Российский Государственный архив социально-политической истории). Ф. 550. Оп. 1. Д. 8.
2. РГАСПИ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 1.
3. *Сяо Цзингуан*. Сяо Цзингуан хуэйи лу : [Мемуары Сяо Цзингуана]. Пекин: Цзефанцзюнь чубаньшэ, 1987. 458 с.
4. Чжунхуа миньго луй э тунсюэ хуэй. Люши няньлай чжунго луй э сюэшэн чжи фэншуан чоли : [Ассоциация студентов, учившихся в России, «Китайская Республика». Сила духа студентов, учившихся в России: 60 лет после возвращения]. Тайбэй: Чжунхуа вэньхуа цзицзинь хуэй, 1988. 661 с.
5. РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 372.
6. *Цзян Цзинго*. Цзян Цзинго цзышу : [Автобиография Цзян Цзинго]. Хунань жэньминь чубаньшэ, 1988. 386 с.

References

1. RGASPI (Rossiyskiy Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii) [Russian State Archive of Social and Political History]. Fond 550, opis' 1, delo 8. (In Russian).

2. RGASPI (Rossiyskiy Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii) [Russian State Archive of Social and Political History]. Fond 550, opis' 1, delo 1. (In Russian).

3. *Xiao Jinguang*. Xiao Jinguang huiyilu [Memoirs of Xiao Jinguang]. Beijing: People's Liberation Army Publishing House, 1987. 458 p. (In Chinese).

4. Zhonghua minguo liu e tongxue hui. Liushi nianlai zhongguo liu e xuesheng zhi fengshuang chuoli ["Republic of China" Association of Soviet Graduates. The strength of mind of the students who studied in Russia: 60 years after returning]. Taipei Chinese Cultural Foundation, 1988. 661 p. (In Chinese).

5. RGASPI. Fond 514, opis' 1, delo 372. (In Russian).

6. *Jiang Jinguo*. Jiang Jinguo zishu [Autobiography of Jiang Jinguo]. Hunan People's Publishing House, 1988. 386 p. (In Chinese).

И.Е. Пожилов

**«РЕВОЛЮЦИЯ ПО НАЙМУ»:
О ПРОБЛЕМАХ МОБИЛИЗАЦИИ КРЕСТЬЯН И РАБОЧИХ В КПК
ПОСЛЕ РАЗРЫВА С ГОМИНЬДАНОМ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОВИНЦИИ ГУАНДУН)**

Аннотация. В статье, основанной на впервые вводимых в научный оборот отечественной историографии документах первичных организаций КПК провинции Гуандун (прежде имевших гриф «Для служебного пользования»), исследуются в отличие от большинства имеющих слишком общий характер публикаций по теме конкретные проблемы и последствия политики ЦК по т.н. наращиванию партии на местах в течение двух-трех лет по завершении Великой революции.

В стремлении соответствовать требованиям момента уездные комитеты КПК, предварительно аннулировав всяческие условия приема в партию для крестьянства и рабочего класса, а также игнорируя неоспоримый факт «отката революционной волны к своей низшей точке развития», поставили перед собой задачу любыми средствами и способами, включая уверения в скорейшей победе пролетарской революции, обещания помощи в материальных затруднениях деревенской бедноты и в предоставлении рабочих мест безработным города, задействование кровнородственных связей для пополнения рядов, привлечение в партийейки за плату бродяг и бандитов, и т. п., выполнить и перевыполнить наказ высшего руководства. Результатом авантюрной тактики форсированной мобилизации в партию практически всех кого ни попадя стало беспрецедентное, кратное увеличение численности уездных и провинциальной парторганизации Гуандуна в целом. Получившее толику надежды и частично удовлетворившее меркантильные чаяния, крестьянство разглядело в КПК некую «благотворительную контору», деклассированный элемент — «богадельню», потерявший работу неквалифицированный полупролетариат — «биржу труда», и пр. А собственно партия коммунистов эволюционировала в «рыхлое и бесформенное образование наемных борцов за социальную революцию» (по выражению Чжоу Эньлая, «революцию по найму»).

При этом, что критически усугубляло положение в номинально вновь образованных парторганизациях (нередко к формированию таковых не приступали вообще), невежественный и почти поголовно неграмотный неофит по обретению партийности оказывался вне рамки даже поверхностной идейно-воспитательной и практической работы, продолжая оставаться прежде

всего в статусе рядового члена кланового сообщества, опирающегося на традиционно заведенные порядки и внутрисемейные связи.

Последствия безответственного начетничества в воссоздании партии сказались незамедлительно. Так и не увидев «приближающегося революционного наката» и разочаровавшись в самой коммунистической идее, пополнение довольно быстро покидало партию либо вставало на путь предательства, обращаясь к властям с покаянием в содеянном. К 1933 г. численность партийной организации провинции составляла лишь менее одной четверти состава, сохранившегося сразу после репрессий «15 мая».

Ключевые слова: Гуандун, КПК, «наращивание партии», «революция по найму», явка с повинной, крах форсированной мобилизации в партию в провинции.

Автор: Пожилов Игорь Евгеньевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (Москва).

E-mail: pozhilov1@yandex.ru

I.E. Pozhilov

“REVOLUTION FOR HIRE”: ABOUT SOME PROBLEMS OF THE PEASANTS AND WORKERS RECRUITMENT IN THE CCP AFTER THE BREAK WITH GUOMINDANG (ON THE MATERIALS OF GUANGDONG)

Abstract. In the article based on for the first time introduced into the scientific circulation documents of the CCP primary organizations of Guangdong province (formerly classified as “for official use”), there are researched, unlike in the most too general of nature publications on this theme, concrete problems and consequences of the Central Committee policy on the so-called Party building-up at the local level during two-three years after the end of the Great Revolution.

The CCP county committees in an effort to meet the requirements of the moment after previously annulling the Party recruitment conditions for the peasants and workers, ignoring the undeniable fact of “the revolutionary wave fall to the lowest development point”, set a task for themselves, by any means, including assurances in the proletarian revolution early victory, promises of providing the rural poor with the assistance in the financial difficulties and the city unemployed with the working places, involvement of consanguinity for ranks replenishment, recruitment of the tramps and bandits in the Party cells for payment etc. in order to fulfill and overfulfill the Party top staff orders. The result of the adventure tactics of the forced practice of the CCP recruitment of everyone who gets there appeared to be unprecedented multiple increase in the number of the county and provincial party organizations in Guangdong as a whole. Having received a bit of hope and partially satisfied with their mercantile interests the peasantry saw in the CCP a sort of “charity office”, the declassed saw the “almshouse” in it, the unemployed unskilled proletariat took it for a “labor exchange” etc. The Party of Communists itself turned into “a loose and shapeless structure of the

hired strugglers for social revolution” (according to Zhou Enlai, it turned into “revolution for hire”).

Herewith, what critically aggravated the situation in the nominally formed party organizations (very often the organization of such wasn't set about), ignorant and almost illiterate adherents after gaining a party membership appeared to be outside the framework of formal ideological-educational and practical work, went on being, first of all, at the status of an ordinary member of the clan community, leaning on the traditionally routine orders and intrafamily ties.

The consequences of irresponsible dogmatism in the recreation of the Party affected immediately. Not having noticed the “approaching revolutionary advance” or having been disappointed by the communist idea itself, the recruits quickly left the Party or got on the betrayal track addressing the authorities with repentance. By 1933 the provincial party organization counted less a quarter of its staff, which managed to survive after the “May 15” repressions.

Keywords: Guangdong, the CCP, “party building-up”, “revolution for hire”, guilty turnout, collapse of forced recruitment into the Party in the province

Author: Igor E. POZHILOV, PhD (Hist), Leading Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).

E-mail: pozhilov1@yandex.ru

Как известно, со дня основания и до апрельского переворота Чан Кайши, равно как и событий июля 1927 г. в Ухани, Коммунистическая партия Китая действовала в относительно благоприятной для себя политической обстановке. В период сотрудничества с Гоминьданом в ряде провинций Южного Китая коммунистам были предоставлены условия «половинчатой свободы», что означало практически не ограниченное какими-либо рестрикциями вольное существование. На Севере хотя и господствовали милитаристские клики, пытавшиеся контролировать все и вся, их возможности имели известные пределы, и КПК в этой связи обладала сравнительно большим простором для решения насущных задач и устремлений. Однако с началом учиненной националистами антикоммунистической зачистки все политические силы страны вне ГМД оказались под строжайшим запретом, чего не миновала и компартия, объявленная «незаконной оппозиционной организацией». Как говорили тогда члены партии, КПК «ушла в глубокое подполье»¹.

По завершении Великой революции численность КПК, составлявшая на май 1927 г. 57, 967 тыс. чел. уменьшилась к ноябрю того же года до

---

¹ В циркуляре провинциального парткома Гуандуна от 3 мая 1927 г. говорилось: «Наша партия — партия борьбы, партия подпольная. В обстановке гнетущей реакции все товарищи (同志 — в тогдашние времена синоним коммуниста. — *И.П.*) обязаны всецело уяснить себе особенности подпольной жизни и сделать из этого соответствующие выводы, ведь это чрезвычайно важно» [1, ч. 1, с. 171].

17,65 тысяч, т. е. всего лишь за шесть месяцев ее ряды сократились ни много ни мало почти на 70 % [2, с. 39]. При этом, что познавательного и весьма любопытно, далеко не все потери коммунистов следует отнести к расстрелянным на улицах по горячим следам либо сгинувшим в застенках жертвам гоминьдановского террора. Многие члены компартии, будучи под арестом, спасали свою жизнь и обретали свободу добровольной подачей «раскаяния в содеянном государственном отщепенстве» (自首). В «избыточной крови» не нуждались ни Чан Кайши, ни Ли Цзишэнь, ни Чжу Пэйдэ², ни даже Бай Чунси как «мясник» и непосредственный организатор массовых убийств «левых» в Шанхае. Такого рода «великодушные» и «умение прощать врага»³, какой бы ни являлась подоплека жеста, давали свои плоды: практика 自首 в конце 1920-х и в 1930-е годы, став едва ли не нормой, помогала слабым духом и неискушенным неопитам коммунизма «начать с чистого листа», а компартии, увы, легко терять своих людей [4, т. 2, с. 154—158]⁴. Подвижниками самоотверженности и непоколебимой преданности идее рождаются единицы, и китайские коммунисты исключения не составляли, будучи в массе своей мотивированы по крайней мере на реверсе революции прежде всего 保命主义, т. е. прозаически плотской «идеей самосохранения». Это касалось не только городских партийцев, бывших на виду и пострадавших от репрессий более всего, но и т.н. коммунистов-агров, которым досталось выживать на сравнительно спокойной сельской периферии и здесь, в глухомани, все равно скрываться в самых труднодоступных медвежьих углах, искусно маскируя нерешительность «сбережением сил» [5, с. 21—22].

В провинции Гуандун, согласно статистике, к апрелю 1927 г. насчитывалось 9027 членов партии, или 1/6 часть всех коммунистов Китая. Как и в других провинциях, карательные мероприятия властей «выбили» здесь из строя около половины наличного состава. Однако, — и это на первый взгляд просто поразительно, — в конце 1927 — начале 1928 г. численность местной парторганизации подскочила до 23 тыс., а к августу 1928 г. — до невообразимых 64 тыс. чел., что превысило общее число

---

² «На мой взгляд, — любил повторять генерал, — с компартией сотрудничать нельзя, но нельзя и третировать ее» [3, с. 56].

³ Казни или длительным срокам заключения подлежали лишь не способные к политической партийцы.

⁴ Масштаб 自首 имел циклический характер, напрямую зависевший от кризисных явлений в партии, с появлением таковых нараставший и, напротив, со стабилизацией положения приближавшийся к минимуму. Так, с 1931 до весны 1933 гг., когда советское движение крепло и развивалось, явку с повинной оформили всего лишь 276 коммунистов, в то время как в период 1933—1934 гг., когда обстановка в опорных базах стала критической, число раскаявшихся членов КПК подскочило до 4213 чел. [6, с. 273].

членов КПК в накануне истекшую фазу наивысшего подъема революционного движения. Более того, гуандунским партийцам (приходится только удивляться) удалось организовать в 40 уездах провинции около полусотни вооруженных выступлений крестьянства, а в некоторых уездах сформировать временные революционные или советские правительства⁵.

Разумеется, коммунисты в Гуандуне исконно, с середины 1920-х годов, пользовались достаточно широкой поддержкой крестьян и рабочих («колыбель, а не задворки революции»), еще свежи были в памяти прежние успехи и достижения в борьбе; иначе говоря, как гласят документы, в здешних краях массам якобы «не требовалось разъяснять, что такое “С.Р.”»⁶ в отличие от «неведомого, но наделенного властью Гоминьдана» [7, с. 36, 51]. Кроме того, в провинции, переполненной войсками различных милитаристских группировок, шла отчаянная схватка за контроль над городами и крупными населенными пунктами, отвлекавшая внимание от «второстепенного сельского пространства», где, собственно, и наблюдался «взрывной рост» КПК и ее бурной активности. И все же перечисленного явно недостаточно, чтобы объяснить, как и по каким причинам в обстановке «поражения революции» (сугубо партийная дефиниция) гуандунские коммунисты не только реанимировали свою былую состоятельность, но икратно превысили количественные показатели силы⁷. Потому необходимо задаться вопросом о том, что же из себя представляла форсированная мобилизация масс в фактически разгромленную и преследуемую партию проигравших и какими помыслами вдохновлялись те, кто принял решение о вступлении в компартию.

* * *

Несмотря на то, что распад единого фронта и события «15 апреля» 1927 г.⁸ означали очевидный провал все планов и надежд КПК на гегемо-

---

⁵ Следом за Гуандуном в воссоздании партийных организаций шел Шанхай. Несмотря на репрессии и казнь в мае 1927 г. Чэнь Яньняня, Чжао Шияня, Ань Юши и других, КПК уже через два месяца восстановила организационную структуру и деятельность партии в городе, приступив к «красному террору» в отместку за события «12 апреля» [6, с. 261—262].

⁶ Так, латинской аббревиатурой от *Communist Party*, зачастую называли компартию как сами китайские коммунисты, так и ее сторонники, а также оппоненты.

⁷ Грандиозное наращивание рядов КПК в Гуандуне в рассматриваемый отрезок времени, понятно, представляло собой временное явление. Цикличность притока/оттока (включая 自首) не могла не проявиться и в данном случае. Завершив в общих чертах «дележ городских центров», гуандунские *цзюньфа* наконец взялись за деревню и в некоторой степени или усложнили условия развития партийных организаций, или задали обратный вектор процессу [8, с. 67].

⁸ Так в современной китайской историографии именуют контрреволюционный переворот в Гуанчжоу и сопровождавшие его массовые убийства коммунистов.

нию в грядущей социалистической революции, многие товарищи (те самые подвижники самоотверженности, или «личности с талантом», как величал их Мао Цзэдун, либо «стальной сердечник партии, который никогда не подведет» [9, с. 71, 89]), категорически и упрямо не желали воспринимать мрачную реальность, продолжая считать, что «революция все еще на подъеме» либо «по крайней мере не могли сразу осознать случившейся трагедии». Незавидную роль в этой связи сыграли и решения VI съезда КПК, указавшего на то, что политическая ситуация в стране характеризуется временным спадом перед очередным накатом революционной волны и конечной победой масс. «Когда придет час победы? — терялись в догадках доморощенные «оптимисты». — Да почему бы и не завтра...» [10, ч. 1, с. 123—124].

В докладе временного укома КПК Паньюя в провинциальный комитет партии⁹ от мая 1928 г. отмечается «особая роль в возбуждении и радикализации умонастроений крестьянства некоторых представителей местной верхушки, вступивших в партию и уверяющих массы в том, что КПК «хорошо подкована» и одолеет никчемный Гоминьдан, причем очень скоро». «Неграмотная и отсталая часть деревни, — подчеркивается в докладе, — охотно верит столь авторитетным и влиятельным персонам, готова следовать за ними, распространяет их речи среди земляков. Такое положение, с учетом столь же радужных настроений у иных старых членов партии, есть типичный слепой авантюризм, переоценка условий. “Предвидение” подобного рода не позволяет товарищам трезво взглянуть на вещи, осознать тот факт, что революция находится в своей самой нижней точке развития» [10, ч. 1, с. 130—131]¹⁰.

Между тем ЦК КПК настойчиво требовал «восстановить и увеличить понесшую большие потери партию», чуть ли не ежемесячно штампуя назидания по линии 扩党 (наращивания партии), «прежде всего за счет беднейшего крестьянства и рабочих»¹¹. На местах, в стремлении выпол-

---

⁹ С августа 1927 по март 1934 гг. провинциальный комитет КПК Гуандуна трижды менял названия: до 1931 г. он именовался «Комитет КПК провинции Гуандун»; с 1931 г. — «Комитет КПК провинций Гуандун и Гуанси»; с 1934 г. — «Рабочий комитет КПК провинций Гуандун и Гуанси» [11, с. 351]. В настоящем тексте используется только первое наименование.

¹⁰ В документах парторганизации у. Паньюю особенно часто упоминается имя богатого и знатного *шэньши* Чжоу Дунхэ, занимавшего важный пост в уездной управе и имевшего, судя по всему, неограниченное влияние на сельского обывателя, в разы преумноженное вступлением в КПК, дабы и при новой власти занять высокий должностной пост [10, ч. 2, с. 98—100].

¹¹ Для придания большей эффективности трудам в первую очередь по призыву в партию и ее оперативному сопровождению ЦК КПК в августе 1927 г. учредил в организационной структуре партии новое звено — особые комитеты КПК как временные органы уровня укома или выше. В Гуандуне таких особком было создано 11 единиц,

нить и перевыполнить задачу, понимали ее крайне незатейливо — «зывать в партячейки всех без разбору»¹², делая упор на неискушенную молодежь¹³ («идейно отсталое» старшее поколение всецело игнорировало коммунистов и «отмахивалось от назойливых агитаторов за царство свободы, как от навозных мух») [12, с. 70, 77; 1, с. 93].

«Приспособленцы» из местных элит вроде Чжоу Дунхэ и ему подобных, конечно, не делали погоды в массовых кампаниях по призыву в партию. Главным образом в коммунисты записывались крестьяне, которые, по августовской (1928 г.) статистике, составляли 75 % вступавших в партию (12 % выпадало на интеллигенцию, 9 % — на рабочих, 3 % — на солдат). С крестьянством, как откровенничали кадровые товарищи, было «больше мороки, нежели толку», имея в виду его «крайнюю степень невежества и нежелания узнать что-то новое». О КПК и ее установках деревня имела самые примитивные представления. Определение КПК как «партии бедняков» представляется, пожалуй, наиболее адекватной характеристикой. Основная же масса бедноты не имела никакого представления о компартии Китая¹⁴. Даже в продвинутых с общекультурной точки зрения уездах (Шуньдэ, Ляньцзянь, Хуасянь, Суйси) крестьяне искренне полагали компартию «чем-то очень похожим на крестьянские союзы времен Великой революции; и когда им возражали, тут же отказывались от своих «непомерных знаний» [1, ч. 1, с. 234; 10, ч. 2, с. 140, 161].

которые просуществовали до сентября 1934 г. Кроме того, в целях удобства руководства парторганизациями провинции ее территория была разделена на пять больших районов — Дунцзян, Сицзян, Бэйцзян, Чжунлу и Наньлу по 6—10 уездов в каждом [1, ч. 1, с. 68—70].

Партийные функционеры на местах то ли не замечали, то ли не хотели вчитываться в те разделы документов ЦК КПК, где речь шла о том, с какими требованиями необходимо подходить к пополнению. В частности, в их указаниях нижестоящим парткомам напрочь отсутствовало такое очень важное положение, сформулированное Центром: «Настойчиво наращивать численность партии, привлекая в ее ряды промышленных рабочих, прогрессивное крестьянство, революционную интеллигенцию; одновременно следует целенаправленно и не мешкая поставить должным образом работу по партийному обучению и подготовке (выделено нами. — *И.П.*) новых членов КПК...» [1, ч. 1, с. 88; 13, с. 87].

¹³ К примеру, в парторганизации у.Чэнхай (в целом по провинции данных нет) 84 % привлеченных в КПК составляли молодые люди до 35 лет, среди них на мужчин (женщин в партию пока тут не принимали) младше 25 лет приходилось почти 60 %; из 11 членов укома 10 человек пребывали в возрасте 19-26 лет [1, ч. 1, с. 114].

¹⁴ В уезде Хуэйлай на события «15 апреля» коммунисты ответили вооруженным мятежом и, установив советскую власть, записали в партию около 1 тыс. крестьян. «Среди этой тысячи новых членов КПК, — отмечается в одном из донесений местного укома, — более 900 человек бодро отчеканили, что не ведают о КПК абсолютно ничего» [1, с. 54].

Еще более удручающим в развернувшемся в Гуандуне движении *扩党* признавалось то обстоятельство, что низовые *ганьбу* «буквально силком тащат деревенскую бедноту в ее “родную” партию, даже не спрашивая, хочет ли она включиться в борьбу или нет». Является задокументированным факт, что в некоторых уездах при самых высоких показателях приема в ряды отсутствовал «сам предмет, куда вступать», а именно, в партийные организации, не говоря уже о введении в практику начального процесса воспитания и обучения (к чему призывал ЦК). Подлинными мастера партийного набора шли дальше, принимая в партию — дабы «не транжирить драгоценное время» — «не индивидуально, а пачками», причем «без всяких условий для рабоче-крестьянского элемента» [8, с. 259, 267]. Так, уком Хайфэна в январе 1928 г. докладывает в партком провинции: «Мы все с головой ушли в работу по приему в партию новых членов, страстно желаем увидеть их в каждом городе и в каждом селе, поэтому людей принимаем в партию коллективно, открыто, прямо на митингах». На одной из таких сходов, например, скопом записали в партию 300 человек (90 % присутствовавших), «отказав лишь сопливым детишкам да слишком уж дряхлым старикам» [10, ч. 1, с.72]. Примерно такая же картина наблюдалась по всему Гуандуну¹⁵.

Тем не менее чаще всего коммунисты в ходе мобилизации в партию старались опираться на кровнородственные и традиционные социальные связи, из века в век главенствующие среди всех прочих общественных отношений в деревне. Партийцам вменялось в прямую обязанность агитировать близкую и дальнюю родню, соседей, школьных учителей, наставников в единоборствах, членов тайных союзов и т. п. за «присоединение к С.Р.». Некоторые укомы и особкомы КПК требовали «усердно заниматься воспитанием своих жен и вообще не забывать о женщинах как элементе, который еще покажет себя в революции с самой лучшей стороны». В уезде Паньюй, в частности, каждый член партии должен был «каждые две недели завлекать в организацию минимум по одному представителю родни» [8, с. 156—157]. На деле, партийные ячейки и даже целые парторганизации на селе в основном формировались именно таким образом, являя собой по сути клановые структуры с сохраняющейся внутрисемейной иерархией и стародавней неклассовой конфликтностью. За примерами далеко ходить не надо: в ряде уездов Гуандуна благодаря

---

¹⁵ Стремление парткомов на местах к повальному членству масс в партии, а выглядело это именно таким образом, нередко оборачивалось форменным фарсом и трогательными курьезами: руководящие *ганьбу* частенько даже приблизительно не знали, сколько коммунистов состоит на учете в их организациях и «в донесениях навверх представляли цифры наобум»; в свою очередь, сотни, если не тысячи крестьян сомневались, отвечая на вопрос о личной партийности («да кто ж его знает», «может быть, а может и не быть» и т.д.) [8, с. 112; 14, с. 69, 71].

крепости и живучести феодальных *цзунцзу* наличествовали и в немалом количестве целые «коммунистические деревни» (共产村) [14, с. 31—33].

Серьезный числом и непредсказуемый в действии среди вновь вступавших в КПК представлял отряд деклассированных элементов, бродяг, отчаянной бедноты (赤贫), а также не реализовавших своих амбиций на поприще разбоя бандитов. Эти люди с большим энтузиазмом вливались в партию, рассчитывая кто поправить свое материальное положение или, проще говоря, «не помереть с голодухи», кто — «урвать кусок и покуролесить в чудной богадельне». Да, меж них водились природные храбрецы и лидеры, привыкшие быть впереди, но большей частью то были «оголтелые шаромыжники и тунеядцы». Уком Шуньдэ докладывает в инстанцию: «...Требуют они кормежки и приговаривают, де будете нас привечать и вдосталь рису подавать, будем партийными, нет — уйдем восвояси» [1, с. 78, 79]. На таких дармоедов (около 300 чел.) уездному комитету Чаояна пришлось запросить у провинциального парткома приличную сумму (более 1 тыс. юаней). Денег не дали, а отпустить такую ватагу потенциальных «коммунистов» жалко, вот и пришлось отряжать людей на воровство поросят у *хаошэнь*¹⁶ и прочих «эксплуататоров»; живность крали, затем требовали выкуп — «авангард»; кроме еды, за свои услуги требовали наличные (положим, пробежаться с донесением парткома: дорога 10—20 *ли*, оплата 10—20 юаней, обратно — столько же; и т. п.). На поверку у такой публики выходило так: «Есть деньги — есть партработа, на нет и суда нет» [14, с. 98—99].

Для кого-то компартия прослыла «обществом спасения»: крестьяне записывались в нее (и тоже порою всей деревней) из-за стихийных бедствий, губивших урожай, а вовсе не гнета мироедов (о том, что это такое, массы порой даже не догадывались)¹⁷. Получив отмашку партии, несчастные, угрожая расправой, шли к богатым за *吃大户*¹⁸. Почин родился в у. Наньсюн в феврале 1928 г. в ходе голодного бунта, имевшего место после неурожая раннего риса. Впоследствии стараниями наньсюнского укома инициатива была распространена на всю провинцию: крестьянство,

---

¹⁶ *Хаошэнь* — стяжение от *тухао* и *лешэнь* («мироеды» и «злые *шэньши*»), собирательное прозвище т.н. угнетателей в деревне.

¹⁷ Кровнородственная деревенская община в Южном Китае (宗族) не знала серьезных и, тем более, антагонистических противоречий (сводились на нет неразрывными семейными узами, равнодоступными общественными землями, взаимовыручкой, заповедями моральной экономики и пр.). Поле конфликтности исстари располагалось здесь между «маргинальными» (бедными) и «клановыми» (богатыми) поселениями [1, с. 121].

¹⁸ *吃大户* — букв. «поест в больших домохозяйствах». Феномен возник еще во время Великого голода, когда вконец обнищавшие крестьяне отправлялись к помещичьим дворам, вынуждая зажиточных членов общины делиться едой и зерном.

оказавшись в подобной ситуации, стало вступать в партию по сути в обмен на 吃大户, позволение на который отныне можно было получить только от коммунистов. Вторым козырем в руках КПК в диалоге с трудящимся крестьянством относительно вступления крестьян в Коммунистическую партию Китая являлось наделение землей в повышенном размере. В частности, в Хайфэне членам партии выделяли участки площадью в два раза больше, чем беспартийным, и «малоземельные хозяева охотно становились коммунистами ради столь счастливого приобретения» [10, ч. 2, с. 84—86]. Словом, деревня в стремлении поправить свое материальное положение или удовлетворить какие-то другие интересы как могла отвечала на кадровую политику КПК, не задумываясь над тем, чего же хотят от нее коммунисты.

В городе коммунисты проводили все ту же мобилизационную политику, направленную на скорейшее восстановление партийных рядов после событий «15 апреля». ЦК, как и прежде, требовал в первую очередь привлечения в партию представителей промышленного пролетариата, словно не осознавая иллюзорности своих наставлений. Представителей индустриального рабочего класса в компартии насчитывались жалкие крохи и в лучшие времена. В этой связи в Китае и в Гуандуне, в частности, понятием «пролетариат» руководство КПК прикрывало не имевших специальности чернорабочих (писали просто: «безработные»), как отмечается в документах, с «весьма сомнительной идеологией». Горком КПК Гуанчжоу докладывает: «В партию вступает очень мало пролетариев, в основном это — безработные и бывшие коммунисты-рабочие, порвавшие с С.Р. в разгар репрессий. От партии им нужно обеспечение постоянной работой, деньги и пропитание. Уклонение от прямых гарантий искомого вызывает у них недовольство и стремление устроить бучу, спровоцировать остальное партийное пополнение на выяснение отношений с руководителями. Кроме головной боли, подобный элемент партии ничего не дает. Не имеющие каких-либо твердых убеждений и не прошедшие соответствующей индоктринации, эти люди не способны работать в массах и тем более вести их за собой, у них лишь жратва на уме»¹⁹ [14, с. 75].

Чжоу Эньлай в оргдокладе на VI съезде КПК, имея в виду форсированную мобилизацию в партию и в деревне, и в городе как «ошибочную тенденцию», остроумно назвал ее «революцией по найму» (雇佣革命),

---

¹⁹ Утратившее трудовые навыки и элементарные признаки благонравия (многие из т.н. безработных — бывшие крестьяне, в свое время подавшиеся в город за лучшей долей), а теперь «лепящее мечту о неотторжимой плошке риса задарма», послереволюционное пополнение не то что встать во главе масс, но даже увлечь их ангажементом «власть потрудиться на своей земле», конфискованной у помещиков, или популярным тогда лозунгом «мы не рабочий скот, а люди труда», было не способно [16, с. 81—82].

однако никаких усилий по трансформации партии из «сиропечительной конторы», каковой она виделась многим новобранцам, в «боевую пролетарскую организацию» предпринято не было [12, с. 80]. Правда, после съезда руководство КПК обратилось к коммунистам с призывом «осуществить профессионализацию партии», под которым понималось: «...Не имеющие рабочей специальности либо собственного дела обязаны искать квалифицированную работу самостоятельно; на кадровые посты выдвигать только тех, кто обзавелся собственным бизнесом или рабочим местом; те, кто рассчитывают только на партию, не только усугубляют ее незавидное материальное положение, но, главное, дистанцируют ее от масс, сеют безрассудство и авантюризм. Занятый на производстве партиец с рабочей специальностью вряд ли сможет избежать общения с массами, пойти на предательство их интересов, а, если потребуется, будет вполне готов ими руководить». Вместе с тем, по мере восстановления партии требовалось все больше кадровых партработников, для которых совмещать партийную работу и постоянный заработок было просто невозможно». И хотя лозунг «профессионализации» нашел немало приверженцев, реализовать его КПК не удалось — слишком мало среди коммунистов имелось профессиональных носителей ремесла. Отсюда в партии изо дня в день обсуждались не столько насущные задачи коммунистического движения, сколько жизненные невзгоды ее членов (более половины вопросов, выносимых в повестку партийных собраний, касались именно этого). Гуандунский провинциальный комитет КПК был вынужден в данной связи выпустить специальное обращение к коммунистам, в котором признавалось, что «товарищи еще не имеют представления о том, что такое партия; им мнится, что это — некая благотворительная контора, призванная решать жизненно-бытовые проблемы своих последователей, а не направлять и вдохновлять массовую борьбу» [17, ч.1, с. 43—44].

Не менее принципиальным в этой истории является вопрос о том, как же партийным руководителям и «коммунистам по найму» приходилось взаимодействовать в ситуации, когда последние были совсем не прочь заполучить от «конторы» причитающиеся преференции, а первые, памятуя о розданных направо и налево обещаниях, стояли прежде всего перед необходимостью выполнения директивы VI съезда завершить эволюцию КПК в «партию ленинского типа» [18, т. 24, с. 30]²⁰. Съезд обязал «всех

---

²⁰ «Но партия не есть только сумма партийных организаций, — поясняет Сталин. — Партия есть, вместе с тем, единая система этих организаций, их объединение в единое целое, с высшими и низшими органами руководства, с подчинением меньшинства большинству, с железной дисциплиной, с практическими решениями, обязательными для всех членов партии. Без этих условий партия не в состоянии быть единым организационным целым, способным осуществить планомерное и организованное руководство борьбой рабочего класса...» [19, с. 173—174].

товарищей и все предприятия охватить партийными ячейками, каждая из которых должна быть жизнеспособна» (члены ячейки «посещают собрания, платят взносы, читают партийную печать, распространяют пропагандистские издания, участвуют в обсуждении вопросов, работают в массах, привлекают в партию новых членов, и т. д.») [12, с. 88]. Однако, как видно из повременной выборки докладов парткомов разных уровней в провинции, «большинство организаций и ячеек на местах остаются фикцией». В резолюции 2-го расширенного заседания гуандунского партийного комитета (ноябрь 1928 г.) заявлено, что «количество партячеек в провинции исчисляется несколькими тысячами, и тем не менее в подавляющем большинстве из них партсобрания в положенные сроки не проводятся, на собраниях присутствуют далеко не все коммунисты ...не испытывая к ним никакого интереса; взносы не уплачиваются; ячейки очень редко дают своим членам поручения и в целом не могут претендовать на роль центра притяжения масс, в связи с чем не способны развернуть массовую борьбу и руководить ею; вся их работа зиждется разве что на героизме и самопожертвовании отдельных товарищей» [10, ч. 2, с. 190—191].

Как отмечается в источниках, ячеек нет на крупных предприятиях, транспорте, в коммунальном хозяйстве; нет их и в больших селах, где все держат в своих руках помещики, а члены партии «пытаются поднять на борьбу лишь малые “красные деревни”». В низовых организациях КПК практически игнорируют образовательно-воспитательную работу и не в состоянии разобраться в тактике и стратегии партии; недостает внутрипартийных дискуссий; некоторые вновь вступившие в КПК, не видя перспектив революции (признаки надвигавшейся новой ее волны на горизонте так и не появились) и результатов работы, «впадают в уныние и демонстрируют откровенную пассивность» [14, с. 81—82]. Важность партячеек и то, как они должны действовать, для большинства неграмотных коммунистов-крестьян просто неведомы. Круг их помыслов замыкается на вооруженных выступлениях против режима, совершенно не касаясь партийного строительства как «важнейшего на сей час аспекта активности всех организаций КПК». Инспектор провинциального комитета партии, побывав в Лянцзяне, сообщает: «Около одной тысячи местных коммунистов больше напоминают кучу зыбучего песка, нежели какую-либо мало-мальски сплоченную структуру; товарищи знают лишь о том, что они члены партии и все, а кто еще состоит в ячейке и чем она живет, их не трогает. Руководство укома не смогло назвать даже точной цифры состоящих на партучете коммунистов уезда. Уком не ведет пропагандистско-агитационной работы в массах и не занимается воспитанием членов парторганизаций. Если коротко, здешнюю партийно-воспитательную работу следует приравнять к нулю» [14, с. 85].

Еще более «нездоровой» партийная жизнь складывалась в у. Луфэн, где, начиная от укома и кончая низовыми организациями, сплошь и рядом не проводились партсобрания, не велось решительно никакой революционной работы; более 90 % товарищей порвали всякие связи с ячейками. Не отставал от луфэнцев и Дунцзян. На заседании дунцзянского районного парткома в апреле 1930 г. было признано: «Строго говоря, партийной организации в Дунцзяне не существует... Большинство членов партии не в состоянии быть образцом для крестьянской массы, не в состоянии выполнять даже минимума обязанностей, прописанных в уставе КПК. Под ударами реакции многие ячейки развалились, а среди товарищей распространяется поветрие правых взглядов вместе с утратой веры в победу революции; неприкрыто высказываются недовольства политикой партии, многие встают на путь предательства» [14, с. 138—139].

Впрочем, деление парторганизаций Гуандуна на «передовые» и «отстающие» не имеет резона, поскольку вышеперечисленные изъяны «торопливой мобилизации» были характерны для всех без исключения партийных организаций и органов провинции. Повторим, что подавляющее большинство «партийцев по найму» составляли крестьяне с низким культурным уровнем, в том числе совершенно неграмотные. Не было бы нужды констатировать общеизвестное ленинское высказывание о значении партийной литературы, которая «служит не только средством идейного сплочения партии, но и средством организационного объединения местных организаций в партию ... исходным пунктом деятельности, первым практическим шагом к созданию желаемой организации, наконец, основною нитью, держаась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию» [18, т. 5, с. 9—10]. Но в отношении китайских товарищей оно звучит актуальней некуда. Осилить чтение партийных изданий ЦК и провинциального парткома, которые изредка доходили на места, могли лишь «штучные грамотеи», да и то с величайшим трудом, ибо бумаги были написаны «мудреными словесами», недоступными пониманию обычного члена партии, не имевшего даже базовых знаний и представления о самых общих социально-политических понятиях, простейшей информированности о ключевых событиях в стране. Так, ЦК КПК настоятельно рекомендовал обсудить в партячейках «Проект резолюции об отражении 5-го похода ГМД на окружение», а там не знали, когда был четвертый поход ГМД и отразили ли его или нет [8, с. 298]. Как поминает свою инспекцию в деревню один из представителей центрального аппарата КПК, «неинтересны... от зари до зари горбатившемуся на земле крестьянину все эти заморские штучки вроде классов, общественных противоречий, прогресса, реакции и т. п.», надоели ему партийные собрания (проводились раз в 10 дней. — *И.П.*), а раз так, «то и не ходит он туда толочь воду в ступе» [14, с. 234]. Доходило до ультиматумов: крестьяне-партийцы Хайфэна на полном серъ-

езе выставляют укому требования — «не гоже плевать на божественных духов»²¹, не гоже постольку просиживать на собраниях, долой баб из партии» [10, ч. 2, с. 75]. Спихватившиеся остряки уже щеголяли едкими прибаутками про «партию собраний»: «Гоминьдан все дерет и дерет налоги, КПК все заседает и заседает» [17, ч. 2, с. 59].

Надо сказать, что к нерадивым коммунистам применялись серьезные взыскания вплоть до испытательного срока и изгнания из рядов. Но поскольку основной массе партийных новобранцев «вся эта канитель надоела, а реального вспомоществования так и не принесла, наказанные по этим двум статьям не горюют и радуются — наконец-то отделались». В донесении особкома Наньлу по этому поводу сообщается: «Вступление в партию и выход из нее идут рука об руку. Люди даже стараются напакостить так, чтобы получить «испытание», а затем еще пару раз вывести из себя руководство и “вновь стать человеком”²², навсегда покончив с маягой» [10, ч. 1, с. 77—78].

Армия новоиспеченных партийцев мгновенно просыпалась, превращаясь «из кучи зыбучего песка» в подобие муравейника, и приходила в хаотические движение только в чрезвычайных обстоятельствах, т. е. когда «враг отправлялся в поход против красных». Причем угроза далеко не всегда сплывала коммунистов. В Луфэне, например, «когда противник переходит в наступление или даже приближается к границам советского района, из 2 тыс. членов партии встанут на защиту завоеваний революции лишь около 400 чел., остальные разбегаются кто куда»; «бросают оружие и дезертируют даже красноармейцы». В Хуэйлае сбежали и попрятались практически все коммунисты, включая членов укома партии. Согласно докладу Дунцзянского райкома КПК, «в районе в случае угрозы нападения гоминьдановцев снимаются с мест целые деревни [«коммунистические»] и уходят либо в горы, либо в Сиам [10, ч. 2, с. 200, 202, 205].

Несмотря на подобные эксцессы, в руководстве гуандунской парторганизации продолжали настаивать на том, что только «железная дисциплина, подразумевающая строгие наказания, способна спасти положение»; «если не участвуешь в собраниях, не платишь взносы, не выполняешь поручения и т. д., ты не товарищ и о партии забудь». Луфэнский уком выражал несогласие с такой постановкой проблемы и утверждал: «Наказания — очень щекотливый вопрос, так как большинство членов партии не прошли соответствующей школы партийного воспитания и не понимают, с чего бы это за какую-то безделицу грозят наказанием, ведь люди и сегодня так и не разобрались в том, что есть партия, что есть сознательная дисциплина. Станем всех подряд наказывать, с кем останемся? Есть и другой аспект: из

---

²¹ Антирелигиозная пропаганда КПК вызывала в массах наиболее откровенное отторжение, являясь, пожалуй, единственной темой внутривнутрипартийных дискуссий, в которых они принимали самое активное участие.

²² 自新 — так саркастически крестьяне называли выход из партии.

опыта видно, что человек, получивший серьезное взыскание, тут же становится предателем и пишет покаяние» [10, ч. 2, с. 210—211].

* * *

Уже с конца 1928 по март 1929 гг. в результате политики провинциального комитета КПК и «бесхребетности» местных руководящих органов численность партийной организации Гуандуна сократилась на 40 тыс. человек²³. Развалу поистине массовой структуры коммунистов региона большей частью способствовали не только удары Гоминьдана по красным анклавам. Основными его причинами стали «нездоровая ситуация в партии», «безответственность и расхлябанность в воспитательной работе», а также отсутствие понимания свежим пополнением элементарных принципов устройства партии, ее теории и практики, что приводило к перманентному разложению партийных рядов, отдельные звенья которых сохранялись лишь благодаря устойчивости «старого партийного ядра». К 1933 г. в провинции осталось около 1—2 тыс. в основном разрозненно действовавших коммунистов, а парторганизации в белых районах исчезли совсем [8, с. 67—67]).

Особо разрушительный ущерб гуандунским коммунистам нанесли те из них, кто из-за безволия и слабости характера добровольно шли на сотрудничество с властями путем 自首 в стремлении ценою предательства сохранить свою жизнь и свободу. Явки с повинной не только обрекали на гибель подлинных борцов за коммунистическую идею, но и ложились несмываемым пятном позора на коммунистическую партию в зеркале сознания трудящихся масс.

И все же, не в пример некоторым китайским авторам, подающим тему исключительно в негативном нарративе, думается, что безусловно отрицательный опыт гуандунских товарищей имел и обратную сторону: втянутые в русло форсированной партмобилизации тысячи крестьян вочию узнали, пусть поверхностно и не без «шкурного интереса», каковы идеалы коммунистов и какую цену надо заплатить за их воплощение. Это во многом способствовало самоочищению партии от «паршивого элемента» и в конечном итоге подтверждало ленинское «никто не может нас погубить, кроме наших собственных ошибок» [18, т. 42, с. 249].

Библиографический список

1. Гуандун гэмин лиши вэньцзянь хуэйци. 1927 нянь : [Собрание документов по истории революции в Гуандуне. 1927 г.] Ч. 1, 2. Гуанчжоу: Чжунъян даньаньгуань, Гуандун шэн даньаньгуань, 1983.

---

²³ К 1933 г. в Гуандуне осталось примерно 1—2 тыс. коммунистов, а парторганизации в белых районах исчезли совсем [8, с. 67—68].

2. Чжунго гунчаньдан цзучжиши цзыляо : [Материалы по организационной истории КПК]. Т.1. Пекин: Чжунгун данши чубаньшэ, 2000. 254 с.
3. Лэйпин вэньши цзыляо : [Материалы по культуре и истории Лэйпина]. Наньчан: Синьхуа чубаньшэ, 1997. 187 с.
4. *Ван Цзяньминь*. Чжунго гунчаньдан шигао : [Очерк истории КПК]. Т. 2. Тайбэй: Чжунвэнь тушу гуньиншэ, 1974. 734 с.
5. *Хуан Кунь*. Гэмин, гэмин юньсин юй гэти шэнцуньсин ганьшоу: 1927—1929 няньдэ чжунгун гэмин : [Революция, перипетии революции и психология выживания индивида: революция КПК 1927—1929 гг.] // Эрши шици. 2006. № 2. С. 19—27.
6. *Ян Куйсун*. Гоминьдан дэ «лянь гун» юй «фань гун» : [Гоминьдан: «с коммунистами» и «против коммунистов»]. Шанхай: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2008. 752 с.
7. *Хуан Чжэньвэй*. Гуандун гэмин гэньцзюдиди ши : [История гуандунской революционной опорной базы]. Гуанчжоу: Гуандун жэньминь чубаньшэ, 1993. 312 с.
8. Гуандун гэмин лиши вэньцзянь хуэйци. 1927—1934 нянь. 443 с.
9. Мао Цзэдун цзюньши вэньци : [Военные произведения Мао Цзэдуна]. Т.1. Пекин: Цзюньши кэсюэ чубаньшэ, 1993. 798 с.
10. Гуандун гэмин лиши вэньцзянь хуэйци. 1928 нянь. Ч. 1, 2.
11. Чжунго гунчаньдан Гуандун дифан ши : [История местных организаций КПК в Гуандуне]. Т. 1. Гуанчжоу: Гуандун жэньминь чубаньшэ, 1999. 287 с.
12. *Чжао Шэнхуэй*. Чжунго гунчаньдан ганьяо : [Очерки истории КПК]. Хэфэй: Аньхой жэньминь чубаньшэ, 1997. 366 с.
13. Чжунгун чжуньян вэньцзянь сюаньци : [Избранные документы ЦК КПК]. Т. 3. Пекин: Чжунгун чжуньян дансяо чубаньшэ, 1991. 640 с.
14. Гуандун гэмин лиши вэньцзянь хуэйци. 1928—1930 нянь. 335 с.
15. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 969 с.
16. *Чэнь Гунбо*. Кусяо лу : [Смех сквозь слезы. Записки]. Пекин: Сяньдай шиляо бяньканьшэ, 1981. 255 с.
17. Гуандун гэмин лиши вэньцзянь хуэйци. 1929 нянь. Ч. 1, 2.
18. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970.
19. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 6. М.: ОГИЗ, 1946. 426 с.

References

1. Guangdong geming liishi wenjian huiji. 1927 nian [Documents on the history of the revolution in Guangdong. 1927]. Guangzhou, 1983.
2. Zhongguo gongchandang zuzhishi ziliao [Materials on the organizational history of the CCP. Vol. 1]. Beijing, 2000.

3. Leiping wenshi ziliao [Materials on the culture and history of Leiping]. Nanchang, 1997.
4. Wang Jianmin. Zhongguo gongchandang shigao [Essay on the history of the CCP. Vol. 2]. Taibei, 1974.
5. Huang Kun. Geming, geming yunxing yu geti shengcunxing ganshou: 1927—1929 niande zhonggong geming [Revolution, ups and downs of revolution and the psychology of an individual survival: the revolution of the CCP. 1927—1929] // Ershiyi shiji. 2006. No. 2. P. 19—27.
6. Yang Kuisong. Guomindang de “lian gong” yu “fan gong” [Guomindang: “with the communists” and “against the communists”]. Shanghai, 2008.
7. Huang Zhenwei. Guangdong geming genjudi shi [The history of the Guangdong revolutionary stronghold]. Guangzhou, 1993.
8. Guangdong geming lishi wenjian huiji. 1927—1934 nian [Documents on the history of the revolution in Guangdong. 1927—1934]. Guangzhou, 1983.
9. Mao Zedong junshi wenji [Military works of Mao Zedong. Vol. 1]. Beijing, 1993.
10. Guangdong geming lishi wenjian huiji. 1928 nian [Documents on the history of the revolution in Guangdong. 1928]. Guangzhou, 1983.
11. Zhongguo gongchandang Guangdong difang shi [The history of the CCP local organizations in Guangdong. Vol. 1]. Guangzhou, 1999.
12. Zhao Shenghui. Zhongguo gongchandang gangyao [Essay on the history of the CCP]. Hefei, 1997.
13. Zhonggong zhongyang wenjian xuanji [Selected documents of the CCP Central committee. Vol. 3]. Beijing, 1991.
14. Guangdong geming lishi wenjian huiji. 1928—1930 nian [Documents on the history of the revolution in Guangdong. 1928—1930]. Guangzhou, 1983.
15. Buldakov V.P. Krasnaya smuta. Priroda I posledstviya revolyutsionnogo nasiliya [The red troubles. The nature and consequences of the revolutionary violence]. Moscow, 1997.
16. Chen Gongbo. Kuxiao lu [Laughter through tears. Notes]. Beijing, 1981.
17. Guangdong geming lishi wenjian huiji. 1929 nian [Documents on the history of the revolution in Guangdong. 1928]. Guangzhou, 1983.
18. Lenin V. I. Polnoye sobraniye sochineniy. 5-e izd. [Complete works. 5th edition]. Moscow, 1970.
19. Ctalin I.V. Sochineniya. T. 6 [Collected works. Vol. 6]. Moscow, 1946.

Н.Л. Мамаева

КОМИНТЕРН И VI СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ

Аннотация. Статья посвящена изучению одного из самых ярких событий в жизни Китая — VI съезда Коммунистической партии Китая (18 июня — 11 июля 1928 г.), празднующей в 2021 г. свое 100-летие. Комплексный подход к освещению этого исторического события, включающий предысторию созыва съезда, роль Коминтерна в его подготовке и проведении, характеристики положения в стране, основные решения съезда и результаты реализации принятых решений, создает предпосылки для всестороннего освещения работы VI съезда партии. Показано, что съезд выделяется принципиально новыми подходами к оценке революционной ситуации, которые формировались как с участием Коминтерна, так и в ходе революционной практики КПК. В статье показано, что в предсъездовский период и на съезде сложилась ситуация достаточно глубокого взаимопонимания китайских коммунистов с Коминтерном, что способствовало принятию, по сути, новой развернутой программы партии, учитывающей историческую специфику страны. В статье на конкретном материале представлено, по каким направлениям революционная практика КПК 1927—1928 гг. и решения VI съезда продемонстрировали начало формирования нового «маршрута революции». Как показано в статье, озвученная на VII съезде КПК «новодемократическая программа» своими корнями уходит в историческое событие в жизни Китая — VI съезд КПК. В статье содержатся и критические замечания в адрес съезда, связанные в основном с оценками роли национальной буржуазии в революционном процессе. Особое внимание в статье обращается на то обстоятельство, что КПК в результате роста классовых противоречий была подвергнута со стороны Гоминьдана жесточайшему террору и находилась на грани физического уничтожения членов КПК. Возможность созыва съезда в СССР предотвратила ликвидацию партии и обеспечила выход КПК из тяжелого кризиса.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Китая, II конгресс Коминтерна, Гоминьдан, IX пленум Исполкома Коминтерна, революционные базы, советское движение, Рабоче-крестьянская Красная армия.

Автор: Мамаева Наталья Леонидовна, главный научный сотрудник,
Институт Дальнего Востока РАН (ИДВ РАН), (Москва).
E-mail: mamaeva_nl@mail.ru

N.L. Mamaeva

COMINTERN AND THE VI CONGRESS OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA

Abstract. The article is devoted to the study of one of the most striking events in the life of China — the VI Congress of the Communist Party of China (June 18 — July 11, 1928), celebrating its 100th anniversary in 2021. An integrated approach to the coverage of this historical event creates the prerequisites for a comprehensive coverage of the work of the 6th Party Congress. The congress is distinguished by the fundamentally new approaches to the assessment of the revolutionary situation, which were formed both with the participation of the Comintern and in the course of the revolutionary practice of the CPC. The article shows that in the pre-congress period and at the congress, there was a situation of sufficiently deep mutual understanding between the Chinese Communists and the Comintern, which contributed to the adoption, in fact, of a new detailed program of the party, taking into account the historical specifics of the country. In the article, there is used some specific material to present the directions of the revolutionary practice of the CPC in 1927—1928 and the decisions of the sixth Congress demonstrated the beginning of the formation of a new “route of the revolution”. As it is shown in the article, the “new democratic program” announced at the VII Congress of the CPC has its roots in a historical event in the life of China — the VI Congress of the CPC. The article also contains critical remarks addressed to the congress, mainly related to the assessments of the role of the national bourgeoisie in the revolutionary process. The article draws special attention to the fact that the CPC, as a result of the growth of class contradictions, was subjected to the most severe terror by the Kuomintang and was on the verge of physical destruction of the CPC members. The possibility of convening a congress in the USSR prevented the liquidation of the party and ensured the CPC’s exit from a serious crisis.

Keywords: Communist Party of China, the II Congress of the Comintern, Kuomintang, the IX Plenum of the Executive Committee of the Comintern, revolutionary bases, Soviet movement, Workers and Peasants’ Red Army.

Author: Natalia L. MAMAIEVA, Chief Researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS), (Moscow).

E-mail: mamaeva_nl@mail.ru

В Китайской Народной Республике существует очень хорошая традиция, связанная с включением в ряд юбилейных дат наиболее важных съездов Компартии Китая (КПК), решения которых являются стержневыми, прокладывающими методом проб и ошибок путь развития страны, учитывающий национальные особенности.

Особое место в истории КПК, празднующей в 2021 г. свое 100-летие, занимает VI съезд партии (18 июня — 11 июля 1928 г.). Как известно, его работа проходила в СССР в селе Никольское Московской губернии. Вновь, как во времена Сунь Ятсена, в тяжелой ситуации рядом с китайскими революционерами оказались советские коммунисты и центральный коммунистический орган — Коммунистический Интернационал (Коминтерн, КИ). Помощь и поддержка китайских коммунистов со стороны ВКП(б) и Коминтерна объяснялись непреходящим стремлением советских коммунистов и Советского государства, как и на дальнейших исторических этапах — антияпонской войны и др., поддержать своего единомышленника и ближайшего соседа в трудную минуту.

Деятельность КИ в Китае формировалась и осуществлялась под углом зрения развития и распространения идеи мировой революции, поиска ее «восточного маршрута». Важное место в формировании восточной политики Коминтерна заняли II конгресс Коминтерна (19 июля — 7 августа 1920 г.) и съезд народов Дальнего Востока (21 января — 2 февраля 1922 г.), в материалах которого содержались некоторые рассуждения о реализации идеи мировой революции на Востоке, в частности, в Китае.

К моменту созыва II конгресса Коминтерна общая ситуация в Коминтерне характеризовалась развитием тенденции к переоценке степени готовности европейских партий к социалистическим революциям. Однако, несмотря на ряд поражений советских республик — в Германии, Венгрии, Литве и ряде других стран, революционный оптимизм в Коминтерне если и убавился, то незначительно. В докладе В.И. Ленина на конгрессе идея мировой революции получила интерпретацию, оказавшуюся в значительной степени полезной для Китая. Отметим при этом, что найти верный путь Коминтерну было очень сложно по многим причинам. Наряду с поражениями, наблюдались и всплески революционности в ряде стран. В.И. Ленин, как следовало из его телеграммы И.В. Сталину от 23 июля 1920 г., допускал возможность советизации в ближайшее время Италии, Венгрии, Чехии и Румынии. С позиции сегодняшнего дня совершенно очевидно, что подобная оценка мировой обстановки характеризовалась чрезмерными революционными ожиданиями. Обратим также внимание на такое значительное событие в мировом революционном движении, как созыв Коминтерном в Баку съезда народов Востока (1—7 сентября 1920 г.). Весьма показательны, что в работе этого форума участвовало более 2000 делегатов из 30 государств. Съезд продемонстрировал наличие в мире революционного потенциала, что было отражено в ходе его работы, в том числе, в провозглашении делегатами лозунга — «Пролетарии всех стран и угнетенные народы мира, объединяйтесь!». Факты свидетельствуют о том, что левые настроения для данного периода имели под собою определенную, хотя и недостаточную для победы базу.

Важно иметь в виду, что влияние КИ практически сразу же вышло за рамки коммунистического движения. Инициативы Коминтерна в области национально-освободительных и национально-революционных движений изначально нашли благодатную почву. Рост национального самосознания в Китае, проявившийся в ходе патриотического «движения 4 мая» 1919 г., в процессе становления Национальной партии Китая (Гоминьдана), в развитии коммунистического движения, способствовал оживлению общественно-политической жизни страны и создавал основы для плодотворного взаимодействия и сближения международного коммунистического движения с национально-революционным (национальным) движением. Поскольку революционный энтузиазм развивался при отсутствии четкой теоретической базы и опыта руководства мировым революционным процессом, особенно на Востоке, было неизбежно при формировании восточной политики КИ обращение к «методу проб и ошибок», а также к использованию опыта русской революции, о которой в среде китайской интеллигенции и студентов знали не много, но больше, чем о других революциях. Включение восточного направления в общую схему международного революционного движения осуществлялось Коминтерном в условиях начавшегося процесса стабилизации мировой капиталистической системы и определенного отхода от состояния революционной эйфории, характерной для революционной среды послеоктябрьского периода.

Началом формирования китайской политики Коминтерна можно считать принятие соответствующих решений II конгрессом КИ.

Все основные теоретические основы деятельности Коминтерна на Востоке как рациональные, так и ошибочные подходы, были заложены на II конгрессе КИ в рамках «Тезисов по национальному и колониальному вопросам» (28 июля 1920 г.), разработанных В.И. Лениным [1, с. 6—11], и Дополнительных тезисов по национальному и колониальному вопросам (29 июля 1920 г.), предложенных индийским коммунистом М.Н. Роем [1, с. 11—14].

И в тех, и в других тезисах прослеживалась тенденция к выявлению и учету специфики исторического развития стран Востока: характеристика восточных обществ как полуколониальных-полуфеодальных, с многочисленной армией безземельного крестьянства, с размытыми границами классовой дифференциации, с зарождавшимся пролетарским и коммунистическим движением. Согласно Тезисам, разработанным В.И. Лениным, содержание текущего этапа определялось приоритетом национальных и общеполитических задач и руководящими позициями национальных партий, что было адекватно вызовам времени. В Тезисах Ленина достаточно четко была прописана перспективная идея временного объединения и взаимопомощи пролетарских, коммунистических и национально-революционных движений, их тесного союза с Советской Россией. Тенденция

иною плана развивалась в «Дополнительных тезисах по национальному и колониальному вопросам». Выдвигая для текущего революционного этапа идею руководящей роли «коммунистического авангарда», Дополнительные тезисы, в сущности, содержали установку на перерастание буржуазно-демократических революций в странах Востока в социалистические на текущем революционном этапе. Влияние этой тенденции на формирование китайской политики Коминтерна неуклонно возрастало.

При всей своей незавершенности и противоречивости решения II конгресса Коминтерна оставались и остаются наиболее крупным теоретическим вкладом КИ в теорию национальных революций. Они легли в основу широкого диапазона деятельности посланцев Коминтерна и Советского государства в Китае, которая практически с самого начала не замыкалась на задачах развития коммунистического движения. Именно момент сплочения революционных сил, расширения революционной социально-политической базы стал, начиная с 1920-х годов, постоянно действующим фактором развития революционной концепции, формировавшейся силами КИ, КПК и посланцев Коминтерна и Москвы.

В материалах съезда народов Дальнего Востока обозначено два направления в развитии и реализации идеи мировой революции. Одно направление ориентировало на революцию в метрополии (Япония), от которой ставились в зависимость сама возможность и эффективность революции в Китае. Второе направление разрабатывалось под углом зрения создания объединенного фронта революционных сил внутри Китая как основы китайской революции, развитие которой не предусматривало в качестве необходимой предпосылки пролетарскую революцию в Японии [2]. Как показал опыт истории, второе направление оказалось более эффективным и способным к саморазвитию.

Созыв съезда народов Дальнего Востока явился результатом деятельности КИ в двух основных потоках революционного движения Востока — коммунистическом и национально-революционном (национальном, национально-освободительном). При этом отметим, что представления о мировой революции и после II конгресса Коминтерна и съезда народов Дальнего Востока не составили единой взаимосвязанной системы взглядов уровня научной концепции.

Как показала история, огромный революционный потенциал китайского народа как специфика китайского революционного движения потенциально выступал гарантом успехов КПК в разработке революционной ориентации и реализации формировавшихся планов. Одновременно высокая степень революционного духа вызывала стремление к ускорению реализации революционных планов, усиливала радикальные подходы Коммунистической партии Китая как в теории, так и на практике. С позиции сегодняшнего дня четко видно, что элементы «левачества» в

КПК сохранялись на высоком уровне и в период подготовки и прохождения VI съезда Компартии Китая, несмотря на поражение китайских коммунистов в так называемых арьергардных боях с Гоминьданом (1927—1928): Наньчанское восстание (конец июля — начало августа 1927 г.); крестьянские восстания «осеннего урожая» (сентябрь 1927 — весна 1928 гг.), Гуанчжоуское восстание «Кантонская коммуна» (декабрь 1927 г.). Следует также подчеркнуть, что склонность к левым подходам проявлял практически постоянно и Коминтерн — в значительной степени в силу недостаточного знания положения дел в Китае. Как показали события, предшествовавшие созыву VI съезда КПК, ультралевый крен в Коминтерне развивался весьма активно с 1927 г., задолго до мирового кризиса 1929 г., и в этом процессе принимал участие и лично И.В. Сталин [3, с. 330—331]. Казалось, что жестокое поражение стратегии КПК в революционный период 1920-х годов исключило движение партии в прежнем направлении. Однако ни в КПК, ни в Коминтерне не было полной ясности в вопросе дальнейшего «революционного маршрута». КПК по-прежнему склонялась к левым идеям, связанным с гегемонией рабочего класса и крестьянства. Между тем, и Коминтерн был в немалой степени восприимчив именно к радикальным планам и действиям. В течение 1920-х годов утверждалась и развивалась тенденция радикализации стратегии Коминтерна в китайской революции, что отражалось и в его политике относительно программы и курса КПК. Вплоть до середины 1930-х годов КИ в основу своей позиции в революционном движении ставил формирование курса на свержение Гоминьдана, однако не столь быстрое, как этого хотели китайские коммунисты. Разработка Коминтерном модели китайской революции имела свои особенности.

Расширяя и углубляя тему Коминтерна, отметим некоторые не нашедшие адекватного отражения в исторической литературе характеристики. Гоминьдан в своей политике вплоть до VII расширенного пленума ИККИ (22 ноября — 16 декабря 1926 г.) придерживался принципиального программного положения, содержавшегося в «Тезисах по национальному и колониальному вопросам», допускающего поддержку национально-революционного движения коммунистическим движением — без его активного вмешательства в революционный процесс. Между тем, и это необходимо подчеркнуть, начиная с IV конгресса Коминтерна (5 ноября — 5 декабря 1922 г.) параллельно формировалась скрытая от Гоминьдана политика на переориентацию Гоминьдана и на неприемлемую для Сунь Ятсена и его партии модель революции, которую предполагалось осуществлять через КПК и представителей КИ в Китае. Отметим, что именно IV конгресс КИ открыл клапан политики двойного стандарта в отношении национальной революции. Кроме открытого для всех основного документа IV конгресса КИ — «Общие тезисы по восточному вопросу» была принята закрытая ре-

золюция — «Задачи Коммунистической партии Китая (дополнение к тезисам по восточному вопросу)». Восточным отделом Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) в течение 1923—1927 гг. было направлено руководству КПК немало закрытых документов. Наметки модели, ориентированной на быстрое перерастание буржуазно-демократической революции в некапиталистическую или социалистическую по типу Октябрьской революции в России, содержались, как нами отмечалось, еще в Дополнительных тезисах II конгресса КИ [4, с. 40—41].

Активное включение теоретика мировой революции Н.И. Бухарина и И.В. Сталина в китайскую политику КИ перевело ее на новые рельсы. VII расширенный пленум ИККИ (22 ноября — 16 декабря 1926 г.), положив в основу точку зрения Н.И. Бухарина, принял концепцию национальной революции, несовместимую с программой и политикой Гоминьдана [1, с. 94—95, 101—104]. Модель китайской революции, представленная VII и VIII пленумами ИККИ, не соответствовала основным параметрам политической программы и стратегии Гоминьдана. Между тем, Гоминьдан в период Северного похода также претерпел существенные изменения, как-то: рост авторитарных тенденций в теории и практике, а также — развитие процесса милитаризации партии [4]. Трагически закончившееся летом 1927 г. сотрудничество Гоминьдана и КПК имело ряд причин. Обратим особое внимание на то обстоятельство, что после смерти Сунь Ятсена, обладавшего большим авторитетом в Гоминьдане, в партийных кругах не нашлось столь сильной и имевшей связи с коммунистами фигуры, способной восстановить атмосферу сотрудничества Гоминьдана и КПК.

Вместе с тем, в период подготовки и проведения VI съезда КПК Коминтерн более взвешенно, чем деятели КПК в тот период, подходил к общей оценке положения в Китае, оказывая при этом положительное воздействие на КПК. Как говорил видный деятель КИ Н.И. Бухарин на заседании русской делегации VI конгресса Коминтерна (август 1928 г.), «я считаю, что китайскую партию мы сохранили только потому, что на IX пленуме [февраль 1928] решительно повернули. Если бы мы не повернули решительно на IX пленуме, у нас не было бы китайской партии» [5, с. 535—536]. Бухарин констатировал, что после IX пленума ИККИ произошел огромный перелом в партии и что этого нельзя отрицать.

VI съезд Коммунистической партии Китая, проходивший 18 июня — 11 июля 1928 г., был одним из наиболее ярких и содержательных съездов Компартии Китая. Он наметил направления дальнейшего развития революционного движения в стране, учитывающие в определенной мере национальную специфику. После социального взрыва в ходе «Движения 30 июня 1925 г.» и дальнейшего роста социально-классовых противоречий китайские коммунисты попали в чрезвычайно тяжелую ситуацию. Оказавшись на нелегальном положении, они пытались выжить в условиях

жесточайшего террора со стороны правящей гоминьдановской партии, что было очень трудно. Немедленного решения требовали вопросы партийного строительства, уточнения партийной программы, более четкой постановки целей дальнейшего развития революционного движения. Промедление было в прямом смысле — смерти подобно. К счастью, Компартия была не одна. Она являлась членом Коминтерна, делегация от КПК входила в его организационную структуру и тесно сотрудничала с руководством Коммунистического Интернационала. Коммунистическая партия уже имела опыт партийного строительства, опыт работы в массовом движении, налаженные контакты с соратниками по идеологии. Лидеры КПК того времени Су Чжаочжэн и Сян Чжунфа в течение 1928 г., вплоть до созыва VI съезда Компартии Китая, находились в переписке с представителями Коминтерна [6, с. 293—294, 384—386, 458—460].

В этой обстановке Коминтерн оказал Компартии исключительно важную для партии и китайской революции помощь. Состоявшийся в феврале 1928 г. IX пленум Исполкома Коминтерна в специальной «Резолюции по китайскому вопросу» дал четкое определение текущего момента и характера китайской революции, наметил основы тактики КПК на ближайший период. Пленум ИККИ указал, что китайская революция в настоящий момент переживает период тяжелого поражения, спада рабочего и крестьянского движения. В связи с этим партия должна проводить тактику отступления, собирания сил. Пленум ИККИ призвал КПК к борьбе против путчизма, способного загубить революцию, привести к отрыву авангарда от масс [1, с. 146—151].

Пленум указал, что китайская революция остается по своему содержанию буржуазно-демократической и особо подчеркнул опасность попыток характеризовать ее как социалистическую или «перманентную», которые могут привести к серьезным ошибкам в определении задач революции, к отрыву от реальности, к авантюризму. Очень важным для дальнейшей разработки курса КПК был вывод IX пленума ИККИ о неравномерности развития революции в Китае, выражающейся в неравномерном развитии революционного движения в различных районах и в отставании рабочего движения по сравнению с крестьянским.

Решения VI съезда, в основе которых лежали выводы и оценки IX пленума ИККИ, охватили практически все области деятельности КПК и, по существу, явились первой развернутой программой партии. Главными задачами текущей буржуазно-демократической революции съезд провозгласил борьбу за национальную независимость и объединение страны, ликвидацию помещичьего землевладения и всех феодальных пережитков, свержение власти реакционного Гоминьдана и замену ее революционно-демократической диктатурой рабочего класса и крестьянства в форме Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов [7].

Опираясь на вывод IX пленума ИККИ о неравномерности развития революции в Китае, VI съезд предложил тезис о том, что при новом революционном подъеме возможен захват власти первоначально в одной или нескольких провинциях, тем самым выдвигалась идея создания опорных баз революции. Во время работы VI съезда Коминтерн и КПК еще не располагали достаточными данными для выводов о том, станут ли центрами собирания революционных сил в новых условиях сельские районы страны или города. Партизанское движение и строительство вооруженных сил в деревне в ряде провинций Юга Китая делало лишь первые шаги. Тем не менее, Коминтерн и участники VI съезда КПК прозорливо обозначили верный путь к созданию надежного оружия революции — китайской Красной армии.

Содержание новой политической линии КПК, принятой на съезде, нуждается в более подробной характеристике событий, предшествовавших созыву съезда.

После разрыва отношений между Гоминьданом и КПК летом 1927 г. в Компартии произошли серьезные организационные и кадровые изменения, осуществлялась дальнейшая радикализация партийной политики в рабочем и крестьянском движении. Так называемые арьергардные бои революции продемонстрировали, с одной стороны, углубление формировавшейся в течение 1920-х годов в КПК линии на развитие массового движения с опорой на рабочих и крестьян, с другой, обозначили зарождение нового направления революционного движения — под лозунгом Советов.

Курс на развитие советского движения сформировался не сразу. Он вызревал в недрах революционной практики в ходе последних крупных выступлений КПК в городах и в деревне, проходил свое становление методом проб и ошибок, частично формулировался в документах КПК и Коминтерна [3, с. 311—313]. Однако вплоть до VI съезда КПК в партийных решениях он отражался нечетко, в партии чувствовалось давление прежнего стереотипа развития революционного движения в городах с опорой на рабочий класс как главную силу. Новые ориентиры в революционной теории созревали постепенно. Так, на августовском совещании ЦК КПК 1927 г. курс на организацию рабоче-крестьянских восстаний включал постепенное создание рабоче-крестьянской революционной армии, которая рассматривалась под углом зрения поиска новой опоры революции. Идея Советов хотя и не получила четкого звучания, однако была выдвинута как пропагандистский лозунг. На текущий момент не рекомендовалось выдвигание лозунга Советов как лозунга действия ни в городе, ни в деревне, ни в армии.

Несмотря на поражение Наньчанского восстания, после которого началась гражданская война между Гоминьданом и КПК, оно одновременно

привело к рождению Красной армии Китая. 1 августа отмечается в КНР как день основания Рабоче-крестьянской Красной армии Китая.

В ходе восстаний «Осеннего урожая», охвативших осенью 1927 г. районы крестьянского движения в провинциях Гуандун, Хунань, Хубэй и Цзянси, в Хайфэне и Луфэне 7 ноября 1927 г. были созданы первые в Китае Советы рабочих, крестьян, солдат и городской бедноты и избраны советские правительства. Было реализовано принятое 19 сентября 1927 г. Временным Политбюро ЦК КПК решение о снятии лозунга создания организаций «революционного Гоминьдана» и о переходе к организации советской власти. Хайлуфэнская советская республика просуществовала до марта 1928 г.

Попытки внедрения советского опыта были предприняты и в ходе самого крупного вооруженного восстания этого периода в Кантоне («Кантонская коммуна»). В результате вооруженного восстания в Кантоне было создано Советское правительство. Но 13 декабря это героическое восстание, как ранее и другие попытки создания новой власти в сельской местности, было жестоко подавлено.

Все эти и другие вооруженные выступления в городах и сельских районах, имевшие место в течение 1927 г. и 1928 г., завершились поражением. Вместе с тем, революционная практика продемонстрировала начало формирования нового «маршрута революции». Его общие характеристики включали такие направления, как укрепление КПК в отдаленных районах, создание на периферии, преимущественно в сельской местности, революционных баз и вооруженных формирований, провозглашение на локальном уровне советской власти и переход к советскому строительству. Можно сделать вывод, что по некоторым важным направлениям (создание Красной Армии, начало советского движения и ряд др.) практика опережала теорию.

В разработке на съезде новой политической линии активно участвовали представители Коминтерна, прежде всего Н.И. Бухарин. Съезд открылся докладом Н.И. Бухарина (от ИККИ) «О международном положении и задачах КПК». Были заслушаны также Отчетный доклад ЦК (докладчик Цюй Цюбо), доклад делегации КПК в Коминтерне о решениях IX пленума ИККИ по китайскому вопросу (Сян Чжунфа), организационный отчет и доклад о военной работе (Чжоу Эньлай), доклады о работе в профсоюзах, об аграрной программе и крестьянском движении (Ли Лисань). Съезд принял «Политическую резолюцию» и резолюции по важнейшим вопросам деятельности КПК [7].

Были проанализированы причины раскола КПК с Гоминьданом (лето 1927 г.). Основными задачами китайской революции съезд провозгласил национальное освобождение и объединение страны, ликвидацию феодальных пут и свержение политической власти Гоминьдана путем

вооруженного восстания и установления демократической диктатуры пролетариата и крестьянства под гегемонией рабочего класса. Для текущего, демократического, этапа революционного движения была поставлена задача борьбы за власть советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Объективные характеристики переживаемого революционного этапа как имевшего буржуазно-демократическую направленность сопровождались не вполне адекватными ситуации оценками социальной опоры партии и основных социально-политических сил демократической революции. Акцентирование в рамках задач национальной революции положения о свержении политической власти Гоминьдана в Китае вооруженным путем, а также оценка национальной буржуазии как исчерпавшей свои возможности в антиимпериалистической борьбе, наряду с завышенными характеристиками пролетариата и крестьянства на текущем революционном этапе несли в себе сильный сдвиг в сторону сектантства, которое в той или мере сохранялось в политике КПК до середины 30-х годов XX в. и затрудняло Компартию поиск союзников в деле осуществления партийной программы.

Не получил на съезде всестороннего освещения и оставался не вполне ясным и вопрос о текущем моменте. С одной стороны, признавалось «отсутствие революционного подъема в сколько-нибудь широких массах китайского народа», с другой стороны, съезд одновременно пытался обосновать неизбежность революционного подъема в ближайшее время.

Привлечение в партийные ряды и в руководство КПК представителей рабочего класса по-прежнему выдвигалось первоочередной задачей партийного строительства. Одновременно в деревне был взят курс на расширение советских очагов, что в определенной степени способствовало дальнейшему, со второй половины 1930-х годов, передвижению акцентов в революционной стратегии — с рабочих на крестьян.

На съезде впервые Компартия Китая приняла развернутую аграрную программу, центральным лозунгом которой стало требование конфискации всей помещичьей земли и передачи ее малоземельному и безземельному крестьянству. Была сформулирована стратегическая линия партии в деревне: основной враг — помещик, тухао, джентри; опора пролетариата в деревне — беднота; середняк — крепкий союзник.

Существенное обновление претерпела военная политика КПК. Съезд тщательно проработал и утвердил следующие задачи партии в военной области: создание регулярной рабоче-крестьянской Красной армии в советских районах; укрепление партийного руководства в войсках; организация нелегальных отрядов самообороны («пикеты»); подготовка командного состава Красной армии из наиболее преданных партии рабоче-крестьянских элементов, санкционирование для борьбы с противником тактики

партизанской войны. Принятая съездом военная политика КПК представляется важным и адекватным ситуации решением, сыгравшим значительную роль в национальной демократической революции 1920-х — 1940-х гг. В работе Военной комиссии съезда принимали участие советские коммунисты — Я.К. Берзин, начальник Разведывательного управления Генштаба Рабоче-крестьянской Красной армии Советской России, В.К. Блюхер, главный военный советник на Юге Китая в 1924—1927 гг. и военный советник в те же годы — И.К. Мамаев.

Съезд избрал ЦК КПК. Заочно в состав ЦК КПК был избран Мао Цзэдун, который не был делегатом съезда. 1-й пленум ЦК КПК 6-го созыва избрал Политбюро, Постоянный Комитет Политбюро ЦК КПК. Генеральным секретарем ЦК КПК был избран уханьский портовый рабочий Сян Чжунфа, его заместителем и заведующим орготдела ЦК — Чжоу Эньлай.

Несмотря на противоречивость решений съезда, они сыграли важную роль в истории партии. Съезд обозначил контуры новой революционной стратегии и способствовал концентрации усилий партии к поиску и разработке «нового маршрута» революционного движения, адекватного исторической ситуации.

В русле выполнения рекомендаций и решений съезда особое внимание коммунистов после съезда уделялось работе по восстановлению партийной управленческой вертикали. Предпринимались усилия по исправлению положения, характеризовавшегося разобщенностью партийных организаций различных районов и революционных баз, зачастую проводивших разную политику, а также несогласованностью действий между находившимся в Шанхае ЦК КПК и партийным руководством на местах. Факты таковы, что к весне 1929 г. удалось сформировать руководящие органы партии. Было создано 15 провинциальных комитетов КПК и три временных комитета провинциального уровня. Работа по воссозданию низовых организаций партии в городах заметных результатов не демонстрировала.

Содержавшаяся в решениях съезда ориентация на развитие движения под лозунгом советов объективно отражала складывавшиеся в стране реалии. К концу 1920-х — началу 1930-х годов сложилась определенная модель взаимосвязи между созданием советских районов и строительством вооруженных сил КПК. Создание революционных баз осуществлялось с опорой на вооруженные силы, создававшиеся коммунистами, как правило, из крестьянских отрядов самообороны, членов крестьянских союзов, из отколовшихся частей гоминьдановских вооруженных сил. На стыке провинций Хунань и Цзянси была создана цзинганшаньская революционная база, а объединенные вооруженные силы получили наименование 4-го корпуса Красной армии во главе с командующим Чжу Дэ и

комиссаром Мао Цзэдуном. Подобные события происходили и в других провинциях.

Создание революционных баз на периферии и строительство вооруженных сил осуществлялись в условиях постоянной борьбы Нанкинского правительства с региональными милитаристскими группировками и на фоне усилившихся разногласий в руководстве Гоминьдана, то есть в обстановке, характеризовавшейся слабостью центрального правительства. Недостаточность контроля центральной власти на периферии и в сельской местности облегчала коммунистам осуществление задачи создания советских районов и заполнения своими структурами «вакуума власти».

Ситуация характеризовалась также обострением социальных противоречий в деревне, развивавшихся в условиях продолжавшихся милитаристских междоусобиц. Неспособность гоминьдановской власти к подлинному объединению страны оборачивалась для населения увеличением поборов, налогов, усилением коррупции местных властей, постоянными кампаниями по рекрутированию крестьян в солдаты. Социальная стабильность подрывалась также негативными последствиями неурожаев, наводнений и засух, пришедших на данный временной период.

В такой обстановке антигоминьдановская пропаганда китайских коммунистов имела успех, особенно среди бедных слоев сельского населения. Получала поддержку и политика советской власти в революционных базах, прежде всего, по аграрному вопросу, отличавшаяся от гоминьдановской политики в лучшую сторону. В этой связи подчеркнем значение решений съезда по аграрно-крестьянскому вопросу. Выдвижение съездом на передний план аграрно-крестьянской политики свидетельствовало о начале крупного поворота в политике КПК, ориентированной до съезда главным образом на достижение гегемонии рабочего класса.

Тем не менее, начальный период деятельности КПК на периферии, в деревне, был для Компартии нелегким. Революционные базы того времени оказались недолговечными, однако, Компартия, теряя одни базы и отступая в более отдаленные районы, создавала новые. Несмотря на отступление с первоначальных территорий советской власти, первый опыт советского движения заложил основу дальнейшего развития в этом направлении.

Как подтверждала революционная практика послесъездовского периода, усилия коммунистов в области военной политики имели положительный эффект. Развивая данное направление, КПК весной-летом 1929 г. активизировала работу по подготовке военных кадров для КПК как на территории Китая (в Шанхае), так и в Москве в коммунистических университетах (КУТВ и др.), а также в военных учебных заведениях СССР.

Сложность ситуации в партии и стране неизбежно усиливала накал внутривнутрипартийной борьбы. Обострение внутривнутрипартийных разногласий имело место уже на VI съезде КПК. Достаточно сильные позиции продемонстрировала группа левых, в которую входили Ли Лисань, Цюй Цюбо, Дэн Чжунся, Цай Хэсэнь и др. Увлечение левыми идеями в руководстве КПК, прежде всего, идеей форсирования китайской революции было связано со многими обстоятельствами — с жестокостью гоминьдановских властей по отношению к коммунистам, отсутствием четкой линии в Коминтерне, авторитет которого в среде китайских коммунистов был достаточно высоким, растерянностью Компартии Китая, находившейся еще на стадии разработки нового пути революционного движения. В определенной степени положение в КПК отражало и общую ситуацию в мировом коммунистическом движении, в котором «левизна» оставалась характерной чертой и была связана с общественной реакцией на мировой экономический кризис (1929—1933 гг.), с живучестью в коммунистической среде идеи мировой революции и т. д. Увлечение «левизной» отражало дух времени.

«Левые» набирали авторитет и после съезда. Одним из самых авторитетных деятелей КПК, стоявших на левых позициях, был Ли Лисань. В конце 1929 г. и в 1930 г., когда генсеком КПК был друг Ли Лисаня Сян Чжунфа, Ли Лисань фактически играл в партии руководящую роль. Группа руководителей КПК, переоценивая зрелость революционной ситуации и преувеличивая степень готовности общества к революционным действиям, выступила за пересмотр линии VI съезда партии с левых позиций. Определяющую роль в обосновании таких взглядов сыграл Ли Лисань. 24 марта 1930 г. Ли Лисань выступил на заседании Политбюро ЦК КПК с идеей подготовки восстания в масштабе всей страны. Как свидетельствуют факты, обстановка в стране и внутри КПК и после съезда оставалась нелегкой. Только со второй половины 1930-х годов Компартия обратилась к практике осуществления революционного курса VI съезда КПК в более полном объеме, соответственно, к дальнейшей разработке теории новой демократии, учитывающей историческую специфику Китая.

VI съезд КПК сыграл крайне важную роль в истории КПК и китайской революции. Съезд творчески подошел к решению проблемы выхода партии из кризиса — на пути воссоздания разрушенной сети партийных организаций в стране, создания вертикали власти, поиска конкретных новых форм революционного процесса (создание армии, развитие партизанской войны, организация и поддержка советского движения, выдвижение аграрной политики как основной в революционном движении, строительство революционных баз, объединяющих эти направления). В итоге съезд определил контуры «нового маршрута» революции как отражающего историческую специфику страны. Как показывает

история, новые направления в революционной стратегии КПК развивались усилиями китайских коммунистов и в дальнейшем — в ходе Великого похода партии и армии в течение 1934—1936 гг. и широкомасштабной японо-китайской войны, далее — в период новой гражданской войны 1946—1949 гг. Озвученные на VII съезде КПК в 1945 г. «ново-демократическая программа» и новый устав партии своими корнями уходят в историческое событие в жизни Китая — VI съезд Коммунистической партии Китая, открывший новые горизонты развития революционного процесса.

Если говорить о значении VI съезда Коммунистической партии Китая в истории партии и страны совсем коротко, то можно ответить следующим образом: созыв съезда на территории СССР и его решения предотвратили уничтожение Коммунистической партии Китая как политической организации, оказавшейся перед лицом утраты всех функций политической партии в результате негативных последствий распада единого фронта с Гоминьданом и перед опасностью физического уничтожения членов КПК превосходящими силами реакции. Действия Коминтерна и ВКП(б), обеспечившие китайским коммунистам возможность созыва съезда на своей территории и оказание при этом различного рода помощи — теоретической и практической, включая финансовую поддержку, продемонстрировали истинную интернациональную позицию — в действии. Одновременно, позиция Коминтерна и ВКП(б) в событиях, связанных с VI съездом партии, отражала уверенность международного коммунистического движения в наличии у КПК больших потенциальных возможностей и революционного духа, достаточных для преодоления всех тягот на пути к поставленным целям.

Библиографический список

1. Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. 317 с.
2. Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока. Петроград: Издание Исполкома Коминтерна, 1922. 360 с.
3. *Григорьев А.М.* Китайская политика ВКП(б) и Коминтерна. 1920—1937 // История Коммунистического Интернационала. 1919—1943. Документальные очерки. М.: Издательство «Наука», 2002. С. 293—333.
4. *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан 1919—1929. М.: РОССПЭН, 1999. 375 с.
5. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн: 1919—1943. Документы. М.: РОССПЭН, 2004. 960 с.

6. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. III. Ч. 1. М.: АО «Буклет», 1999. 740 с.

7. Стенографический отчет VI-го Съезда Коммунистической партии Китая. Кн. 1—6. На правах рукописи. М., 1930.

References

1. Kommunisticheskiĭ Internatsional i kitai'skaia revoliutciia. Dokumenty` i materialy`. [The Communist International and the Chinese revolution. Documents and materials]. M.: Glavnaia redaktsiia vostochnoi` literatury` izdatel'stva «Nauka», 1986. 317 s.

2. Pervyĭ i s`ezd revoliutsionny`kh organizatsii` Dal'nego Vostoka. Petrograd: Izdanie Ispolkoma Komintern. [The first Congress of the Far East revolutionary organizations, Petrograd: the edition of the Comintern Executive Committee]. 1922. 360 s.

3. Grigor'ev A.M. Keitai'skaia politika VKP(b) i Komintern. 1920—1937 // Istoriia Kommunisticheskogo Internatsionala. 1919—1943. Dokumental'ny'e ocherki. [Grigir'ev A.M. The Chinese policy of the VKP(b) and the Comintern. 1920—1937//The history of the Communist International. 1919—1943. Documental essays]. M.: Izdatel'stvo «Nauka». 2002. S. 293—333.

4. Mamaeva N.L. Komintern i Gomin'dan 1919—1929. [Mamaeva N.L. Comintern and Guomindang 1919—1929]. M.: ROSSPEN, 1999. 375 s.

5. Politbiuro TSK RKP(b) — VKP(b) i Komintern: 1919—1943. Dokumenty`. [Politbureau of the CC R.P.S.U.(B). — the VKP(b) and the Comintern: 1919—1943. Documents]. M.: ROSSPEN, 2004. 960 s.

6. VKP(b), Komintern i Keitai`. Dokumenty`. T. III. Ch. 1. [the VKP(b) Comintern and China. Documents. Vol.3. P.1]. M.: АО «Буклет», 1999. 740 s.

7. Stenograficheskiĭ otchet VI-go S`ezda Kommunisticheskoi` partii Keitaia. [Stenographic report of the 6-th Congress of the Chinese Communist Party]. Кн. 1—6. На правakh rukopisi. М., 1930.

Д.А. Смирнов

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО ФАКТОРОВ В РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ПРИМЕРЕ VI СЪЕЗДА КПК

Аннотация. В статье рассматривается вопрос соотношения внутреннего и внешнего факторов в разработке стратегии и тактики китайской революции в ходе подготовки и проведения VI съезда Коммунистической партии Китая и в последующий период. Этот съезд состоялся в обстановке временного спада революционного движения, потребовавшего от ее руководства принятия новой тактики революции. Поиском решения теоретических и практических задач китайской революции занимался Коминтерн, оказывавший разностороннюю практическую помощь китайским коммунистам.

В ходе решения этих задач Коминтерну и руководству ВКП(б) совместно с Коммунистической партией Китая пришлось решать сложнейшую проблему соотношения национальных и классовых интересов. Намеченная VI съездом стратегия и тактика на новом этапе революции в целом шла в русле установок Коминтерна на завершение буржуазно-демократической революции в Китае и перенесение центра тяжести работы КПК на завоевание массовой рабоче-крестьянской социальной базы, организацию Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а также на завоевание отдельных районов в качестве опорных баз революции. Этой цели должна была служить принятая на съезде развернутая аграрная программа и выполнение задачи по созданию «настоящей Красной Армии».

Вместе с тем, формирование теоретической платформы КПК на новом этапе революции проходило в обстановке непрерывной идейной, внутрипартийной и организационной борьбы, в том числе на самом съезде, чему способствовало отсутствие у КПК и Коминтерна долговременного практического опыта революционной борьбы, а также должного осознания необходимости учитывать национальную специфику Китая, за что руководство Коминтерна подверглось критике со стороны И.В. Сталина.

Во второй половине 30-х годов в КПК укрепилась и взяла верх тенденция к признанию примата китайской специфики в руководстве революционным движением и к идейной и организационной независимости от Коминтерна. Этот процесс проходил по инициативе и под руководством Мао Цзэдуна, выдвинувшего в 1938 г. принцип «китаизации» марксизма, который лег в основу самостоятельной теоретической разработки стратегии и тактики китайской революции.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Китая (КПК), VI съезд КПК, Коминтерн, Мао Цзэдун, И.В. Сталин, стратегия и тактика китайской революции, «китаизация» марксизма.

Автор: Смирнов Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: smirnov_da@inbox.ru

D. A. Smirnov

THE 6TH CCP CONGRESS AS AN ILLUSTRATION OF INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS CORRELATION IN THE CHINESE REVOLUTION STRATEGY AND TACTICS DEVELOPMENT

Abstract. In the article, there is considered the question of internal and external factors correlation in the Chinese Revolution strategy and tactics development during the preparation of the 6th CCP Congress and hereafter. This Congress took place at the situation of the revolutionary movement temporary recession which required some new revolutionary tactics from its leadership. The Comintern searched for the decision of the theoretical and practical tasks of the Chinese Revolution simultaneously providing the Chinese Communists with diversified practical help.

In the process of these tasks fulfillment the Comintern and the C.P.S.U.(B.)'s leadership together with the CCP had to decide the hardest problem of national and class interests correlation. Outlined by the 6th CCP Congress strategy and tactics at the revolution new stage in general went in line with the Comintern intention to bring to an end the bourgeois-democratic revolution in China and to shift the gravity centre of the CCP work to the conquest of the mass workers-peasants social base, to the establishment of the Councils of workers, peasants and soldiers deputies, as well as to the conquest of the separate regions as the Revolution strongholds. Adopted at the Congress comprehensive agricultural program and the fulfillment of the task of creating a "real Red Army" served this aim.

The CCP theoretical platform formation at the Revolution new stage happened at the situation of the continuous ideological inner-party and organizational struggle, even at the Congress itself, demoted by the CCP and the Comintern lack of long-term practical experience of struggle, of the necessity due awareness to consider China national specifics, for which the Comintern leadership was criticized by I.V.Stalin.

At the second half of the 1930-s at the CCP, there strengthened and prevailed the tendency to recognize the Chinese specifics primacy in the management of the revolutionary movement and to recognize the ideological and organizational independence from the Comintern. This process went on the initiative and under Mao Zedong guidance who put forward the principle of Marxism “sinicization” in 1938, which became the basis of the independent theoretical development of the strategy and tactics of the Chinese Revolution.

Keywords: the Communist Party of China (the CCP), the 6th Congress, Comintern, Mao Zedong, I.V.Stalin, Chinese Revolution strategy and tactics, sinicization of Marxism.

Author: Dmitry A. SMIRNOV, PhD (Hist), Leading Research Fellow at the Institute of the Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow). E-mail: smirnov_da@inbox.ru.

В преддверии празднования в КНР 100-летней годовщины создания Коммунистической партии Китая все больший интерес вызывают основные вехи долгого исторического пути КПК к победе революции и в строительстве социализма с китайской спецификой. К таким вехам, несомненно, относятся съезды партии, принимавшие стратегию и тактику борьбы в революции и в последующем строительстве Нового Китая. Среди них выделяется VI съезд КПК — единственный съезд китайских коммунистов, проводившийся за рубежом, на территории СССР.

Этот съезд состоялся в обстановке, характеризовавшейся временным спадом революционного движения вследствие осуществленного Чан Кайши в апреле 1927 г. переворота и поражения ряда вооруженных выступлений под руководством КПК, но в то же время созданием коммунистами революционных опорных баз в деревне, собственных вооруженных сил и органов советской власти в освобожденных районах. В этих условиях ЦК КПК (на чрезвычайном совещании в августе 1927 г.) разработал новую тактику революции, согласно которой китайская революция по своему основному содержанию является буржуазно-демократической, главными задачами которой остаются борьба за достижение полной национальной независимости, объединение страны и ликвидацию пережитков феодализма. При этом текущий этап революции трактовался как этап непосредственного перерастания в социалистическую революцию в ближайшее время [1, с. 24—28].

Поиском решения теоретических и политических задач китайской революции занимался и Коминтерн, оказывавший разностороннюю практическую помощь китайским коммунистам. Уделяя пристальное внимание китайской революции, Коминтерн исходил из того, что «великая китайская революция все более и более становится огромной важности фактором, направленным против всей системы международного империализма и его главных мировых центров» [2, с. 717]. В ходе решения этих задач Комин-

терну совместно с Коммунистической партией Китая пришлось решать сложнейшую проблему соотношения национальных и классовых интересов. Исходя из ленинского тезиса о том, что революция в странах Востока не может иметь успеха без поддержки со стороны широких крестьянских масс, Коминтерн уделял большое внимание работе по организации крестьянства. В «Директиве ИККИ III съезду китайской компартии (май 1923 г.)» крестьянский вопрос был назван «центральным вопросом всей политики» [3, с. 114, 133—145; 4, с. 242—244]. Эта же мысль проводилась в резолюции VII расширенного пленума ИККИ (ноябрь — декабрь 1926 г.), в которой китайская революция была охарактеризована как антиимпериалистическая буржуазно-демократическая революция, находящаяся еще на начальной стадии развития. Тактика Коминтерна заключалась, прежде всего, в идейном и организационном укреплении КПК и превращении ее в массовую политическую партию пролетариата; в практическом соединении марксизма с рабочим движением; создании союза пролетариата и крестьянства; формировании в союзе с Гоминьданом единого антиимпериалистического фронта, в рамках которого пролетариат должен был бороться за гегемонию в революции с целью последующего перехода Китая на некапиталистический путь развития [3, с. 135—139].

Характеризуя специфику Китая, И.В. Сталин в своей речи в китайской комиссии ИККИ «О перспективах революции в Китае» (30 ноября 1926 г.) особо отметил наличие у китайской революции «своих специфических особенностей», которые «должны наложить свой особый отпечаток на революцию в Китае». Он выделил тогда три «основных особенности», определяющих характер и направление развития китайской революции. Это прежде всего то, что она, «будучи буржуазно-демократической, являлась вместе с тем национально-освободительной революцией, направленной своим острием против господства чужеземного империализма в Китае». Вторая особенность состояла в слабости крупной национальной буржуазии в Китае по сравнению с русской буржуазией периода революции 1905 г. Третью особенность он связывал с возможностью заимствования «революционного опыта» и получения помощи у Советского Союза [5, с. 358—359].

«Развитие национально-революционного движения в Китае в настоящее время, — отмечалось в резолюции VII пленума ИККИ, — упирается в аграрную революцию», «если пролетариат не выдвинет радикальной аграрной программы, то он не сумеет вовлечь крестьянство в революционную борьбу и утратит гегемонию в национально-освободительном движении» [3, с. С. 135—139]. Об этом же говорил и Сталин, предлагая активно «втягивать китайское крестьянство в революцию», но в то же время предостерегая от попыток забегания вперед с созданием крестьянских советов, «обходя промышленные центры Китая». При этом он подчеркивал «особое зна-

чение революционной армии в Китае», видя в борьбе «вооруженной революции» против «вооруженной контрреволюции» «одну из особенностей и одно из преимуществ китайской революции», «важнейший фактор китайской революции» [5, с. 363—364, 367—369].

После поражения национальной революции 1925—1927 гг. Коминтерн оказал помощь КПК в разработке политической линии в новых условиях, когда в лагере революции остались только пролетариат и крестьянство, а национальная и часть мелкой буржуазии перешли на сторону контрреволюции. IX пленум ИККИ (февраль 1928 г.) предостерег китайских коммунистов от попыток трактовать сложившуюся обстановку как социалистический этап революции, охарактеризовав ее как этап незавершенной буржуазно-демократической революции. В соответствии с новыми условиями развития китайской революции центр тяжести работы КПК пленум перенес на завоевание миллионных масс рабочих и крестьян, их политическое просвещение и организацию вокруг партии и ее лозунгов [6, с. 345—349]. Ведущим лозунгом КПК в этот период Коминтерн считал лозунг борьбы за власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а также создания центрального советского правительства, предложенный ИККИ в качестве формы власти, обеспечивающей гегемонию пролетариата в крестьянской революции и активное участие масс в деятельности органов революционной власти. Несколько ранее, в вышеупомянутой речи «О перспективах революции в Китае» И.В. Сталин охарактеризовал будущую революционную власть в Китае» как «что-нибудь вроде демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», «власть антиимпериалистическую по преимуществу... власть переходную к некапиталистическому или, точнее, к социалистическому развитию Китая» [5, с. 365—366].

Анализируя обстановку в Китае, Коминтерн выявил главные проблемы, на основе которых разработал ряд новых тактических установок. Так, IX пленум ИККИ указал на известное отставание развития рабочего движения от крестьянского, когда «в ряде провинций крестьянское движение развивается дальше», а «рабочее движение переживает стадию известной депрессии» [3, с. 208].

Обстановка, сложившаяся после поражения революции 1925—1927 гг., была проанализирована на VI съезде КПК, вынужденно проводившемся в Москве (точнее, даже в тогдашнем Подмосковье) в июне—июле 1928 г. в условиях глубокой конспирации ввиду жесточайших репрессий со стороны гоминьдановского правительства [7, с. 297—304]. Исходя из того, что в условиях, когда «первая волна революции закончилась рядом тяжелых поражений, а новая еще не наступила, когда силы контрреволюции еще превышают силы рабочего класса и крестьянства», съезд постановил, что «генеральной линией партии является борьба за массы». Съезд констатировал в политической резолюции: «Ошибочно

считать, что настоящий этап революции уже превратился в социалистический, так же как и считать китайскую революцию перманентной». Китайская революция определялась съездом как революция антифеодальная, антиимпериалистическая, буржуазно-демократическая, тремя главными задачами которой являются: борьба за национальную независимость и объединение страны; ликвидация помещичьего землевладения и всех феодальных пережитков; свержение власти реакционного гоминьдана, власти буржуазно-помещичьего блока и революционная замена ее революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства в форме Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

На основе вывода о возможности победы революционных сил первоначально в одной или нескольких главных провинциях съезд принял установку на завоевание отдельных районов в качестве опорных баз революции. Этой цели должна была служить принятая на съезде развернутая аграрная программа, предусматривавшая конфискацию помещичьей собственности на землю без выкупа и передачу ее местным советам для перераспределения между безземельными и малоземельными крестьянами, отмену ростовщических займов и долгов, милитаристских налогов и т. д. В то же время съезд предостерег против преждевременного требования национализации земли и отмены частной собственности на землю. Съезд также указал на недопустимость проявления крестьянского сознания, охарактеризованного им как «партизанщина», которой свойственно отождествление коммунизма с примитивным уравнительным распределением земли и имущества, осуществление бесцельного террора, увлечение чисто военной деятельностью без укрепления связей с массами и проведения социально-экономических преобразований [8, с. 15—17, 25—26].

Намеченная VI съездом стратегия и тактика на новом этапе революции в целом шла в русле установок Коминтерна на завершение буржуазно-демократической революции в Китае и перенесение центра тяжести работы КПК на завоевание массовой рабоче-крестьянской социальной базы, организацию рабочих и крестьян вокруг КПК под лозунгом Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а также Центрального советского правительства. Этот лозунг был предложен Исполкомом Коминтерна в качестве формы власти, обеспечивающей гегемонию пролетариата в крестьянской революции и активное участие широких масс населения в деятельности органов революционной власти [6, с. 339, 345—349].

При этом Коминтерн отмечал известное отставание развития рабочего движения от крестьянского. Развитие борьбы крестьянства рассматривалось Коминтерном как залог успеха в деле советского строительства и выполнения задачи по созданию «настоящей Красной Армии», поставленной Коминтерном в качестве первоочередной среди важнейших задач КПК на данном этапе революции [3, с. 208, 273, 289].

В «Резолюции ИККИ по китайском вопросу» (июнь 1930 г.) отмечалось, что в условиях неравномерности развития китайской революции «новый подъем вызревает в отдельных районах, преимущественно там, где революция 1925—1927 гг. распахала почву». При неблагоприятном соотношении сил, говорилось в Резолюции, революционные массы «не в состоянии сразу же овладеть промышленными центрами», путь к этому лежит через расширение на новые территории «крестьянской войны, руководимой пролетариатом». «Необходимо разворачивать крестьянское движение на пока еще несоветских территориях, — говорилось в «Письме ИККИ в ЦК КПК о лилिसаневщине» (октябрь 1930 г.), разворачивать там партизанскую борьбу, окружить города, в том числе и крупные и крупнейшие, кольцом крестьянских волнений...». Развитие борьбы крестьянства рассматривалось Коминтерном как залог успеха в деле советского строительства и выполнения задачи по созданию «настоящей Красной армии», поставленной Коминтерном в качестве первоочередной среди важнейших задач КПК на данном этапе революции [3, с. 273, 289].

Решения VI съезда легли в основу формирования теоретической платформы КПК на новом этапе революции. Съезд в определенной степени помог компартии Китая в преодолении левацкого уклона, связанного с преждевременной постановкой вопроса о переходе к социалистической революции, к чему в тот период страна была совершенно не готова. Ряд важнейших положений, принятых съездом (о крестьянской войне, создании революционных опорных баз и др.) впоследствии, по сути, вошли в теорию новодемократической революции. Вместе с тем, формирование теоретической платформы КПК на новом этапе революции проходило в обстановке непрерывной идейной внутривнутрипартийной и организационной борьбы по стратегическим вопросам революционного движения, в том числе и на самом VI съезде, как под давлением обостренного проявления социальных противоречий в условиях гражданской войны и изменчивости политической ситуации в Китае, так и в силу отсутствия у КПК на тот исторический момент долговременного практического опыта реализации стратегии и тактики китайской революции, а также, несомненно, под влиянием развернувшейся в ВКП(б) ожесточенной борьбы с троцкистской оппозицией (упоминавшейся выше речи И.В. Сталина 30 ноября 1926 г. «О перспективах революции в Китае» непосредственно предшествовали его развернутые выступления на XV Всесоюзной конференции ВКП(б) «О социал-демократическом уклоне в нашей партии» 1 ноября и «Заключительное слово по докладу “О социал-демократическом уклоне в нашей партии”» 3 ноября, посвященные подробному критическому разбору идейно-теоретической платформы и «политических и организационных ошибок оппозиционного блока» под лозунгом «марксизм не догма, а руководство к действию» [5, с. 234—297, 298—356, 286]).

Во второй половине 30-х — первой половине 40-х годов, в обстановке антияпонской войны, потребовавшей временного отказа от борьбы за конечные социалистические цели, в КПК укрепилась и взяла верх тенденция к самостоятельному пути революции на основе признания примата китайской специфики над общими закономерностями революционного движения и идейной и организационной независимости от Коминтерна. Этот процесс проходил по инициативе и под руководством Мао Цзэдуна, поставившего в 1930 г. в своей статье «Против книгопочтения» вопрос о прагматическом подходе к теории марксизма в Китае и сформулировавшего принцип «соединения марксизма с практикой китайской революции» [9, с. 20—21]. Этот принцип впоследствии лег в основу выдвинутого им на 6-м пленуме ЦК КПК 6-го созыва (октябрь—ноябрь 1938 г.) тезиса о «китаизации» марксизма, согласно которому «абстрактного марксизма не существует, есть только марксизм конкретный... который воплощается в национальную форму, то есть марксизм, который применяется в конкретной борьбе, в конкретных условиях китайской действительности, а не марксизм, который применяется абстрактно...» [10, с. 928]. Проводимая под лозунгом борьбы с догматизмом «китаизация» марксизма открывала путь для оформления разрабатывавшейся Мао Цзэдуном теоретической основы китайской революции в самостоятельную платформу КПК. Это, с одной стороны, приближало политический курс партии китайских коммунистов к реальным условиям Китая, а с другой — ослабляло ее идейную и организационную зависимость от Коминтерна и ВКП(б), что было официально закреплено в принятом в мае 1943 г. «Решении ЦК КПК по поводу предложения Исполкома Коминтерна распустить Коминтерн». В «Решении» не упоминалось о необходимости сохранения связей КПК с международным коммунистическим движением и констатировалось, что роспуск Коминтерна освобождает КПК «от обязанностей, вытекающих из устава и решений конгрессов Коминтерна». Более того, согласно «Решению», «лучшие силы были выкованы китайской Компартией без малейшей помощи извне» [11, с. 124—125].

Само по себе появление собственной теории революции в Китае того времени теперь представляется неизбежным. Коминтерн, сыгравший решающую роль в создании Коммунистической партии Китая и на протяжении многих лет оказывавший ей идейно-теоретическую, организационно-кадровую, финансово-материальную поддержку (см. на эту тему фундаментальный труд И.Н. Сотниковой. Китайский сектор Коминтерна. Организационные структуры, кадровая и финансовая политика. 1919—1943 гг. [12]) сам не обладал, да и не мог обладать достаточным опытом решения многообразных вопросов китайской революции. Ему было весьма непросто и контролировать ход революционного процесса в условиях многолетней гражданской, а затем антияпонской войны в Китае. К тому же, в самом руководстве Коминтерна шла непримиримая идейная борьба

по коренным вопросам стратегии и тактики революции. Так, по словам И.В. Сталина, часть руководства Коминтерна «искренне верила, что можно руководить революцией в Китае, так сказать, по телеграфу, на основе известных, всеми признанных общих положений Коминтерна, **не считаясь** с национальными особенностями китайской экономики, китайского политического строя, китайской культуры, китайских нравов, традиций», «для них не существует вопроса об учете национально-особенного и национально-специфического в каждой стране» [13, с. 332]. Но главное значение в неизбежности принятия собственной революционной теории в Китае, конечно, играет такой объективный фактор, как размеры его территории и численности населения, его объективная роль и место в мире. Тем более, что в силу исторических, политических, культурно — цивилизационных традиций, больших разрывов в уровне социально-экономического развития разных регионов такой огромной страны как Китай, никакая власть в нем не может руководствоваться механически заимствованной из-за рубежа идеологией без ее предварительной «китаизации».

Библиографический список

1. *Григорьев А.М.* Коммунистическая партия Китая в начальный период Советского движения (июль 1927 г. — сентябрь 1931 г.). М.: ИДВ АН СССР, 1976. 416 с.
2. Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932 / под ред. Бела Куна . М: Партийное издательство, 1933. 1007 с.
3. Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. М., 1934.
4. *Глушин В.И.* Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае (1920—1927) // Коминтерн и Восток: Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М: Главная редакция восточной литературы, 1969. 513 с.
5. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы, 1948. 406 с.
6. *Григорьев А.М.* Коминтерн и революционное движение в Китае под лозунгом Советов (1928—1930) // Коминтерн и Восток: Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М.: Главная редакция восточной литературы, 1969. 513 с.
7. *Картунова А.И.* Движение под лозунгом Советов // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Том VII. Китайская Республика (1912—1949). М.: Наука — Восточная литература, 2013. 863 с.
8. Программные документы коммунистических партий Востока. М., 1934.

9. *Мао Цзэдун*. Фаньдуй бэньбэньчжуи : [Против книгопоклонства] // Мао Цзэдун чжунцзо сюаньду : [Избранные произведения Мао Цзэдуна]. Кн. 2. Пекин: Чжунго циннянь чубаньшэ, 1964. 2,253 с.

10. *Мао Цзэдун*. Сюаньцзи : [Избранные сочинения]. Харбин: Дунбэй шу-дянь, 1948. 16, 999 с.

11. Чжунго гунчаньдан чжунъян вэйюаньхуэй гуаньюй Гунчань гоцзи чживэй чжуситуань тии цесань Гунчаньгоцзи ды цзюеи : [Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая по поводу предложения Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала распустить Коминтерн] // Чжунго гунчаньдан лиши цанькао цзыляо : [Справочные материалы по истории КПК]. Вып. 4. Пекин: Чжунгун чжунъян гаоцзи дансяо, 1957.

12. *Сотникова И.Н.* Китайский сектор Коминтерна. Организационные структуры, кадровая и финансовая политика. 1919—1943 гг. М.: Наука — Восточная литература, 2015. 407 с.

13. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 9. М.: Государственное издательство политической литературы, 1948. 383 с.

References

1. Grigor'ev A.M. Kommunisticheskaia partiia Kitaia v nachal'ny`i` period Sovetskogo dvizheniia (iiul' 1927 g. — sentiabr' 1931 g.) [Grigor'ev.A.M. The Chinese Communist Party at the initial stage of the Soviet movement (July 1927—September 1931)]. Moscow.: IDV AN SSSR, 1976. 416 p.

2. Kommunisticheskii` Internatsional v dokumentakh. 1919—1932. [The Communist International in the documents.1919—1932.] Pod redaktsiei` Bela Kuna — Moscow: Partii`noe izdatel'stvo, 1933. 1007 p.

3. Strategiia i taktika Kominterna v natsional'no — kolonial'noi` revoliutcii na primere Kitaia. [The Comintern strategy and tactics in the national-colonial revolution, China as an example] Moscow, 1934.

4. Glunin V.I. Komintern i stanovlenie kommunisticheskogo dvizheniia v Kitae (1920—1927). — V kn.: Komintern i Vostok: Bor'ba za leninskuiu strategiiu i taktiku v natsional'no — osvoboditel'nom dvizhenii [Glunin V.I. The Comintern and the Communist movement formation in China (1920—1927) — In the book: The Comintern and the East: the struggle for Lenin strategy and tactics of the national-liberation movement]. Moscow: Glavnaya redakciya vostochnoy literatury, 1969. 513 p.

5. I.V. Stalin. Sochineniia T. 8. [I.V.Stalin. Works. Vol. 8]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1948. 406 p.

6. Grigor'ev A.M. Komintern i revoliucionnoe dvizhenie v Kitae pod lozungom Sovetov (1928—1930). — V kn.: Komintern i Vostok: Bor'ba za leninskuiu strategiiu i taktiku v natsional'no-osvoboditel'nom dvizhenii [Grigor'ev. A.M. The Comintern and the revolutionary movement in China under the slogan of the Councils (the Soviets) (1928—1930) — In the book: the Comintern and the East: The struggle for Lenin strat-

egy in the national-liberation movement]. Moscow: Glavnaya redakciya vostochnoy literatury, 1969. 513 p.

7. A.I. Kartunova. Dvizhenie pod lozungom Sovetov. — V kn.: Istoriia Kitaia s drevnei'shikh vremen do nachala XXI veka. Tom VII. Kitai'skaia Respublika (1912—1949). [A.I.Kartunova.The movement under the slogan of the Councils (the Soviets). — In the book: The History of China since ancient times to the beginning of the XXI century.Vol.7. The Republic of China (1912—1949)]. Moscow: Nauka — Vostochnaia literatura, 2013. 863 p.

8. Programmny'e dokumenty` kommunisticheskikh partii` Vostoka. [The program documents of the Communist Parties of the East]. Moscow, 1934.

9. Mao Zedong. Fandui benbenzhuyi. — V kn.: Mao Zedong zhuzuo xuandu [Against biblio-idolry. — In the book: Selected Works of Mao Zedong]. Book 2. Beijing: Zhongguo qingnian chubanshe, 1964. 2,253 p. (in Chinese).

10. Mao Zedong. Xuanji (Izbrannye sochineniya) [Mao Zedong. Xuanzi (Collection of works)] Harbin: Dongbei shudian, 1948. 16, 999 p. (in Chinese).

11. Zhongguo gongchandang zhongyang weiyuanhui guanyu Gungchanguoji zhiwei zhuxituan tiyi jiesan Gungchanguoji de jueyi (Reshenie Central'nogo komiteta Kommunisticheskoi` partii Kitaia po povodu predlozheniia Ispolnitel'nogo komiteta Kommunisticheskogo Internatsionala raspustit' Komintern) [The Chinese Communist Party Central Committee's decision on the Communist International Executive Committee's proposal to dissolve the Comintern] // V kn.: Zhongguo gongchandang lishi cankao ziliao (Spravochny'e materialy` po istorii KPK). Vy`p. 4 [Reference materials on the CCP's History. Part 4]. Beijing: Zhonggong zhongyang gaoji dangxiao , 1957. (in Chinese).

12. I.N. Sotnikova. Kitai'skii` sektor Kominterna. Organizatsionny'e struktury`, kadrovaia i finansovaia politika. 1919—1943 gg. [I.N. Sotnikova. Chinese sector of the Comintern. The organizational structures, cadres and financial policy, 1919—1943] Moscow: Nauka — Vostochnaya literatura, 2015. 407 p.

13. I.V. Stalin. Sochineniia. T. 9 [I.V.Stalin. Works. Vol. 9]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1948. 383 p.

Чэнь Кайкэ

ФИНАНСОВАЯ И ВОЕННАЯ ПОМОЩЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА КПК В ПЕРИОД АНТИЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В период полномасштабной антияпонской войны, которую вел Китай, Советский Союз в соответствии с китайско-советским «Договором о ненападении» начал негласно оказывать военную помощь Национальному правительству Китайской Республики для отпора японской агрессии. Помимо этого, СССР и Коминтерн, преодолевая различные трудности, сделали все возможное для оказания долгосрочной помощи КПК и ее вооруженным силам, участвовавшим в антияпонской войне. Помощь, которую СССР и Коминтерн оказывали КПК, предоставлялась главным образом по двум направлениям: финансами и вооружением.

Судя по доступным на сегодняшний день архивным материалам, в период полномасштабной антияпонской войны КПК фактически получила от Советского Союза и Коминтерна финансовую помощь в размере 1 млн 313 тыс. 123 доллара. Хотя эта сумма значительно меньше той, которая была запланирована СССР и Коминтерном, вне всякого сомнения, она имела важное значение. Об объемах помощи со стороны СССР и Коминтерна можно судить по следующим цифрам: советская финансовая помощь, полученная КПК в 1937 г., превысила весь годовой доход Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся в 5,2 раза, а до 1940 г. превышала этот показатель в 1,5 раза. Благодаря финансовой помощи и помощи вооружением КПК внесла свой вклад в победу в антияпонской войне и укрепила собственные силы. Для всестороннего освещения данной темы следует продолжать и углублять поиски новых архивных материалов, которых на данный момент недостаточно. Нуждаются в дополнительном документальном обеспечении процесс и содержание договоренностей между СССР и Китайской Республикой по вопросу финансирования и обеспечения оружием вооруженных сил КПК. Речь идет о договоренностях, согласно которым четвертая либо пятая часть закупаемого правительством Китайской Республики советского вооружения должна была поставляться войскам КПК.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Китая, широкомасштабная антияпонская война, СССР, Коминтерн, помощь финансами и вооружение.

Автор: Чэнь Кайкэ — Генеральный секретарь Всекитайского общества по изучению истории китайско-российских отношений, главный научный сотрудник Института новой истории Китайской Академии общественных наук. E-mail: chenkk@cass.org.cn

Chen Kaike

FINANCIAL AND MILITARY AID OF THE SOVIET UNION TO THE CHINESE COMMUNIST PARTY DURING THE PERIOD OF THE ANTI-JAPANESE WAR

Abstract. During the period of large-scale Anti-Japanese war, which China was waging, the Soviet Union began to provide secretly the Nationalist Government of China with the military aid to resist Japanese aggression in accordance with the articles stipulated in the Sino-Soviet “Non-Aggression Pact”. Besides, the USSR and the Comintern overcoming various difficulties did all possible to offer a long-term aid to the CCP and its armed forces which fought in the Anti-Japanese war. The aid provided by the Soviet Union and the Communist International for the CCP was mainly of two aspects: financial and armament.

Judging by the nowadays available archival materials, during the period of the large-scale Anti-Japanese war the amount of financial aid that the Soviet Union and the Comintern provided the CCP with was 1mln. 313 th. 123 US. dol. Though the sum was much less than that had been planned by the USSR and the Comintern, undoubtedly, the aid was of great significance. The USSR and the Comintern aid volume could be evaluated with the following figures: the Soviet financial aid received by the CCP in 1937 exceeded by 5,2 times the year income rate of the Shaanxi-Gansu-Ningxia Border Region and up to 1940 exceeded that mark by 1,5. Due to that financial and armament aid the CCP contributed to the victory in the Anti-Japanese war and strengthened its own forces. For the theme comprehensive coverage it is necessary to continue and deepen the search for the new archive materials which are limited for the present. Moreover, the process and the contents of the agreements between the USSR and the Republic of China on the question of the CCP forces provision with financial and armament aid are in need of additional documentary support. The question concerns those agreements according to which the forth or the fifth part of the weapons purchased by the Republic of China government was to be supplied to the CCP troops.

Keywords: the Chinese Communist Party, large-scale anti-Japanese war, the USSR, Comintern, financial and armament aid.

Author: CHEN Kaike, General Secretary of the All-China Society on the History of Chinese-Russian relations, the chief scientific researcher of the Institute of Modern History, Chinese Academy of Social Sciences.

E-mail: chenkk@cass.org.cn

В 30-е годы XX в. фашистские государства Германия и Япония начали разжигать очаги войны на западе и на востоке. Своими неоднократными агрессивными действиями в Северо-Восточной Азии в отношении Китая выделялась Япония. В результате развязанного ею в 1931 г. «инцидента 18 сентября» она оккупировала Северо-Восточный Китай, создав серьезную угрозу национальной безопасности Китая. В ноябре 1936 года Германия и Япония заключили «Антикоминтерновский пакт», направленный против Советского Союза. В сложившейся международной обстановке СССР постепенно менял свою политику в отношении Китая. В тот период в своей внешней политике на китайском направлении СССР предпринял два основных шага: во-первых, выступил за мирное разрешение «Сианьского инцидента» 12 декабря 1936 г., потребовал от КПК временно отказаться от вооруженной борьбы против Нанкинского правительства Чан Кайши и объединиться с ним, чтобы создать единый национальный антияпонский фронт для отпора японской агрессии; во-вторых, стремясь избежать в будущем втягивания в войну на два фронта — на востоке и на западе, СССР принял решение негласно оказывать военную помощь Китаю, чтобы укрепить его силы в противостоянии японской агрессии и таким образом вынудить Японию увязнуть в китайской войне. Для достижения этой стратегической цели СССР активизировал переговоры с Китаем о заключении китайско-советского «Договора о ненападении», который был подписан 21 августа 1937 г. Заключение этого Договора свидетельствовало о том, что стороны «готовы к военному союзу». В последующем, опираясь на политическую основу Договора, Советский Союз начал негласно оказывать военную помощь Китаю:

1. Правительство СССР и правительство Китайской Республики 1 марта 1938 г.¹, 1 июля 1938 г. и 13 июня 1939 г. заключили соглашения о выделении советской стороной Китаю трех кредитных линий на общую сумму 250 млн долларов, однако, по оценкам ученых бывшего СССР, Китай фактически воспользовался 160 млн 316 тыс. 942 долларами из общей суммы советских кредитов [1, с. 129—137].

2. Правительство СССР разрешило правительству Китайской Республики использовать советские кредиты для закупки в Советском Союзе различного вооружения и боеприпасов. Согласно статистическим данным, в период с 1937 по 1941 гг. Китай закупил в СССР 904 самолета различных типов (318 легких и тяжелых бомбардировщиков, 542 истребителя, 44 учебно-тренировочных самолета), 82 танка, 1526 автомобилей, 24 тягача, 1190 артиллерийских орудий различных типов, 9720 ручных и

---

¹ Первое «Соглашение между правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Китайской Республики о реализации кредита на 50 миллионов американских долларов» было подписано 1 марта 1938 г., однако его реализация началась раньше, с октября 1937 г.

станковых пулеметов, 50 тыс. винтовок, более 167 млн винтовочных патронов, более 17 млн пулеметных патронов, 31100 авиабомб, более 1 млн 870 тыс. артиллерийских снарядов, 221 авиадвигатель, а также комплекты авиационных запчастей, бензин (отдельные виды военных закупок не включены в статистику) [2, с.217];

3. СССР направил в Китай более 300 различных военных советников [3, с. 118], более 2000 военных пилотов-добровольцев [4, с. 152], 212 из которых пали в Китае в ходе советской «миссии Z». В годы Второй мировой войны японские ВМС располагали секретным планом, именовавшимся «миссия Z», дословно «действия Z». Вышеприведенные данные касаются главным образом негласной советской военной помощи Национальному правительству Китайской Республики, но не подконтрольному КПК правительству Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся. После «Сианьского инцидента» КПК по предложению Советского Союза, что называется, забыла старые обиды в отношениях с правящим Гоминьданом, в результате чего Гоминьдан и КПК создали единый антияпонский национальный фронт и совместно выступили для отпора Японии. Войска КПК были реорганизованы в 8-ю армию и в Новую 4-ю армию в составе Национально-революционной армии Китая. Тем не менее, межпартийные противоречия между Гоминьданом и КПК были лишь временно отодвинуты на второй план. Это касалось прежде всего Гоминьдана, который не прекращал скрытно оказывать давление на КПК. Вот почему советское правительство неоднократно указывало Нанкинскому правительству на его действия, направленные против КПК. Реализуя собственную стратегию национальной безопасности на случай войны, советское правительство оказывало помощь главным образом правительству Китайской Республики, но при этом не забывало про защиту и поддержку КПК и подконтрольного ей Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся. Как свидетельствуют соответствующие исторические материалы, несмотря на то, что в период антияпонской войны СССР не мог помогать КПК открыто, фактически он продолжал делать это негласно, предпринимая все возможные меры для разносторонней помощи КПК финансами, вооружением, медикаментами в интересах поддержки антияпонской борьбы, которую вели китайские коммунисты².

---

² Вопросы истории помощи СССР КПК в период антияпонской войны освещаются в работах российских и китайских ученых. См.: *Дубинский А.М.* Помощь СССР китайскому народу в период японо-китайской войны (1937—1945) и позиция руководства КПК // *Народы Азии и Африки.* 1972, № 6; *Усов В.Н.* Финансовая помощь Коминтерна КПК в 20—30-е гг. XX в. // *Проблемы Дальнего Востока.* 2007. № 1; *Ян Куйсун.* Изучение обстоятельств финансовой помощи Коминтерна КПК // *Китайско-советские отношения: история и реальность.* Чжэнчжоу: Хэнань дасюэ чубаньшэ. 2004; *Чжан Цзэюй.* Исследование помощи Советского Союза и Коминтерна КПК в

Из исторических материалов становится ясно, что в период анти-японской войны подконтрольное КПК правительство Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся испытывало большие финансово-экономические трудности, что было обусловлено целым рядом причин. Обобщая причины, ограничивавшие финансово-экономическое развитие Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся, Линь Боцуй выделял три основных: «Трудности с финансированием, технологический дефицит, недостаток опыта» [5, р. 710]. Вот почему КПК, с одной стороны, была инициатором широкого движения по развитию производства Пограничного района, прилагала усилия для самообеспечения Пограничного района, а с другой стороны, активно добивалась международной помощи: «С финансами здесь крайне сложно, помочь никто не может при всем желании, остается уповать лишь на щедрость друзей из-за рубежа, соотечественников за рубежом» [6, р. 275]. Как сообщается, в период с 1937 до 1940 г. Пограничный район Шэньси-Ганьсу-Нинся по большей части финансировался из различных внешних источников, включая ассигнования по линии Национального правительства Китайской Республики, пожертвования от патриотов в Китае и за его пределами, помощи из Советского Союза и от Коминтерна. Согласно статистическим данным с июля 1937 г. по октябрь 1940 г. Национальное правительство Китайской Республики выделило 8-й армии и Новой 4-й армии в общей сложности порядка 30 млн юаней [7, р. 314—316], за этот же период пожертвования от патриотов в Китае и за его пределами составили примерно 8 млн 114 тыс. юаней [8, р. 710]. Очевидно, что эта помощь извне не могла обеспечить финансовые потребности КПК и Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся. 3 октября 1937 г. в телеграмме Чжоу Эньлао Мао Цзэдун буквально вопиет о финансовых трудностях: «В июле дефицит более 5 тыс. юаней, в августе — более 10 тыс. юаней, в сентябре — более 30 тыс., в общей сложности — 45 тыс. юаней. В тылу подушевой дефицит в среднем 6 юаней, при сохранении такого большого дефицита будет крайне сложно в дальнейшем». В феврале 1940 г. в телеграмме генсеку ИККИ Г.М. Димитрову ЦК КПК сообщал о том, что ежемесячные ассигнования Чан Кайши для 8-й армии и Новой 4-й армии на общую сумму 730 тыс. юаней не составляют даже одной сороковой военных расходов действующей армии КПК. Стремясь преодолеть финансово-экономические трудности, КПК постоянно обращалась за помощью к Советскому Союзу и Коминтерну.

период полномасштабной войны сопротивления // Чжунгун дан ши яньцзю. 2001. № 8; Сунь Яньлин. Начальное исследование финансовой помощи Советского Союза КПК в период войны сопротивления (июль 1937—1942) // Канжи чжаньчжэн яньцзю. 2011. № 4; Сунь Яньлин. Начальное исследование проблемы военной помощи Советского Союза КПК в период войны сопротивления // Канжи чжаньчжэн яньцзю. 2013. № 4.

Согласно историческим материалам, в период антияпонской войны помощь в адрес КПК со стороны Советского Союза и Коминтерна была сосредоточена главным образом по двум направлениям:

Во-первых, финансовая помощь.

В период антияпонской войны советское правительство (Коминтерн) различными путями оказывали КПК значительную финансовую помощь.

Еще в октябре 1936 г., до начала полномасштабной антияпонской войны в Китае, Коминтерн по настоятельной просьбе Мао Цзэдуна передал КПК через Сун Цинлин финансовую помощь в размере 50 тыс. долларов [9, д. 281; 10, р. 275—276]. После начала полномасштабной антияпонской войны Чэнь Юнь 23 октября 1937 г. в телеграмме Мао Цзэдуна сообщает, что «уже телеграфировал в Коминтерн с просьбой» о финансовой помощи [11, р. 59]. В ноябре 1937 г. Коминтерн обещал оказать финансовую помощь КПК в размере 1 млн 500 тыс. долларов, а Международная организация помощи борцам революции (МОПР) со своей стороны обещала предоставить КПК 30 тыс. долларов для помощи товарищам, освобожденным из тюремных застенков. Как следует из соответствующих материалов, 30 тыс. долларов были получены [12, с. 86], а полтора миллиона долларов от Коминтерна, по утверждению Кан Шэна, так и не поступили.

В начале 1938 г. КПК обращалась за финансовой помощью к Советскому Союзу и к Коминтерну через неоднократно посещавшего Яньань советского военного представителя В. Андрианова [13, с. 86—93]. 4 февраля 1938 г. Секретариат ЦК КПК через представителя КПК в Коминтерне Ван Цзясяна направил телеграмму в Секретариат ИККИ с просьбой о предоставлении финансовой помощи. 17 февраля 1938 г. на встрече с Димитровым Сталин и Молотов обещали оказать КПК финансовую помощь в размере 500 тыс. долларов [14, р. 369]. В настоящее время исследователям доступна подписанная Мао Цзэдуном расписка о получении 300 тыс. долларов из этой суммы [15, р.136].

В период с 27 февраля по 1 марта 1938 г. ЦК КПК принял решение о направлении в Москву Жэнь Биши с просьбой к Коминтерну о финансовой помощи. Начиная с 14 апреля 1938 г., Жэнь Биши неоднократно встречался с членами Президиума ИККИ, он передал им письмо от КПК с просьбой к СССР о предоставлении финансовой помощи. 11 июня 1938 г. ИККИ принял резолюцию об оказании КПК финансовой помощи [12, с. 151]. Размер этой помощи составил 300 тыс. долларов, она была доставлена в Яньань Ван Цзясяном.

В 1938 году в результате ожесточенного наступления японских войск Пограничный район Шэньси-Ганьсу-Нинся оказался в крайне сложном положении. И хотя в конце 1938 г. в Пограничном районе было развернуто широкое движение по развитию производства и самообеспечению,

1939 год был отмечен там стихийными бедствиями, и улучшения финансовой ситуации не произошло. Вот почему КПК вновь обратилась за помощью к Коминтерну. 14 февраля 1939 г. находившийся в Москве на лечении Линь Бяо сообщил Димитрову, что в настоящий момент КПК крайне нуждается в финансовой помощи. 5 марта 1939 г. Секретариат ЦК КПК через Дэн Фа также обратился к Димитрову с просьбой о финансовой помощи. В последующем КПК еще несколько раз по разным каналам обращалась в Коминтерн за финансовой помощью. В период с июня по август 1939 г. работала специальная рабочая группа Коминтерна по изучению вопроса предоставления помощи КПК, члены которой пришли к единодушному мнению о необходимости оказать КПК финансовую помощь. 25 июля и 20 сентября 1939 г. Коминтерн направил КПК два денежных перевода [12, с. 285, 316, 320], сумму которых установить не удалось.

26 ноября 1939 г. ЦК КПК направил находившемуся в Москве на лечении Чжоу Эньлаю телеграмму, в которой содержалось поручение обратиться в Коминтерн за финансовой помощью. 8 февраля 1940 г. Секретариат ИККИ принял резолюцию, в которой выражал согласие на предоставление помощи КПК. В конце февраля 1940 г. Чжоу Эньлай доставил в Китай финансовые средства, выделенные Коминтерном в порядке помощи КПК, размер этих средств неизвестен. 23 февраля 1940 г. Димитров направил Сталину письмо с предложением предоставить КПК финансовую помощь в размере 350 тыс. долларов. 25 февраля 1940 г. в ответном письме Димитрову Сталин выразил согласие предоставить КПК финансовую помощь в размере 300 тыс. долларов [13, р. 107]. Как подтверждается соответствующими материалами, эта сумма была выплачена КПК за несколько раз в различной валюте: в первый раз сумма составила 60 тыс. долларов и 7500 фунтов стерлингов; во второй раз сумма составила 146 070 долларов и 8200 фунтов стерлингов; в третий раз сумма составила 43 287 долларов и 13 515 фунтов стерлингов. В итоге КПК фактически получила 353 123 доллара (с учетом конвертации фунтов стерлингов в доллары).

В 1940—1941 гг. Пограничный район Шэньси-Ганьсу-Нинся не только отражал наступление японских войск, но и испытывал невиданные экономические трудности из-за блокады, организованной гоминьдановскими непримиримыми. В этих условиях КПК опиралась на собственные силы, но в то же время обращалась за помощью к Коминтерну. 16 мая 1941 г. ЦК КПК направил телеграмму Димитрову с просьбой выделить КПК в порядке помощи 1 млн 60 тыс. долларов. 2 июля 1941 г. Димитров обратился к Молотову с предложением предоставить КПК финансовую помощь в размере 2 млн долларов [13, р. 146]. 3 июля 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило предоставление КПК финансовой помощи в разме-

ре 1 млн долларов. 19 июля 1941 г. Мао Цзэдун и Димитров договорились о том, что половину этой суммы доставит Чжоу Эньлай, а другая половина будет доставлена в Яньань в ближайшее время авиарейсом. Однако 5 сентября 1941 г. Димитров уведомил Мао Цзэдуна об отправке в Яньань по двум каналам в общей сложности 600 тыс. долларов финансовой помощи [12, с. 556]. 29 сентября 1941 г. ЦК КПК направил телеграмму Димитрову с просьбой о предоставлении КПК по линии Коминтерна финансовой помощи в размере 500 тыс. долларов для организации разведывательной службы КПК. Однако в тот напряженный момент советско-германской войны Советский Союз не смог своевременно отреагировать на просьбу КПК. С момента роспуска Коминтерна в 1943 г. и по 1944 г. Димитров неоднократно выступал с обсуждениями и предложениями относительно предоставления КПК финансовой помощи. Однако из-за недостатка исторических материалов неизвестно, были ли эти предложения реализованы на практике.

Итак, судя по доступным на сегодняшний день архивным материалам, в период полномасштабной антияпонской войны КПК фактически получила от Советского Союза (Коминтерна) финансовую помощь в размере 1 млн 313 тыс. 123 доллара³. Эта сумма явно намного меньше той, которую, согласно соответствующим материалам, Советский Союз (Коминтерн) планировали предоставить КПК в порядке финансовой помощи. Размер планировавшейся финансовой помощи в адрес КПК и размер фактически полученной КПК финансовой помощи — это два разных вопроса. Полагаю, что по мере обнаружения новых архивных материалов имеющиеся на сегодня цифры будут скорректированы.

Во-вторых, помощь вооружением.

После мирного разрешения «Сианьского инцидента» Гоминьдан и КПК создали единый национальный антияпонский фронт и совместно выступили для отпора Японии. По логике вещей, Национальное правительство Китайской Республики должно было обеспечивать 8-ю армию и Новую 4-ю армию вооружением и боеприпасами. Однако Чан Кайши боялся укрепления вооруженных сил КПК, поэтому снабжал их небольшим количеством вооружения и боеприпасов чисто номинально, а этого было недостаточно. Для решения проблемы обеспечения вооружением и бое-

---

³ По оценкам китайских ученых, более 1,4 млн долл. См.: Чжан Цзэюй. Исследование помощи СССР и Коминтерна КПК в период полномасштабной антияпонской войны // Чжунгун дан ши яньцзюю 2011. № 8. Советские ученые дают цифру помощи в 3 млн 852 тыс. 394 ам. долл. Но под этой цифрой имеется в виду «планируемая помощь». Исторические документы не подтверждают получение КПК этой суммы. См.: ВКП (б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. V. ВКП (б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 — май 1943. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 52.

припасами КПК могла обратиться за помощью только к Советскому Союзу. В октябре 1937 г. ЦК КПК направил в Синьцзян Чжоу Сяочжоу, в числе поставленных ему задач было поручение обратиться к СССР с просьбой о предоставлении КПК помощи вооружением и боеприпасами [17, р. 20]. По сути дела, оказывая КПК финансовую помощь, советское правительство при этом также изыскивало возможности для помощи КПК вооружением и боеприпасами. Согласно соответствующим историческим материалам, в то время советское правительство планировало обеспечивать КПК вооружением и боеприпасами тремя способами. Во-первых, предполагалось непосредственно помочь КПК со строительством собственного военного завода. 11 ноября 1937 г. на встрече с представителем КПК в Коминтерне Ван Мином Сталин заявил, что СССР может предоставить КПК оборудование, технический персонал, материалы для производства танков, самолетов и помочь со строительством собственного военного завода. Предложение Сталина нашло отклик у КПК. В марте 1939 г. КПК обратилась к Коминтерну с просьбой направить в Яньань под видом корреспондентов ТАСС технических специалистов для помощи в налаживании производства вооружения. Однако теперь понятно, что план Москвы относительно помощи КПК в строительстве собственного военного завода так и не был реализован. Во-вторых, советская сторона планировала договариваться с Национальным правительством Китайской Республики о выделении им для КПК части закупаемого Китаем советского вооружения. В то время почти все средства из предоставляемых Советским Союзом многомиллионных кредитов Национальное правительство Китайской Республики тратило на закупку вооружения и боеприпасов. 18 ноября 1937 г. Сталин и Ворошилов через Ян Цзе поторопили Национальное правительство в Нанкине с обеспечением войск КПК вооружением. О существовании между Китайской Республикой и СССР «специальной договоренности» об обеспечении вооружением войск КПК свидетельствует в своих мемуарах Ван Мин [18, р. 217—218]. Тем не менее, нам до сих пор не удалось отыскать эту «специальную договоренность» в архивных материалах. Является фактом, что Национальное правительство Китайской Республики действительно передало КПК 120 ручных пулеметов и 6 противотанковых орудий малого калибра из числа закупленного советского вооружения [7—1, р. 309] — так сказать, каплю в море. В-третьих, СССР негласно поставлял КПК вооружение и боеприпасы. 26 ноября 1937 г. в Яньань в первый раз прибыл представитель РККА Андрианов, который привез для КПК 6 станковых пулеметов «Максим» с зенитным прицелом и 60 тыс. патронов к ним, а также 10 ручных чешских пулеметов и 20 тыс. патронов к ним. В последующем соединявший СССР и Китай «коридор», проходивший через Северо-Запад Китая, стал каналом негласных поставок вооружения и боеприпа-

сов из Советского Союза для КПК. Непосредственно за контакты КПК и СССР отвечали «военное представительство» ВВС РККА в Ланьчжоу и представительства 8-й армии в Ланьчжоу и Урумчи. Советские самолеты, следовавшие в Яньань, подвергались строгому досмотру, однако, преодолевая трудности, все же доставляли в Яньань некоторые военные грузы в порядке советской помощи КПК. Как вспоминал советский военный летчик-доброволец, Герой Советского Союза Ф.П. Польшин, в то время авиаснабжение из Советского Союза через Северо-Запад Китая осуществлялось по двум маршрутам: Первый — через Сиань, затем через Ханькоу в Центральный Китай; второй — в горные районы, где дислоцировалась 8-я армия Чжу Дэ. В мае 1938 г. пилотируемый Польшинным самолет доставил в распоряжение 8-й армии одну тонну грузов, которые были перегружены на конные повозки войск КПК. По воспоминаниям главы представительства 8-й армии в Ланьчжоу У Сююаня, в годы антияпонской войны ВКП(б) помогала КПК материальными ресурсами и вооружением, «эти грузы обычно доставлялись автотранспортом протяженным маршрутом из Советского Союза через Синьцзян, но иногда — сразу в Ланьчжоу, откуда наземным транспортом перевозились в освобожденные районы. Груз доставлялся до уезда Чанью, где сгружался и передавался дислоцированным там войскам 8-й армии, которые затем доставляли его в Яньань через Цинъян. Анализируя и сопоставляя китайские и российские мемуарные материалы, можно прийти к выводу, что в то время, в период войны, Советский Союз действительно негласно поставлял КПК военные грузы, такие как вооружение, по соединявшему СССР и Китай «коридору», проходившему через Северо-Западный Китай. И только ограниченность в исторических материалах не дает нам возможности до сих пор точно сказать, какое количество военных грузов, включая вооружение, было негласно поставлено Советским Союзом КПК в период антияпонской войны.

По данным китайских архивов, в течение 1938—1940 гг. осуществлялась доставка грузов, преимущественно вооружения, включая советские военные автомобили и медикаменты, из СССР в Яньань — для КПК, причем, некоторые грузы не проходили регистрацию.

С учетом этих фактов Национальное правительство Китайской Республики с середины 1938 г. начало постепенно ужесточать контроль в отношении советских военных автомобилей и авиарейсов с тем, чтобы воспрепятствовать поставкам военных грузов для КПК в качестве помощи из Советского Союза.

В ноябре 1940 г. Мао Цзэдун в телеграмме Димитрову просил, чтобы СССР оказал помощь КПК, предоставив ей артиллерийские орудия, противотанковые пушки, артиллерийские снаряды, пулеметы, электрооборудование. В то время из-за ухудшения ситуации в Синьцзяне возникли

проблемы с поставками по соединявшему СССР и Китай «коридору» через Северо-Западный Китай. В связи с этим КПК приняла решение «о новом маршруте из района «трех бянь»⁴ в Северной Шэньси через населенные пункты Имэн, Таолиминь до гор Дациншань и во Внешнюю Монголию», для СССР предусматривалось следование по этому маршруту и негласная доставка автомобилями грузов в Яньань. 7 января 1945 г. в Яньань из Внешней Монголии по этому маршруту прибыл советский груз в составе 400 винтовок и более 60 ящиков с патронами; в апреле 1945 г. по этому же маршруту в Яньань были доставлены более тысячи ручных пулеметов советского производства и более тысячи ящиков с боеприпасами [7—3, р. 69]. Однако вышеназванные исторические данные пока не нашли подтверждения в архивах КПК, поэтому предстоит дальнейшая исследовательская работа.

Благодаря проделанной исследовательской работе, о которой здесь рассказано, нам в основном удалось прояснить исторические факты, имеющие отношение к финансовой и военной помощи СССР и Коминтерна в адрес КПК и Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся в период полномасштабной антияпонской войны в Китае (1937—1945). Однако в связи с отсутствием соответствующих архивных материалов некоторые сомнения относительно этих исторических фактов все еще остаются. Представляется, что по мере выявления новых архивных материалов данные о соответствующей помощи в адрес КПК и Пограничного района будут скорректированы. Единственное, что останется неизменным, это факт финансовой и военной помощи, которую, преодолевая всевозможные трудности, СССР и Коминтерн предоставляли КПК, оказав ей таким образом существенную поддержку в борьбе с японской агрессией. Советская финансовая помощь, полученная КПК в 1937 г., превысила весь годовой доход Пограничного района в 5,2 раза, а до 1940 г. превышала этот показатель в 1,5 раза [19, р. 90]. Исторические факты о финансовой и военной помощи СССР и Коминтерна в адрес КПК и возникшей благодаря этому китайско-советской дружбе должны остаться в исторической памяти, должны стать исторической питательной средой для углубления нынешних китайско-российских отношений всестороннего стратегического сотрудничества и партнерства в новую эпоху.

Библиографический список

1. *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917—1974). М.: Наука, 1977. 368 с.

---

⁴ Три «бянь» — уезды Цзинбянь и Динбянь, посёлок Аньбянь.

2. *Ли Цзягу*. Хэцзо юй чунту: 1931—1945 нянь дэ чжун су гуаньси : [Сотрудничество и столкновения: китайско-советские отношения в 1931—1945 гг.]. Гуйлинь: издательство Гуансийского педагогического университета, 1996. 365 с.

3. *Чудодеев Ю.В.* Советские военные советники в Китае (1937—1942). Проблемы Дальнего Востока. 1988. № 2. С. 117—124.

4. *Вартанов В.Н.* Операция «Z». Советские добровольцы в антияпонской войне китайского народа. Автореф. дис. ... канд. исторических наук. М., 1992. 159 с.

5. Шань-гань-нин бяньцзюй цайчжэн цзю нянь лай цайчжэн шоучжи баогао. 1946 нянь : [Отчет о финансовых доходах и расходах пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся за девять лет. 1946 г.] // Миньго шэхуэй цзинци ши : [Социально-экономическая история Китайской Республики]. Пекин: Чжунго цзинци чубаньшэ, 1991. 900 с.

6. Канжи чжаньчжэн шици шань гань нин бяньцзюй цайчжэн цзинци шиляо чжайбянь. Ди цзю бянь. Жэньминь шэнхо : [Избранные исторические документы о финансах и экономике пограничного района Шаньси-Ганьсу-Нинся в период войны сопротивления Японии. Т. 9. Жизнь народа]. Сиань: Шэньси жэньминь чубаньшэ, 1980. 643 с.

7. Чжунхуа миньго чжуньяо шиляо чубянь — дуй жикан чжаньчжэн шици: чжунгун ходун чжэньсян : [Первый сборник важных исторических материалов Китайской Республики — Период антияпонской войны: правда о деятельности КПК]. Тайбэй: Чжуньян вэньу гуньиншэ, 1985. 883 с.

8. Шань гань нин бяньцзюй канжи миньчжу гэньцзэйди (вэньсянь цзюань, ся) : [Антияпонский демократический опорный пограничный район Шэньси-Ганьсу-Нинся]. Том: Документы. Ч. 2. Пекин: Чжуньян дан ши цзыляо чубаньшэ, 1990. 362 с.

9. Сун Цинлин гэи Ван Мин дэ синь (Письмо Сун Цинлин Ван Мину) // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.495. Оп. 74. Док. 281.

10. Гунчань гоцзи, лянгуань (бу) юй чжунго гэмин даньянь цзыляо цуншу. Ди 15 цзюань : [Коминтерн, ВКП(б) и китайская революция. Сборник документов]. Т. 15. Пекин: Чжуньян вэньсянь чубаньшэ, 2002. 430 с.

11. Чэнь Юнь вэньцзи. Гун 3 цэ. Ди 1 цэ : [Чэнь Юнь. Собрание сочинений в 3 т. Т. 1]. Пекин: Чжунгун чжуньян вэньсянь чубаньшэ, 2005. 719 с.

12. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. V. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937-май 1943: Документы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 752 с.

13. Дневник Георгия Димитрова. Избранное. Гуйлинь: Гуансийский педагогический университет, 2003. 496 с.

14. Жэнь Биши няньпу. 1904—1950 : [Хронологическая биография (1904—1950)]. Пекин: Чжуньян вэньсянь чубаньшэ, 2004. 604 с.

15. Усов В. Финансовая помощь Коминтерна КПК в 20—30-е годы XX в. // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 1. С. 112—138.

16. Ян Куйсун. Гунчань гоци вэй чжунгун тигун цайчжэн юаньчжу цинкуан чжи каоча : [Изучение обстоятельств предоставления Коминтерном финансовой помощи КПК] // Чжун э гуаньси дэ лиши юй сяньши : [Китайско-советские отношения: история и реальность]. Чжэнчжоу: Хэнань дасюэ чубаньшэ, 2004. 855 с.

17. Сунь Яньлин. Канчжань шици сулянь юаньчжу чжунгун уци вэньти чутань : [Первые исследования вопроса о советской помощи КПК вооружением] // Канжи чжаньчжэн яньцзю, 2013. № . 4. С. 19—30.

18. Ван Мин. Чжунгун уши нянь : [Пятьдесят лет КПК]. Пекин: Дунфан чубаньшэ, 2004. 298 с.

19. Сунь Яньлин. Канчжань цицзянь сулянь сян чжунгун тигун цзыцзинь юаньчжу вэньти чутань. 1937.07—1942 : [Первые исследования вопроса о советской финансовой помощи КПК в период антияпонской войны. Июль 1937—1942] // Канжи чжаньчжэн яньцзю, 2011. № 4. С. 82—93.

References

1. Sladkovskiy M.I. Istorija trgovno-ekonomicheskikh otnoshenijSSSRs Kitajem (1917—1974) [History of trade and economic relationships of the USSR and China (1917—1974)]. Moscow, Nauka Publishing House, 1977. 368 p. (In Russian.)

2. Li Jiagu.Hezuo yu chongtu: 1931—1945 nian de zhongsu guanxi [Cooperation and Conflicts: Sino-Soviet Relations 1931—1945]. Guilin: Guangxi Normal University Publ., 1996. 365 p. (In Chinese).

3. Chudodeyev YU. V. Sovetskiye voyennyye sovetniki v Kitaye (1937—1942) [Soviet Military Advisers in China (1937—1942)]. Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs], 1988, No. 2. P. 117—124. (In Russian).

4. Vartanov V.N. Operatsiya «Z». Sovetskiye dobrovol'tsy v antiyaponskoy voyne kitayskogo naroda v 30—40 gg. [Operation «Z». Soviet Volunteers in the Anti-Japanese War of the Chinese People in the 1930—40s.]. Moscow: Dissertation abstract for the degree of Ph.D in History, 1992. 159 p. (In Russian).

5. Shan gan ning bianqu kangri minzhu genjudi. Wenxian juan xia. [Shaanxi-Gansu-Ningxia Border Region Anti-Japanese Democratic Base. Documents] Beijing: Zhonggong dang shi ziliao chubanshe [CCP's Party Documents Publishing House], Vol. Documents, book 2, 1990. 362 p. (In Chinese).

6. Kangri zhanzheng shiqi shan gan ning bianqu caizheng jingji shiliao zhaibian. Di jiu bian. Renmin shenghuo [Selected Historical Documents on Finance and Economy of Shaanxi-Gansu-Ningxia Border Region during the Period of the Anti-Japanese War. Vol. 9. People's Life]. Xian: Shenxi renmin chubanshe [Shenxi People's Publishing House], 1980. 643 p. (In Chinese).

7. Zhonghua minguo zhongyao shiliao chubian — dui rikang zhanzheng shiqi: zhonggong huodong zhenxiang [The First Compilation of Important Historical Materials of the Republic of China-The Anti-Japanese War: The Truth About the CCP Activities] Taipei: Zhongyang wenwu gongyingshe [Taipei: Central historical relicts supply agency], 1985. 883 p. (In Chinese).

8. Shan gan ning bianqu caizheng jiu nian lai caizheng shouzhi baogao. 1946 nian. [Report on Financial Revenue and Expenditure of Shanxi-Gansu-Ningxia Border Region during Nine Years. 1946]. Social-Economic History of the Chinese Republic, Beijing: Zhongguo jingji chubanshe [Economic Press China], 1991. 900 p.

9. Song Qingling gei Wang Ming de xin. [Song Qingling's letter to Wang Ming]. Russian State Social Political History Archive. F. 495. Inv. 74. Doc. 281.

10. Gongchan guoji, liangong (bu) yu zhongguo geming dangan ziliao congshu. Di 15 juan [The Communist International, the VKP(b) and the Chinese Revolution. Compilation of documents. Vol. 15]. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe [Central Literature Publishing House,] 2002. 430 p.

11. Chen Yun wenji. Gong 3juan Di yi juan [Collected Works of Chen Yun. 3 vol. Vol. 1] Beijing: Zhonggong zhongyang wenxian chubanshe [The CCP's Central Literature Publishing House] 2005. 719 p.

12. VKP(b), Komintern i Kitay. T. V. VKP(b), Komintern i Kitai v period antiyaponskoy voyny. 1937 — May 1943: Dokumenty. [The C.P.S.U.(B.), Comintern and China. Vol. 5. The Comintern and the CCP during the Anti-Japanese War. 1937- May 1943: Documents.] M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2007. 752 p. (In Russian).

13. Jimiteluofu riji xuanbian [Selections from Dimitrov's Diaries]. Guilin: Guangxi shifan daxue chubanshe [Guangxi Normal University Publishing House], 2003. 496 p. (In Chinese).

14. Ren Bishi de nianpu (1904—1950). [Ren Bishi Chronicles.1904—1950]. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe [Central Literature Publishing House], 2003. 604 p. (In Chinese).

15. Usov V. Finansovaya pomoshch' Kominterna KPK v 20—30-ye gody XX v. [Komintern's Financial Aid to the CCP in the 1920—30-s]. Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs], 2007, No. 1. P. 112—138. (In Russian).

16. Yang Kuisong. Gongchan guoji wei zhonggong tigong caizheng yuanzhu qingkuang zhi kaocha [Research on the circumstances of the financial aid provided by the Communist International to the CCP]. Zhong e guanxi de lishi yu xianshi [History and reality of Chinese-Russian relations], Zhengzhou: Henan daxue chubanshe [Henan University Publishing House], 2004. 855 p. (In Chinese).

17. Sun Yanling. Kangzhan shiqi sulian yuanzhu zhonggong wuqi wenti chutan [A Preliminary Study on the Problem of the Soviet armament aid to the CCP during the war of resistance]. Kangri zhanzheng yanjiu [Study of Anti- Japanese war], 2013, No. 4. P. 19—30. (In Chinese).

18. Wang Ming. Zhonggong wushi nian [50 years of the Chinese Communist Party], Beijing: Dongfang chubanshe [East Publishing House], 2004. 298 p. (In Chinese).

19. Sun Yanling. Kangzhan qijian sulian xiang zhonggong tigong zijin yuanzhu wenti chutan [A Preliminary Study on the Problem of the Soviet Financial Aid to the CCP during the Anti-Japanese War], Kangri zhanzheng yanjiu [Study of the Anti-Japanese War], 2011, No. 4. P. 82—93.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА КНР. ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И МОДЕРНИЗАЦИИ (В СФЕРЕ ЭКОЛОГИИ)

DOI: 10.48647/w7107-5083-3149-h

П.В. Трощинский

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА КНР

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов административно-территориального устройства Китайской Народной Республики (КНР) в политико-правовом аспекте. Со времени образования нового Китая в 1949 г. фактически без изменений остается трехзвенное деление страны на провинциальное, уездное и волостное звенья. КНР представляет собой унитарное многонациональное государство, в котором проживают 56 официально признанных национальностей. Сразу после создания социалистической республики ее руководство отказалось от марксистско-ленинского принципа признания права наций на самоопределение. Ни в первой, ни в последующих конституциях КНР (включая действующую), этот принцип не получил какого-либо закрепления. То же самое касается и принятого в разные годы законодательства, регулирующего вопросы административно-территориального устройства страны.

В противовес праву на самоопределение народов руководители нового Китая пошли по пути предоставления широких полномочий национальным автономиям. В КНР были установлены три типа автономных единиц: автономный район, автономный округ и автономный уезд. Автономный округ стал наиболее крупным национально-административным образованием, но все равно подчиненным центральной власти. В них компактно проживает большое количество национальных меньшинств, которые при этом не вправе требовать создания самостоятельной государственности. Такой подход к решению национального и территориального вопросов позволил сохранить

Китаю территориальную целостность и не повторить трагического опыта распавшегося СССР.

Еще одной уникальной особенностью административно-территориального устройства КНР следует признать создание в республике особых административных районов Сянган (СОАР) и Аомэнь (АОАР). Их возвращение «в лоно Родины» состоялось под «покровом» известной политико-правовой концепции «одно государство — два строя», предполагающей существование двух различных систем на единой территории. Несмотря на внешнее вмешательство в дела Китая и углубление внутренних противоречий ему удается обеспечивать свой суверенитет и территориальную целостность. Все это подтверждает тезис о том, что Китай создал уникальную, успешную, конкурентоспособную модель управления государством, способствующую преодолению усиливающихся внутренних и внешних угроз. Китайский подход к форме государства, одним из элементов которой является форма государственного устройства (наряду с формой правления и формой режима), требует обязательного изучения отечественной наукой для возможного его использования российскими теоретиками и практиками.

Ключевые слова: Китай, форма государства, форма государственного устройства, административно-территориальное деление, право на самоопределение, национальный вопрос, особый административный район

Автор: Трошинский Павел Владимирович, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской академии наук, кандидат юридических наук. E-mail: troshc@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8837-1097

P.V. Troshchinskiy

POLITICAL AND LEGAL FRAMEWORK OF THE FORM OF THE PRC STATE STRUCTURE

Abstract. The article is devoted to the study of the issues of the administrative-territorial division of the People's Republic of China (PRC) in the political and legal aspects. Since the formation of the New China in 1949 the three-tiered division of the country into provincial, county and town levels has actually remained virtually unchanged. The PRC is a unitary multinational state with 56 officially recognized nationalities. Right after the creation of the socialist republic its authorities abandoned the Marxist-Leninist principle of recognizing the right of nations to self-determination. Neither in the first nor in subsequent constitutions of the PRC (including the current one) did this principle receive any reinforcement. The same applies to the legislation adopted in different years that regulates the issues of the country's administrative-territorial structure.

As opposed to the right to self-determination of peoples, the leaders of the New China pursued the path of granting broad powers to national autonomies. Three types of autonomous units were established in the PRC: an autonomous region, an autonomous prefecture and an autonomous county. The autonomous prefecture became the largest national-administrative unit, but still administrated by

the central government. A large number of national minorities live compactly in autonomous prefectures and at the same time they have no right to demand the creation of an independent state. This approach to solving national and territorial issues allowed China to preserve its territorial integrity and not to repeat the tragic experience of the collapsed USSR.

Another unique feature of the administrative-territorial structure of the PRC is the creation of the special administrative regions of Hong Kong (HKSAR) and Macao. Their return “to the embrace of the Motherland” took place under the “cover” of the well-known political and legal concept “one country, two systems”, which presupposes the existence of two different systems on a single territory. Despite external interference in China’s internal affairs and internal contradictions deepening, China manages to ensure its sovereignty and territorial integrity. All these facts confirm the thesis that China has created a unique, successful and competitive model of state governance that helps to overcome the growing internal and external threats. The Chinese approach to the form of the state, which includes the form of state structure (along with the form of government and the form of regime), requires a mandatory study by Russian science.

Keywords: China, form of state, form of state structure, administrative-territorial division, the right to self-determination, national question, special administrative region

Author: Pavel V. TROSHCHINSKIY, PhD (Law), Leading Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS). E-mail: troshc@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8837-1097

Введение

Китайская Народная Республика (КНР), как определено в ч. 1 ст. 1 действующей Конституции КНР (в последней редакции от 2018 г.), представляет собой социалистическое государство демократической диктатуры народа, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян. По форме государства (форма правления, форма государственного устройства и форма государственного режима) КНР представляет собой *социалистическую республику демократической диктатуры народа*. На ее форму оказали существенное влияние как древняя китайская традиция, так и принципы социализма, заимствованные новым Китаем у стран социалистического лагеря, возглавляемого в свое время Советским Союзом. Эта «гремучая смесь» из конфуцианства и легизма, социализма и рыночной экономики, континентального и англосаксонского права функционирует по своим строгим «законам», основываясь на приоритете интересов государства и общества над интересами отдельной личности.

Действующая в КНР форма государственного устройства подтверждает китайский подход к приоритету интересов коллектива над индивидуумом и отражает характер соотношения государства в целом и отдель-

ных его частей. КНР является *унитарным (простым) государством*, для которого характерно деление на административно-территориальные единицы (с некоторой китайской спецификой), наличие общих для всех высших органов государственной власти и управления (Всекитайское собрание народных представителей; Государственный совет — Центральное народное правительство), единая законодательная система (по состоянию на 1 мая 2021 г. всего действует 278 законов, включая Конституцию), единое гражданство, единые судебная и правоохранительная системы (Государственный контрольный комитет; Верховный народный суд и Верховная народная прокуратура; Министерство общественной безопасности; Министерство государственной безопасности и т. д.), единая армия (Центральный военный совет).

Право наций на самоопределение

Под правом на самоопределение народов (наций) прежде всего понимается их политическое самоопределение, то есть право свободно решать свою судьбу, вплоть до выхода из состава многонационального государства. Исторически оно было связано с возможностью образования новых суверенных национальных государств угнетенными народами. Право на сецессию (от лат. «уход») признавалось несколькими Конституциями СССР (1924, 1936, 1977 гг.). Например, ст.72 Конституции СССР от 1977 г. гласила: «За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР» [Конституция (Основной закон) СССР, с. 27].

Применительно к административно-территориальному устройству КНР необходимо особо отметить, что китайские власти с самого начала создания новой государственности (1 октября 1949 г.) отказались от советского принципа права народов на самоопределение, считая, что он угрожает территориальной целостности государства [Цзи Цзин], являясь источником, из которого питается сепаратизм и сопровождающие его экстремизм и терроризм. Национальный суверенитет, свобода нации на самоопределение изначально отрицались Мао Цзэдуном, который небезосновательно полагал, что такое право может разрушить китайское государство. Впоследствии распад Советского Союза на многочисленные независимые государства подтвердил обоснованность опасений Мао и верность приверженности последующих руководителей КНР курсу жесткой унитарности и централизации частей государства в едином подчинении. Хотя именно за отказ от этого ленинского принципа Китай подвергался серьезной критике со стороны советских ученых [Ленинские принципы...].

Вместо предоставления права на самоопределение китайские власти пошли по пути наделения национальных автономий высокой самостоя-

тельностью, включая право на издание местных нормативных правовых актов широкого круга действия. Для обеспечения территориальной целостности были созданы районы национальной автономии, особые административные районы.

Справедливости ради отметим, что в самом начале борьбы китайских коммунистов с правящей в Китайской Республике властью они заявляли о необходимости предоставления свободы в создании независимой государственности угнетаемым гоминьдановским режимом народам. Так, согласно ст.14 проекта конституции Китайской Советской Республики (КСР) [Советы в Китае, с. 422] китайская советская власть признавала право национального самоопределения, вплоть до права на отделение от Китая и создания самостоятельного государства: монголы, магометане, тибетцы и др., проживающие на территории Китая, были вправе либо присоединиться к советской республике, либо создать собственное государство. В принятой в январе 1934 г. Основной конституционной программе КСР [Советские районы Китая, с. 31] в ст.14 наряду с тезисом о том, что советская власть признает право национального самоопределения национальных меньшинств на территории Китая, вплоть до признания права всех народов на отделение от Китая и создания своего самостоятельного государства, также говорилось, что монголы, хуэйцзу, тибетцы, мяо, ли, корейцы и др., имеют полное право на самоопределение: войти в КСР либо отделиться от нее, либо создать свой автономный район.

В последующем, после образования КНР, как в первой, так и в других конституциях, право наций на самоопределение закреплено не было. Так, например, в первой Конституции КНР 1954 г. устанавливалось, что во всех районах, где компактно проживают национальные меньшинства, осуществляется районная автономия. Районы национальной автономии являются неотъемлемой частью КНР (ч.4 ст.3) [Конституция и основные..., с.31]. В настоящее время власти Китая продолжают как на законодательном, так и на научно-теоретическом уровне отрицать принцип права наций на самоопределение, определяя страну как единое многонациональное государство.

Особые административные районы

По форме государственного устройства Китай представляет собой многонациональное унитарное государство, с наличием в его составе особых административных районов (ОАР) Сянган (Гонконг) и Аомэнь (Макао), специальных экономических зон и районов национальной автономии. ОАР Сянган (СОАР) был официально возвращен Великобританией под юрисдикцию КНР 01.07.1997 [Степанова Г.А., с.311—315]. ОАР Аомэнь (АОАР) — возвращен Китаю Португалией 20.12.1999 [Кокарев К.А., Степанова Г.А., с.492—494]. Правовой статус этих двух особых

китайских территорий определяется ст. 31 Конституции КНР, которая гласит: «государство в случае необходимости создает особые административные районы. Режим особых административных районов устанавливается с учетом конкретной обстановки законами, принимаемыми Всекитайским собранием народных представителей».

В соответствии с разработанной в свое время Дэн Сяопином концепцией «одно государство — две системы» (“一国两制”) [Ван Цзэнцзя] в указанных ОАР действует отличное от континентального Китая законодательство, которое сохраняет свою уникальную специфику, сложившуюся до возвращения в «лоно Родины» Сянган и Аомэнь. Так, согласно «Совместной декларации по вопросу о Гонконге между Правительством Китайской Народной Республики и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии» (подписано в Пекине 19.12.1984) и положениями «Основного закона Сянганского особого административного района Китайской Народной Республики» (вступил в силу 01.07.1997) ранее действующее на территории Гонконга законодательство остается без изменений (ст.8, ст. 160). При этом «ОАР Сянган не строит социалистическую систему и не проводит социалистическую политику, сохраняет сложившуюся капиталистическую систему и способы жизни, что остается без изменений в течение 50 лет» (ст.5 Основного закона Сянганского ОАР КНР). Существует вероятность того, что сложившаяся социально-политическая и экономическая система в Гонконге будет продолжать сохраняться и после 2047 г., однако многое зависит от политической ситуации, разворачивающейся в этом регионе под воздействием внешних сил, стремящихся к своим, отличным от китайских континентальных властей, целям.

То же самое касается и ОАР Аомэнь, в котором до 2049 г. свою силу также сохраняет принятое ранее законодательство (ст. 8, ст. 145 Основного закона Аомэньского ОАР КНР, вступил в силу 20.12.1999). Важно отметить, что в основе правовой системы Аомэня лежит португальское право как в виде кодексов Португалии, так и в виде принятых в ОАР собственных законов, образцом для которых были соответствующие законодательные акты Португалии. Так как португальское право относится к континентальной правовой системе, ведь его основу составляют статутные законы, а не судебные прецеденты, то именно поэтому оно значительно ближе к праву континентального Китая, чем сянганское.

Согласно заключенным международным договоренностям и взятым Китаем на себя обязательствам, бывшие британская и португальская колонии получили «высокую автономию» (ст. 2 Основного закона ОАР): 1) право на административное управление; 2) право на принятие нормативно правовых актов; 3) право на осуществление правосудия, включая вынесение окончательного судебного решения (приговора) по делу;

4) право заключения международных соглашений неполитического характера. При этом принимаемые в ОАР правотворческие акты должны пройти официальную регистрацию в ПК ВСНП. В случае их противоречия положениям Основного закона ОАР они считаются не имеющими юридической силы. Из компетенции ОАР исключены дела, касающиеся внешней политики, обороны и другие, принадлежащие прерогативе Центрального правительства КНР.

Тайвань

Особое место в административно-территориальном устройстве КНР занимает Тайвань, на возвращении которого уже долгие годы настаивает руководство КНР. Это образование не признано подавляющим большинством стран мира, однако де-факто существует как самостоятельное государство. Власти КНР готовы применять по отношению к Тайваню модель «одно государство, две системы» [Чжан Шижун], что способствовало бы стимулированию процесса мирного объединения «двух берегов пролива». В свою очередь власти непризнанной республики отрицают любую возможность объединения с континентальным Китаем на его условиях.

14 марта 2005 г. в правовой системе социалистического Китая появился уникальный нормативный правовой акт с названием «*Закон КНР о противодействии расколу страны*». Согласно ст.1 он был принят с целью противодействия и сдерживания сепаратистских сил, стремящихся к «независимости Тайваня», действия которых направлены на раскол страны, в интересах мирного объединения Китая, сохранения мира и стабильности в зоне Тайваньского пролива, обеспечения суверенитета и территориальной целостности государства, для защиты коренных интересов китайской нации. В ст.2 закона подчеркивается, что в мире существует только один Китай, расположенный на материке и на острове Тайвань. Суверенитет и территориальная целостность Китая в равной степени распространяются на его материковую часть и на Тайвань. Защита суверенитета и территориальной целостности государства является общим долгом всего китайского народа, включая соотечественников на Тайване (ч.1). Тайвань — часть Китая. Государство решительно не позволяет сепаратистским силам, стремящимся к «независимости Тайваня», отколоть его от Китая под каким бы то ни было предлогом в какой бы то ни было форме (ч.2). Если тенденция к независимости Тайваня будет углубляться либо возможность к осуществлению мирного объединения исчезнет — КНР прибегнет к «немирным способам и другим необходимым мерам для защиты суверенитета и территориальной целостности страны» (ч.1 ст.8) (иными словами, закрепляется право на применение военной силы при наличии соответствующей необходимости).

Специальные экономические зоны

Государственное устройство КНР характеризуется наличием в нем специальных экономических зон (СЭЗ), создание которых было обусловлено необходимостью привлечения крупных зарубежных инвестиций в развитие промышленного, научно-технического, инновационного сектора Китая. В них устанавливались специальные льготные налоговые режимы, принимались меры по защите инвестиций, осуществлялась особая политика привлечения лучших китайских и зарубежных специалистов на работу, повсеместно создавались совместные с иностранным капиталом и основанные на иностранном капитале предприятия. Особо активно привлекались инвестиции в развивающийся инновационный сектор страны [Севальнев В.В.].

В мае 1980 г. по решению ЦК КПК и Государственного совета КНР статус специальной экономической зоны был присвоен городам Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу (провинция Гуадун) и Сямэнь (провинция Фуцзянь) (в октябре 2020 г. в КНР прошли большие торжества по случаю 40-летия СЭЗ). В апреле 1988 г. по решению ВСНП остров Хайнань также стал специальной экономической зоной КНР.

Основными задачами создаваемых СЭЗ являются: 1) увеличение объемов внешней торговли; 2) привлечение инвестиций, в том числе и со стороны китайских «хуацяо» (соотечественников, проживающих за рубежом); 3) заимствование современных передовых инновационных зарубежных технологий с их внедрением на китайских предприятиях; 4) повышение уровня трудоустройства проживающего на территории особого экономического района населения; 5) стимулирование экономического развития региона; 6) повышение ценности используемых в обороте земельных и трудовых ресурсов. Несмотря на известный экономический кризис и падение темпов роста экономики, СЭЗ по-прежнему остаются одними из двигателей инновационного развития Китая.

Административно-территориальное деление и национально-территориальное устройство автономных районов

Со времени образования КНР фактически без изменений остается трехзвенное деление страны на провинциальное, уездное и волостное звенья. В соответствии с положениями ст.30 Конституции КНР, китайское государство имеет следующее административно-территориальное деление:

1) вся страна делится на провинции, автономные районы и города центрального подчинения;

2) провинции, автономные районы делятся на автономные округа, уезды, автономные уезды и города;

3) уезды, автономные уезды делятся на волости, национальные волости и поселки;

4) города центрального подчинения и сравнительно крупные города делятся на районы и уезды;

5) автономные округа делятся на уезды, автономные уезды и города.

6) автономные районы, автономные округа и автономные уезды являются районами национальной автономии.

Современный Китай с населением около 1 млрд 400 млн человек [Дици цюаньго...] (зимой 2020 г. в КНР была проведена очередная, раз в десять лет, перепись населения) состоит из 23 провинций (включая Тайвань), 5 автономных районов (Внутренняя Монголия, Гуанси-Чжуанский автономный район, Тибетский автономный район, Нинся-Хуэйский автономный район, Синьцзян-Уйгурский автономный район), 4 города центрального подчинения (Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Чунцин), 2 особых административных района (Сянган и Аомэнь). По площади территории и численности населения между административно-территориальными единицами существует большая разница. Так, среди провинций, автономных районов и городов центрального подчинения площадь Синьцзян-Уйгурского автономного района достигает 1,6 млн кв. км., а площадь г. Шанхай составляет всего лишь 6,3 тыс. кв. км. По численности населения провинция Хэнань занимает первое место в КНР (около 100 млн), а самое низкое число граждан проживает в Тибетской автономной области (около 3,5 млн).

На территории КНР проживают представители 56 официально признанных национальностей (включены и «русские»). Среди них наиболее многочисленной национальностью являются «ханьцы» (китайцы), которые составляют более 90 % населения страны. По причине того, что «ханьцы» составляют подавляющее большинство от общей численности проживающих в Китае граждан, представителей других 55 национальностей принято называть национальными меньшинствами.

Согласно ст. 4 Конституции КНР, в районах компактного проживания национальных меньшинств осуществляется национальная автономия. Создаются органы самоуправления, осуществляются автономные права. Как уже было подробно изложено выше, советский принцип «самоопределения народов» китайской Конституцией не воспринят. Кроме того, часть 3 ст.2 «Закона КНР О национальной районной автономии» закрепляет, что все территории национальных автономий являются неотделимой частью Китайской Народной Республики.

Сами же районы национальной автономии в КНР делятся на три типа:

1) районы, где основную массу населения составляют представители одной национальности (например, Тибетский автономный район);

2) районы, где основную часть населения составляют представители одной национальности и где компактно проживают представители другой или нескольких национальностей (например, Гуанси-Чжуанский автономный район, в котором компактно проживают большое количество 12 крупных национальных меньшинств);

3) районы компактного проживания больше двух национальных меньшинств (например, Монголо-тибетско-казахский автономный округ, созданный в западной части провинции Цихай).

Заключение

Исследование административно-территориального устройства КНР позволяет понять специфику всей формы китайского государства, выявить положительные и отрицательные стороны китайского опыта управления государством в целом. Сохранение централизованного, унитарного государства, отрицание принципа права наций на самоопределение, разработка уникальной концепции «одно государство — две системы», создание особых экономических зон, предоставление обширных полномочий национальным автономиям и многое другое свидетельствуют о глубоко продуманном и научно обоснованном подходе руководства страны к фундаментальным вопросам государственности. Китай создал уникальную, успешную и конкурентоспособную модель управления огромной многонациональной территорией, которая сохраняет суверенитет и целостность в условиях усиления внешних и внутренних угроз, углубления мирового экономического кризиса, повышения градуса напряженности в международных отношениях. Опыт Китая по сохранению своей государственности и самоидентичности чрезвычайно важен для России, уже пережившей распад СССР и стоящей перед лицом центробежных трендов на современном этапе своего развития.

Библиографический список

Ван Цзэнцзя. Дэн Сяопин дэ «И го лян чжи» гоусян [Концепция Дэн Сяопина «Одно государство — две системы»] // Хуанпу. 2021. № 2. С. 28—31 (на кит.яз.).

Ди цици цюаньго жэнькоу пуча чжужао шуцзюй цинкуан [Важнейшие показатели седьмой Всекитайской переписи населения]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202105/t20210510_1817176.html (дата обращения: 11.05.2021) (на кит.яз.).

Кокарев К.А., Степанова Г.А. Церемония возвращения Аомэня Китаю. В коллективной монографии: История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. X: Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомынь (Макао), зарубежная китайская диаспора / отв. ред. Л.М. Гудошников, Г.А. Степанова; сост. Т.Г. Герасимова. М.: Наука, 2014. 764 с.

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М.: Политиздат, 1978. 62 с.

Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики. Перевод с китайского. Под ред. и с предисловием Н.Г. Сударикова. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 690 с.

Ленинские принципы самоопределения наций и извращение их маоистами. Материалы конференции. М.: Институт Дальнего Востока АН СССР, 1971. 178 с.

Севальнев В.В. Развитие инновационного сектора КНР // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 2 (33). С.164—174.

Степанова Г.А. Официальная церемония возвращения Сянгану Китая. В коллективной монографии: История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. X: Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомынь (Макао), зарубежная китайская диаспора / отв. ред. Л.М. Гудошников, Г.А. Степанова; сост. Т.Г. Герасимова. М.: Наука, 2014. 764 с.

Советские районы Китая. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. 144 с.

Советы в Китае. Сборник материалов и документов. Перевод с немецкого. М.: Партийное издательство, 1934. 524 с.

Цзи Цзин. Миньцзу цыцзюэцуань: Чжунго дэ личан юй шицзянь [Право нации на самоопределение: позиция Китая и практика] // Шанхай цзятун дасюе. 01.04.2018. С.62 (на кит.яз.). DOI: 10.27307/d.cnki.gsjtu.2018.001705

Чжан Шижун. «И го лян чжи» Тайвань фанань дэ довэй лилунь юй шицзянь тяньсо [Многоаспектная доктрина и практическое исследование тайваньского плана в рамках «одно государство — два строя»] // Миньтай гуанси яньцзю. 2020. № 3. С.1—8 (на кит.яз.). DOI: 10.19357/j.cnki.35-1295/d.2020.03.001

References

Wang Zengjia (2021). Deng Xiaoping de “Yi Guo Liang Zhi” gouxiang [Deng Xiaoping’s Conception of “One Country, Two Systems”], *Huangpu [Whampoa]*, No. 2: 28—31 (in Chinese).

Di qici quanguo renkou pucha zhuyao shuju qingkuang [Main Data of the Seventh National Population Census]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202105/t20210510_1817176.html (accessed: 11 May, 2021) (in Chinese).

Kokarev, Konstantin A., Stepanova, Galina A. (2014). Ceremoniya vozvrashcheniya Aomenya Kitayu [Ceremony for the return of Aomen to China]. *V kollektivnoj monografii: Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka: v 10 t. T. X: Tajvan’, Syangan (Gonkong), Aomyn’ (Makao), zarubezhnaya kitajskaya diaspora / отв. ред. L.M. Gudoshnikov, G.A. Stepanova; sost. T.G. Gerasimova [In the collective monograph: History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: in 10 volumes. Vol. X: Taiwan, Xianggang (Hong Kong), Macau (Macau), foreign*

Chinese diaspora / otv. ed. L.M. Gudoshnikov, G.A. Stepanova; comp. T.G. Gerasimova]. Moscow: Nauka, 764 p. (in Russian).

Konstituciya (Osnovnoj zakon) Soyuzu Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik [Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics] (1978). Moscow: Politizdat, 62 p. (in Russian).

Konstituciya i osnovnye zakonodatel'nye akty Kitajskoj Narodnoj Respubliki [Constitution and Basic Laws of the People's Republic of China] (1955). Pervod s kitajskogo [Translated from Chinese]. Pod red. i s predislavim N.G. Sudarikova [Ed. and with a foreword by N.G. Sudarikov]. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 690 p. (in Russian).

Leninskie principy samoopredeleniya nacij i izvrashchenie ih maoistami [Lenin's principles of self-determination of nations and their distortion by the Maoists] (1971). Materialy konferencii [Conference materials]. Moscow: IDV AN, 178 p. (in Russian).

Sevalnev Viacheslav V. (2012). Razvitie innovacionnogo sektora KNR [Development of the PRC innovation sector], *ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of foreign legislation and comparative law], No. 2 (33): 164—174 (in Russian).

Stepanova Galina A. (2014). Oficial'naya ceremoniya vozvrashcheniya Syangana Kitayu [Official ceremony for the return of Hong Kong to China]. *V kollektivnoj monografii: Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka: v 10 t. T. X: Tajvan', Syangan (Gonkong), Aomyn' (Makao), zarubezhnaya kitajskaya diaspora* / otv. red. L.M. Gudoshnikov, G.A. Stepanova; sost. T.G. Gerasimova [In the collective monograph: History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: in 10 volumes. Vol. X: Taiwan, Xianggang (Hong Kong), Macau (Macau), foreign Chinese diaspora] / otv. ed. L.M. Gudoshnikov, G.A. Stepanova; comp. T.G. Gerasimova]. Moscow: Nauka, 764 p. (in Russian).

Sovetskie rajony Kitaya [Soviet regions of China] (1977). Moscow: Nauka, 144 p. (in Russian).

Sovety v Kitae. Sbornik materialov i dokumentov [Councils in China. Collection of materials and documents] (1934). Pervod s nemeckogo [Translated from German]. M.: Partijnoe izdatel'stvo, 524 p.

Ji Jing (2018). Minzu zijuequan: Zhongguo de lichang yu shijian [National autonomy: China's position and practice], *Shanghai jiaotong daxue* [Shanghai Jiaotong University], 1 April: 62 (in Chinese) DOI: 10.27307/d.cnki.gsjtu.2018.001705

Zhang Shirong (2020). "Yi Guo Liang Zhi" Taiwan fang'an de duwei lilun yu Shijian tansuo [Multi-dimensional Theoretical and Practical Exploration of "One Country, Two Systems" Taiwan Program], *Mintai guanxi yanjiu* [Research on Fujian-Taiwan Relationship], No. 3: 1—8 (in Chinese). DOI: 10.19357/j.cnki.35-1295/d.2020.03.001

А.В. Ершов

ИСТОРИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КНР

Аннотация. Статья посвящена истории складывания, развития и формирования аппарата государственного управления КНР. По мере освобождения целых регионов Китая от гоминьдановского контроля в них происходило поэтапное формирование органов государственного управления советского типа. С принятия Общей программы НПКСК в 1949 г. в Китае начался этап начального формирования единой системы государственных органов; следующий этап стартовал после принятия Конституции в 1954 г. В силу ряда причин система местных органов государственного управления не была окончательно сформирована. События «культурной революции» 1966—1976 гг. сказались самым негативным образом на ситуации в области государственного управления. Фактически в 1966—1968 гг. произошло полное уничтожение сложившихся в ходе предшествующего этапа развития КНР государственного и партийного аппаратов. После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва в конце 1978 г. руководство КНР начинает реализацию стратегии поэтапного перехода к рыночной экономической модели. К началу 1980-х годов происходит создание на местном уровне единой административной вертикали, встает вопрос о проведении системных реформ в области государственного управления. С 1982 г. по 2018 г. было инициировано и проведено 8 крупномасштабных реформ системы госуправления, которые охватили все ее уровни. Данные реформы носили регулярный и системный характер; каждая из реформ госуправления содействовала реформированию экономической системы Китая и другим сопутствующим преобразованиям, проводилась в тесной связи с текущими экономическими, производственными и социальными задачами. Без разработки концепции полномасштабных преобразований системы госуправления, создания системы госслужбы, оформления соответствующей законодательной базы экономические реформы КНР не смогли бы пройти успешно в относительно короткий период времени.

Ключевые слова: Китай, КНР, система государственного управления, административные органы, реформа Госсовета, местные народные правительства, госслужба, кадровая реформа, электронное правительство.

Автор: Ершов Александр Валерьевич, научный сотрудник ИДВ РАН.
E-mail: alexandre.ershov@gmail.com

A.V. Ershov

THE HISTORY OF THE PRC STATE GOVERNMENT SYSTEM

Abstract. The article is devoted to the history of formation, development and reforming of the PRC state management apparatus. As the whole regions of China broke free from under the Guomindang control in them there happened the gradual formation of the state management organs of the Soviet type. When the Common Program of the Chinese People's Political Consultative Conference (CPPCC) was adopted in 1949 the stage of the primary formation of the state organs unified system began; the next stage started after the Constitution of 1954 was adopted. Due to various reasons the formation of local government bodies system wasn't completed. The Cultural Revolution events of 1966—1976 negatively influenced the situation in the state government system sphere. In fact, in 1966—1968 there happened a total annihilation of the state and party apparatuses which had been already formed by then during the previous stage of the PRC development. After the 3rd Plenum of the CC CCP of the 11th Central Committee at the end of 1978 the PRC management started the realization of the strategy of the phased transition to the market economy model. By the 1980-s there was formed a unified administrative vertical at the local level, and there raised the question about system reforms in the state government sphere. From 1982 to 2018 8 large-scale reforms in the state government system were initiated, which covered all its levels. Those reforms were of regular and systematic character; each state government reform facilitated China economic system reforming and other accompanying transformations, conducted in close connection with current economic, industrial and social tasks. Without the state government full-scaled transformations elaboration, the state government system creation, appropriate legislative framework shaping economic reforms in the PRC couldn't have passed successfully during such a relatively short period of time.

Keywords: China, the PRC, the state government system, administrative organs, The State Council reform, local people's governments, civil service, personnel reform, e-government.

Author: Alexander V. ERSHOV, Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS).

E-mail: alexandre.ershov@gmail.com

По мере освобождения целых регионов Китая от гоминьдановского контроля в них происходило поэтапное формирование органов государственного управления советского типа; при этом основным поставщиком

кадров выступала армия [3, с. 619]. Важную роль в формировании первичных контуров системы государственного управления сыграл институт военного контроля [4, с. 36—37]. По мере ликвидации гоминьдановских органов управления и нормализации обстановки управленческие функции передавались вновь образуемым органам администрации. Институт военного контроля сыграл значительную роль в начальный период формирования системы местных органов государственного управления.

Для ускорения интеграции разных частей Китая в единое государство из освобожденных районов формируют шесть крупных административных районов (КАР), каждый из которых включал в себя несколько провинций. В качестве органов управления на уровне КАР были образованы Военно-административные комитеты (ВАК), а в городах — военно-контрольные комитеты (ВКК), являвшиеся *главным органом власти на местах*; прочие местные органы подчинялись ВАК [4, с. 37].

С принятия Общей программы НПКСК в Китае начинается формирование единой системы органов центрального и местного государственного управления на основе опыта формирования местной администрации в освобожденных районах и советского опыта партийно-государственного строительства [22, с. 232—248].

В течение 1950 г. принимаются положения об организации местных народных правительств провинциального, уездного, городского, районного и волостно-поселкового уровней [1, с. 92—93]. Принимается «Положение об организации районных народных правительств и районных управлений». Издание положений позволило обобщить практику строительства местных государственных органов [4, с. 56].

До принятия Конституции 1954 г. *не существовало* четкого деления между органами местного госуправления, государственной власти, суда, прокуратуры и контрольно-ревизионными органами; местные народные правительства (комитеты) включали в себя административный аппарат (госуправление), органы прокуратуры, суда и народного контроля. Непосредственно управленческую деятельность выполнял Народный правительственный совет.

В 1952 г. к концу восстановительного периода происходит ряд изменений: сглаживается разница между различными районами страны, происходит накопление опыта управленческой работы у центральных органов, что позволяет приступить к усилению централизации власти и управления; начинается преобразование административных органов крупных административных районов [1, с. 266—277]. Решение о ликвидации КАР будет принято ЦНПС 19 июня 1954 г. незадолго до опубликования проекта Конституции КНР [1, с. 334].

Вскоре после проведения в 1953—1954 гг. первых всеобщих выборов и формирования Всекитайского собрания народных представителей

(ВСНП) была принята первая Конституция КНР и пять законов по важнейшим вопросам государственного строительства, в частности, закон об организации Государственного совета (правительства КНР) [6, с. 15—18]. После принятия конституции начала формироваться новая система органов государственной власти и государственного управления; местными органами государственного управления стали Народные комитеты (местные правительства). В отсутствие соответствующих нормативных актов их компетенции были весьма расплывчаты. Законом была установлена лишь общая структура аппарата Народных комитетов различных уровней. Это впоследствии послужит одной из значимых причин, вызывавших регулярное разбухание штатов и отсутствие четкой регламентации полномочий работников административных органов.

Практически сразу после создания новой, социалистической плановой системы управления происходит резкий рост численности министерств и ведомств в правительствах всех ступеней, что хорошо видно на примере центрального аппарата правительства. К 1956 г. в структуру Госсовета КНР входили: 48 министерств и ведомств, 24 органа прямого подчинения, 8 служебных органов и 1 секретариат, в общей сложности 81 единица [8, с. 89—90]. Произошел быстрый рост численности кадровых работников аппарата правительства: если в 1949 г. по всему Китаю их численность составляла 908 тыс. человек, то на конец 1956 г. — 9 млн 768 тыс. человек [9, с. 4]. Таким образом, уже на ранних стадиях существования административного аппарата КНР можно отметить негативную тенденцию к увеличению количества штатных единиц и разбуханию аппарата.

Для более эффективного решения экономических вопросов на местах, перестройки управления отдельными отраслями экономики и лучшей реализации второго пятилетнего плана 14 ноября 1957 г. принято решение о расширении прав Народных комитетов провинций, автономных областей и городов центрального подчинения в области управления *промышленностью, торговлей и финансами*. К середине 1958 г. в местное ведение было передано примерно 80 % промышленных предприятий и учреждений, находившихся в ведении промышленных министерств. Госсовет принимает ряд важнейших актов, расширяющих права местных органов в различных отраслях государственного управления [6, с. 90].

В течение 1958—1959 гг. проводится первое значительное реформирование аппарата Госсовета. С целью предотвращения дальнейшего разбухания штатов Организационный отдел ЦК КПК публикует циркуляр, в котором указывается предельное количество заместителей руководителя каждого из ведомств центрального аппарата правительства — от двух до семи человек в зависимости от рабочих надобностей [8, с. 91]. Происходит упразднение и слияние целого ряда министерств, комитетов и депар-

таментов, что позволяет к концу 1958 г. уменьшить количество министерств и ведомств на 8 единиц, органов прямого подчинения на 5 единиц; в составе Госсовета остается 68 рабочих органов. В следующем, 1959 г., проводится новая оптимизация. Основными принципами реформы 1958—1959 гг. были сокращение и слияние (дублирующих рабочих органов), а упор при этом делался на оптимизацию и передачу части полномочий из центра на места. *Это была в КНР первая попытка отойти от сверхцентрализованной модели административного управления.*

Начиная с 1958 г. нормальный процесс формирования системы местных органов государственной власти и государственного управления КНР оказался прерван. В мае 1958 г. на второй сессии VIII съезда КПК была принята новая программа экономико-политического развития, получившая название курса «трех красных знамен», что самым непосредственным образом сказалось на административных органах. Реформа системы органов государственного управления, задуманная в 1957 г. и начавшая воплощаться с 1958 г., не могла пройти успешно на фоне развернувшейся идейно-политической кампании. В совсем недавно созданный политический механизм вносятся изменения, возникают «народные коммуны», которые становятся местными низовыми административными структурами [3, с. 660]. Волостные народные правительства фактически стали придатком коммун; тем самым был положен конец формированию системы низовых административных и представительных органов. Инициатива по расширению полномочий местных властей была предана забвению, система низового государственного управления не была восстановлена [23, с. 331—335].

В начале 1960 г. был взят курс на немедленное возвращение полномочий центральным органам государственного управления; с 1963 г. происходит повторное увеличение штатов аппарата правительства. К концу 1965 г. общее количество ведомств Госсовета достигает 79 единиц, что соответствует дореформенному уровню; количество ведомств прямого подчинения и непроизводственных организаций с 2400 в 1959 г. вырастет к концу 1965 года до 10 500 единиц [8, с. 92—95]. При этом доля ведомств Госсовета, занимающихся непосредственно экономической деятельностью, составляет более половины от общего количества. Фактически из центрального органа государственного управления Госсовет становится «центральной народной коммуной», органом, в котором соединяются и административные, и хозяйственные функции, что вызвало падение качества управления по всей стране.

Происходит значительный рост количества профессиональных кадровых работников («ганьбу»). Рост ганьбу вызывался рядом факторов: созданием коммун (следовательно, увеличением количества кадровых работников, занятых управлением предприятий); необходимостью реше-

ния большого количества задач в экономике страны в условиях сложившейся модели административно-хозяйственного управления. В противовес концепции реформы 1958—1959 гг. о сокращении кадровых работников, напротив, происходит увеличение их численности, растет власть этой группировки над обществом и государством.

Фактически с конца 1950-х годов происходит отказ от основных принципов законности; практически прекращается законодательная деятельность и публикация законов. Принципы социалистической демократии сменяет номенклатурно-партийная диктатура; произошло полное сращивание хозяйственных и административных функций. Одним из прямых следствий процессов периода 1958—1965 гг. стал откат в развитии системы государственного управления, ее упрощение и регресс [23, с. 335—339].

События «культурной революции» 1966—1976 гг. сказались самым негативным образом на ситуации в области государственного управления. Фактически в 1966—1968 гг. происходит полное уничтожение сложившегося в ходе предшествующего этапа развития КНР аппарата партийного и государственного управления, органов суда и прокуратуры, сопровождавшееся отстранением оппозиционных сил и ключевых фигур от власти и управления, а также экономическим и социально-политическим хаосом, охватившим всю страну. Происходит создание и оформление антиконституционной структуры — Группы по делам «культурной революции» (ГКР), которая фактически установила режим личной власти, при котором все партийно-государственные решения проходили обсуждение на совещаниях ГКР. Возникает новый антиконституционный орган — «ревком», соединяющий военную, партийную и административную власть [5, с. 31]. В компетенцию «среднестатистического ревкома» входило: функции соответствующих отделов бывших партийных комитетов, канцелярий и бюро народных комитетов (правительств), а также в сильно урезанном виде функции упраздненных органов суда и прокуратуры. И все же в целом по стране организационная структура «ревкомов» провинциального уровня устанавливалась *применительно к местным условиям*. Образование «ревкомов» началось в 1967 г. и завершилось на провинциальном уровне к осени 1968 г. Партийные органы начнут восстанавливать с 1971 г., впрочем, в условиях фактического слияния партийной и государственной власти «ревкомы» фактически выполняли *военно-контрольные функции*, а государственная власть осуществлялась в форме *военного руководства*, происходило усиление бюрократической централизации власти [12, с. 24—29].

С конца 1967 г. происходит усиление влияния НОАК на процессы государственного управления, при этом с осени 1968 г. начинается активное отстранение от политической жизни хунвэйбинов и цзаофаней, что

еще более повышает роль и значимость армии в системе органов государственной власти и управления. При этом в отличие от событий конца 1940-х — начала 1950-х годов, когда на основе армейских кадров *под контролем КПК* формировалась гражданская администрация, в этот период в отсутствие партийного контроля происходит военизация партийных и административных структур (постепенно воссоздаваемых с конца 1960-х по начало 1970-х годов). После смещения Линь Бяо произошло частичное ослабление роли армии, при этом возросла роль органов общественной безопасности, что в условиях отсутствия органов суда и прокуратуры приводило к росту насилия и произвола в китайском обществе. Впрочем, как и прежде, армия играла руководящую роль во всем механизме государственного управления.

Частичное восстановление партийно-государственных структур в течение первой половины 1970-х годов не вызвало возврата к прежней структуре управления; в целом в 1969—1972 гг. уровень организационных и хозяйственных связей между центральным и местным аппаратами государственного управления был недостаточным для обеспечения нормального функционирования экономики. После многочисленных преобразований Госсовета часть полномочий в области экономического развития была им утрачена, поскольку отошла к местным органам (различных ступеней); Госсовет утерял центральную роль в координации экономического планирования и организации государственного управления.

Началом системных реформ государственного управления в Китае принято считать 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, состоявшийся в конце 1978 г. С 1978 г. руководство КНР начинает реализацию стратегии поэтапного перехода к рыночной экономической модели, чему активно способствовали так называемые *административные реформы* (реформы органов государственного управления). Их целью являлась оптимизация всей системы органов аппарата государственного управления, складывание единой вертикали управления от Госсовета до уездного уровня. Здесь можно увидеть три магистральные цели: возврат к идее преобразований незавершенной местной административной реформы 1958—1959 гг., окончательное восстановление аппарата управления от последствий «культурной революции» и повышение эффективности работы правительств с целью содействия реформе экономической системы. Таким образом, на рубеже 1970-х—1980-х годов административному аппарату КНР предстояло: 1) выполнить оставшиеся от прошлого задачи, нерешенные в течение двух предшествующих десятилетий и 2) урегулировать дополнительно возникшие за этот период трудности. На следующем этапе требовались качественно новые, прорывные решения в решении проблемы эффективности государственного управления для экономического рывка вперед.

С 1978 г. происходит создание на местном уровне единой административной вертикали: городов центрального подчинения, автономных округов и коммун; в качестве базовой административной единицы выступал «ревком». По сути, несмотря на «революционное» название «ревкомов», к концу 1970-х годов они фактически освободились от непосредственной опеки армии и спецслужб и выполняли только административные, хозяйственные и судебно-юридические функции. В 1979 г. на 2-й сессии ВСНП 5-го созыва ревкомы были преобразованы в местные народные правительства различных ступеней (судебно-юридические функции перешли к восстановленным независимым органам суда и прокураторы); также были восстановлены должности губернаторов провинций, мэров городов, глав автономных районов, округов, уездов. Произошло удаление от методов управления периода «культурной революции» и возвращение к нормальной управленческой деятельности, характерной разделением властей и специализацией деятельности в сфере администрации, права и экономики (в соответствии с задачами реформы 1958—1959 гг.).

В этот период происходит значительное увеличение количества органов Госсовета: их общее число увеличилось с 48 в 1977 г. до 98 единиц в 1981 г. (пиковый показатель с момента образования КНР), в некоторых ведомствах численность заместителей министров достигает нескольких десятков человек. Кампания по реабилитации ганьбу в значительной степени способствовала механическому разрастанию административного аппарата, что очевидным образом противоречило поставленной цели экономического роста.

13 января 1982 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК с программным выступлением «Сокращение учреждений является революцией» выступил Дэн Сяопин. В своем выступлении он высказал важные соображения по *качеству, задачам и принципиальной направленности* реформы аппарата государственного управления; обосновал необходимость проведения реформ в области госуправления, отметив, что они важны *не только для успеха экономических преобразований, успеха политики «четырёх модернизаций», но для выживания партии и правительства*. В выступлении также отмечалась необходимость «пристально следить за вопросами «входа» и «выхода», то есть, обращая внимание на важный момент — обновление и омоложение кадров, не забывать при этом о тщательном отборе кадрового состава [13, с. 396—397.]. Учитывая, что в аппарате госуправления в тот период находилось значительное количество выдвиненцев периода «культурной революции», сторонников идей «маоизма» и ярых противников реформ, такие соображения представляются далеко не лишними.

После данного выступления ЦК КПК и Госсовет КНР инициируют проведение первой административной реформы Госсовета — начало

масштабных преобразований органов государственного управления центрального звена. 8 марта 1982 г. на 22-м заседании ПК ВСНП 5-го созыва была принята резолюция относительно проблем реформы Госсовета. На заседании выступил с докладом премьер Чжао Цзыян. Он внес конкретные предложения: из имевшихся 98 министерств, комитетов, учреждений и рабочих органов непосредственного подчинения Госсовета оставить 52, количество работников сократить на 1/3. Согласно принятым решениям, в первую очередь должны были подвергнуться реформированию 12 министерств и ведомств Госсовета. Это в том числе были: Министерство торговли, Государственный комитет управления импортом и экспортом, Министерство внешней торговли и другие, то есть в первую очередь те, чья деятельность непосредственна была связана с проходившими экономическими преобразованиями.

В результате реформы 1982 г. количество министерств, комитетов, организаций прямого подчинения и канцелярий Госсовета сокращается со 98 до 60, количество заместителей председателя правительства уменьшилось с 13-ти до 2-х человек, общее сокращение среди штатов составило 1/3. Были выработаны возрастные критерии: возраст министра не должен был превышать 65 лет, возраст заместителя министра, начальника управления, департамента — 60 лет. Министр не мог иметь более 3—5 заместителей, начальник департамента 2—3 [20, с. 168—169]. В Госсовете был создан *президиум*. Рабочим органом Госсовета стало *Постоянное бюро* (в целях повышения эффективности принятия решений), в которое входили премьер, его заместители, члены Президиума Госсовета и начальник секретариата. По новой Конституции 1982 г. премьер Госсовета и его заместители не могли занимать свою должность **более 2 сроков подряд**.

С конца 1982 г. по 1984 г. проходит реформа местных органов государственного управления. В связи с ее проведением ЦК КПК и Госсовет в период с декабря 1982 г. по декабрь 1983 г. приняли несколько документов.

Большие успехи были достигнуты в деле сокращения общего количества чиновников: по всем ведомствам Госсовета количество работников с 51 тыс. сокращено до 30 тыс. На уровне провинций, автономных округов, городов центрального подчинения количество персонала в партийных и правительственных органах сокращено со 180 тыс. до 120 тыс. человек. В городских и уездных органах сокращения составили 20 %. Такая разница цифр не должна удивлять: она во многом объясняется неоднородностью преобразований по регионам. Уровень экономического развития, благополучность региона определяли степень возможных сокращений (в экономически неразвитых районах сокращения были чисто номинальны-

ми — более глобальные сокращения только увеличили бы проблему безработицы).

Одним из главных следствий преобразований местных органов государственного управления стала ликвидация «народных коммун»: вместо них учреждались волостные народные правительства, волостные парткомы и организации, ведавшие экономической деятельностью. Были возрождены такие административно-территориальные единицы, как волости и поселки. К концу 1984 г. насчитывалась 91 тыс. волостных правительств и 926 тыс. комитетов сельского населения.

Формирование единой системы государственного управления на уездном и волостно-поселковом уровне представляется одним из ключевых достижений реформы, ведь этот процесс так и не был завершен в ходе следовавших с конца 1950-х годов идейно-политических кампаний. Разделение политических, административных и экономических функций способствовало преодолению негативных последствий политики «трех красных знамен» и «культурной революции» в административной сфере, принесло новый стиль управления и позволило с большей эффективностью проводить проходящие преобразования. Общее время проведения реформы государственного управления составило около трех лет. Все поставленные задачи в ходе реформы не были выполнены в полном объеме, что было обусловлено отсутствием в указанный период соответствующих условий, в первую очередь экономического характера (плановая экономическая система, необходимость государственного управления предприятиями, вследствие этого наличие большого штата работников производственной сферы в штате правительства и другие факторы). Несмотря на это, значимость первой реформы органов государственного управления КНР заключается в том, что была впервые *осознана, поставлена и реализована* (частично) задача *крупномасштабных преобразований и перенастройки аппарата* государственного управления, *ликвидирована* система пожизненного занятия должностей, что должно было способствовать приливу «свежей крови» и обновлению кадрового состава, окончательно сформирована *единая вертикаль управления*.

К 1986 г. численность аппарата Госсовета вновь увеличилась, что во многом было связано с продолжающимся преобладанием административно-командных методов управления экономикой. В 1986 г. в структуре Госсовета находилось 43 министерства и комитета, 15 ведомств прямого подчинения, 2 рабочих ведомства, 1 канцелярия (дополнительно в подчинении министерств и комитетов 14 государственных управлений). На проведенном в 1987 г. XIII съезде КПК была поставлена задача проведения очередной реформы органов государственного управления. Новым подходом в проведении административной реформы при этом должны были стать *пересмотр функций и полномочий* правительства (*не* «механическое сокраще-

ние)), а также *изменение формы управления госпредприятиями* — от прямого к опосредованному, что было связано с углублением реформы экономической системы. В соответствии с новым подходом в каждом ведомстве правительства учреждалась рабочая группа «для изучения ситуации». По окончании «изучения» определялся план реформирования *«сань дин»* («три определения»), то есть во вновь создаваемом ведомстве определялись его *функции, структура и штаты*, после чего в ведомстве запускали процесс реорганизации.

9 апреля 1988 г. на 1-й сессии ВСНП 7-го созыва был принят «Проект реформы Госсовета». Тезисы по реорганизации правительства были подготовлены Госсоветом в соответствии с рекомендациями XIII съезда КПК. Проект был рассчитан на 5 лет, предусматривалась необходимость разделения функций партийных и правительственных органов, правительственных структур и предприятий. Одними из первоочередных мер по реформированию Госсовета предусматривалось: передача некоторой части властных функций нижестоящим органам исполнительной власти (уменьшив тем самым степень вмешательства правительственных организаций в деятельность предприятий); усиление функции макрорегулирования; реформирование ведомств с низкой производительностью. К декабрю 1988 г. начальный этап реформы структуры Госсовета был завершен. В результате проведения реформы количество министерств, комитетов, ведомств Госсовета уменьшается с 45 до 41 единицы, количество непосредственно подчиненных правительству ведомств сокращено с 22 до 19 единиц. Число штатных сотрудников сократилось на 20 %, общее количество сотрудников центрального аппарата сократилось с 50 тыс. до 40 тыс.

В 1989 г. намечалось реформирование аппарата государственного управления на провинциальном уровне. На уездном и городском уровнях реформа должна была проходить в течение 3—4 лет. Усиленно подчеркивалось, что административная реформа проводится комплексно с экономическими и политическими реформами. Реформа декларировалась как «разделение функций» — между партией и правительством, центром и органами местной власти; целью являлось четкое разграничение полномочий по вертикали. Подготовка к провинциальной реформе шла с августа 1988 г. Однако уже в первой половине 1989 г. реформы были приостановлены, по официальной формулировке, «для упорядочения в системе управления». На состоявшейся в марте 1989 г. 2-й сессии ВСНП 7-го созыва было озвучено решение приостановить административную реформу на провинциальном уровне, а все дальнейшие преобразования проводить только «в опытным порядке».

Тем не менее, нельзя говорить о полной остановке реформ, как это порой утверждают. В 1989 г. Госсовет санкционировал *продолжение эксперимента* по реформированию местных правительств в одной провин-

ции, четырех городах, девяти уездах. Уже в 1991 г. накопленный в ходе эксперимента опыт распространили на провинцию Хубэй, Шэньси, автономный район Внутренняя Монголия, на 30 городов и уездов (по усмотрению местных властей). Позиция китайского руководства относительно приоритета политической стабильности (что не в малой степени определялось устойчивостью аппарата государственного управления) над процессом углубления административной реформы представляется вполне обоснованной — с точки зрения планов средне- и долгосрочного развития. Отказ от значительных изменений органов государственного управления в условиях внутренней и внешней нестабильности следует признать разумным и взвешенным шагом.

Вопрос о создании регулярной системы государственной службы встал вскоре после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва 1978 года. До этого момента на работу в государственные учреждения КНР зачисляли путем «всеобщего централизованного распределения кадров»; китайская кадровая система в основных своих чертах повторяла советскую образца 1950-х годов (со своими местными особенностями). В ходе событий 1960-х годов она была значительно разрушена, в 1970-е годы произошло восстановление прежней кадровой системы в основном по прежним лекалам. В 1980 г. архитектор китайских реформ Дэн Сяопин отметил как недостаток отсутствие в стране в течение длительного времени административных правил, регулирующих всю деятельность госаппарата сверху донизу. Тогда же он обрисовал и общие контуры новой системы государственной службы, выделив такие моменты, как набор служащих по результатам экзаменов, четкое определение порядка назначения на должность и смещения с должности, аттестацию, отвод от должности, ротацию кадров [16, с. 52—60].

В истории КПК XIII съезд КПК занимает особое место: на нем были сформулированы представления о магистральном курсе реформы политической системы, обозначены ее потенциальные возможности, предпринята попытка системного подхода к реформированию механизма управления [5, с. 52—53]. В том числе на новую высоту был поднят вопрос о госслужбе. Для управления созданием системы государственной службы на 1-й сессии ВСНП 7-го созыва было принято решение об учреждении Министерства кадров: министерству была поручена вся практическая разработка данной системы. Фактически же практическая работа по созданию данной системы началась еще до создания министерства. Важным моментом стала постановка вопроса о создании специальной законодательной базы. Предполагалось, что все работники партийного и государственного аппаратов будут поделены на 2 категории: 1) партийные административные работники («ганьбу») и 2) профессиональные работники (утверждаются на основе результатов экзаменов). На основе специально

разработанного закона (в будущем) вся деятельность госслужащих должна была подвергнуться регламентации.

Первый вариант такого закона — проект «Временного положения о государственных служащих» — был выработан еще в 1987 г. В 1987 и 1988 гг. на уровне провинций уже существовала практика дополнительного набора служащих по результатам экзаменов в политико-юридические и торгово-промышленные структуры. Только в 1988 г. насчитывалось более 1 млн соискателей. В 1988—1989 гг. он прошел широкое обсуждение в центре и на местах, а затем результаты обсуждения были одобрены постоянными органами Госсовета КНР и Политбюро КПК. В 1989 г. в отдельных подразделениях Госсовета и в некоторых местных органах управления началось внедрение положений системы государственной службы в опытный порядок. По распоряжению Госсовета стали практиковать предусмотренные проектом *методы комплектования* госаппарата. Так, по статистике ряда ведомств, только в 1988 г. более миллиона человек участвовали в экзаменах на штатные должности в правительствах различных ступеней. 1 января 1989 г. Организационный отдел ЦК и Министерство кадров выпустили «Уведомление об использовании экзаменов и проверок при приеме на работу новых сотрудников в государственные административные учреждения». В документе предлагалось использовать данный метод во всех административных учреждениях — от уездного уровня и выше, что позволило начать закрепление практики приема госслужащих на конкурсной основе. Вместе с локальными экспериментами введения системы государственных служащих были предприняты попытки по более широкой практике применения ее отдельных элементов. В основном это касалось зачисления по результатам экзаменов и некоторых упорядочений при подготовке кадров

Отличие реформы 1988—1989 гг. от реформы 1982—1984 гг. состоит в первую очередь в том, что **впервые** была поставлена так и не решенная в предыдущие годы *задача разделения партийных и государственных аппаратов*, освобождение органов государственной власти и управления от влияния партии. Властью были предприняты конкретные меры в данном направлении, в частности, на провинциальном и уездном уровне были сокращены должности секретарей и партийных работников, которые, не являясь членами правительства, участвовали в управленческой деятельности. В большинстве министерств и ведомств Госсовета партийные органы были *упразднены* [14, с. 360—368]. После событий апреля-июня 1989 г. они были *восстановлены*.

Реформы аппарата государственного управления КНР были вызваны к жизни необходимостью тех социально-экономических преобразований, что проходили в КНР в 1980-е годы XX в. Внешне непримечательные они, тем не менее, оказали немалое влияние на весь процесс реформ. Ус-

пешность обновления государственного аппарата управления во многом определяла *успешность всех социально-экономических преобразований* в стране. В 1980-е годы в ходе первых двух административных реформ были сформулированы и выработаны ключевые принципы работы аппарата государственного управления (конкуренция при приеме на работу, установление строгих рамок должностной компетенции, формирование законодательных норм для всех видов административной деятельности и их регламентация). Работа по претворению этих принципов в жизнь продолжилась и в последующие десятилетия реформ.

Прошедший в 1992 г. XIV съезд КПК поставил цель построения *«социалистической рыночной экономики»*. Предполагалось переориентировать деятельность комплексных экономических ведомств с производственного планирования на макроэкономическое регулирование. Предлагалось упразднить некоторые специализированные экономические ведомства, в которых в связи с переходом к новой модели экономики отпала потребность. Предстояла задача отладить отношения между различными подразделениями Госсовета, разграничив сферы их полномочий, провести упорядочение структуры правительства и дальнейшее сокращение количества министерств и ведомств и численности персонала. При сокращении работников следовало строжайшим образом установить численность штатов и персонала во избежание последующего повторного разбухания штатов. Наиболее трудновыполнимой задачей являлась реформа аппарата правительства и сокращение численности работников аппарата, что требовало единого планирования, продуманных организационных решений, координаций действий на всех звеньях административной системы и, разумеется, поэтапного проведения в жизнь принятых решений.

В марте 1993 г. 2-й пленум ЦК КПК 14-го созыва принял «Проект реформы партийных и правительственных аппаратов» [8, с. 104]. 1-ая сессия ВСНП 6-го созыва утвердила план реформы Госсовета. Срок проведения реформы был определен в три года, начиная с реформирования аппарата Госсовета до окончания реформирования органов государственного управления волостно-поселкового уровня. На сессии было особо подчеркнуто, что реформирование аппарата правительства и реформа административной системы отвечают *нуждам социалистической рыночной экономики* и являются *важным условием* для создания новой экономической модели и ускорения развития страны. Задачи реформы системы государственного управления в первую очередь были продиктованы экономическими потребностями, необходимостью дальней трансформации плановой экономической модели.

В ходе административной реформы 1993 г. число министерств, ведомств и учреждений Госсовета было сокращено с 68 до 59. На провинциальном уровне число структурных единиц правительственных аппара-

тов было сокращено в среднем с 76 до 65 (в зависимости от региона), в городах центрального подчинения со 100 до 75. На всех уровнях число чиновников правительственных органов сократилось на 2 млн человек, что составило 23 % от общего штата административных органов [16, с. 45—48]. Органы ЦК КПК и Госсовета, выполнявшие одинаковые функции, были переведены в подчинение канцелярии комиссии ЦК КПК по штатам аппарата. Некоторая часть сокращенных кадров направлялась в госструктуры (налоговые, политико-правовые), которые в этот момент проводили значительное расширение штатов. Следует отметить, что сокращение аппарата не коснулось структур, связанных с идеологией, политикой и безопасностью, что было вызвано событиями 1989 г. — сворачиванием всех запланированных преобразований политической системы и принятием жестких мер по сохранению руководящей роли партии.

После завершения реформирования аппарата Госсовета в 1994 г. последовательно приступили к реформе аппаратов правительств провинций, автономных округов, городов центрального подчинения, городских и уездных правительств. В докладе о работе правительства за 1993 г. предписывалось в процессе проведения местной административной реформы учитывать *уровень экономического развития* каждого конкретного региона, количество населения и занимаемую площадь, предоставлять регионам определенный суверенитет. Государством утверждалась структура органов и количество штатов, количество обязательно создаваемых органов (в каждом регионе) и органов, создаваемых в зависимости от *уровня развития* конкретного региона. Реформа аппаратов местных правительств должна была сопутствовать разделению полномочий различных департаментов и подразделений. Максимально сокращались делегированные органы всех ступеней, объединялись низовые органы местного управления. Уездным правительствам предписывалось действовать в рамках курса «малый аппарат, много услуг», преобразовывать большую часть специализированных экономических ведомств в структуры, занимающиеся экономической деятельностью либо предоставлением услуг [17, с. 51]. Правительствам волостного уровня предписывалось укреплять функции администрации на волостно-поселковом уровне, сокращая при этом количество штатных единиц, непосредственно не занятых административной работой. В процессе проведения реформы системы местного госуправления обращалось внимание на определение конкретных функций, размеры штатов и количество сотрудников аппарата правительства, формирование системы ответственности административных сотрудников и оздоровление всего аппарата в целом. В регионах, которые завершили реформирование, предписывалось внедрять систему государственной службы.

В 1995 г. реформирование на провинциальном уровне было завершено в общих чертах. В первой половине 1996 г. — на уровне уездов, городов, районов. Такой относительно большой временной разрыв объяснялся в первую очередь тем, что значительная часть административных органов находилась как раз на уездном уровне, что и определяло длительность и наибольшую трудность этого этапа реформы.

На основе положительных результатов передачи власти низовым органам происходило последующее упорядочение отношений между центром и регионами. Главной целью было укрепление влияния и авторитета центральной власти, обеспечение баланса общегосударственных и местных интересов в ходе проходящих экономических и административных преобразований.

Как упоминалось выше, создание системы госслужбы было важной составной частью реформы органов госуправления; в рассматриваемый период это главным образом выражалась во внедрении системы гражданской службы, реформы кадровой системы непроизводственных организаций («шире даньвэй») и предприятий, касаясь также ряда важных аспектов кадровой политики (использование кадровых резервов, соцобеспечение кадровых работников и др.).

14 августа 1993 г. премьер Госсовета Ли Пэн подписал «Временное положение о государственных служащих», с 1 октября 1993 г. оно официально вступило в действие. Принятию этого акта предшествовала восьмилетняя подготовительная работа, в том числе эксперименты по внедрению «Положений» в центральном аппарате и на местах. В течение четырех лет действие «Временного положения» было распространено на все ступени государственного аппарата. В этот период Министерство кадров разработало и опубликовало ряд актов, дополняющих и уточняющих «Временное положение». К концу 1997 г. работа по классификации и укомплектованию должностей в административном аппарате в основном была закончена.

Государственные служащие были выделены из общей категории «кадры» («ганьбу»); к кадрам были отнесены только сотрудники, занимающие должности в аппарате управления. Была установлена ранжированная иерархия сотрудников государственных административных органов. Экзаменационная система при наборе на работу государственных служащих распространялась только на замещение *неруководящих должностей*. Система экзаменов не распространялась на должности госслужащих высших и средних рангов. Новая система государственной службы предусматривала регулярные аттестации государственных служащих, чего в прежней системе не было.

Постепенная апробация и поэтапное внедрение отдельных элементов госслужбы свидетельствовало о серьезном, вдумчивом подходе руководства КНР к проблемам модернизации кадровой политики государства.

Реформа органов госуправления 1993—1996 гг. способствовала ликвидации пересечения и дублирования функций ряда министерств и ведомств в структуре Госсовета, позволила сократить штат аппарата правительств различных уровней. Вместе с тем, она не смогла реализовать ряд поставленных задач — не были трансформированы функции правительств, не разделены функции правительства и партии, правительства и предприятий. Наблюдался значительный рост государственных предприятий и компаний, многие из которых были созданы партийными и правительственными ведомствами. Планировалось, что в течение трех лет они будут переведены на самофинансирование. Однако слабость рыночных отношений и сохранение значительного количества элементов планового хозяйствования не позволили реализовать целый ряд прогрессивных экономических инициатив. Попытки правительства сдержать и ограничить разрастание аппарата не удавались во многом по причине того, что полномочия и функции самого правительства оставались неизменными.

На XV съезде КПК в 1997 г. был поставлен вопрос о новом этапе реформы органов госуправления. В качестве конкретных мероприятий было названо: преобразование комплексных экономических министерств и ведомств в органы, осуществляющие макроэкономическое регулирование; упорядочение специализированных комплексных экономических министерств и ведомств и сокращение их численности; укрепление министерств и ведомств, осуществляющих функции надзора за исполнением законов; создание и развитие посреднических организаций (своего рода посредников между правительством и обществом, способных брать на себя проблемы общественных отношений, не входящих в функции правительства, таких как акционерные и фондовые биржи, биржи труда, отраслевые ассоциации предприятий, юридические и бухгалтерские конторы, организации по оценке имущества, контроля за качеством продукции и т. п.).

Главная особенность реформы органов госуправления в 1998—2001 гг. — концепция *изменения функций правительства*. Она была поставлена Дэн Сяопином еще в 1980-х годах, когда он выдвинул идею о передаче партийно-правительственными органами общественным организациям тех своих полномочий и функций, которые им не следует выполнять вообще, либо тех, которые они выполнить не в состоянии или не могут выполнить качественно [16, с. 45—60].

В ходе 1998 г. общее число министерств и госкомитетов Госсовета сократилось с 49 до 29. В структуре министерств число управлений сократилось более чем на 25 %. На данном этапе реформы структурные

подразделения Госсовета не только *перераспределяли* функции между собой, но и *передавали* часть функций местным народным правительствам и образованным из их состава госпредприятиям. В общей сложности учреждения Госсовета передали местным правительствам, а также предприятиям и общественным организациям на местах более 200 своих функций.

Общее число служащих КНР на 1998 г. составляло 36,7 млн человек. Изменения в экономике КНР вызвали резкое увеличение количества служащих в Государственном комитете по экономике и торговле, Государственном комитете по реформе экономической системы и Министерстве труда (ключевые в области экономических преобразований). Компания по сокращению затронула около 4 млн человек по стране; из 515 руководителей 82 органов Госсовета на своих местах осталось лишь 36,1 %; в рамках центрального правительства на новые должности было назначено 48,2 % руководящих кадров. Для попавших под сокращение предусматривались различные программы по переподготовке, при этом основная масса прошедших переподготовку направлялась на новые должности, таким образом, происходило не просто механическое сокращение, но *перераспределение* и последующее *трудоустройство* уже имеющих административный опыт сотрудников. К примеру, большая часть расформированных штатов Министерства кадров (министерство выполнило свою задачу по созданию системы госслужбы и разработке законодательства и было упразднено за ненадобностью) была направлена на переподготовку с последующей работой на госпредприятиях в качестве бухгалтеров и ревизоров (для контроля за соблюдением финансовой дисциплины). Процесс сокращения затронул все госструктуры, при этом следует отметить, что для каждого ведомства квоты выработывались отдельно, в зависимости от текущей степени значимости. В процессе кадровых изменений на должности руководителей ведущих министерств и ведомств назначались люди, которые являлись экспертами в той или иной области, хорошо проявили себя в условиях складывающихся рыночных отношений и сумели поднять на уровень прибыльных экономически слабые предприятия [18, с. 278].

План проведения реформ местного управленческого аппарата был довольно амбициозен: к 2000 г. количество учреждений и численность работающих служащих должна быть сокращена на 50 %. В связи с высокими нормами по сокращению сотрудников было уволено значительное число сотрудников. Напряженность усиливало еще и то, что с 1995 г. в Китае стала повсеместно внедряться система проверки и аттестации государственных служащих, в результате применения которой в 1996—1997 гг. было уволено или понижено в должности 24 тыс. служащих. Все это вызвало широкую волну протеста среди государствен-

ных служащих местного уровня. Чтобы избежать значительного недовольства новыми, более жесткими правилами госслужбы, в 1999 г. был значительно повышен денежный оклад — на 30 %. Данная мера способствовала относительной стабилизации настроений служащих госаппарата, сохранению их лояльности, а также частично помогала бороться с проблемой коррупции.

Большая часть из почти 40 млн государственных служащих КНР была сосредоточена на провинциальном, уездном и городском уровнях системы управления, поэтому с целью снижения социальной напряженности и рационального использования знаний и умений сокращенных сотрудников переобучение и трудоустройство стали важной задачей.

По результатам реформы 1998—2001 гг. стало очевидно, что сравнительно эффективно преобразования удалось провести лишь в некоторых структурах центрального аппарата, где ход реформ было легче контролировать. В целом же намеченные преобразования не удалось реализовать в полном объеме. К числу нерешенных проблем относится неполное разграничение полномочий правительства и предприятий, особенно правительства и непроизводственных организаций («шие даньвэй»). Для успешной реализации намеченных планов по преобразованию системы управления должна была произойти более глубокая адаптация исполнительных структур к условиям рыночной экономики.

На прошедшей в марте 2003 г. 1-й сессии ВСНП 10-го созыва было принято решение об очередной реформе органов государственного управления, которая по традиции началась с реформирования аппарата Госсовета. В стране активно формировался сектор крупной частной собственности, и стало необходимым консолидировать управление всеми государственными активами в рамках одного органа. Для реализации этой задачи был создан Комитет по контролю и управлению государственной собственностью (Комитет по госсобственности). Функции, которые ранее были разделены между 9 ведомствами, отошли к комитету. Государственный комитет планирования развития (бывший Госплан) был преобразован в Государственный комитет по развитию и реформам (ГКРР). В задачи комитета входила *координация* проводимых в различных отраслях реформ с тем, чтобы они максимально содействовали развитию страны, то есть *выработке экономических и производственных планов и осуществлению контроля* на макроуровне, включая разработку стратегии народно-хозяйственного и социального развития, составление долгосрочных и годовых планов, осуществление промышленной и ценовой политики и т. д. Китайское руководство не упразднило Госплан (как поступили в России), а продолжило адаптацию и подстройку к изменениям в экономике страны этой безусловно необходимой и важной структуры. ГКРР по поручению Госсовета должен был докладывать ВСНП о

планах экономического и социального развития, из чего видна важность и значимость этого ведомства, часто именуемого «малым Госсоветом».

В финансовой политике также произошел ряд изменений. Был создан Комитет по контролю и регулированию банковской деятельности. Он получил функции по работе с финансовыми учреждениями, контролю и регулированию деятельности всех видов банков, компаний, управляющих собственностью, трастовых и инвестиционных компаний и иных финансовых учреждений. Комитет должен выявлять противозаконные финансовые операции, включая отмывание денег. При этом Народный банк Китая был освобожден от контрольных функций, его задачи были сфокусированы на определении и проведении монетарной политики, макрорегулировании в финансовой сфере. При этом НБК и комитет должны были работать в тесном взаимодействии. В комитет перешло около 200 человек из контрольных подразделений Народного банка Китая и 120 человек из комиссии по работе с финансовыми учреждениями ЦК КПК. Создано Министерство торговли, в чьи обязанности входило осуществление торговой деятельности на внутреннем и на внешнем рынках. На основе специализированного органа Госсовета, ведавшего безопасностью фармацевтических средств, было создано ведомство с расширенными полномочиями — Государственное управление по контролю за пищевыми продуктами и лекарствами (контроль за качеством продукции и лекарств и борьба с фальсификатами).

Таким образом, проводимая в 2003—2005 гг. очередная реформа органов государственного управления осуществлялась в рамках логики предыдущих реформ, осуществляемых с начала 1980-х годов; ключевой задачей, как и ранее, ставилась адаптация органов госуправления к новым экономическим реалиям, а также содействие углублению и расширению реформы экономической системы.

Одним из ключевых направлений на данном этапе стало изменение функций правительства и усиление роли закона в административной деятельности. С начала 1990-х годов было введено в действие значительное количество законов, которые заполнили значимые прорехи административного законодательства. Как результат произошло дальнейшее упорядочивание управленческой деятельности, должностные обязанности сотрудников получили более четкое определение, регламентированы управленческие процедуры для противодействия коррупции и превышению должностных полномочий. Принятие в 2003 г. «Закона об административном лицензировании» позволило в значительной степени упразднить существовавшие административные барьеры, серьезно мешавшие увеличению деловой активности, что позитивным образом повлияло на развитие экономики и торговли в последующие годы и стало важным прорывом в реформировании местного аппарата управления.

22 марта 2004 г. Госсовет выпустил «Программу по всестороннему продвижению основанной на законе администрации». «Программа» обязывала правительства всех ступеней при осуществлении административной деятельности *опираться на закон*, что наносило еще один удар по давней сложившейся традиции внутриведомственных циркуляров и «телефонного права».

В области госслужбы также произошли немаловажные изменения. «Временное положение о государственных служащих» от 1993 г. было заменено «Законом о государственных служащих» (действует с 2006 г.). Закон имеет существенные отличия от «Временного положения»: он был дополнен партийными установками о теории Дэн Сяопина и «трех представительствах», введено понятие «государственного служащего», которое в «Положениях» фактически отсутствовало; дополнены нормы, обязанности и требования к государственным служащим, внесены дополнительные положения из других законодательных актов, вышедших после публикации «Положений». Таким образом, был систематизирован накопленный за почти два десятилетия с момента начала формирования системы госслужбы опыт, учтены ошибки и недоработки, сведены воедино все лучшие наработки и практики, в том числе иностранные. Вместо публикации сырых и непроработанных законов законодательная система КНР предпочитает долгое *оттачивание* и *доработку* циркуляров и положений (до придания им статуса закона). Такой подход представляется основательным и перспективным.

Значимость публикации закона в том, что он вывел правовые нормы о государственных служащих на законодательный уровень, т. е. на уровень важного нормативного акта, выше которого только конституция КНР. Другие имеющие отношение к системе госслужбы законы и постановления получили правовой базис. Создание корпуса руководящих работников (равно как и прочего управленческого персонала), обладающего высокой профессиональной квалификацией, лояльного КПК, разделяющего идеологические установки партии и в то же время свободного от клановых, местнических и иных влияний, было основной целью создания современной государственной службы КНР. Поэтому в законе особо подчеркивается, что система государственных служащих решительно отстаивает принцип *партийного руководства* кадрами. Здесь уместно вспомнить, что после событий 1989 г. фактор политической лояльности и курс на сохранение КПК как ядра всей политической системы является неизменным.

По мере развития и внедрения электронных технологий во всем мире, для усовершенствования процесса управления, достижения большей эффективности деятельности органов государственного управления, с начала 2000-х годов власти КНР приступили к реализации концепции «электрон-

ного правительства», предусматривающей предоставление государственных услуг в сети. Целью властей было сделать административные процедуры более прозрачными, простыми и понятными для населения. В 2002 г. были разработаны «Правила о раскрытии административной информации» и «Правила об электронной подписи». «Правила о раскрытии административной информации» установили четкие принципы раскрытия информации («раскрывать по умолчанию любую информацию, что не запрещена к раскрытию»), права общественности на доступ к ней, рамки раскрытия информации, порядок ее раскрытия, юридическую ответственность за нарушение «Правил». Оба закона в определенной степени способствовали формированию правового поля в области предоставления сетевых госуслуг. Также в 2000—2005 гг. принят ряд документов для обеспечения открытости управленческой деятельности. 1 января 2006 г. была официально запущена сеть китайского правительства, основная задача которой состояла в создании регулярной, постоянно обновляющейся базы административных данных. Под руководством канцелярии Госсовета все комитеты и министерства, а также все региональные правительства предоставили в данную сеть большой объем административной и делопроизводственной информации. Кроме того, все правительства провинций, городов, автономных округов создали свои, локальные правительственные сети и страницы. В 2006 г. количество правительств всех ступеней, создавших собственные страницы, оценивалось в 85,6 % [19, с. 57]. К концу 2007 — началу 2008 гг. единая государственная система правительственных сайтов была создана в основных чертах; она охватила все регионы и ведомства и доходила до уровня уездных правительств. Создание такого электронного архива значительно ускорило процесс ведения переписки между ведомствами и оформление различного рода административных процедур, что позитивным образом повлияло на углубление экономических реформ [21, с. 73—80].

В ходе реализации концепции «электронного правительства» была применена система автоматизации и регламентации управленческих процессов. Благодаря применению данной системы удалось ощутимо сократить сроки выполнения административных процедур. Эксперимент был изначально локально проведен в гг. Далянь, Ухань, пров. Хэйлунцзян, Шаньси, Хэбэй, впоследствии был масштабирован в пределах всей системы госуправления КНР. Данный механизм в определенной степени помог решить проблему низкой эффективности деятельности административных аппаратов местного уровня, проблемы коррупции, взяточничества, затягивания решения важных вопросов, что служило тормозом в региональном экономическом развитии и привлечении инвестиций [21, с. 80—85].

Таким образом, в ходе реформы 2003—2005 гг. главными тенденциями стали: изменение функций ведомств правительства и их количества, придание им новых полномочий в соответствии с текущими экономическими задачами, совершенствование системы госслужбы. Усилилась законодательная регламентация, была сделана ставка на использование электронных и сетевых технологий для ускорения управленческих процессов, повышения их эффективности и противодействия коррупции. Здесь власти КНР шли вместе с общемировыми тенденциями, наличие собственной технологической базы помогало и упрощало внедрение новых технологических решений.

В 2008 г. в КНР началась очередная административная реформа, инициированная XVII съездом КПК. Главными задачами этой реформы стали: изменение должностных полномочий между ведомствами правительства с целью создания системы больших министерств «дабучжи» (в рамках данной системы каждое министерство решает не столько отраслевую задачу, сколько комплексный ряд вопросов, для чего необходим макроконтроль), усиление энергетического ведомства (энергетика важна для развития экономики всей страны) и ведомства охраны окружающей среды (усугубление экологических проблем как следствие ускоренного развития промышленности). Планировалось завершение информатизации госуслуг (продолжена линия на создание системы электронного правительства), дальнейшее повышение роли ведомств, занятых социальным регулированием и предоставлением социальных услуг (что было связано с возросшими финансовыми возможностями государства с одной стороны и необходимостью сбалансированной политики в силу увеличения социальной дифференциации с другой). Одним из главных направлений в ходе текущей реформы аппарата госуправления была признана социальная составляющая; кроме того, усилено внимание к вопросам окружающей среды, энергетики. После завершения реформы в составе Госсовета осталось 27 ведомств (за исключением канцелярии Госсовета). Была поставлена задача по мере рыночной трансформации ухода правительства от микрорегулирования для сосредоточения на решении глобальных, макроэкономических проблем.

Реформа аппарата Госсовета 2013 г. была направлена на дальнейшее совершенствование системы «больших министерств». К 2013 г. внимание Госсовета было сосредоточено не только на дублировании ведомственных функций, разрозненных полномочиях министерств и ведомств и повышении эффективности их работы, но и в более широком аспекте — на оптимизации новой структуры правительства, возникшей в ходе прошлой реформы («дабучжи»). С целью улучшения инвестиционного климата планировалось уменьшить влияние правительства на экономику, упразднить ряд административных процедур, направленных на согласование и

одобрение инвестиционных вопросов, часть таких процедур передать на уровень местных правительств для более эффективного, в конечном счете, более быстрого решения такого рода дел. Для стимулирования производственной и торговой деятельности предполагалось уменьшение количества необходимых разрешений и децентрализация системы их выдачи; упрощение регистрации торгово-промышленных предприятий и общественных организаций, снижение их финансового бремени, усиление и улучшение системы макроконтроля в экономике, дальнейшее продвижение основанной на законе системы государственного управления. Важными вопросами также стали: преобразование Министерства железных дорог в госкомпанию с передачей соответствующих административных полномочий в Министерство транспорта (по мере развития железнодорожной сети, в частности ВСМ, ведомственное управление стало неэффективно); усиление внимания к проблемам здравоохранения и рождаемости (старение населения, значительное снижение рождаемости, особенно в городских семьях), к организации контроля за продуктами питания и лекарствами (отчасти сопряжено с предыдущим пунктом, а также необходимостью усиления контроля при большом количестве фасильфикатов), управление энергетикой (создание единой энергосети по технологии Smart Grid для оптимизации расхода энергии в промышленности и народном хозяйстве, повышению конкурентоспособности китайской продукции). Упразднена Государственная комиссия по регулированию электроэнергетики, ее функции переданы вновь сформированному Государственному управлению по делам энергетики, который стал *подчиненным ГКРР напрямую*. В рамках этой реформы количество ведомств Госсовета министерского уровня уменьшилось на 4 единицы, количество ведомств после реформы составило 25, не считая канцелярии Госсовета.

В марте 2018 г. на 1-м заседании ВСНП 13-го созыва премьер-министр Ли Кэцян представил новый проект реформы аппарата Госсовета. После реформы количество ведомств Госсовета министерского уровня было сокращено на 8 (вместо них созданы новые), количество других ведомств сократилось на 7; общее количество министерств и ведомств составило 26 (за исключением канцелярии Госсовета). Произошла дальнейшая оптимизация банковской сферы (создан Комитет по регулированию банковской и страховой деятельности); образован Государственный комитет по контролю (антикоррупционная борьба, действует совместно с центральной комиссией ЦК по проверке дисциплины). Изменена система взимания региональных и государственных налогов, а именно: произошло их слияние, в результате чего за налоговыми поступлениями и расходами осуществляется *двойной контроль* со стороны Главного государственного налогового управления и местных (провинциальных, городских) народных правительств. В рамках дальнейшего совершенствования сис-

темы «больших министерств» произошла оптимизация ряда сфер управления (ряд отделов и департаментов был передан из одних ведомств в другие, к примеру, функции по контролю и надзору за рыболовецкими судами были переданы из Министерства сельского хозяйства в Министерство транспорта). Минсельхоз был преобразован в Министерство сельского хозяйства и деревень, что свидетельствует о понимании важности контроля за процессами в сельской местности по мере продвижении Китая по пути урбанизации. Впрочем, здесь важнее социальный фактор: в течение нескольких десятилетий деревня воспринималась главным образом как источник дешевых трудовых ресурсов. В рамках реализации программы борьбы с бедностью («топинь гунцзяньчжань»), о которой было заявлено на 5-й пленуме ЦК КПК 18-го созыва в октябре 2015 г., социальному развитию деревни стали придавать важное значение. Среди целей программы также упомянуто предоставление возможностей трудоустройства и заработка недалеко от места жительства. Об успешном достижении целей этой программы (была рассчитана на 5 лет) Си Цзиньпин заявил в феврале 2021 г., что согласно программе экономического строительства означает полное исчезновение абсолютной нищеты и вхождение всего китайского общества в «общество средней зажиточности». Само преобразование министерства должно было придать больший вес вопросам деревни в социальной политике государства в ходе реализации программы. Министерства культуры и туризма были объединены, видимо, с целью достижения более высоких экономических показателей в обеих сферах. Появилось Министерство по чрезвычайным ситуациям, ранее в структуре правительства его функции были распределены между Министерством общественной безопасности (МОБ) и целым рядом других ведомств. Учитывая огромную территорию Китая, немалое количество ежегодных стихийных бедствий и крупные техногенные катастрофы последнего периода, остается только удивляться, почему такое министерство не было создано ранее, ведь у китайского руководства была возможность оценить эффективность действий как российского МЧС, равно как и других аналогичных зарубежных ведомств.

В целях содействия реализации внешнеполитических проектов КНР (таких как ОПОП) было образовано Агентство по сотрудничеству в области международного развития, которое получило ряд функций от Министерства торговли и МИД и статус органа *непосредственного подчинения* Госсовету, что свидетельствует о крайней важности, придаваемой этому органу со стороны руководства страны.

В ходе последней реформы Госсовета КНР с 2018 г. следует отметить усиление социальной направленности преобразований.

В ходе реформирования аппарата управления КНР в 1982—2021 гг. было поставлено несколько ключевых, требующих решения задач: изме-

нение отношений между правительством и госпредприятиями (наследие плановой экономики), между государством и общественными организациями (неразвитость гражданского общества), между властью и бизнесом (традиционное для китайской культуры недоверие и пренебрежение к торговцам и предпринимателям). Нельзя сказать, что эти задачи уже решены в полной мере, но их *осознание, формулирование и поэтапная реализация* значат далеко немало.

В первичный период реформ госуправления многие зарубежные ученые полагали, что так называемая «структурная реформа аппарата правительства» решит *только* проблемы государственных учреждений КНР того времени, такие как раздутость штатов учреждений и низкую эффективность работы кадров, но при этом она *не сможет* решить каких-либо серьезных системных проблем. Уже давно очевидно, что это не так. Статус и роль реформ системы государственного управления КНР в ходе проведения политики реформ и открытости весьма значительны. В первую очередь это стратегическая значимость в содействии и ускорении реформы экономической системы Китая. Вопреки представлениям, что все преобразования правительства не выходят за рамки «министерской чехарды», следует без малейшего преувеличения отметить, что без разработки концепции полномасштабных преобразований системы госуправления, создания системы госслужбы, оформления соответствующей законодательной базы экономические реформы в Китае далеко *не были бы столь успешными*.

Реформы аппарата госуправления имеют еще и то преимущество, что они носят системный характер, проводятся регулярно, привязаны как к глобальным задачам экономического развития страны, так и среднесрочным планам развития («пятилетки»). Экспериментальные решения, находки, зарубежные практики внедряются не сразу, а лишь после долгой апробации и укоренения их в соответствии с китайскими условиями. Кроме того, наличие такого института, как КПК помогает «продавливать» многие непопулярные решения и добиваться их выполнения. Китайский опыт копировать (как призывают определенные силы и персоналии) бессмысленно, но его необходимо изучать и заимствовать лучшие практики, как поступает само китайское руководство, проводя свои реформы. Взвешенно, обдуманно, с заделом на перспективу.

Библиографический список

1. *Фань Сяочунь*. Чжунго да синчжэнцзюй 1949—1954 нянь : [Большие административные районы КНР: 1949—1954 гг.]. Шанхай: «Дунфан чубаньшэ чжунсинь», 2011. 383 с.

2. История государства и права зарубежных стран: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под общ. ред. д.ю.н., проф. О.А. Жидкова и д.ю.н., проф. Н.А. Крашениниковой Ч. 2. М.: Издательство НОРМА, 1999. 703 с.
3. История Китая / под ред. А.В. Меликсетова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ; Изд-во «Оникс 21 век», 2004. 736 с.
4. *Гудошников Л.М.* Местные органы государственной власти и государственного управления Китайской народной республики М.: Издательство Академии Наук СССР, 1958. 187 с.
5. *Мамаева Н.Л.* Партия и власть: Компартия Китая и проблемы реформы политической системы. М.: Русская Панорама, 2007. 232 с.
6. *Гудошников Л.М.* Высшие органы государственной власти и государственного управления Китайской народной республики М.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. 109 с.
7. Основные нормативные акты о местных органах государственной власти и государственного управления Китайской народной республикой: Сборник документов. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. 504 с.
8. Тао Сюэжун, Тао Жуй. Чжунго синчжэн тичжи гайгэ яньцзю : [Исследование реформы административной системы Китая]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2006. 171 с.
9. Чжунго жэньши чжиду гайгэ саньши нянь : [30 лет реформы кадровой системы Китая] / под. ред. Сюй Сунтао, Сунь Цзяньли. Пекин: Чжунго жэньши чубаньшэ, 2009. 410 с.
10. *Гельбрас В.Г.* Социально-политическая структура КНР в 50-е—60-е годы. М.: Наука, 1980. 264 с.
11. *Дэн Сяопин.* Об изменениях в Уставе партии (16 сентября 1956 года) // Избранное. В 3-х тт. Т. I (1938—1965). Пекин, 1995. 497 с.
12. *Егоров К.А.* Государственный аппарат КНР 1967—1981. М.: Издательство «Наука», 1982. 189 с.
13. *Дэн Сяопин* Вэньсюань : [Избранные произведения Дэн Сяопина]. Пекин: Издательство «Жэньминь чубаньшэ», Т. II, 1995. 446 с.
14. Дандай Чжунго дэ жэньши гуанли : [Управление кадрами в современном Китае]. В 2 тт. / Гл. ред. Дэн Лицзюнь и др. Пекин: «Дандай Чжунго чубаньшэ», 1994. 450 с.
15. *Гудошников Л.М., Кокарев К.А.* Реформа государственного аппарата // Китай на пути модернизации и реформ: 1949—1999. М.: Восточная литература, 1999. 735 с.
16. *Гудошников, Л.М., Еришов А.В.* Реформирование системы государственного управления / Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура: к 60-летию КНР. М.: Форум, 2009. 592 с.
17. *Ван Юйкай* и др. Чжунго синчжэн тичжи гайгэ саньши нянь хуэйгу юй чжаньван : [Обзор тридцати лет реформы административной системы в Китае и взгляд в будущее]. Пекин: Издательство «Жэньминь чубаньшэ», 2008. 350 с.

18. *Кокарев К.А.* Политический режим и модернизация Китая. М.: ИДВ РАН, 2004. 319 с.

19. Чжэнфу гуаньли юй фуу фанши чуансинь : [Правительственное управление и новшества в сфере оказания услуг]. Пекин, 2008. 247 с.

20. *Ин Суннянь, Чжу Вэйцзю.* Синчжэн фасюэ цзунлунь : [Введение в административное право]. Пекин: Гунжэнь чубаньшэ, 1985. 285 с.

21. *Ершов А.В.* Процесс реформирования госаппарата КНР: использование новых технологий // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6.

22. *Ершов А.В.* История формирования системы органов государственного управления КНР в период 1949–1957 гг. // Проблемы Новой и Новейшей истории Китая. Сб. статей / отв. ред. Д.А. Смирнов. М.: ИДВ РАН, 2018. 360 с.

23. *Ершов А.В.* Трансформация системы органов государственного управления КНР в период 1958—1965 гг. // Исторические события в жизни Китая и современность. Материалы V Всероссийской научной конференции. Москва, 30—31 октября 2019 года. М.: ИДВ РАН, 2019. 352 с.

References

1. Fan Xiaochun. Zhongguo Da Xingzheng qu 1949—1954 nian [Large administrative regions of the PRC: 1949—1954], Shanghai: Oriental Publishing Center, 2011. 383 p.

2. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran: uchebnik dlya studentov yuridicheskikh vuzov i fakul'tetov [History of state and law of foreign countries: a textbook for students of law schools and faculties] / Ch. ed. prof. O.A. Zhidkova, prof. N.A. Krashennikova. P. 2. Moscow: Norma Publishing House, 1999. 703 p.

3. Istoriya Kitaya [History of China] / Ch. ed. A.V. Meliksetov. Moscow: Onyx 21st Century Publishing House, 2004. 736 p.

4. Gudoshnikov L.M. Mestnyye organy gosudarstvennoy vlasti i gosudarstvennogo upravleniya Kitayskoy narodnoy respubliki [People's Republic of China local government bodies and public administration] Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1958. 187 p.

5. Mamayeva N.L. Partiya i vlast': Kompartiya Kitaya i problemy reformy politicheskoy sistemy [Party and power: the Chinese Communist Party and the problems of the political system reform]. Moscow: Russian Panorama, 2007. 232 p.

6. Gudoshnikov L.M. Vysshiye organy gosudarstvennoy vlasti i gosudarstvennogo upravleniya Kitayskoy narodnoy respubliki [The supreme bodies of the state power and public administration of the People's Republic of China]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1960. 109 p.

7. Osnovnyye normativnyye akty o mestnykh organakh gosudarstvennoy vlasti i gosudarstvennogo upravleniya Kitayskoy narodnoy respublikoy: Sbornik dokumentov [The basic regulations on local government bodies and public administration of the

People's Republic of China: Collection of documents.]. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1959. 504 p.

8. Tao Xuerong, Tao Rui. Zhongguo xingzheng tizhi gaige yanjiu [The research of the Chinese administrative system reform]. Beijing: People's Publishing House, 2006. 171 p.

9. Zhongguo zhengzhi renshi zhidu gaige sanshi nian [30 years of the Chinese personnel system reform] / Under. ed. Xu Songtao, Sun Jianli. Beijing: China Personnel Publishing House, 2009. 410 p.

10. Gel'bras V. G. Sotsial'no-politicheskaya struktura KNR v 50-ye—60—ye gody [Social and political structure of the PRC in the 1950s-60s]. Moscow: «Nauka» publishing house, 1980. 264 p.

11. Deng Xiaoping. Ob izmeneniyakh v Ustave partii (16 sentyabrya 1956 goda) [On changes in the Party Charter (September 16, 1956) // Selected works. In 3 vols. Vol. 1 (1938—1965). Beijing, 1995. 497 p.

12. Yegorov K.A. Gosudarstvennyy apparat KNR 1967—1981 [The State apparatus of the PRC 1967—1981]. Moscow: «Nauka» publishing house, 1982. 189 p.

13. Deng Xiaoping Wenxuan [Selected Works of Deng Xiaoping]. Beijing: “The People's Publishing House”, Vol. 2, 1995. 446 p.

14. Dangdai Zhongguo renshi guanli [Human resources management in contemporary China]. In 2 vols. / Ch. ed. Deng Lijun et al. Beijing: “Contemporary China Publishing House”, 1994. 450 p.

15. Gudoshnikov L.M., Kokarev K.A. Reforma gosudarstvennogo apparata // Kitay na puti modernizatsii i reform: 1949—1999. [Reform of the state apparatus // China on the path of modernization and reforms: 1949—1999]. Moscow: “Vostochnaya literatura” publishing house, 1999. 735 p.

16. Gudoshnikov, L.M., Yershov A.V. Reformirovaniye sistemy gosudarstvennogo upravleniya / Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura: k 60-letiyu KNR [Reforming of the system of public administration / People's Republic of China: politics, economics, culture: to the 60th anniversary of the PRC]. Moscow: “Forum” publishing house, 2009. 592 p.

17. Wang Yukai. Zhongguo xingzheng tizhi gaige sanshi nian huigu yu zhanwang [Chinese administrative system: review of thirty years reform and look into the future]. Beijing, “The People's Publishing House”, 2008. 350 p.

18. Kokarev K.A. Politicheskiy rezhim i modernizatsiya Kitaya [Political regime and modernization of China]. Moscow: “IFES RAS Publishing House”, 2004. 319 p.

19. Zhengfu guanli yu fuwu fangshi chuangxin [Government administration and service innovation]. Beijing, 2008. 247 p.

20. Ying Songnian, Zhu Weiju. Xingzheng Faxue Zonglun [Introduction to Administrative Law]. Beijing: “Workers Publishing House”, 1985. 285 p.

21. Yershov A.V. Protsess reformirovaniya gosapparata KNR: ispol'zovaniye novykh tekhnologiy [Reform process of the PRC's state apparatus: new technologies application] // Problems of the Far East. 2009. No. 6.

22. Yershov A. V. Istoriya formirovaniya sistemy organov gosudarstvennogo upravleniya KNR v period 1949–1957 gg. [The history of formation of the PRC government bodies system in 1949—1957] // Problems of New and Contemporary History of China. Sat. articles / Ex. ed. D.A. Smirnov. — Moscow: “IFES RAS” Publishing House, 2018. 360 p.

23. Yershov. A.V. Transformatsiya sistemy organov gosudarstvennogo upravleniya KNR v period 1958—1965 gg. [The PRC public administration system transformation in 1958—1965] // The historical events in the life of China and modernity]. Materials of the V All-Russian Scientific Conference. Moscow, “IFES RAS” Publishing House, October 30—31, 2019. 352 p.

Д.А. Смирнов, Е.Н. Степанова

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ТАЙВАНЯ И БОЛЬШОГО КИТАЯ

Аннотация. В статье рассматривается политический аспект экологической проблемы модернизации экономики обоих берегов Тайваньского пролива под углом зрения реагирования отдельных партий и их представителей на экологические риски, возможности объединения усилий основных социально-политических сил Тайваня в вопросах защиты окружающей среды, а также взаимоотношений протестных общественных движений по охране окружающей среды с политическими партиями острова и их возможной трансформации.

Показаны особенности работы властей и корпораций Тайваня с населением, проживающим на территориях строительства крупных предприятий. Раскрывается механизм административного управления и регулирования экологической сферы. Выявляются наиболее острые экологические проблемы, которые создают атомные электростанции и нефтехимические производства на Тайване, влияние этих проблем на содержание, ход и активность экозащитного движения и, соответственно, использование его в своих интересах заинтересованными политическими силами. Затронут вопрос и подписания в 2010 г. «Рамочного Соглашения об экономическом сотрудничестве» с материковым Китаем (ЕСФА), когда Тайваню пришлось оценить всю полноту последствий «перемещения рисков» модернизации по обе стороны Тайваньского пролива.

Со стороны материкового Китая анализировались особенности экопротестов в специфичных для КНР условиях противоречий «рыночного социализма», обусловленных применением частного капитала в промышленной модернизации в сочетании с командно-авторитарным способом государственного управления. Рассматриваются условия работы на предприятиях ряда тайваньских корпораций на территории материкового Китая. Прослеживается определенное сходство в действиях местных властей материкового

Китая и Тайваня и в реагировании на экологические протесты и, вместе с тем, принципиальное различие в общеполитических условиях между ними, диктующее каждой стороне Тайваньского пролива свои особенности стратегии и тактики проведения экологической политики. На Тайване — во многом под влиянием текущего расклада политических сил, в материковом Китае — выполнения заданий текущих пятилетних планов социально-экономического развития в рамках реализации принятой правящей Коммунистической партией Китая программы развития страны на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: Тайвань, материковый Китай, экологические проблемы, защита окружающей среды, эко-активизм, Гоминьдан, ДПП, Данвай, КПК, экологическая цивилизация.

Авторы: Смирнов Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (Москва).

E-mail: smirnov_da@inbox.ru

Степанова Елена Николаевна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (Москва).

E-mail: helenstepanova@bk.ru

D.A. Smirnov, E.N. Stepanova

POLITICAL ASPECT OF ECOLOGICAL PROBLEM OF MODERNIZATION IN TAIWAN AND GREATER CHINA

Abstract. In the article, there is considered the political aspect of the ecological problem of the economic modernization of the two sides of the Taiwan Strait from the point of each separate party and its representatives' reaction to ecological risks, from the point of the possibility of the efforts consolidation of Taiwan main socio-political forces in the environmental protection questions and the relationship of eco-protest movements with the island political parties and the possibility of these relations transformation.

In the article, there are shown the peculiarities of Taiwan authorities and corporations' work with the population living on the territory of large enterprises construction. The mechanism of the administrative management and regulation in the ecological sphere is revealed. There are also elicited the sharpest ecological problems created by nuclear stations and naphtha crackers in Taiwan, these problems influence on the contents, progress and intensity of the eco activism and the use of it by interested in it certain political forces accordingly. The problem of signing of the Economic Cooperation Framework Agreement with Continental China (ECFA) in 2010 is raised when Taiwan had to appraise in full the modernization "risk shifting" on both sides of the Taiwan Strait.

As for Continental China, there is analyzed the eco-protests peculiarities in the specific for the PRC conditions of the "market socialism" contradictions stipulated by the private capital use in the industrial modernization in combination with the command-authoritarian model of the state management. Besides, there

are considered the working conditions at the plants of some Taiwan corporations on Continental China's territory. And there is traced some definite similarity of local authorities' actions as a reaction to ecological protests in both Continental China and Taiwan as well as the principal difference between them in political conditions dictating to each side of the Taiwan Strait own peculiarities of the strategy and tactics in the ecological policy conducting. In Taiwan this policy is mostly under the influence of the current balance of political power, in Continental China it is determined by the tasks fulfillment of the current 5-year plans of the social-economic development in the frames of realization of the adopted by the ruling CCP's program of the country development for a long-term perspective.

Keywords: Taiwan, Continental China, ecological problems, environmental protection, Guomindang, the DPP, Dangwai, the CCP, ecological civilization.

Authors: Dmitry A. SMIRNOV, PhD (Hist), Leading Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow). E-mail: smirnov_da@inbox.ru;

Elena N. STEPANOVA, PhD (Political Science), Leading Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow). E-mail: helenstepanova@bk.ru

Начиная с середины 1960-х годов вплоть до 1980-х годов в эпоху индустриализации, Тайвань (как и Япония, и Южная Корея) подвергся массивному промышленному загрязнению в результате ускоренного развития сталелитейной, бумажной, нефтехимической промышленности, добычи и производства асбеста, цемента и др. Различные последствия этого загрязнения (и проводившейся Гоминьданом политики «выжженной земли»¹), усугубляющиеся высокой плотностью населения на острове, а также (позже) последствия работы предприятий ядерной энергетики и электронной промышленности Тайвань испытывает до сих пор. Все это сказывается на состоянии экономики острова (и прилегающих островов, находящихся под юрисдикцией Тайваня), окружающей среды (и морской акватории), проявляется в социальной жизни и в политике в области общественного здравоохранения острова, на региональном и местном уровнях, а также на отношениях между двумя берегами Тайваньского пролива.

Согласно зарубежным исследованиям, до середины 1980-х годов население Тайваня либо не имело достаточной информации об уровнях разного рода загрязнений (в том числе от работы одной из ключевых для

---

¹ «Politique de brulis» (перевод термина с французского Степановой Е.Н.). Имеется в виду политика администрации Гоминьдана, не планировавшей долговременного пребывания на Тайване, поэтому допускавшей незаконное строительство, безнаказанное использование земель для устройства свалок бытовых и промышленных отходов в горах и вдоль рек и т.д. [1, p. 51].

ускоренной индустриализации нефтехимической отрасли²), либо предпочитало не протестовать во избежание политических репрессий со стороны гоминьдановской администрации острова, хотя сама же правившая партия использовала метод «кнута и пряника». С одной стороны, из образованного из прибыли фонда в 1,5 млрд н. т. д. (1990 г.) выплачивались компенсации населению (которые также могли предоставляться в виде бытового газа, бесплатных школьных обедов, проведения регулярных медицинских осмотров населения, проживавшего в непосредственной близости от предприятий, от источников промышленного загрязнения и т. д.³) с обещанием последующего перемещения того или иного пред-

---

² Корпорация China Petroleum, например, строила свои производственные мощности, начиная с 1968 по 1984 г., согласно принятым в 1970-е годы «Десяти основным планам развития». Среди других основных (включая построенные Formosa Plastic's Group) в 1975 г. корпорация China Petroleum построила и ввела в эксплуатацию предприятия отрасли в Хучинь (Houchin) и Линьюань (Linyuan), расположенные в городе и уезде Гаосюн. Во время политической трансформации на Тайване результаты загрязнения от нефтехимической промышленности вызвали на острове волны социальных протестов в 1987—1999 гг., 2000—2007 гг. и в 2008—2011 гг. Один из самых мощных протестов в районе Хучинь 1987 г. против загрязнения воздуха и грунтовых вод, поддержанный политиками ДПП, продолжался более трех лет [2, р. 6—8].

³ Забота о здоровье населения, по словам резидентов уезда Юньлинь (Taishi, Mailiao, где в 2016 г. проживало около 45 тыс. человек), осуществляется Formosa Plastic's Group в виде проведения регулярных медицинских осмотров и выплаты ежегодной компенсации в размере 7200 н. т. д. Строительство этого нефтехимического комплекса было одобрено в 1986 г., в 1998 г. комплекс формально начал свою работу, предположительно создав 30 тыс. рабочих мест, иногда на фабриках комплекса была занята половина членов некоторых больших семей. Налоги от деятельности предприятия целиком перечисляются в бюджет правительства острова. В 2018 г. более 60 фабрик занимали территорию 8 км с севера на юг и 4 км с запада на восток прибрежной акватории Тайваня. Сельское хозяйство уезда Юньлинь постепенно было переориентировано на рыбное производство. Уезды Чжанхуа и Юньлинь также являются первыми поставщиками яиц (80 %) и моллюсков (40 %) от всей произведенной данного рода продукции на Тайване, а также рыбы, свиного мяса и птицы. После начала работы предприятия через 3—5 лет начали быстро гибнуть моллюски и сокращаться местный морской промысел, затем стало стремительно сокращаться население. В основном молодые люди или пожилые с внуками покидают дома, вынужденные искать более экологически благоприятного пристанища в Тайчжуне. Те, кому некуда идти, остаются и скоростно умирают от рака горла, легких (периодически каждые 2—3 дня, особенно по ночам, ощущается химический запах от выбросов с предприятий комплекса), печени, груди, теряют зрение, констатируются случаи суицидов. Представители местных властей различного уровня из-за бюрократической неразберихи не берут на себя ответственность и не помогают местному населению, терпящему экологическое бедствие. С другой стороны, в случае закрытия предприятия, местное население остается без дохода, надежды, при том, что благополучие их семей и сохранение традиций предков остается высшим приоритетом, более значимым, по их

приятия в другое место через 25 лет. С другой стороны, Гомиьндан мобилизовал тогда силы безопасности для подавления эко-протестной активности населения и слежки за ее инициаторами.

Таким образом, «промышленные риски» явились причиной социальных конфликтов на почве возникших в 1980-х годах экологических проблем, достигших своей кульминации в начале 1990-х годов. Осознание этих «рисков» отчасти явилось причиной популярности движения Данвай⁴ у множества групп общественных активистов в конце 1970-х годов [4, p. 51], в результате чего возникло более 150 различных общественных организаций⁵, образованных профессионалами из среднего класса, занимавшихся вопросами экологии и охраны окружающей среды Тайваня.

словом, чем безопасная природная среда. Даже оставшимся 400 жителям, проживающим в уезде Чжанхуа (Taishi, Dacheng), отделенным от комплекса Formosa Plastic Group's с юга рекой Чжошуй, где самый высокий уровень заболеваемости раком, представляется по-прежнему необходимым делать традиционные жертвоприношения в виде мяса животных и рисовых пампушек ежегодно 15 июля еще со времен японского присутствия на острове, когда местность пострадала от сильного наводнения в 1920 г. См.: Online Film Screening: "The Scenery Through the Smog 風從哪裡來" & Director Shih Ho Feng 施合峰 Director's Q&A (London University, SOAS, 15—17 February 2021).

⁴ Данвай (Dangwai [黨外]) — «партия аутсайдеров», действовала в конце 1970-х — начале 1980-х годов на Тайване. Большинство политиков Данвай, традиционно клановой организации (из поколения детей, явившихся свидетелями трагедии Инцидента 228 в 1947 г.), состоящей из политиков и интеллектуалов, многие из которых подверглись репрессиям за выступления против властей. При этом политики Данвай не касались социальных вопросов, выступали за свободу слова, демократию, за возможность тайваньцев выражать собственные интересы, были готовы идти в тюрьму за будущее Тайваня, пользовались поддержкой католической организации Maryknoll. В конце 1978 г. политики Данвай тайно готовили заявление («national affairs statement») с требованием отмены военного положения на острове и права на определение собственного демократического пути. В 1979 г. делались даже попытки объединить усилия Данвай с усилиями либералов в ГМД с целью вступления Тайваня в ООН под именем «Тайвань». В 1979 г. на базе Данвай образовалась фракция ДПП «Новая волна». Одним из «политических тяжеловесов» Данвай (и ДПП) является Чэнь Цзюй, бывшая мэр г. Гаосюна, первая председатель Государственной Комиссии по правам человека, в настоящее время президент Контрольного Юаня (2020 г.) [3, p. 304—306, 324—326, 336, 346—348, 386].

⁵ Green Citizen's Action Alliance [綠色公民行動聯盟], Taiwan Environmental Protection Union/TEPU [台灣環境保護聯盟] (самая влиятельная на Тайване НПО по защите окружающей среды, была основана в 1987 г.), "All-Country Anti-Nuclear Movement Platform"[全國廢核行動平], Citizens of the Earth, Taiwan [地球公民基金會] (первая тайваньская организация, занимающаяся «экологической справедливостью») и др. См.: Brian Hioe.11/05/2014#2 English environmental interviews November 2014 social movements. URL: <https://newbloommag.net/2014/11/05/profile-green-citizens-action-allian-ce/> (дата обращения 29.11.2020).

При этом значимой для движений за чистоту окружающей среды была общественная мобилизация без лидерства политиков, хотя из активистов таких протестов затем вырастали известные политики, такие как Чэнь Дин-нань, например⁶.

Осенью 1987 г. было учреждена Тайваньская администрация по защите окружающей среды (Taiwan's Environmental Protection Administration) [行政院環境保護署]⁷. 600 инспекторов были привлечены для осуществления контроля над промышленным загрязнением, качеством воздуха, воды и для наблюдения за производством химических продуктов [5, p. 50—51].

Эволюция эко-активизма наблюдалась в период с 1987 г. по 2011 г. После 1987 г. изменилось восприятие населением достижений в области нефтехимической промышленности. Благодаря деятельности Чэнь Дин-наня опыт Илани как привлекательная альтернатива (с развитием культуры и туризма) тяжелым последствиям индустриализации, стал политическим активом ДПП. Поддержка ДПП протестных движений за чистоту окружающей среды позволяла получать дополнительные проценты голодов даже в про-гоминьдановских уездах (например, в Таюане в период 1987—1989 гг.).

Социально-экономическая отсталость части уездов облегчала налаживание там работы предприятий нефтехимии, представителям обеих основных партий на местном уровне удавалось убедить население этих

---

⁶ Например, Чэнь Дин-нань [陳定南] (David Chen), (1943—2006), уроженец уезда Илань, на Тайване считался лидером движения против использования ядерной энергии, борец против коррупции, смог добиться отмены плана строительства нефтеперерабатывающего предприятия Formosa Plastic's Group в Вуцзе (Wuchieh) в северной части уезда Илань. В Илане Чэнь Дин-нань начинал политическую карьеру, затем успешно избирался в Законодательный Юань. Вступил в ДПП, с 2000 по 2005 г. был министром юстиции в правительстве Чэнь Шуйбяня. По версии СМИ, Чэнь Дин-нань относился к фракции «Новой Волны» («Нового Прилива») ДПП (и к «иланьской банде»), к которой относили и нынешнюю влиятельную женщину-политика Чэнь Цзюй, также родом из уезда Илань. После смерти Чэнь Дин-наня был основан Образовательный фонд Чэнь Дин-наня [陳定南教育基金會] и открыт в его честь мемориальный парк «Chen Ding-nan Memorial Hall» [陳定南紀念館] в г.Саньсин (уезд Илань).

⁷ В 1971—1982 г. действовал так называемый Отдел экологического здоровья (Department of Environmental Health), занимавшийся вопросами чистоты земельных и водных ресурсов. В 1982—1987 гг. уже Бюро по защите окружающей среды осуществляло экологический контроль транспорта, контролировало чистоту воздуха, воды, утилизацию отходов, оценивало риски для здоровья населения. С 1987 г. и до сегодняшнего дня Администрация по защите окружающей среды осуществляет политику в отношении окружающей среды, определяя правила, стандарты и контролируя их применение, а также контролируя обращение с токсическими веществами, проводя экологическую санитарную, мониторинг и инспекцию.

районов в возможности дальнейшего развития и процветания Тайваня посредством развития нефтехимических предприятий. При этом лидеры Гоминьдана обычно оказывали поддержку нефтехимической отрасли, поскольку политические связи ГМД с бизнесом позволяли последнему получать доступ к банковским займам для инвестирования в корпорации, продвигая непопулярные у населения проекты, такие как проекты Formosa Plastic's Group. Сами корпорации испытывали финансовые трудности, если Гоминьдан лишался политического влияния, таким образом, состояние отрасли во многом определялось политической состоятельностью на тот момент партии ГМД. После прихода к власти ДПП и в период президентства Чэнь Шуйбяня сама партия стала осознавать (2005 г.) важность этой отрасли и ее вклада в экономическое развитие острова⁸ при этом отмечалась метаморфозность политики ДПП (случай Ян Цю-синя⁹).

---

⁸ Хотя, судя по значительным объемам привлеченных (некитайских) иностранных инвестиций в период президентства Чэнь Шуйбяня (в общем в два раза и более, по сравнению с таким же периодом президентства Ма Инцзю и теперь Цай Инвэнь), приоритетной для того времени являлись тайваньская производственная сфера — станкостроение, производство химических материалов, электронных запасных частей и компонентов и т.д. При этом, отток капитала по сравнению с вложениями, например, в производство (в период президентства Чэнь Шуйбяня) составлял лишь четвертую часть. При Ма Инцзю было примерно поровну. Во время президентства Цай Инвэнь (в 2016—2017 гг.) отток в сфере производства превышает приток иностранных инвестиций почти в два раза, видимо, в связи с объявленной «Новой политикой поворота на Юг» (при этом, по заявлению премьера Тайваня Су Чжэнчана (Su Tseng-chang, 蘇貞昌), доля материкового Китая в размещении тайваньских инвестиций за пределами острова упала с 84 % в 2010 г. до 33 % в 2020 г. См.: Taiwanese investment in China plunges to new low. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/4178053>, дата обращения: 16.04.2021). Отток ресурсов Тайваня из Китая, например, в страны ЮВА превышает приток, что свидетельствует о перераспределении ресурсов в расчете на то, что в перспективе «парадоксально приток превысит отток»). Кроме этого, предпочтительными для оттока представляются (в порядке убывания цифр): производство электронных запасных частей и компонентов (как представляется, целевыми странами в этой сфере были и будут США, Мексика, Бразилия, Индия, Вьетнам, Филиппины), финансовая сфера и страхование, производство металлических изделий и пластика. А предпочтительными сферами для иностранных финансовых вложений на Тайване являются также предприятия электронной промышленности, строительство жилья, транспорт, хранение и складирование, информационная сфера и коммуникации, финансовая сфера и услуги, профессиональная подготовка и сфера науки и технологии. The world is dangerously dependent on Taiwan for chips. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2021-01-25/the-world-is-dangerously-dependent-on-taiwan-for-semiconductors> (дата обращения: 25.01.2021). [См. расчетные таблицы 2, 2(continued) [6, p. 263, 267, 275—276].

В качестве примера можно привести двойственную позицию политиков ДПП местного уровня, таких как позиция Ян Цю-син (Yang Qiu-hsing [楊秋興]) 1956 г.р.,

За вступлением в силу Киотского протокола по изменению климата в 2005 г. последовали протесты эко-НГО Тайваня против поддержки со стороны ДПП расширения существующих нефтехимических инвестиционных проектов без анализа их влияния на изменение климата. При этом сами нефтехимические корпорации пошли уже не по пути экспансии производства, отвоевывая все новые территории под предприятия¹⁰, а по пути модернизации старых уже освоенных площадок (например, самый важный для Тайваня и опасный с точки зрения загрязнения окружающей среды проект № 3 корпорации China Petroleum в Линьюане, уезд Гаосюн, в 1988 г.) [7,10]. Как отмечалось в зарубежных исследованиях, протестное движение было успешным при поддержке местных политиков, хотя их вмешательство уменьшалось благодаря предпринятым самими корпорациями действиям: например, модернизации площадки проекта в Линьюане и предложения денежной компенсации населению района, особенно живущему за счет занятия сельским хозяйством и рыболовством (а также привлечению частного капитала для образования новой компании, такой как, например, Kuokuang Petrochemical [國光石化] в 2006 г.).

Политики на местном уровне¹¹, к примеру, в уезде Чжанхуа, ссылаясь на низкий уровень экономического развития уезда Чжанхуа и выступая за

окончил Тайваньский государственный университет по специальности гражданское строительство), один из основателей Гаосюнского отделения Тайваньского Союза по защите окружающей среды в 1988 г., который даже выступил лидером в Инциденте в Линьюане в том же году незадолго до его первой избирательной кампании в 1991 г. При этом в качестве магистрата уезда Гаосюн (2002—2010 гг.) Ян Цю-син поддержал инвестиционные нефтехимические проекты, демонстрируя тем самым свою компетентность в проведении экономической политики.

¹⁰ Хотя в последнее время (2021 г.), например, после длительных переговоров с правительством Цай Инвэнь эко-группам, собиравшим подписи для проведения референдума по отказу от плана строительства предприятия по разжижению природного газа, по крайней мере удастся договориться о сокращении территории, предназначенной под предприятие. См.: Taiwan News on-line. URL: <https://news.pts.org.tw/> (дата обращения: 08.03.2021).

¹¹ Такой как (в 2005 г.) магистрат уезда Чжанхуа от ГМД Чжо Бо-юань (Cho Po-yuan [卓伯源] 1965 г.р., по специальности юрист, окончил Тайваньский Государственный университет и Тайваньский Государственный университет океанологии в Цзилуне, входящий в список лучших университетов в мире по морским и водным исследованиям). И как женщина-магистрат уезда Чжанхуа от ДПП Вэн Цзинь-чжу (Weng Chin-chu [翁金珠]), 1946 г.р., активный политик, баллотировалась в председатели ДПП в 2005 г., соперничая с Ю Си-кунем (Yu Shyi-kun [游錫堃]), она предварительно покинула влиятельную фракцию «Новой волны» в ДПП, полагая, что фракционность не должна влиять на избирательную кампанию председателя партии, обозначив тем самым начало ротационных процессов высшего аппарата партии, официально объявив о своем желании повысить политический престиж ДПП и соответствовать ожиданиям низовых групп партийных активистов. Вэн Цзинь-чжу еще в 1988 г. была

его подъем посредством реализации новых нефтехимических проектов, убеждали местное население поддержать проект Кокуан (в районе Tacheng). Политики ГМД на местах поддерживали проект ради собственной выгоды. Как в 2008 г. и новое правительство Ма Инцзю, который сам затем отрекся от проекта Кокуан ради возможного второго срока своего президентства, несмотря на то, что проект был впервые предложен в 2006 г. еще во времена премьерства и вице-премьерства Су Чжэн-чана и Цай Инвэнь соответственно, которые уже в 2011 г. в период новой предвыборной кампании также выступили против реализации этого проекта. И только благодаря слаженной работе (и собственной мобилизации без лидерства политиков) группам эко-активистов¹² уезда Чжанхуа удалось победить лоббистов расширения пагубного нефтехимического производства на Тайване.

От второго срока правления Чэнь Шуйбяня (к 2008 г.) Ма Инцзю досталась ухудшающаяся и уже пошатнувшаяся промышленная (и сель-

---

одной из организаторов отделения Тайваньского Союза за охрану окружающей среды в Чжанхуа (1988 г. о.), а в 2010 г. выступила в поддержку проекта Кокуан. Соперник Вэн Цзинь-чжу Ю Си-кунь родился в 1948 г.р. в уезде Илань, был генеральным секретарем Данвай в 1983-1984 гг., ныне (2020 г.) является ныне действующим председателем Законодательного Юаня Тайваня. Ю Си-кунь — политик из так называемого «железного треугольника вне партии» (группа по проведению политического расследования в 1981 г., в том числе по поводу «неконституционного чрезмерного бюджета провинции Тайвань» в 1984 г.), образованного с двумя другими политиками, Су Чжэн-чаном (Su Tseng-chang) из фракции «Новой волны», ныне действующим премьер-министром Тайваня, и Се Сань-шэном (Hsieh San-sheng [謝三升]), 1943—1997 г. р., родился в г.Тайнань, окончил факультет государственного управления Университета Чжэнчжи, состоял в Данвай, участник Инцидента 1979 г. в г. Гаосюн, был в одном из основателей Formosa Magazine) См.: [8, p.18]; Taiwan News. Weng casts last-minute bid for DPP chairmanship race. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/57755> (от 21.12.2005).

¹² В протестном движении местным эко-активистам оказали содействие: The Society of Wilderness [荒野保護協會], the Taiwan Rural Front [台灣農村陣線] (основан учеными, юристами, активистами НПО, студентами с целью помочь находящимся в бедственном положении сельским слоям общества, за справедливое распределение земли, а также против политического нажима США с 1980-х годов под эгидой торговой либерализации, за продовольственное самообеспечение Тайваня, уровень которого в 2007 г.составил лишь 30,6 % (для сравнения, 35 % в 2018 г.) в ответ на принятие в 2010 г. Закона о воспроизводстве в сельском хозяйстве [農村再生條例] администрацией Ма Ин-цзю), the Taiwan Environmental Protection Information [台灣環境資訊協會], the Youth Synergy Foundation [青平台基金會] и др. См.: URL: <https://www.slideshare.net/bjqs02/2012-about-taiwan-rural-front> (дата обращения: 5.02.2021); <https://law.moj.gov.tw/LawClass/LawAll.aspx?pcode=M0110017> (дата обращения 26.02.2021); Review of Taiwan's food security strategy. URL: <https://ap.fftc.org.tw/article/2570> (дата обращения: 01.03.2021).

скохозяйственная) база Тайваня (особенно на востоке и юге острова), что явилось поводом для обращения к одному из локомотивов экономики — нефтехимической отрасли. Продвигаемый Гоминьданом новый Закон о правительствах на местах [地方制度法], инициированный ГМД в январе 2010 г. (в настоящее время действует редакция закона от 2016 г.¹³), затруднял вновь избранным политикам на местном уровне (магистраторам) действовать по своему усмотрению и отстаивать собственные интересы в условиях системы контроля, установленного ГМД над местными чиновниками. При этом предполагалось, что прежде избираемые главы 56 городов (и деревень) станут также назначаемыми на 4 года Гоминьданом из числа гражданских служащих¹⁴.

Для успеха движений за сохранение окружающей среды важно сочетание двух факторов: поддержка протестного движения местными политиками (его не наблюдалось в случае с проектом Кокуан) и высокая степень сопротивления и мобилизации общественных сил. Идеологическое соперничество все еще играло роль в тайваньской партийной политике, хотя согласно зарубежным исследованиям, эко-активистам, исходя из имеющихся политических ресурсов, было легче заручиться поддержкой ДПП, чем ГМД [9, p. 11—12, 14].

Таким образом, за 24 года (1987—2011 гг.) произошло 10 протестных движений против экспансии нефтехимических предприятий (China Petroleum, Formosa Plastic's Group, Tuntex), из которых только 3 оказались неудачными: в г. Гаосюн (район Хучинь) в 1987—1990 гг., в Юньлинь (район Майхао) в 1987—1991 гг. и в уезде Гаосюн (район Линьюань) в 2005—2008 гг., при этом независимо от степени мобилизации гражданского общества и от поддержки ДПП или ее отсутствия. Решающее значение здесь имело сильное сопротивление местных политиков от ГМД усилиям политиков от ДПП на местном уровне по узакониванию компенсаций за загрязнение, по введению налога на углеродные выбросы предприятий (Кокуан, 2005 г.), что в результате не было реализовано [10, p.11—12].

Что касается материкового Китая, то среди самых неблагополучных его районов, с точки зрения чистоты воздуха на сегодняшний день, выделяются четыре провинции: Шаньси (Баоцзи, Вэйнань), Сычуань (Чэнду), Ляонин (промышленная зона Дапин, Шэньян), Цзилинь (Суньюань, Сыпин)¹⁵. С точки зрения состояния воздуха, земельных и водных ресур-

---

¹³ Согласно статье 8 главы 1 этого Закона, правительства местного уровня подчиняются Исполнительному Юаню.

¹⁴ KMT forces amendments of Local Governments Act 2010. March/April P. 14—15. URL: <https://www.taiwandc.org/twcom/tc127-int.pdf> (дата обращения 11.02.2021).

¹⁵ См.: <https://aqicn.org/map/china/> Air pollution China: real time air quality index visual map (дата обращения: 23—27.02.2021).

сов — Хэйлуэньян (Дацин, Цзямусы, Цицикар, Харбин, Муданьцзян, Цици, уезд Кэдун) и др. Самыми загрязняющими окружающей среду факторами в материковом Китае, как и на Тайване, и в Гонконге, являются нефтехимические и химические производства, предприятия электронной промышленности, а также интенсивное освоение природных ресурсов, что ошибочно считается основой достижения экономического роста (при этом без строительства необходимой инфраструктуры, очистных сооружений, утилизации мусора и т. д.). Кроме того, в случае с материковым Китаем, переход от плановой к рыночной экономике («эксперимент с социализмом в сочетании с глобальной экономикой»¹⁶) послужил, кроме всего прочего, причиной экологических проблем, среди которых ухудшение качества почвы в связи с ее интенсивным использованием (в том числе и пастбищ, теперь практически непригодных для скотоводства, как в районе Внутренней Монголии), токсичное для окружающей среды агропромышленное развитие и пр.

Что касается протестных движений за сохранение окружающей среды в материковом Китае, то в случае с получившими широкую известность протестами 2014 г. против нефтехимического производства (кислена) в г. Маомин (на западе провинции Гуандун) участниками протестов были в основном представители немногочисленного частного сектора при поддержке среднего класса, тогда как госслужащим не разрешалось участвовать в протестах, ресурсов правительства оказалось достаточно, чтобы эффективно предупредить участие работников из секторов экономики, подконтрольных правительству. Учащиеся школ и их родители принуждались к подписанию соглашения о поддержке (с обязательством неучастия в протестах) нефтеперерабатывающей компании Маомин и местных правительств, рекламировавших выгодные стороны подобного производства и его безвредность. В случае же нарушения соглашения учащиеся исключались из школы. Администрация предприятия проводила разъяснительные кампании, особенно с теми работниками самого нефтеперерабатывающего производства в Маомине, кто не желал подписывать соглашение. При этом жители не доверяли убеждениям местного правительства в нетоксичности производства по причине очевидной коррупционности местной власти, ее высокомерия по отношению к местному населению, неспособности обеспечить населению безопасность проживания (там, где уже не растут традиционно выращиваемые фрукты, где существует угроза этиленовых взрывов и отравления воды), чье благосостояние не улучшалось, несмотря даже на растущий ВВП от нефтеперерабатывающего производства и постоянный доход семей, существова-

---

¹⁶ См.: [11, p. 579—613]; URL: https://www.researchgate.net/publication/237458418_Environmental_Degradation_in_Heilongjiang_Policy_Reform_and_Agrarian_Dynamics_in_China's_New_Hybrid_Economy (дата обращения 24.02.2021).

ние нескольких поколений которых обеспечивалось за счет постоянной занятости на вредном для здоровья¹⁷ ксиленовом производстве.

Зарубежные исследователи протестных движений в Маомине отмечали их спонтанность, отсутствие формального лидерства, что явилось одной из причин невозможности добиться уступок от правительства. Отсутствие организации, дискурса, контактов и договоренностей лишало протестующих значимых результатов. Кроме того, делегаты-переговорщики были незнакомы друг с другом, поэтому не могли сформулировать конкретные требования во время переговоров с официальными лицами, а также не могли объяснить остальным протестующим результаты этих переговоров. Протесты возникали как акт сопротивления, неповиновения, нарушающий привычный образ жизни, с абстрактными требованиями закрыть производство, что обнаруживало сходство с подобными процессами на Тайване в 1980-е годы. Кроме того, протестное движение было лишено поддержки традиционных средств массовой информации, основывалось только на массовом давлении на те части местной элиты, кто по должности обязан был заниматься проблемой производства в Маомине.

Согласно зарубежным исследованиям этих протестов в материковом Китае, существовали особенности тактики в виде привлечения большего количества участников протестов в условиях больших городов, такие как прохождение улиц зигзагообразным способом, и вовлечения лидеров — участников протестов из слоев среднего класса, поскольку средний класс больших городов более способен публично выразить свои требования, обладает и способен вложить лучший ресурс, разбираясь в вопросах прав собственников, демонстрируя неповиновение и более широкую вовлеченность, что может привлечь внимание средств массовой информации, Интернет-ресурсов и общественности. Хотя, как отмечается исследователями, после применения силы полицией надежды протестующих уступили страху и негодованию. По мнению авторов приведенного нами исследования, городскому протестному движению за сохранение окружающей среды в Китае потребуется еще много времени, чтобы достичь уровня национального [12, p. 33—39].

Экологическая повестка все более становится одной из доминант глобального развития. Так, в 2015 было заключено «Парижское соглашение по климату». Вместе с тем, при всей очевидности и актуальности для Тайваня проблемы защиты окружающей среды, отмечается недостаточ-

---

¹⁷ Загрязнение воздуха в Маомин: качество воздуха в режиме реального времени. Провинция Гуандун. URL: <https://aqicn.org/map/maoming/ru/> (26.02.2021. Красный уровень загрязнения оценивается как нездоровый).

ная осведомленность жителей Тайваня в этой проблеме¹⁸, поскольку, согласно проведенным исследованиям, большинство граждан острова не может до конца оценить содержание международной политики по климату (только 10,8 % тайваньцев уверены в своих знаниях по этому вопросу), хотя направления этой политики им известны. Например, большинству из них известны цели снижения выбросов углерода к 2050 г., что предполагает налог на выбросы углерода, с чем общественность скорее согласится (63,6 % опрошенного населения) при условии корректировки цен на электроэнергию и субсидий правительства. 65,9 % людей выражают свою поддержку политике повсеместного перехода на электроэнергетику, при этом 34,1 % оказываются неосведомленными в этом вопросе. Более половины населения Тайваня считает, что острову удастся перейти на возобновляемые источники энергии в следующие 5 лет (к 2026 г.), одновременно с этим возникает проблема ограниченности для этого территории Тайваня¹⁹. Согласно данным Гринпис, позиция всех кандидатов на прошедших в 2020 г. президентских выборах на Тайване отличалась отсутствием значимой долгосрочной стратегии воспрепятствования дальнейше-

---

¹⁸ Вопросом осведомленности жителей острова по поводу изменения климата Земли, что может привести к глобальной засухе (особенно это касается некоторых районов африканского континента), занимались и прежние правительства Тайваня. На Тайване существует проблема наполняемости резервуара Шимэнь [石門] в Таюане и засушливости северной (понижение влажности в районе Тайбэя) и северо-западной частей острова, в районе Научного парка в Синьчжу. На Тайване создана специальная организация *Taiwan Climate Change Projection Information and Adaptation Knowledge Platform* (созданная в рамках трех программ, выпущенных Министерством науки и технологии Тайваня в 2010 г.) для проведения научных климатических исследований: прогнозирования рисков климатических изменений, возникновения катастроф, получения метеорологических статистических данных для правительства, предприятий и потребителей, полезных также при заключении международных соглашений и сотрудничества. На Тайване данной организацией предоставляются данные о возникновении тайфунов, засухи, экстремальных выпадений осадков, изменений в океане, повышении температуры, сезонных изменениях и т.д. На острове также проводятся специальные кампании, включающие 24-часовые ТВ-программы в День Земли о потеплении климата и влиянии этого на глобальное состояние окружающей среды. Одним из способов сдерживания процесса стало выращивание специальных сельскохозяйственных культур (кукурузы), поглощающих углекислый газ, на национальном уровне ставятся две главные задачи: внедрение различных способов энергосбережения наряду с развитием производства энергосберегающей продукции. См.: Taipei Times. EPA starts global warming campaign to educate the public. Climate events. The EPA has decided to cooperate with the popular National Geographic Channel in Taiwan and hold a series of events to observe Earth Day URL: <http://www.taipetimes.com/News/taiwan/archives/2007/04/10/2003356001> (дата обращения: 13.02.2021); URL: <https://tccip.ncdr.nat.gov.tw/indexeng.aspx> (дата обращения: 14.02.2021).

¹⁹ URL: <https://e-info.org.tw/node/228406> от 4.12.2020.

му глобальному потеплению и увеличения доли возобновляемых источников энергии (позицию Цай Инвэнь оценили на 44 из 100 возможных рейтинговых баллов, в то время как позиция Хань Го-юя оценивалась как 21 из 100)²⁰.

Для сравнения, в настоящее время образовательная политика по климату в материковом Китае предполагает ответственное поведение каждого гражданина в смысле «жить жизнью, вырабатывая меньше углекислого газа», но без специального определения такой политики. Переориентация экономики Китая с доминированием угля в энергобалансе обойдется в несколько триллионов ам. долл. 73 % китайцев видят угрозу в изменении климата, что намного больше, чем европейцев (47 %) и американцев (39 %). Одновременно в материковом Китае не приветствуются темы журналистских статей, касающиеся повышения уровня воды до уровня прибрежных городов (например, в Шанхае). Расследования экологических нарушений заканчиваются на уровне местной администрации, из опасений преследований эко-активисты и ученые открыто не высказывают своего мнения, запрещается обсуждать угрозу неминуемых катастроф, где нет для них простого решения и т. д.²¹

На Тайване одним из препятствий для успехов ДПП на муниципальных выборах в 2018 г. явился вопрос об использовании ядерной энергии. Речь шла о планах правительства относительно постепенного прекращения использования ядерной энергии к 2025 г. (Согласно пункту 1 статьи 95 Закона об электроэнергии, Тайвань прекратит использование ядерных станций для производства электроэнергии²²).

Первая атомная электростанция на Тайване Цзинь-Шань-2 [金山] (реакторы были запущены в 1977 г. и 1978 г. соответственно) была закрыта в два этапа: начиная с 2018 г. сначала был остановлен первый реактор Шимэнь в Синьбэе, признанный самым опасным в мире (в 2016 г.), и окончательно в 2019 г. был остановлен второй. Проведенный опрос жителей острова показал, что большинство тайваньцев (59 %) выступает за продолжение использования ядерной энергии (при 41 % против), очевидно принимая во внимание явный острый дефицит энергоснабжения (в 2017 г. запасы электрических резервуаров составляли меньше 6 % при

---

²⁰ Environmental concerns in Taiwan's 2020 national elections: from green to red. URL: <https://taiwaninsight.org/2019/12/17/environmental-concerns-in-taiwans-2020-national-elections-from-green-to-red/> 17 December 2019 (дата обращения: 31.11.2020).

²¹ Taipei Times. China teaches kids its own version of climate change story. URL: <https://www.taipetimes.com/News/editorials/archives/2021/02/08/2003751968> (08.02.2021).

²² The world nuclear industry status report.2018 released. URL: <https://www.worldnuclearreport.org/Nuclear-Power-Strategic-Asset-Liability-or-Increasingly-Irrelevant.html>

допустимом минимуме 4 %²³), особенно в летний период, когда нагрузка на систему энергоснабжения острова кратно возрастает. Хотя в 2016 г. доля полученной таким образом энергии на Тайване составила всего 14 % от общей произведенной. В 2018 г. на острове планировалось²⁴ провести три референдума по вопросу дальнейшего использования двух реакторов АЭС Гошэн²⁵ в Синьбэе (срок эксплуатации истекает в 2021 г.) и АЭС в Мааньшань в уезде Пиндун (срок эксплуатации истекает в 2025 г.). Вопросом острых противоречий между ДПП и ГМД является ввод в эксплуатацию четвертой ядерной станции Гунляо [貢寮]²⁶, строящейся уже на протяжении двух десятилетий разными строительными организациями, что и вызывает опасения. Теперь проведение референдума по поводу введения в эксплуатацию данной станции намечено на 28 августа 2021 г. и для того, чтобы референдум состоялся, необходимо 25 % голосов населения. По сообщениям тайваньских СМИ, при установлении такого относительно высокого «порога» в год, когда не проводятся другие выборы, можно ожидать больше голосов «за», чем «против»²⁷. Вызывает серьезную обеспокоенность (особенно у местных аборигенных общин) и хранение ядерных отходов на острове Орхидей (Ланьюй).

Согласно тайваньским СМИ, ядерная энергия не поможет смягчить воздействие изменений климата из-за растущей ее стоимости, что может помешать развитию других технологий по сокращению объема выбросов углерода²⁸. Кроме того, повышение стоимости электроэнергии (уже подорожавшей на 10 %) с перспективой дальнейшего ее роста может повлиять на развитие электронной промышленности Тайваня, в которой Тайвань надеется достичь мирового лидерства, реализуя задачу «инновационного, включающего (или учитывающего) все, устойчивого (или безотходного)» развития технологий в ближайшие 10 лет²⁹. Тем не менее, в

---

²³ EPA: Datan Power Plant meets EIA nitrogen oxide regulations. EPA defends decision to approve Datan Power Plant nitrogen oxide emission levels, saying within regulations. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/News/3109591> (дата обращения: 30.11.2020).

²⁴ Environmental concerns in Taiwan's 2020 national elections: from green to red. URL: <https://taiwaninsight.org/2019/12/17/environmental-concerns-in-taiwans-2020-national-elections-from-green-to-red/17-December-2019> (дата обращения: 31.11.2020).

²⁵ Taipei Times. Taipower probing Guosheng nuclear plant malfunction. <http://www.taipetimes.com/News/taiwan/archives/2016/05/17/2003646473> (дата обращения: 25.07.2019).

²⁶ Taipei Times. Power plant referendum date set. URL: <https://www.taipetimes.com/News/taiwan/archives/2021/01/24/2003751130>

²⁷ Brian Hioe. KMT asserts inconsistent stance on nuclear power simply to oppose DPP. 29 April. 2018. URL: <https://newbloommag.net/2018/04/29/kmt-nuclear-power-stance/>

²⁸ Taipei Times. Nuclear power generation 'waning'. 7 November 2018. URL: <http://www.taipetimes.com/News/taiwan/print/2018/11/07/2003703758> (дата обращения: 23.12.2020).

²⁹ Taipei Times. Tsai envisions a people-centric 'smart society'. URL: <https://www.taipetimes.com/News/taiwan/archives/2020/12/22/2003749175> (дата обращения: 23.12.2020).

целях безопасности тайваньские власти вынуждены принять решение законсервировать, но не снести (к 2035 г., как планировалось ранее) существующие десять электростанций, работающих на угле, пока рядом не будут построены четыре, работающие на газовом топливе³⁰.

Проблема использования ядерной энергии на Тайване возникла в период избирательных кампаний Чэнь Шуйбяня, в частности, отказ от строительства 4-й атомной электростанции был необходимым для успешного проведения второй избирательной кампании в 2004 г. В целом экологическая проблема, связанная с использованием четвертой атомной станции, повлияла на исход обеих президентских избирательных кампаний Чэнь Шуйбяня. Политика администрации действующего президента Цай Ин-вэнь обнаруживает попытки уменьшения зависимости Тайваня от ядерных источников энергии в сторону возобновляемых³¹, сопровождаемых изменением положений системы «Оценки воздействия на окружающую среду» [環境影響評估]³², прежде всего чистоты воздуха. В СМИ отмечается тот факт, что кандидаты сразу от нескольких партий озабочены проблемами окружающей среды, особенно работающими на местном

---

³⁰ Taipei Times. Energy security is national security. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2021/02/08/2003751965> (дата обращения: 10.02.2021).

³¹ В настоящее время в уезде Мяоли, например, центральное правительство Тайваня в вопросе развития возобновляемых источников энергии и оптоэлектроники сначала пошло по пути приведения законодательства об изменениях в использовании сельскохозяйственных земель в соответствие с необходимостью сохранять экосистему острова и одновременно отвечать нуждам населения. Процесс приведения в соответствие осуществляется посредством опросов населения и консультаций с местными правительствами во избежание конфликтов. Что же касается необходимости развития возобновляемых источников энергии и необходимости сохранения окружающей среды, сельскохозяйственных угодий и неглубоких лесов обитания редких тигров, правительством будет рассматриваться 200 заявок на регистрацию небольших, площадью от 2 га до 30 га микроэлектрических станций [小光電] на солнечных батареях в Мяоли из 800 заявок на 1600 га по всему Тайваню. См.: Центр экологической информации Тайваня. 小光電別來石虎棲地 苗栗縣首創農地變更光電審查機制. 環境資訊中心記者孫文臨報導. URL: <https://e-info.org.tw/node/228014> от 16 ноября 2020 (дата обращения: 02.12.2020).

³² Существующая система «Оценки воздействия на окружающую среду» предполагает процедуры определения, предотвращения, оценки и смягчения биофизических, социальных и других последствий развития. Перед вынесением главных решений, принятием обязательств, составлением проектов определяются их масштабы, стандарты степени загрязнения воздуха, воды, уровня шума, уровня экологии производства, животного мира, морской акватории, объектов культурного наследия. Оценивается риск воздействия отравляющих веществ для строительных компаний, определяются правила строительства и развития промышленных зон, объектов культуры, образования и оздоровительных учреждений, а также правила и нормы при добыче земли, гравия, песка и др. URL: <https://www.epa.gov.tw/eng/392EF735A15E6538>.

уровне. При этом социальные вопросы превалируют над вопросами сохранения окружающей среды, оставляя все-таки приоритетное место за вопросом сохранения де-факто суверенитета Тайваня (и относительной административной самостоятельности Гонконга³³) и мира в Тайваньском проливе³⁴. Также отмечается тот факт, что молодое поколение (родившееся после 1996 г., уже в эпоху демократизации Тайваня) в большей степени озабочено экологическими проблемами, так что подобные демографические изменения на острове расцениваются как положительные для их решения. Хотя, надо полагать, что вопрос бережного отношения к месту проживания, включая бережное использование морской акватории Тайваня, возник еще в 1990-х годах и позже актуализировался (имеется в виду в процессе подготовки и подписания в 2010 г. «Рамочного Соглашения об экономическом сотрудничестве» с материковым Китаем (ECFA), когда Тайваню пришлось оценить всю полноту последствий «перемещения рисков» модернизации обеих сторон Тайваньского пролива).

Зарубежными авторами в исследованиях экологической политики правительства Тайваня отмечается, что политика ДПП в области экологии осуществляется в интересах городского среднего класса, а не направлена на защиту сельского населения от пагубного воздействия промышленных отходов [13, р. 52]. Известно, что самыми загрязняющим природную среду видами производств, делая ее непригодной для проживания, являются производство ядерной энергии (и хранение ее отходов), хими-

---

³³ Полиция Гонконга арестовала 53 молодых гонконговца в начале января 2021 г. 2 тыс. человек были привлечены к ответственности, 700 жителей осуждены за беспорядки. Теперь среди них медиа-тяжеловес Джимми Лай (Jimmy Lai [黎智英]), члены бывшей студенческой про-демократической партии Demosisto, другие про-демократические законодатели. Проводится кампания по выдавливанию диссидентов из сферы образования, общественной сферы и средств массовой информации. Тайваньские активисты из института Истории Тайваня Академии Синика, члены Тайваньского гражданского фронта, Новой школы демократии, активисты групп по правам человека и другие обратились к правительству Цай Инвэнь с просьбой смягчить иммиграционные ограничения и правила поступления в университеты Тайваня для иммигрантов из Гонконга. Taipei Times. Groups urge more help for HK political refugees. <https://www.taipetimes.com/News/taiwan/archives/2021/01/01/2003749744> (дата обращения 07.01.2021); URL: <https://news.pts.org.tw/> (дата обращения: 08.01.2021).

³⁴ Актуальность проблемы в последнее время возрастает вследствие усиления военного противостояния между двумя берегами Тайваньского пролива и резкой активизации военно-политического вмешательства США в тайваньскую проблему. См.: Taipei Times. Chinese military plane crosses into Taiwan's ADIZ. URL: <https://www.taipetimes.com/News/taiwan/archives/2020/12/31/2003749700> (дата обращения: 07.01.2021); China's massed drills near Taiwan take aim at Washington audience. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/4178974> (дата обращения: 16.04.2021).

ческое производство и производство полупроводников, особенно в период 1980—1990-х гг.

В настоящее время производство оптоэлектроники осуществляется в Центральном научном парке (Central Science Park, CSP) в Тайчжуне (открыт в 2003 г.), а полупроводников — в Синьчжу (Hsinchu Science-based industrial Park, HSP). В 2001 г. по решению Законодательного Юаня и на тот момент президента Чэнь Шуйбяня научные парки полностью вышли из-под контроля местных властей [14, р. 54—56].

Экологический институциональный контроль на Тайване³⁵ осуществляется Тайваньской администрацией по защите окружающей среды при Исполнительном Юане, Агентством по строительству и планированию (Construction and planning agency, CPA) и Министерством внутренних дел при помощи различных законодательных механизмов, таких как Закон о контроле за токсическим и химическими веществами (Toxic Chemical substances control Act, TCSCA) [毒性及關注化學物質管理法] и Система регионального планирования (Regional planning review). Существующая технология экспертно-ориентированной Системы оценки воздействия на окружающую среду (Environmental Impact Assessment, EIA, руководитель этой структуры назначается Тайваньской администрацией по защите окружающей среды) основывается на технологическом детерминизме, не оставляющем возможности для широкого общественного участия (при недостатке прозрачности информации). В противовес этому организации эко-активистов поддерживают более строгое законодательство в отношении загрязнения окружающей среды при соблюдении принципа его предотвращения, а также пересмотр совместными усилиями регуляторных правил, касающихся предприятий электронной промышленности и научных парков [15, р. 18, 22].

Общественное участие на публичных встречах по оценке воздействия на окружающую среду сокращено до минимума, 3 минуты на каждого выступающего фермера, которым зачастую приходится преодолевать большие расстояния рано утром, чтобы попасть на подобные заседания (если резидентов, проживающих вблизи запланированных научных парков, вообще информируют о проведении заседаний, которые могут проводиться в рабочие часы в будние дни), которые сводятся к формальному представлению плана строительства объекта. Данный подход не позволя-

---

³⁵ EPI (Индекс экологической эффективности) Тайваня в 2018 г. составил 72,84, по которому Тайвань занял 23-е место в мире, Швейцария была на первом месте (87,42) в том же году. В 2020 г. список самых благополучных стран по этому показателю занимала Дания (82,5), передвинув Швейцарию (81,5) на третье место после Люксембурга (82,3). Taipei Times. Tsai urges understanding for US pork import policy. URL: <https://www.taipetimes.com/News/taiwan/archives/2021/01/02/2003749798> (дата обращения: 10.01.2021); URL: <https://news.pts.org.tw/> (от 07.01.2021; 08.01.2021).

ет резидентам разобраться в предмете плана, поэтому существует риск лишения резидентов и без того ограниченных ресурсов (земли, воды) без предварительных консультаций с ними.

За последнее время эко-активисты стараются участвовать в работе системы оценки воздействия на окружающую среду³⁶, чтобы получить больше информации о планах развития электронной промышленности на Тайване и оценить социальные и экологические последствия эксплуатации научных парков (таких как в Синьчжу). Кроме того, есть случаи сокрытия достоверной информации электронными корпорациями о токсических субстанциях (и их числе) от Отдела по управлению токсическими субстанциями и эко-санитарии (Department of Environmental Sanitation & Toxic Substances Management, DESTSM), также обнаруживаются недостатки в оценке влияния данных токсических субстанций на здоровье людей, поскольку корпорации отказываются предъявлять упомянутому отделу достоверную информацию и в полном объеме (часто это является предметом коммерческой тайны). Иногда правительство в нарушение демократических принципов прекращает судопроизводство (как в случае со строительством Chi Hsin³⁷ в 2008—2010 гг.). Нежелание корпораций предоставлять информацию или предоставление неправдивой информации вызывает беспокойство у жителей (например, по поводу качества технической воды с предприятий) и у самих эко-активистов [16, p. 15].

Речь идет о более демократичном процессе принятия решений по национальному развитию, чтобы защите окружающей среды отводилась определенная роль, а приоритет отдавался устойчивому (безотходному) сельскому хозяйству (особенность Тайваня) и приемлемым условиям проживания людей. В условиях спада экономики в 2012 г., когда тайваньские предприятия, производящие опто-электронику, выводили инвестиции уже из научно-технических парков, правительство отдавало оспариваемые площади под предприятия точного машиностроения (имеются в виду площади, где развитие электронной индустрии могло нанести прямой вред здоровью населения, в том числе и через техническую «электронную» воду, используемую для полива, непригодную к использованию на рыбных и устричных фермах, через производящиеся в регионе продукты питания, загрязнение воздуха и пр.) Через взаимодействие фермеров с организациями по охране окружающей среды *versus* техно-

---

³⁶ Такие как: The Wild Heart Legal Defense Association, Environmental Jurist Association, Taiwan Academy of Ecology, Taiwan Environmental Action Network (TEAN), Ecological Educational Centre of Kaohsiung Teachers' Association, Taiwan Watch Institute, Taiwan Environmental Protection Union (TEPU, 1987 г.о.), Green Citizens' Action Alliance, Environmental Law Commission of Taipei Bar Association etc.

³⁷ Видимо, речь идет о площадке Chi Hsin Electronic Co, расположенной на территории Тайнаньского Научного парка [台南科學園區] в г. Шаньхуа, уезд Тайнань.

кратического подхода к рассмотрению итогов использования Системы оценки воздействия на окружающую среду (EIA) обнаружилось, что мощности технопарков вводятся в эксплуатацию прежде строительства обслуживающей инфраструктуры, позволяя использовать природные свойства сильного течения местных рек для разбавления «электронной» воды (например, четырехлетнее использование для этой цели реки, протекающей в районе уездов Тайчжун-Натьтоу, Тайваньский Центральный Научный парк), якобы без использования загрязненной воды для орошения фермерских наделов. Иногда точность оценки EIA подвергается сомнению, поскольку используются скудные данные для этой системы оценки (например, уровня засухливости района), замеры для которых могут проводиться во время сезона дождей. Правительство буквально огораживает стенами научно-технические парки, чтобы не дать возможность эко-активистам идентифицировать компанию-нарушителя и напрямую обличать корпорации в нарушениях. Кроме того, централизованные мероприятия по очистке сточных вод используются правительством во избежание социальных конфликтов. При этом все усилия групп за сохранение окружающей среды направлены на то, чтобы одновременно с утверждением первенства Тайваня в производстве электроники электронные компании принимали на себя и ответственность за непропорциональную практику, возможно, следовали принципам предупреждения нарушений и принятия ответственности за таковые [17, р. 19—22].

Изменение климата на Тайване было особенно очевидным в период президентства Чэнь Шуйбяня. При администрации Ма Инцзю *с переносом предприятий на территорию материкового Китая*, а также с развитием метро в крупных городах и системы переработки отходов удалось превратить крупные города Тайваня в пригодные для проживания [18, р. 188], хотя и в 2016 г. г. Тайчжун отнюдь не представлялся экологически благополучным городом, также как г. Чанша (и даже Пекин) в материковом Китае в 2014 г. (личные наблюдения авторов статьи).

Кроме того, помимо загрязнения окружающей среды, проблема состоит не столько в дефиците воды для нужд населения в районе производства, сколько в качестве «электронной» воды, непригодной для сельского и рыбного хозяйства и пр. Кроме того, производство электроники является не только чрезвычайно токсичным, но и вредным для здоровья и психического состояния работников с точки зрения условий труда, переработок и т. д.

В качестве примера можно привести проведенное ранее в 2006 г. зарубежное исследование принадлежавшего тайваньской FSP (образованному в 1993 г. партнерству трех компаний, производящих электронную продукцию) предприятия электронной промышленности «Юнхун» (Yonghong Electronics), акции которого торговались на Тайваньской фон-

довой бирже³⁸. Предприятие находилось на территории индустриально-научного парка Цзюйюань в г. Шэньчжэнь³⁹ (в деревне Данвэй, г. Фуюн) провинции Гуандун. 85 % рабочей силы на предприятии составляли женщины в возрасте от 18 до 30 лет (мужчин и женщин в пропорции 1 к 5), стоимость трудоустройства на предприятии «Юнхун» оценивалась в 400 юаней. При этом существовала стандартная практика приема на работу детей, учащихся. Принимались подростки 14—15 лет с проблемами в обучении и студенты по причине дефицита рабочей силы в целом по региону. Также существовала практика разделения детей путем распределения их по разным мастерским. А также практика принятия на работу молодежи по подложным предварительно купленным документам (повидимому, в расчете на более дешевую рабочую силу, оплата которой составляла на тот момент 50 % от законодательно установленной региональной оплаты труда), без страховки (не были застрахованы даже конвейерные рабочие), без проверки удостоверяющих личность документов (за ID взымались 30 юаней), с трехмесячным испытательным сроком и минимальной оплатой труда в этот период (600 юаней в месяц) или бесплатно при ненадлежащем, с точки зрения инструктора, выполнении работы. Работники отбирались в соответствии с определенными физическими стандартами (измерялся их рост). Иногда школы сами направляли на работу учащихся, таким образом предоставляя возможность задолжавшим родителям расплатиться за их обучение в школе (взымались 50 % от заработка учащегося), при этом инструкторам оставались трудовые договоры учащихся и их ID в качестве залога; побег или уклонение от уплаты долга таким образом исключались.

Что касается переработок молодыми рабочими, то Статья 58 Закона о труде КНР ограничивает сверхурочные часы работников в возрасте 16—18 лет и обязывает проводить их регулярные медицинские осмотры. Статья 38 предусматривает только 8 часов работы в день при 40 часах в неделю при одном выходном дне. Сверхурочно рабочий может трудиться только 3 дня в месяц или 36 часов. Праздничные дни должны оплачиваться в трехкратном размере.

На самом деле, при невыполнении заранее завышенной дневной нормы (производственные нормы были высоки даже для опытных рабочих) рабочим предприятия приходилось работать ежедневно по 13 часов 30

---

³⁸ В настоящее время данная компания под этим названием на Тайваньской фондовой бирже среди официально зарегистрированных не числится.

³⁹ Сущестующий в Шэньчжэнь индустриально-научный парк (Shenzhen Special Economic Zone (SEZ) недавно отпраздновал свое 40-летие. President Xi lauds 'Shenzhen miracle' at SEZ's 40th anniversary. URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-10-14/President-Xi-lauds-Shenzhen-miracle-at-SEZ-s-40th-anniversary-UA3As9LnIA/index.html> (дата обращения: 30.12.2020).

дней в месяц, оставаясь работать на ночь с выходом на работу утром следующего дня в сезонный пик. Администрация «Юнхун» ограничивала свободу перемещения рабочих (особенно мигрантов, которые обязаны были предупреждать об отъезде за 1 месяц), за отсутствие работника на рабочем месте без разрешения администрации предусматривался штраф в размере полуторамесячного заработка. Были предусмотрены и другие штрафы: за непрямую посадку на рабочем месте, отсутствие спецодежды, за порчу или потерю инструмента, устные предупреждения за менее серьезные нарушения, за более серьезные проступки полагался штраф до 500 юаней и т. д.).

Рабочие предпочитали не брать больничные листы, поскольку не могли позволить себе официальное медицинское освидетельствование, предпочитая обращаться к частным врачам и фармацевтам. Также существовала проблема плохого качества продуктов и гигиены продуктов, плохие условия проживания в переполненном общежитии за 50—60 юаней в месяц (рабочие проживали в 6-этажном здании до тысячи человек, в комнатах по 8—12 человек с одним феном и умывальником). Специально отведенные места для спорта и доступ в Интернет, как правило, не использовались по причине полного отсутствия досуга. Рабочие не обеспечивались необходимыми масками (особенно на операции паяния), от неподвижности сидения в течение долгого времени страдая от эргономических нарушений, стресса от напряжения и переработок, приводящих к расстройствам сна и пр.⁴⁰

Схожей с вышеописанной представляется ситуация в материковом Китае (в 2010 г.)⁴¹ по отношению к занятым на предприятиях по производству электроники тайваньской компании Foxconn⁴² (торговая марка

---

⁴⁰ Yonghong Electronics (Nov 2006, SACOM. URL: www.sacom.hk) (дата обращения: 09.12.2020). На сегодняшний день, по некоторым данным, информация по данному предприятию закрыта.

⁴¹ Workers as machines: Military management in Foxconn. 12 October 2010. URL: <file:///C:/Users/1/Downloads/military-management-in-Foxconn.pdf> (дата обращения: 09.12.2020).

⁴² Foxconn's new factory in Zhengzhou. Taiwan's Foxconn to build tech park in southern Chinese city. URL: <https://br.reuters.com/article/idUSKCN0W60VR> (дата обращения: 29.12.2020). Причина перемещения, хотя и с обещанием похожих условий труда (оплаты) и проживания на новых предприятиях производства Foxconn в г. Чжэнчжоу (провинция Хэнань) с 300 тыс. рабочих мест, представителем Foxconn не поясняется. Тогда как большинство рабочих предпочитает остаться в Шэньчжэне. В 2010—2011 гг. было зафиксировано 24 случая суицида (в основном путем падения из зданий, по этой причине по периметру зданий общежития стали натягивать сетки). Погибли — 17 мужчин и 7 женщин в возрасте от 18 до 25 лет. Больше всех погибших (поровну) из провинций Хэнань и Хунань, а также Хэбэй (как представляется, в менее развитых провинциях с более дешевой рабочей силой, где есть достаточный резерв рабочей силы из числа

Hon Hai Precision Industry, собственник компании Тэрри Гоу (Го Таймин) (Terry Gou, [郭台銘]⁴³). Судя по количеству зарубежных исследований, группа Foxconn представляет собой исключительный интерес еще и по степени экспансии капитала, чрезвычайной скорости и масштабам его накопления во всех регионах материкового Китая [20, р. 383]. По обнаруженным нами данным, компания управляет смешанным капиталом, поскольку простые акции компании, около 1/4 таковых, принадлежит материковым китайцам или инвесторам из материкового Китая, зарегистрированы и торгуются на Тайваньской фондовой бирже в настоящее время⁴⁴. По сообщениям СМИ, Foxconn планирует переместить в Индию массовое производство новейших модификаций смартфонов из-за более дешевой (в 3 раза) рабочей силы по сравнению с ее стоимостью в Китае, при этом оставляя за Китаем место приоритетного партнера Foxconn. В 2011 г. на территории материкового Китая работали 34 предприятия Foxconn, включая одно в Гонконге и всего одно на Тайване. Одновременно компания Foxconn обсуждала условия инвестирования с правительством Индии, которая планирует стать наиболее быстро растущим рынком смартфонов и экспортной гаванью этой продукции в регионе⁴⁵.

Тем не менее, вопрос о компенсации издержек на восстановление поврежденных экосистем остается в компетенции правительств, допустивших на свои территории вредные производства. Возмещение причиненного вреда могут взять на себя власти и оплачивать из средств налогопла-

---

сельских мигрантов, не способных отстаивать свои права как городские рабочие). Рабочие компании, помимо физических расстройств страдают от лейкемии в результате химического воздействия (бензола) в процессе производства в районе дельты Жемчужной реки, что явилось причиной протестов “Anti-sweatshop technology week” в 2015 г. перед штаб-квартирой Hon Hai Precision (Taiwanese parent company of Foxconn). См.: 300,000 Foxconn staff in move to Henan. URL: <https://www.scmp.com/article/718493/300000-foxconn-staff-move-henan> (дата обращения: 29.12.2020); [19, р. 390—393]. URL: <http://mcx.sagepub.com>. (дата обращения: 24.12.2020); The Poisonous Pearl. Occupational chemical poisoning in the electronics industry in the Pearl River Delta, People’s Republic of China. Authors: Labour Action China (LAC), Labour Education and Service Network (LESN) Centre for Research on Multinational Corporations (SOMO), Supported by Bread for All/Swiss Catholic Lenten Fund. 2016. URL: <file:///C:/Users/1/Downdloads/The-Poisonous-Pearl.pdf> (дата обращения: 09.12.2020).

⁴³ Foxconn’s Terry Gou quits Kuomintang, paving way for Taiwan presidency bid as an independent. URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3026868/terry-gou-quits-kmt-and-could-run-taiwan-presidency-independent> (дата обращения: 29.12.2020).

⁴⁴ Данные на 2020 г. URL: https://emops.twse.com.tw/server-java/t98sb02_e?TYPEK=sj&step=1&co_id=2354&con_date=20200618 (дата обращения: 24.02.2021).

⁴⁵ Mass Production of iPhone Models to Start in India, Foxconn Chairman Terry Gou Says. URL: <https://gadgets.ndtv.com/mobiles/news/foxconn-terry-gou-comments-on-iphone-india-mass-production-2023382> (дата обращения: 20.12.2020).

тельщиков с риском возникновения серьезных социальных волнений или требовать от компаний применять экологические безопасные, потому дорогостоящие производственные технологии, что неизбежно приведет к снижению их совокупной прибыли, к изменению перспектив такого растущего сегмента рынка, как, например, производство электроники и соответственно к замедлению накопления капитала электронными корпорациями [21 с. 105—119]⁴⁶.

Что касается Тайваня, то протестная активность на острове последнего времени касается прежде всего безопасности продуктов питания (в частности, мяса⁴⁷, поставляемого из США) и использования ядерной энергии. По причине сильной торговой зависимости Тайваня правительство острова приняло решение об ослаблении запрета на ввоз из США свинины со следами рактопамина (не более 0,01 ppm, при этом такие продукты должны быть соответственно промаркированы для соблюдения прав потребителей) и говядины от животных старше 30 месяцев, что по-прежнему является предметом ожесточенных споров двух основных партий на острове. ДПП предлагает председателю партии Цай Инвэнь совершить поездку по сельским районам Тайваня (в том числе в будущем посетить Илань и Наньтоу) и сообщить жителям о взятой на себя ответственности за безопасность продуктов питания и соответственно за здоровье тайваньцев, а также посетить школы для проверки качества школьных завтраков и выслушать рекомендации групп активистов первичного звена, чтобы затем ими руководствоваться. Одновременно Гоминьдан собирает необходимые 500 тыс. подписей в 159 избирательных округах Тайваня для проведения референдума по вопросам качества импортируемой на Тайвань мясной продукции.

Используя научные данные в качестве инструментов по определению интенсивности климатических изменений на острове, которые предоставляются (за 1897—2018 гг.) специальными организациями под эгидой Министерства науки и технологии Тайваня, в зависимости от характера и уровня этих климатических изменений (с 1998 г. и далее [22, р.188]) можно обнаружить влияние интенсивности работы определенных отраслей промышленности Тайваня в том или ином его районе соответственно на уровень загрязнения окружающей среды в данном районе, что определяет и градус накала политических страстей и протестной активности населения острова, которая за 30 лет трансформировалась в экологическую сознательность большинства жителей острова [23, р. 188].

---

⁴⁶ URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/vallerstayn-konec_znakomogo_mira-81.pdf

⁴⁷ Taipei Times. Tsai urges understanding for US pork import policy. URL: <https://www.taipetimes.com/News/taiwan/archives/2021/01/02/2003749798> (дата обращения: 10.01.2021); URL: [https://news.pts.org.tw/\(от 07.01.2021; 08.01.2021\)](https://news.pts.org.tw/(от 07.01.2021; 08.01.2021)).

Таким образом, многочисленные движения за сохранение окружающей среды на Тайване по сути в той или иной мере можно рассматривать как движения политические [24, р. 185]. В плане получения своих экономических выгод (часто партии с разными идеологическими платформами идут на сделку друг с другом, на ходу меняя стратегию в зависимости от сложившейся политической ситуации) и достижения политических целей (действуя «кнутом и пряником» по отношению к проживающему местному населению, иногда идя даже на обман и подлог) наблюдается определенная схожесть поведения правящих элит, независимо от их принадлежности к разным политическим партиям и их политических предпочтений, что предопределяется интересами корпораций в получении прибыли, но также и администрации в расширении налоговой базы и шире — задачами ускоренного развития высокотехнологичных отраслей. В то же время, произвол корпораций и связанных с ними властных элит в определенной мере сдерживается давлением со стороны организованного экоактивистами протестного движения.

В материковом Китае, несмотря на определенную схожесть мотивов местных элит в экологических инцидентах с тем, что имеет место на Тайване, в целом ситуация иная. Если на Тайване протестные движения под экологическим знаменем пользуются наличием (фактически с 90-х годов) политического плюрализма, имея возможность в определенной степени воздействовать на обе поочередно правящие островом ведущие соперничающие партии, то в материковом Китае ситуация определяется разработанным КПК долгосрочным курсом социально-экономического и государственного строительства и реальными возможностями его практической реализации на каждом этапе развития страны (включая, естественно, уровень эффективности администрирования). Благодаря резко возросшему объему финансово-экономических и научно-технологических ресурсов страны там ведется огромная работа по исправлению кризисной экологической ситуации.

Вся эта работа проходит в рамках принятой КПК комплексной «общей схемы пятиединого строительства» («五位一体” 总体布局), в которой, наряду с экономическим, политическим, культурным и социальным направлениями строительства, выделено и отдельное направление «экоцивилизационного» строительства, включающего «формирование институциональной системы экологической цивилизации». На состоявшемся в 2017 г. XIX съезде КПК была поставлена задача уже на первом этапе осуществления принятого на съезде тридцатилетнего «стратегического плана социалистической модернизации Китая» — с 2020 по 2035 г. — «форсировать реформу системы экологической цивилизации», «коренным образом улучшить экологию».

Выполнение данной задачи, обеспечиваемое «форсированным созданием правовой системы и политических установок, ориентированных на зеленое производство и потребление», будет подкрепляться продолжением жесткой борьбы с коррупцией на основе принципов отсутствия «запретных зон», «полного охвата и нулевой толерантности», сохранения «эффекта жесткого сдерживания, высокой напряженности и постоянного устрашения» [25] .

Библиографический список

1. J. Bruce Jacobs. The Kaohsiung incident in Taiwan and the memoirs of a Foreigner Big Beard // Brill, Leiden / Boston, (год издания обнаружить не удалось).
2. Chiu Hua-mei (National Sun Yat-sen University Taiwan). The movement against science park expansion and electronics hazards in Taiwan // *China Perspectives*. 2014. № 3.
3. Dafydd Fell. Government and politics in Taiwan // *Routledge Research on Taiwan*. London and New York. 2012.
4. Joshua S. S. Muldavin. Environmental Degradation in Heilongjiang: Policy Reform and Agrarian Dynamics in China's New Hybrid Economy. Department of Geography, University of California, Los Angeles. *Annals of the Association of American Geographers*, 87(4), 1997.
5. Kingsyhoon Lee, Ming-Sho Ho. The Maoming Anti-PX protest of 2014. An environmental movement in contemporary China // *China Perspectives*. 2014, № 3.
6. Linda Gail Arrigo and Lynn Miles (editors). *A borrowed Voice: Taiwan Human Rights through International Networks, 1960-1980* // Published by the Social Empowerment Alliance. Taipei. Taiwan. May 2008.
7. Ming Sho-ho. Resisting Naphtha crackers. A historical survey of environmental politics in Taiwan // *China perspectives*. 2014. № 3.
8. Paul Jobin. Risques et protestations dans la "Green Silicon Island". Les lutes pour la visibilite des maladies industrielles a Taiwan // *Perspectives Chinoises*. 2010. № 3.
9. Pei Yi Wong and Tuck Cheong Tang. Should I stay or should I go? Taiwan's foreign direct investment (FDI) inflows and outflows // *Contemporary Chinese Political Economy and Strategic relations: an International Journal*. Vol. 6, № 1, April/May 2020.
10. Pun Ngai (Polytechnic University, Hong Kong) and Jenny Chan University of London, Surrey, UK). *Global Capital, the State and Chinese workers: the Foxconn experience* // *Modern China*. 38(4).
11. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Гл. 5. Экология и издержки капитализма. Пер. с англ. под редакцией В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2004.

12. 18 октября Си Цзиньпин выступил с докладом на 19-м съезде КПК. Пекин, 3 ноября /Синьхуа/. 11.03.2017; 习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Доклад Си Цзиньпина на 19-м Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая] 28.10.2017. Жэньминьван — Жэньминь жибао. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-15.html> (дата обращения: 17.04.2021).

References

1. J. Bruce Jacobs. The Kaohsiung incident in Taiwan and the memoirs of a Foreigner Big Beard // Brill, Leiden / Boston, (god izdaniia obnaruzhit' ne udalos').
2. Chiu Hua-mei (National Sun Yat-sen University Taiwan). The movement against science park expansion and electronics hazards in Taiwan // *China Perspectives*. 2014. № 3.
3. Dafydd Fell. Government and politics in Taiwan // Routledge Research on Taiwan. London and New York. 2012.
4. Joshua S. S. Muldavin. Environmental Degradation in Heilongjiang: Policy Reform and Agrarian Dynamics in China's New Hybrid Economy. Department of Geography, University of California, Los Angeles. *Annals of the Association of American Geographers*, 87(4), 1997.
5. Kingsyhon Lee, Ming-Sho Ho. The Maoming Anti-PX protest of 2014. An environmental movement in contemporary China // *China Perspectives*. 2014, № 3.
6. Linda Gail Arrigo and Lynn Miles (editors). *A borrowed Voice: Taiwan Human Rights through International Networks, 1960-1980* // Published by the Social Empowerment Alliance. Taipei. Taiwan. May 2008.
7. Ming Sho-ho. Resisting Naphtha crackers. A historical survey of environmental politics in Taiwan // *China perspectives*. 2014. № 3.
8. Paul Jobin. Risques et protestations dans la "Green Silicon Island". Les lutes pour la visibilité des maladies industrielles à Taiwan // *Perspectives Chinoises*. 2010. № 3.
9. Pei Yi Wong and Tuck Cheong Tang. Should I stay or should I go? Taiwan's foreign direct investment (FDI) inflows and outflows // *Contemporary Chinese Political Economy and Strategic relations: an International Journal*. Vol. 6, № 1, April/May 2020.
10. Pun Ngai (Polytechnic University, Hong Kong) and Jenny Chan University of London, Surrey, UK). Global Capital, the State and Chinese workers: the Foxconn experience // *Modern China*. 38(4).
11. Vallerstai'n I. Konec znakomogo mira: Sociologija XXI veka / Gl.5. Ekologija i izderzhki kapitalizma. Per. s angl. [Immanuel Wallerstein. The End of the World as We Know It. Social Science for the Twenty-First Century. Translated from English]. M.: Logos, 2004.

12. 18 oktiabria Xi Jinping vystupil s docladom na 19-m s`ezde KPK. Pekin, 3 noiabria /Sin`hua/ [Xi Jinping delivered a report at the 19th National Congress of the CPC on Oct. 18. — Beijing, November 3 /Xinhua/], 2017-11-03; Xi Jinping zai zhong-guo gongchandang de shijiu ci quanguo daibiao dahui shangde baogao. 2017nian 10 yue 28 ri. 08:49 | lai yuan : renminwang- renminribao [The report of Xi Jinping at the 19th National Congress of the Communist Party of China. 2017 Oct. 28. Source: Renmin Net — Renmin Ribao]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-15.html> (accessed 17.04.2021).

А.В. Волошина

КПК И «ТАЙВАНЬСКИЙ ВОПРОС»: 25 ЛЕТ ПОСЛЕ ТРЕТЬЕГО КРИЗИСА В ТАЙВАНЬСКОМ ПРОЛИВЕ

Аннотация. Руководство Китайской Народной Республики неоднократно подчеркивало, что объединение материкового Китая и Тайваня является исторической задачей страны. Однако более чем семидесятилетняя история существования «тайваньского вопроса» доказала сложность ее реализации, не в последнюю очередь из-за тесной вовлеченности в межбереговые отношения третьего игрока — Соединенных Штатов Америки. За прошедший период ситуация в зоне Тайваньского пролива неоднократно обострялась, угрожая перерасти или даже перерастая в военные столкновения Пекина и Тайбэя. Последним из таких эпизодов стал Третий кризис в Тайваньском проливе 1995—1996 гг. В данной статье автор рассматривает его предпосылки, ход и итоги, приходя к выводу, что в результате отношения сторон треугольника КНР—Тайвань—США оказались в состоянии структурного тупика. Анализ развития ситуации в зоне пролива на протяжении двадцати пяти лет, прошедших с момента окончания кризиса, дает представление о том, какие подвижки в этом статус-кво происходили в это время. Выделяя три периода (2000—2008, 2008—2016 и с 2016 г. по настоящее время), автор демонстрирует динамический и циклический характер сложившегося статус-кво, проходящего через фазы возрастания конфликтности, последующей стабилизации, «оздоровления» и вновь движения к конфликтности. На основе проведенного анализа выделены ключевые факторы, которые, как представляется, будут направлять развитие ситуации в зоне Тайваньского пролива в долгосрочной перспективе и непосредственным образом затрагивать интересы Пекина. Такими факторами, которые имеют структурную природу и не исчезнут в скором времени, предстают изменения в общественном сознании тайваньцев и усиление национальной идентичности, влияние этих процессов на позиции политических партий Тайваня, а также нарастание конкурентных тенденций в китайско-американских отношениях. Автор приходит к выводу, что пространство для маневра каждой из сторон треуголь-

ника сокращается, что увеличивает опасность перерастания структурного тупика в открытый конфликт.

Ключевые слова: КНР, Тайвань, тайваньский вопрос, межбереговые отношения, кризис, США, статус-кво.

Автор: Волошина Анна Валерьевна, младший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0002-7508-8735;

E-mail: anna-voloshina136a@yandex.ru

A.V. Voloshina

THE CCP AND THE “TAIWAN ISSUE”: 25 YEARS SINCE THE THIRD TAIWAN STRAIT CRISIS

Abstract. The leaders of the People’s Republic of China have repeatedly emphasized that the unification of mainland China and Taiwan is a historical task for the country. However, more than seventy years of the “Taiwan issue” existence have proved the difficulty of its achievement, to a great extent due to the active involvement of the third party in the cross-strait affairs, namely the United States of America. Over the past period, the situation in the Taiwan Strait area has repeatedly aggravated, threatening to turn into military clashes between Beijing and Taipei or even really escalating into ones. The last of such episodes is the Third Taiwan Strait Crisis of 1995—1996. In this article, the author examines the crisis background, events and consequences, coming to the conclusion that the relations between the sides of the PRC-Taiwan-the US triangle ended up being in a state of structural deadlock. An analysis of the development of the situation in the Taiwan Strait area over the last 25 years gives an idea of the shifts in the status quo that were taking place. The author examines three periods (2000—2008, 2008—2016 and since 2016 until the present) and points out the dynamic and cyclical nature of the existing status quo, which undergoes phases of increasing confrontation, subsequent stabilization, improved relations and then again moves in the direction of heightened tensions. The analysis also provides the key factors that supposedly will be driving the development of the situation in the Taiwan Strait area in the long term and that will directly affect Beijing’s interests. Such factors, which are of a structural nature and will not disappear in the near future, are changes in the public opinions of Taiwanese people and the strengthening of national identity, the impact of these processes on the political parties’ platforms in Taiwan, as well as the growing competitive trends in Sino-American relations. The author concludes that the room for maneuver for each side of the triangle is becoming more and more narrow. It increases the risk that a structural deadlock will move in the direction of an armed conflict.

Keywords: PRC, Taiwan, Taiwan issue, cross-strait relations, crisis, USA, status quo.

Author: Anna V. VOLOSHINA, Junior Researcher at the Center for the Studies of the Modern History of China and Its Relations with Russia of the In-

stitute of the Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS),
Moscow, Russia. ORCID: 0000-0002-7508-8735;
E-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru

Урегулирование отношений между берегами Тайваньского пролива с 1949 г., когда Коммунистическая партия Китая (КПК) объявила о провозглашении Китайской Народной Республики, а гоминьдановское правительство Чан Кайши было вынуждено отступить на остров Тайвань, остается одним из главных приоритетов КПК. В своем докладе на XIX съезде КПК председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин подчеркнул, что «разрешение тайваньского вопроса и полное воссоединение родины — это общее чаяние всех сыновей и дочерей Китая, это то, в чем заключается коренный интерес китайской нации», а достижение полного воссоединения Китая в свою очередь является «обязательным требованием для осуществления национального возрождения [страны]» [1].

Вместе с тем, реализация этой задачи сталкивается с серьезными трудностями. Тесная вовлеченность в межбереговые отношения Америки, переводящая их в трехсторонний формат, наличие у сторон разнонаправленных интересов и неразрешенных противоречий привели к тому, что за прошедшие годы зона Тайваньского пролива неоднократно становилась местом возникновения серьезных кризисных ситуаций. После военных столкновений Пекина и Тайбэя по поводу островных групп Цзиньмэнь, Мацзу и Дачэнь самым серьезным обострением, грозившим превратить регион в новую зону боевых действий на карте мира, стал Третий кризис в Тайваньском проливе 1995—1996 гг.

В рамках данной работы предлагается исследовать основные причины, приведшие к возникновению кризиса 1995—1996 гг., его ход и итоги; проанализировать развитие межбереговых отношений в двадцатипятилетний период, прошедший с момента окончания кризиса; выделить ключевые долгосрочные тенденции, которые оказывают влияние на развитие межбереговых отношений и предположить возможные сценарии развития ситуации в зоне пролива.

Третий кризис в Тайваньском проливе: предпосылки, ход и последствия

Сложившаяся к концу 1980-х — началу 90-х годов обстановка в межбереговых отношениях характеризовалась наличием двух противоречивых тенденций. С одной стороны, наблюдалось активное экономическое сближение материка и острова. Переход Пекина с 1979 г. от стратегии военной конфронтации к курсу на мирное объединение двух берегов Тайваньского пролива привел к тому, что в ответ Тайбэй стал снимать многие ограничения на контакты с материком. Это в свою очередь спо-

собствовало увеличению объемов торговли и потока инвестиций с острова на материк, расширению людских обменов. Если в 1988 г. объем межбереговой торговли составлял 2,7 млрд долл., то к 1995 г. достиг уже 17,9 млрд долл. К 1995 г. материк превратился во второй по величине экспортный рынок Тайваня и главный получатель исходящего из Тайваня потока капитала [2, р. 3]. Число тайваньских фирм, инвестирующих в материковый Китай, на тот момент превысило отметку в тридцать тысяч, а их инвестиции, по информации Совета по делам материкового Китая, оценивались в 30 млрд долл. США. Число двусторонних поездок постепенно приближалось к миллиону [3].

С другой стороны, формирующаяся экономическая взаимозависимость не конвертировалась в соответствующие подвижки на уровне политического взаимодействия двух сторон. Более того, происходившие в тот период события выявили тенденции, способствующие еще большему политическому отдалению острова и материка.

Позиция Пекина по тайваньскому вопросу была закреплена в Конституции страны: «Тайвань является частью священной территории Китайской Народной Республики» [4]. Согласно позиции КПК, именно КНР является единственным законным правительством, представляющим весь Китай. Постулируя таким образом единство материка и острова, с 1979 г. партия радикальным образом поменяла стратегию по преодолению фактической разделенности страны. 1 января 1979 г. Постоянным комитетом ВСНП было опубликовано «Обращение к тайваньским соотечественникам», где содержалось предложение об объединении страны мирным путем и начале переговоров между Компартией и Гоминьданом. Военный путь в случае отказа Тайваня от объединения не отбрасывался. В качестве способа реализации объединения была позднее предложена формула «одна страна — две системы». В соответствии с ней Тайвань сохранил бы высокую степень самоуправления как особый административный район КНР, т. е. свой экономический строй, независимую административную, законодательную и судебную системы. Предполагалось, что Тайвань будет иметь свои вооруженные силы и его экономические и культурные связи с зарубежными странами останутся без изменений [5, с. 241—242]. В то же время «в международных делах представлять Китай [будет] вправе только Китайская Народная Республика» [5, с. 25].

На протяжении более десяти последующих лет курс на мирное объединение был основой консенсуса руководства КНР и был продолжен Цзян Цзэмином. В 1995 г. в программе из «восьми пунктов» по решению тайваньского вопроса он подчеркнул необходимость стремления к мирному объединению, так как «китайцы не сражаются с китайцами», и выдвинул предложение о запуске равных двусторонних консультаций, в том числе на уровне глав материка и острова [6].

Китайская Республика в свою очередь долгое время рассматривала себя не как правительство в изгнании, а как правительство целой страны, большая часть которой была временно оккупирована повстанцами. Таким образом, представление о единстве Китая было принципиальной позицией и Тайбэя. Ситуация, однако, стала меняться по мере развития процессов демократизации политической системы Тайваня со второй половины 80-х годов и их активизации в 90-е годы. Политический вес коренных жителей Тайваня резко возрос, как и их способность выражать свое мнение по вопросам межбереговых отношений. Население острова получило право участия в президентских и парламентских выборах, оно во все большем количестве вливалось в структуры государственного управления и в состав Гоминьдана. Так, в период с 1952 по 1993 г. соотношение членов Гоминьдана тайваньского происхождения к выходцам из континентального Китая выросло с 26,1 % до 69,2 %, членов Центрального постоянного комитета партии: от 0 до 57,1 %, членов кабинета министров с 5 % до 45 % [7, р. 72]. На острове появились новые политические силы, получившие право на участие в управлении Тайванем. Одной из них стала созданная в 1986 г. и легализованная в 1989 г. Демократическая прогрессивная партия (ДПП) с кардинально отличной от Гоминьдана платформой. Так, в предвыборную программу 1992 г. ДПП включила призыв к независимости Тайваня.

Символом происходящих на острове изменений стала фигура президента Китайской Республики Ли Дэнхуэя — уроженца Тайваня, получившего степень доктора наук по экономике сельского хозяйства в США. Став президентом в 1988 г. после смерти Цзян Цзинго и проводя на протяжении нескольких лет традиционный курс Гоминьдана, Ли Дэнхуэй затем начал трансформировать эту политику. С его точки зрения, следовало признать «реальное положение вещей», заключающееся в том, что «юрисдикция Китайской Республики ограничивается территорией, включающей остров Тайвань, архипелаг Пэнху и острова Цзиньмэнь и Мацзу, и не распространяется на материковый Китай» [8, с. 52]. Это важное изменение позиции тайваньского руководства нашло отражение в отмене Национальным собранием в мае 1991 г. действия «Временных правил» на период национальной мобилизации для подавления коммунистического мятежа и в тексте принятых «Положений, касающихся отношений между народами тайваньского и материкового регионов». Тайвань включил эту формулировку и в обмен заявлениями с материком по поводу определения принципа «одного Китая», который позже вошел в историю под названием «консенсус 1992 г.». Вместе с тем, тайваньская сторона добавила, что «один Китай» — Китайская Республика — обладает де-юре суверенитетом над всем Китаем. Подобное утверждение стало рассматриваться Пекином как политический фундамент для строительства межберего-

вых отношений, предполагающий, что, имея разные интерпретации, обе стороны выдвигают принцип «одного Китая».

Видение Тайванем условий, при которых объединение страны было бы возможно, нашло отражение в «Программе национального объединения» 1991 г.: для реализации трех стадий процесса объединения КНР должна была предпринять экономические реформы, демократизировать политическую систему, отказаться от угрозы использования силы для разрешения межбереговых проблем, вести переговоры с Тайванем на основе равенства и продемонстрировать уважение к острову на международной арене, позволяя ему участвовать в различных организациях [9].

Таким образом, к 1995 г. позиция тайваньской стороны претерпела качественные изменения по сравнению с периодом правления Чан Кайши и Цзян Цзинго. Утверждение о де-факто раздельном управлении территорий материка и острова, введение парламентских и подготовка прямых президентских выборов позволили Ли Дэнхуэю сформулировать идею о том, что материк и Тайвань являлись «двумя равными политическими сущностями» [8, с. 204]. А ставя неприемлемые для КПК условия по демократизации и реформированию строя материка, Тайвань отодвигал таким образом объединение на неопределенный срок. Активный курс Ли Дэнхуэя по расширению международного пространства Тайваня, а также провокационная для Пекина риторика Ли во время контактов с зарубежной аудиторией стали предвестниками будущего кризиса.

Поводом для него стала речь Ли Дэнхуэя во время визита в Корнелльский университет США в июне 1995 г. Превозношение демократизации Тайваня, акцент на словах «страна» и «нация», как и обсуждение вопроса о неизбежной гибели коммунизма превратили глубокое недоверие Пекина к Ли Дэнхуэю в убежденность о продвижении им курса на независимость.

Особое значение Пекин в этой ситуации придал роли Соединенных Штатов. Выдача визы тайваньскому президенту стала лишь звеном в цепи событий, нарушавших привычный протокол Вашингтона в отношении Тайваня в последние годы. С момента возникновения тайваньского вопроса китайское руководство не меняло своего мнения: в том, что «до сих пор тайваньский вопрос не получил своего разрешения... несомненная ответственность лежит на правительстве США» [10, с. 4—5]. Доказательством этого для КПК служила поддержка Америкой тайваньских властей в рамках Закона об отношениях с Тайванем 1979 г. и регулярные продажи оружия острову, что, с точки зрения Пекина, шло в разрез с политической основой для взаимодействия КНР и США по тайваньскому вопросу — тремя коммюнике 1972, 1978 и 1982 г. соответственно.

Реагируя на сложившуюся ситуацию, с июля того же года Пекин начал военные маневры и ракетные испытания в зоне Тайваньского проли-

ва. Крупные учения состоялись перед тайваньскими парламентскими выборами, назначенными на 2 декабря 1995 г. Следующий раунд силовой демонстрации (с 8 по 25 марта 1996 г.) был фактически приурочен к первым прямым и всеобщим выборам президента Китайской Республики 23 марта и предполагал три этапа, включающих ракетные испытания, участие военно-воздушных, военно-морских и сухопутных сил с имитацией десантного вторжения. В соответствии с планом были развернуты войска НОАК, проведены военные маневры в провинции Фуцзянь, расположенной через пролив от Тайваня, и произведены пуски ракет в акваторию моря, прилегающую к важным морским портам Тайваня — Цзилуну и Гаосюню. Согласно Закону об отношениях с Тайванем 1979 г. конгресс США потребовал от администрации Б. Клинтона жесткого ответа на действия Китая, и к острову были направлены две американские авианосные ударные группы, что стало крупнейшим развертыванием вооруженных сил США в этом районе со времен войны во Вьетнаме. Конфронтация начала ослабевать лишь после президентских выборов на Тайване, когда два дня спустя КНР объявила об окончании военных учений.

Итоги кризиса были для руководства КНР неоднозначны. Президентские выборы на Тайване прошли, как это и было запланировано. Ли Дэнхуэй одержал победу, получив 54 % голосов избирателей, в то время как кандидат от ДПП получил 21 %. Как отметили наблюдатели, это означало не только личную победу Ли Дэнхуэя, но и тот факт, что 75 % от общего числа голосов достались кандидатам, которые были противниками движения к объединению [7, р. 89]. Таким образом, если целью военной демонстрации было оказание влияния на результаты выборов, то она не была достигнута.

Не повлияла демонстрация силы и на последующий курс Ли Дэнхуэя в отношении КНР: он по-прежнему выступал против объединения на условиях материка. Более того, риторика президента Китайской Республики стала еще более радикальной. В 1999 г. он заявил о том, что «межбереговые связи... образуют “особые межгосударственные отношения”» [11, р. 12]. Ли Дэнхуэй удвоил усилия по формированию единой тайваньской идентичности. К концу правления Ли изучение истории и культуры Тайваня стало обязательным учебным предметом и частью программы средней школы.

Что касается Соединенных Штатов, то Пекину удалось предотвратить дальнейшие подвижки в курсе администрации Клинтона в сторону укрепления политической поддержки Тайваня. В ходе визита в Китай в 1998 г. Б. Клинтон объявил о проведении политики «трех нет»: Соединенные Штаты не будут поддерживать концепцию «двух Китаев» или «одного Китая, одного Тайваня», тайваньскую независимость, вступление Тайваня в международные организации, которые требуют статуса государства, такие как ООН. Вместе с тем, отметим, что ситуация вокруг

Тайвань и шаги администрации Клинтона вновь активизировали конгресс как значимого фактора американской политики, выступающего в поддержку Тайваня. Впоследствии в ситуациях, когда курс американской администрации, казалось, чрезмерно склонялся в сторону Пекина, а не Тайваня, конгресс стремился уравновесить политику США.

Стоит также отметить, что силовая демонстрация Вашингтоном готовности вмешаться в межбереговые отношения произвели впечатление на китайскую сторону. Обретению способности противостоять американскому давлению в будущем должна была послужить ширококомасштабная программа военного строительства, запущенная КНР.

Результатом кризиса для треугольника КНР—Тайвань—США стало формирование статус-кво, представлявшего собой «структурный тупик». Это мнение разделяет целый ряд исследователей, включая профессора Колледжа Вильгельма и Марии Т. Чэна и профессора Университета Ричмонда В. Вана [12, р. 241], профессора Колледжа Смита С. Голдштейна [13, р. 85—94]. Структурный тупик представляет собой ситуацию, когда одна или несколько сторон принимают статус-кво, который не соответствует их конечным целям, но они не готовы или не в состоянии оспорить или нарушить его. Статус-кво представляется динамичным, а не раз и навсегда заданным феноменом. В зависимости от того, как стороны оценивают соотношение выгод или угроз с точки зрения своих интересов в каждый момент времени, ситуация способна как накапливать противоречия и угрожать обострением конфликта, так и двигаться в сторону уменьшения противоречий и нормализации. Статус-кво, сформировавшийся в зоне пролива после кризиса, характерен несколькими моментами. Во-первых, в результате процессов демократизации и активного участия в выработке политики острова самых различных сил Тайвань стал равноценным игроком в треугольнике. Отныне рост или спад напряженности в районе пролива оказывался во многом зависим от курса администрации острова. Во-вторых, ключевой особенностью политики трех игроков стала амбивалентность, когда политический курс для реализации одних интересов мог через какое-то время быть свернут, так как он начал входить в противоречие с другими интересами. Так, проведение Пекином курса с акцентом на стремлении к мирному характеру объединения способствует укреплению экономических и политических связей между берегами пролива, улучшает международный имидж КНР, что в свою очередь приводит к позитивным изменениям в отношениях Пекина с другими странами. С другой стороны, мягкий курс в отношении Тайваня может быть воспринят как удовлетворение существующим статус-кво или даже поощрение стремления Тайваня к независимости, может негативно сказаться на имидже руководства КНР внутри страны. Верно и обратное: акцент на политике силы в отношении Тайваня будет сдерживать

остров от провозглашения независимости, однако ухудшит отношения с населением Тайваня и международную обстановку вокруг Пекина. Тайвань также сталкивается с подобной противоречивостью: ориентация на продвижение диалога с материком позитивно сказывается на развитии межбереговых связей и кардинальным образом ослабляет напряженность в регионе, укрепляя чувство безопасности у населения острова и предоставляя выгоды для бизнес-сообщества. Однако этот же курс может вызвать у населения опасения в постепенном поглощении Тайваня через углубление экономической зависимости и, таким образом, лишиться поддержки части общества. Ориентация на расширение своего международного пространства и стремление позиционировать себя в качестве суверенного государства может получить поддержку части населения, однако увеличивает давление материка и вытекающие из этого риски. Двойственность характерна и для политики США. Как продемонстрировал кризис, Америке необходимо было балансировать между сохранением «тайваньской карты» в своем стратегическом арсенале в отношениях с КНР с попытками выстраивания конструктивных отношений с усиливающимся Пекином и при этом избежать возможности быть втянутой в военный конфликт в Тайваньском проливе. Поддержка Тайваня Штатами встретила жесткий ответ Пекина и дестабилизировала американо-китайские отношения, а курс в направлении укрепления сотрудничества с КНР за счет Тайваня встречал активную критику конгресса США и вызвал беспокойство американских союзников и партнеров в Азии.

Разнонаправленность целей и интересов сторон предопределила изменяющуюся и циклическую природу статус-кво после кризиса. Такая нестабильность заложила возможность дрейфования ситуации в зоне пролива от улучшения отношений до нарастания напряженности, что доказывает анализ последующих лет развития отношений.

КНР—Тайвань—США в 2000—2008 гг.: движение в сторону большей конфликтности

Период с 2000 г. по 2008 г. продемонстрировал, как ситуация может эволюционировать в сторону нарастания конфликтности. Это произошло главным образом за счет действий нового главы Тайваня — представителя ДПП Чэнь Шуйбяня. Коренной житель Тайваня, он значительную часть карьеры посвятил борьбе за независимость острова.

Формулируя позицию по развитию отношений с материком, Чэнь Шуйбянь на первых порах старался найти баланс между несколькими разнонаправленными задачами: с одной стороны, убедить материк в готовности к конструктивному взаимодействию, дать сигнал Вашингтону, что он ответственно подходит к сохранению стабильности в зоне пролива, с другой стороны, сохранить поддержку своей партийной базы и при

этом не оттолкнуть слои тайваньского общества, особенно бизнес-круги, выступавшие за более тесные отношения с материком. Эти усилия отразились в его инаугурационном выступлении, где он выдвинул пакет обещаний из «пяти нет»: не менять официальное название Китайской Республики; не настаивать на включении определения межбереговых отношений как «особых межгосударственных» в Конституцию; не инициировать проведение референдума по вопросам независимости или объединения; не отказываться от Программы национального объединения и не распускать Совет по национальному объединению [14]. В этом же выступлении Чэнь заявил, что «обе стороны обладают достаточной мудростью и воображением, чтобы совместно решать вопрос о будущем «единого Китая». Он не признал «консенсус 1992 г.», заменив его понятием «дух 1992 г.», который определил как дух «диалога, обменов и откладывания споров». Из-за этого Пекин не стал возобновлять межбереговые переговоры, прерванные в 1999 г.

Уже к лету 2002 г. стало ясно, что утверждение отдельной тайваньской идентичности, а не примирительная риторика станет главенствующим элементом курса Чэнь Шуйбяня. Как отмечает А.Г. Ларин, президент взял на вооружение тактику «ползучего сепаратизма», т. е. стал предпринимать один за другим рискованные шаги, каждый из которых должен был так или иначе подчеркнуть государственность Тайваня [15, с. 231]. Мнение, что подобная повестка позволит ему получить больше политических очков в глазах тайваньской публики и заявление в 2001 г. нового американского президента Дж. Буша-мл. о готовности США «сделать все для защиты Тайваня» [7, р. 107] подстегивали уверенность Чэнь Шуйбяня в возможности проведения более сепаратистской политики.

В рамках этого курса тайваньский лидер инициировал принятие в 2003 г. Закона о референдуме; продвигал идею принятия новой конституции, аннулировал Совет по национальному объединению и Программу национального объединения в начале 2006 г., подал заявку на членство в ООН под официальным наименованием «Тайвань». Провокационная риторика тайваньского лидера с отсылками к тому, что Тайвань является независимым от КНР государством, дополнялась его энергичными усилиями по внедрению в сознание населения Тайваня идеи особой «тайваньской идентичности».

Подобная политика нарушала сложившийся статус-кво в Тайваньском проливе, что было неприемлемо и для КНР, и для США.

Китайское руководство действовало по нескольким направлениям. С одной стороны, с помощью Закона о противодействии расколу страны от 2005 г. Пекин продемонстрировал Тайбэю красную линию, за которую тот не мог заступать. Документ легитимизировал право КНР на использование «немирных средств и других необходимых мер для защиты сувере-

нитета и территориальной целостности Китая» [16]. Жесткая риторика руководства КНР и военные учения, проводившиеся в этот период, подчеркивали серьезность, с которой Пекин воспринимал политику острова. С другой стороны, материк удвоил усилия по налаживанию связей с оппозиционными политическими силами, признающими принцип «одного Китая», и с разными слоями населения материка согласно принципу, озвученному в марте 2005 г. председателем КНР Ху Цзиньтао в рамках программы по развитию межбереговых отношений — «возлагать надежду на тайваньский народ» [17]. Успехом этого курса стало установление платформы для регулярных контактов КПК и Гоминьдана, что в свою очередь заложило основу для улучшения отношений между островом и материком после поражения ДПП в президентских выборах и прихода к власти представителя Гоминьдана.

Наблюдая происходившие с 2002 г. подвижки в позиции Чэнь Шуйбяня, США также внесли коррективы в свой курс. Если сначала администрация Буша всячески демонстрировала поддержку Тайваню, начиная от придания острову статуса «союзника вне НАТО», для продажи ему определенных видов вооружений и заканчивая предоставлением Чэнь Шуйбяню возможности транзитных остановок на территории США, то уже с 2003 г. приоритеты американского руководства значительно изменились. Начав боевые действия в Афганистане в 2001 г. и в Ираке в 2003 г., Вашингтон запустил глобальную кампанию по борьбе с терроризмом, что стало стимулом для сотрудничества в этой сфере с КНР. Быть втянутыми в военный конфликт с участием Китая из-за политических амбиций Чэнь Шуйбяня США не желали. Поэтому, всячески подчеркивая, что Пекину и Тайбэю необходимо мирными средствами урегулировать возникающие вопросы, американская администрация сделала целый ряд заявлений с критикой курса, принятого Чэнь Шуйбянем. На пресс-конференции в декабре 2003 г. президент Дж. Буш сказал, что «комментарии и действия лидера Тайваня указывают на то, что он, возможно, готов принимать решения в одностороннем порядке, чтобы изменить статус-кво, мы выступаем против этого» [18]. В 2007 г. Томас Кристенсен, заместитель помощника госсекретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана, прямо заявил о непризнании Америкой Тайваня в качестве независимого государства и подчеркнул, что «Соединенные Штаты... не поддерживают членство Тайваня в международных организациях, которые требуют статуса государства» [19].

Таким образом, в рассматриваемый период ситуация в зоне Тайваньского пролива опасным образом двигалась в сторону обострения конфликта. В действие пришли «сдержки», описанные выше: политика Чэнь Шуйбяня вошла в противоречие с интересами не только Китая и США, но и тайваньского населения. На фоне проблем в экономике и ряда кор-

рупционных скандалов ДПП не смогла наладить конструктивное взаимодействие острова с КНР и США, что стало причиной падения популярности администрации и поражения на парламентских и президентских выборах 2008 г. Тайваньское население, Китай, США стали драйверами возвращения статус-кво на «исходные позиции».

КНР—Тайвань—США в 2008—2016 гг.: стабилизация ситуации

Вступление на должность президента Китайской Республики представителя Гоминьдана Ма Инцзю коренным образом поменяло ситуацию в зоне Тайваньского пролива. Одним из центральных пунктов его программы стало намерение нормализовать отношения с КНР. Ма Инцзю заявил о необходимости сохранения статус-кво в Тайваньском проливе на основе формулы «трех нет»: «нет объединению, нет независимости, нет применению силы». В своем инаугурационном обращении в мае 2008 г. Ма Инцзю подчеркнул приверженность «консенсусу 1992 г.» и необходимость скорейшего возобновления консультаций и полной нормализации торговых и культурных обменов между двумя берегами пролива на его основе[20].

Благодаря этой позиции тайваньской администрации Пекин и Тайбэй смогли запустить переговорный процесс между неправительственными организациями, Фондом обменов через Тайваньский пролив и Ассоциацией по развитию связей между берегами Тайваньского пролива. Активное сотрудничество двух сторон дало ощутимые результаты уже к концу 2008 г.: начали функционировать три канала связи между берегами Тайваньского пролива (прямые грузоперевозки, авиасообщение, почтовое сообщение), группы китайских туристов получили разрешение на посещение Тайваня, был создан механизм для обсуждения проблем безопасности пищевых продуктов. В июне 2010 г. стороны подписали Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве (РСЭС) между берегами Тайваньского пролива, которое предполагало снижение торговых пошлин на экспорт более чем 500 видов товаров из Тайваня в материковый Китай и более чем 250 видов товаров из материка на остров[21, р. 26]. Это соглашение открывало дорогу для заключения соглашения о свободной торговле между двумя сторонами в будущем.

В общей сложности в этот период материк и Тайвань удалось заключить 23 соглашения (из них ратифицировано и вступило силу 21), преимущественно по экономическим вопросам. Однако с конвертированием этого прорыва в подвижки на политическом уровне дело обстояло не так просто. С одной стороны, уровень, на который со временем перешли межбереговые консультации, был беспрецедентен: от неправительственных организаций до чиновников кабинетного ранга. А 7 ноября

2015 г. прошла первая с 1949 г. встреча между лидерами двух берегов. Более того, произошли подвижки во взаимодействии Пекина и Тайбэя на международной арене. Материк не препятствовал вступлению Тайваня в ряд международных организаций в эти годы. Под названием «китайский Тайбэй» остров получил статус наблюдателя во Всемирной ассамблее здравоохранения, а в 2013 г. присоединился к заседаниям Организации международной гражданской авиации в качестве «гостя».

С другой стороны, Пекин полагал, что переговоры двух сторон должны переходить к обсуждению значимых политических вопросов. Новый председатель КНР Си Цзиньпин подчеркивал, что «политические разногласия, которые долгое время существуют между двумя берегами, в конечном счете будут разрешены шаг за шагом, мы не должны передавать эти вопросы поколению за поколением» [22, с. 313]. Однако продолжавшееся давление со стороны оппозиционной ДПП и сил, выступающих против чрезмерного сближения острова с материком, связывало руки администрации Ма Инцзю. Одним из ярких проявлений этого стало «Движение подсолнухов» 2014 г. Протестное движение, состоявшее главным образом из представителей молодежи Тайваня, выступило против ратификации межберегового Соглашения о торговле услугами, подписанного в июне 2013 г. Сопровождавшееся захватом здания Законодательного юаня оно продемонстрировало недовольство населения закрытым характером принятия администрацией Ма Инцзю соглашений, касающихся будущего Тайваня, а также недоверие части населения проводимому курсу, грозившему увеличить взаимозависимость двух берегов Тайваньского пролива, что дало бы Пекину возможности для продвижения повестки объединения.

Это событие вкупе с поражением на муниципальных выборах 2014 г. партии Гоминьдан подчеркнули для КПК необходимость «создания условий для расширения контактов между разными прослойками и группами общественности обоих берегов» [22, с. 332]. Руководство КНР запускает политику «сань чжун и цин», направленную на расширение обменов и завоевание симпатий тайваньского малого и среднего бизнеса, людей со средним и низким заработком, населения центра и Южного Тайваня и островной молодежи [23].

Происходившие в межбереговых отношениях изменения в период 2008—2016 гг., однако, не повлияли на стратегические разногласия по «тайваньскому вопросу», существовавшие между США и КНР. Вашингтон продолжил выражать поддержку острову и обеспечивать его оружием. Более того, жители острова были включены в Программу безвизового въезда в США, вырос уровень визитов американских должностных лиц на Тайвань. В то же время балансируя между своими связями с Тайванем и задачей развития отношений с КНР, Вашингтон избегал откровенного

провоцирования Пекина по тайваньской проблеме. После более жесткой, чем обычно, реакции КНР на продажу оружия Тайваню в 2010 г. последующие продажи носили нерегулярный характер и не включали «чувствительные» для КНР наименования, такие как истребители F-16 C/D или дизельные подводные лодки. Более того, перед продажей 2011 г. власти США проводили консультации со своими китайскими коллегами, причем обсуждение касалось даже списка вооружения в пакете продаж [24, с. 48]. Стоит отметить, что этот шаг шел вразрез с шестью гарантиями Р. Рейгана, что обусловило усилившееся давление конгресса на администрацию Б. Обамы с целью подтверждения приверженности США Закону об отношениях с Тайванем и шести гарантиям как краеугольному камню американской политики в отношении Тайваня.

В общем, политика Соединенных Штатов была нацелена на достижение своих интересов во взаимоотношениях с Пекином, но не ценой разыгрывания «тайваньской карты». Все это позволило министру иностранных дел КНР Ван И заявить, что «тайваньский вопрос находится в контролируемом состоянии»[25].

Таким образом, в период 2008—2016 г. статус-кво в зоне пролива вновь претерпел трансформацию: благодаря политике президента Ма Инцзю межбереговые отношения стремительно улучшались. Однако расширение обменов и усиление взаимозависимости двух берегов вызвало к жизни силы, противостоящие перерастанию статус-кво в иное качество. В этой ситуации фактором, выступившим в роли «сдержки» и вернувшем ситуацию в зоне пролива вновь к ситуации «структурного тупика» стала тайваньская публика и продолжавшееся присутствие США в межбереговых отношениях. Выборы 2016 г. вновь привели к власти представителей ДПП: партия сформировала парламентское большинство, а более 56 % голосов избирателей позволили кандидату ДПП Цай Инвэнь занять президентский пост.

КНР—Тайвань—США с 2016 г.: возврат к структурному тупику и нарастание противоречий

С 2016 г. межбереговые отношения вновь оказались в тупике. Если в инаугурационном обращении 2016 г. Цай Инвэнь сохранила некоторую двусмысленность, то уже через два с половиной года она однозначно заявила о неприятии Консенсуса 1992 г., принципа одного Китая и формулы «одна страна — две системы». В качестве ключевого условия для развития межбереговых отношений Цай Инвэнь озвучила принцип «четырёх долженствований»: Китай должен признать реальность существования Китайской Республики (Тайвань), уважать приверженность народа Тайваня свободе и демократии мирным путем на основе равенства, урегулировать

ровать межбереговые разногласия, вести переговоры с участием правительства или уполномоченных правительством учреждений [26].

Политическая основа для межберегового взаимодействия вновь оказалась разрушена и все переговоры заморожены. Подписанные в 2008—2015 гг. межбереговые соглашения стали предметом выборочной имплементации для Пекина [21, с. 25].

Руководство КНР реагирует на вновь сложившуюся тупиковую ситуацию в межбереговых отношениях по нескольким направлениям. Во-первых, Пекин продолжает курс на поощрение экономической и социальной интеграции острова и материка (курс «шэхуэй жунхэ фачжань»). Были расширены меры по предоставлению тайваньскому населению новых, связанных с материком возможностей в сфере бизнеса, образования, трудоустройства, при этом особое внимание уделяется активизации молодежной политики и увеличению обменов между молодежью [23]. Среди запущенных мер — принятый в 2018 г. Канцелярией Госсовета КНР по делам Тайваня пакет из 31 инициативы с добавлением к ним еще 26 в 2019 г., включающий предоставление тайваньским компаниям права на участие в программе «Сделано в Китае 2025», в тендерах на инфраструктурные проекты КНР, на получение налоговых льгот и нацеленный на привлечение тайваньских специалистов и выпускников вузов для работы на материке [27]. Необходимость дальнейшего поиска новых путей для межбереговой интеграции и совместного экономического развития была подчеркнута Си Цзиньпином в марте 2021 г. в ходе визита в провинцию Фуцзянь [28, р. 15].

С другой стороны, китайское руководство приняло ряд шагов с целью оказания давления на администрацию Цай Инвэнь. Резко увеличилась военная активность КНР и военно-морские и воздушные учения в районе Тайваньского пролива. В 2020 г. число проходов китайских военных самолетов через идентификационную зону противовоздушной обороны Тайваня достигло 380 раз — частота, как отмечают наблюдатели, не наблюдавшаяся с 1996 г. [28, р. 15]

Также были предприняты шаги по сокращению международного пространства Тайбэя. С момента прихода к власти администрации Цай Инвэнь 7 стран разорвали дипломатические отношения с островом в пользу признания КНР. Тайвань был лишен участия в работе Всемирной ассамблеи здравоохранения, Международной организации гражданской авиации (ИКАО), механизмов, связанных с Рамочной конвенцией ООН об изменении климата.

На этом фоне обострилась напряженность между Пекином и Вашингтоном по тайваньскому вопросу. Пришедшая к власти в Америке в результате президентских выборов 2016 г. администрация Д. Трампа переосмыслила подход США к КНР, отвергнув курс на «вовлечение» Китая

и заменив его парадигмой «стратегического соперничества». Вашингтон использует различные рычаги давления на Пекин, одним из них стало укрепление связей с Тайбэем.

Стратегическая роль Тайваня была расширена в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии США. Доклад Пентагона «Индо-Тихоокеанская стратегия» 2019 г. косвенно определяет статус Тайваня в качестве страны, утверждая, что наравне с Новой Зеландией, Сингапуром и Монголией Тайвань является «надежным... и естественным партнером США» в Индо-Тихоокеанском регионе [29]. Символом американской поддержки в военной сфере стало частое оперирование американских военно-морских и воздушных судов в районе Тайваньского пролива. Ежегодный характер приобрели продажи оружия острову, причем теперь в пакеты включаются «чувствительные» для Пекина наименования. Покупка Тайванем 66 истребителей F-16, финализируемая в августе 2020 г., знаменует собой первую американскую продажу передовых истребителей Тайбэю с 1992 г.

Двухпартийная поддержка Тайваня конгрессом подтверждается принятием множества законов, таких как Закон о поездках на Тайвань 2018 г., согласно которому США и Тайвань могут официально посылать друг к другу высокопоставленных должностных лиц; Закон об инициативе по поддержке Азии от 2018 г., подтверждающий приверженность США гарантиям безопасности Тайваня и содержащий положения, поддерживающие более тесные отношения между двумя сторонами; Закон об инициативе по международной защите и поддержке союзников Тайваня от 2019 г., который призывает государства в Индо-Тихоокеанском регионе укреплять и расширять отношения с Тайванем.

Команда пришедшего к власти в 2021 г. президента Дж. Байдена уже продемонстрировала значительную поддержку Тайваню. С момента его вступления в должность (по состоянию на конец мая 2021 г.) четыре военных корабля ВМС США осуществили проход через Тайваньский пролив. Американская администрация готовит продажу оружия Тайваню, что сделает эту сделку самым ранним пакетом продаж с момента вступления американских президентов в должность. Ситуация вокруг Тайваня обсуждается с союзниками Америки. Так, министры обороны США и Японии согласились в марте 2021 г. тесно сотрудничать в случае атаки КНР на Тайвань. Также в совместном заявлении по итогам апрельского саммита лидеры США и Японии подчеркнули важность мира и стабильности в районе Тайваньского пролива и заявили о поддержке мирного разрешения межбереговых вопросов.

Директор Центра американских исследований Фуданьского университета У Синьбо говорит о вероятности того, что Америка будет оказывать Тайваню еще большую поддержку. Слова эксперта подтверждаются Законом о стратегической конкуренции 2021 г., который на момент напи-

сания статьи проходит процедуру утверждения в конгрессе [30]. Законопроект, в частности, предполагает углубление связей с Тайванем — будь то через продвижение торговых сделок с островом, продажу оружия, расширение контактов с американскими официальными лицами или поддержку попыток Тайбэя принимать участие в международных форумах. Профессор Национального университета Тайваня Чжан Ячжун считает, что таким образом американские стратеги подстрекают остров к противостоянию с материковой частью Китая, «превращая Тайвань в еще один Афганистан». «Это... стратегическая ловушка США» [30].

Отметим, что, действительно, в американских экспертных кругах идет процесс переосмысления роли Тайваня в стратегии США в условиях противостояния с КНР в сторону ее повышения. Общий консенсус склоняется к мысли, выраженной профессором Гарварда Н. Фергюсоном: потеря Америкой Тайваня будет рассматриваться в Азии как конец американского господства и станет американским «Суэцким кризисом» (имеются в виду последствия Суэцкого кризиса 1956 г. для Британии). Выход острова из орбиты влияния США подорвет доверие их союзников и партнеров к американским обязательствам в Азии и коренным образом изменит соотношение сил и структуру регионального порядка и фактически будет означать конец Pax Americana [31]. Кроме этого, в свете разгорающейся технологической войны США и Китая Тайвань приобретает огромный вес как мировой центр высокотехнологичного производства. Тайванская компания TSMC производит для мирового рынка около 84 % всех передовых микрочипов, а это «сердце» современной электроники. Неудивительно, что в таких условиях в Америке все громче звучат голоса в пользу отказа от двусмысленности американской позиции и официального признания того, что в случае возникновения угрозы Тайваню американские войска будут оказывать помощь острову. С таким предложением выступили, в частности, Р. Хаас, президент влиятельнейшего Совета по международным отношениям и его коллега Д. Сакс, сотрудник Американского института предпринимательства М. Мазза, конгрессмен от штата Висконсин М. Галлахер.

Однако на официальном уровне Америка не готова связывать себя военными обязательствами. На вопрос, пойдут ли США на боевые действия в случае кризиса в Тайваньском проливе, госсекретарь США Э. Блинкен не дает прямой ответ. «У нас есть серьезная приверженность делу мира и безопасности в западной части Тихого океана. Мы поддерживаем эти обязательства. И в этом контексте было бы серьезной ошибкой пытаться изменить этот статус-кво силой» [32]

В заключение выделим ряд факторов, которые, как представляется, будут играть важную роль в развитии ситуации в зоне Тайваньского пролива в долгосрочной перспективе. Во-первых, таким фактором выступа-

ют изменения в общественном сознании тайваньцев и укрепление новой национальной идентичности. Эта тенденция становится серьезным вызовом для КПК в деле успешной политической интеграции и мирного воссоединения страны. Если судить по данным опросов, в 2020 г. только 2,4 % жителей Тайваня назвали себя «китайцами» (в 1996—17,6 %), в то время как число людей, идентифицирующих себя как «тайваньцы» выросло до 67 % (в 1996—24,1 %). Хотя большинство тайваньцев выступает за поддержание статус-кво и принятие решения по независимости/ объединению позже (28,8 %), резко выросло число людей, выступающих за статус-кво сейчас, а потом движение к независимости — до 25,8 % в 2020 (с 9,5 % в 1996 г.) [33]

Во-вторых, подвижки в общественном сознании влияют на позиции политических партий Тайваня и их программы. За прошедшие годы ДПП удалось превратиться из оппозиционной партии в правящую. Немалую роль в укреплении ее позиций сыграло успешное использование в своих политических целях ситуации в Гонконге для убеждения части жителей Тайваня в том, что сближение с материком станет угрозой демократической системе и высокому уровню жизни на острове. Более того, реагируя на настроения избирателей, более молодое крыло Гоминьдана стало предпринимать попытки по переосмыслению позиции партии касательно межбереговых отношений. Так, Комитет по внутрипартийной реформе Гоминьдана в июне 2020 г. предложил программу развития межбереговых отношений, определявшую «консенсус 1992 г.» как «историческое описание взаимодействия между берегами пролива в прошлом». Выдвигались «четыре основы», в соответствии с которыми следует выстраивать эти отношения: отстаивание суверенитета Тайваня; гарантирование свободы, демократии и прав человека; приоритетность безопасности Тайваня; создание ситуации взаимного выигрыша и процветания для межбереговых отношений. Стоит отметить, что это предложение подверглось критике как ряда «старой гвардии» партии, так и представителей материка. Бывший заместитель заведующего Канцелярии по делам Тайваня при Госсовете КНР Ван Цзайси считает, что «[формула] «четырёх основ» ошибочна и, по сути, является формой «особых межгосударственных отношений» Ли Дэнхуэя» [34]. Еще одной знаковой ситуацией, ставшей неприятным сюрпризом для материка, стало внесение Гоминьданом в Законодательный юань осенью 2020 г. законопроектов, призывающих правящую ДПП добиваться возобновления дипломатических отношений между Тайванем и Америкой и запросить дипломатическую, экономическую, военную помощь США при защите острова в случае агрессии Пекина.

В-третьих, негативное влияние на развитие ситуации в зоне пролива оказывает нарастание конфликтности в китайско-американских отноше-

ниях. Силы, коренящиеся в меняющемся балансе сил международной системы, в соперничестве экономических и политических моделей двух стран, заставляют лидеров меньше ценить выгоды, которые страны получали от сотрудничества, и больше концентрироваться на угрозах, которые США и КНР представляют друг для друга. Результатом этого процесса стал переход США к активному соперничеству с КНР, что склоняет позицию США в сторону поддержки Тайваня. Для Вашингтона остров имеет значение как элемент, нахождение которого в зоне влияния США поддерживает выстроенный Америкой порядок в Восточной Азии.

Данные «подводные течения» имеют долгосрочную структурную природу и не исчезнут в скором времени. Таким образом, диапазон, в рамках которого статус-кво мог дрейфовать в ту или иную сторону, сокращается, как и пространство для маневра каждой из сторон треугольника, что увеличивает опасность перерастания структурного тупика в конфликт. Как отмечал Г. Аллисон, анализируя случаи возникновения войн между гегемоном и растущей державой, втягивание двух сторон в конфликт зачастую происходит вопреки их намерениям. Поэтому, возвращаясь к «тайваньскому вопросу», отметим, что, хотя на данном этапе ситуация несет в себе вызов для руководства КНР, решающее значение в развитии ситуации будет иметь мудрость принимаемых главами государств политических решений, взвешенность политического курса и слаженность работы механизмов по предотвращению кризисных ситуаций на море и в воздухе.

Библиографический список

1. *Си Цзиньпин*. Цзюэшэн цюаньянь цзяньчэн сяокан шэхуэй доцзой синь шидай Чжунго тэсэ шэхуэй чжуи вэйда шэнли (2017 нянь 10 юэ 18 жи) [Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху (18 октября 2017 года)] // Синьхуа. 27.10.2017. URL: http://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm
2. *Zhao, S.* Making sense of the 1995—1996 crisis in the Taiwan Strait // *Across the Taiwan Strait: Mainland China, Taiwan and the 1995—1996 Crisis* / Ed. by Suisheng Zhao. New York: Routledge, 1999. 318 p.
3. Promoting Cross-Strait Relations: The Conscious Efforts of the Republic of China Government. General Policy Archives (1994—2008) // Mainland Affairs Office. URL: https://www.mac.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=8A319E37A32E01EA&sms=2413CFE1BCE87E0E&s=D2DDE7EC7D678B5D
4. Конституция КНР (1982) // «Законодательство Китая» URL: http://chinalaw.info.ru/constitutional_law/constitution

5. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М.: Политиздат, 1988. 256 с.
6. Цзецзюэ Тайвань вэньти дэ ба сян чжучжан [Восемь предложений по решению тайваньского вопроса] // Чжунго гунчаньдан синьвэнь. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64107/65708/65722/4444435.html>
7. Goldstein, S. China and Taiwan. Cambridge: Polity Press, 2015, 228 p.
8. Лу Дэнхуэй. Позиция Тайваня. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000, 272 с.
9. Guidelines for national unification (1991) // Mainland Affairs Council. URL: https://www.mac.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=BE036A4A0BB0663C&sms=BF821F021B282251&s=D0017062A39AF1C0
10. Вопросы и ответы, касающиеся Белой книги «Тайванский вопрос и объединения Китая». Пекин: Межконтинентальное издательство Китая, 1997. 113 с.
11. Lee Teng-hui. Understanding Taiwan: Bridging the Perception Gap // Foreign Affairs. 1999. № 6. P. 9—14.
12. Cheng, T., Wang, V. Theoretical Constructs Between convergence and collision: Whither Cross-Strait Relations? // Cambridge Review of International Affairs. 2001. № 2. P. 239—256.
13. Goldstein, S. The Taiwan Strait: A Continuing Status Quo of Deadlock? // “Cambridge Review of International Affairs”, 2002, № 1, pp. 85—94].
14. Чэнь Шуйбянь цзючжи яньшуо (цзоаньвэнь) [Инаугурационная речь Чэнь Шуйбяня (полный текст)] // «Синьвэнь Чжунсинь». URL: <https://news.zol.com.cn/2000/0520/4501.shtml>
15. Ларин А.Г. Принцип «одного Китая» во взаимоотношениях двух берегов Тайваньского пролива // Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации. Сборник статей. М.: Институт востоковедения РАН. 312 с.
16. «Фань фэньле гоцзя фа» цзоаньвэнь [Полный текст «Закона о противодействии расколу страны»] // Синьхуа. URL: http://news.xinhuanet.com/newscenter/2005-03/14/content_2694168.htm
17. Ху Цзиньтао призвал весь китайский народ бороться во имя достижения мирного объединения Родины // «Чжунго ван». URL: <http://russian.china.org.cn/russian/164087.htm>
18. Remarks Following Discussions With Premier Wen Jiabao of China and an Exchange With Reporters, December 9, 2003 // The U.S. Government Publishing Office. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-2003-book2/html/PPP-2003-book2-doc-pg1700.htm>
19. Christensen, T. A Strong and Moderate Taiwan. Speech to U.S.-Taiwan Business Council, Defense Industry Conference, Annapolis, Maryland. September 11, 2007 // U.S. Department of State. Archive. URL: <http://2001-2009.state.gov/p/eap/rls/rm/2007/91979.htm>
20. Чжунхуа минго ди 12 жэнь цзун Ма Инцзю сяншэн цзючжи яньшуо [Инаугурационная речь г-на Ма Ин-цзю, 12-го президента Китайской Республики]

ки // Чжунхуа миньго цзунтун фу [Администрация президента Китайской Республики]. URL: <https://www.president.gov.tw/NEWS/12226>

21. *Chen, Y.; Cohen, J.* China-Taiwan Relations Re-Examined: The “1992 Consensus” and Cross-Strait Agreements // *University of Pennsylvania Asian Law Review*. 2019. № 1. P. 1—40.

22. Си Цзиньпин о государственном управлении. Пекин: Изд-во лит-ры на иностранных языках, 2014. С. 631.

23. Тайвань циньянь чэн вэй Чжунго дуй Тай чжэнцэ содин мубяо [Тайваньская молодежь стала мишенью тайваньской политики Китая] // *Cmmedia*. URL: <https://www.cmmedia.com.tw/home/articles/4052>

24. *Лю Фэйтао, Тэн Цзяньцунь, Шэнь Ямэй, Цуй Лэй, Ду Лань.* Чжун-мэй фэньци гуань кун дэ лилунь юй шицзянь — и чжэнчжи, цзинци, аньцюань вэй ши цзяо [Теория и практика сдерживания и контроля китайско-американских разногласий — с точки зрения политики, экономики, безопасности] // *CPS яньцзю баогао* (Чжунго гоцзи вэньти яньцзю юань) [Исследовательский отчет CIIS (Китайский институт международных исследований)]. 2015. № 11. 57 с.

25. Ван И хуэйю Кэли тань тайвань вэньти: цзай кэ кун дэ чжуантай чжи нэй [Ван И встречается с Керри для обсуждения тайваньского вопроса: находится в контролируемом состоянии] // *Дакунван*. 21.09.2013. URL: <http://news.takungpao.com/taiwan/shizheng/2013-09/1915753.html>

26. President Tsai’s new year’s talk for 2019 (01.01.2019) // Office of the President, Republic of China (Taiwan). URL: <https://english.president.gov.tw/News/5618>

27. Taiwanese given ‘equal status’ on China’s mainland, but is Beijing just trying to buy their support? // *South China Morning Post*, 01.08.2018. URL: <https://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2135291/taiwanese-given-equal-status-chinas-mainland-beijing>

28. Something wicked this way comes // *The Economist*, 2021, 1—7 May, p. 74.

29. Indo-Pacific Strategy Report: Preparedness, Partnerships, and Promoting a Region (June 1, 2019) // Department of Defence. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/department-of-defense-indo-pacific-strategy-report-2019.pdf>

30. Reunification only acceptable option for Taiwan question: experts / *Global Times*, 21.12.2019 URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1174282.shtml>

31. *Ferguson, N.* A Taiwan Crisis May Mark the End of the American Empire // *Bloomberg Opinion*, 22.03.2021. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2021-03-21/niall-ferguson-a-taiwan-crisis-may-end-the-american-empire>

32. Antony Blinken warns of China’s ‘increasingly aggressive actions’ against Taiwan // *Economic Times*, 11.04.2021. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/antony-blinken-warns-of-chinas-increasingly-aggressive-actions-against-taiwan/articleshow/82018328.cms>

33. Чжуняо чжэнчжи тайду фэньбу цуйши ту [Графики, демонстрирующие распределение взглядов по значительным политическим вопросам] // Голи Чжэн-

чжи дасюэ сюаньцзюй яньцзю чжунсинь [Центр изучения выборов Национального университета Чэнчи]. URL: <https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc?fid=7803>

34. Risks seen in future relations across the Taiwan Strait but overall situation controllable: expert // *Global Times*, 08.07.2020. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1193830.shtml>

References

1. Xi Jinping. Juesheng quanmian jiancheng xiaokang shehui duoqu xin shidai Zhongguo tese shehui zhuyi weida shengli (2017 nian 10 yue 18 ri) [Xi Jinping. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era (the 18th of October 2017)] // «Xinhua», 27.10.2017. URL: http://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm

2. Zhao, S. Making sense of the 1995—1996 crisis in the Taiwan Strait // *Across the Taiwan Strait: Mainland China, Taiwan and the 1995—1996 Crisis*. Ed. by Suisheng Zhao. New York: Routledge, 1999. 318 p.

3. Promoting Cross-Strait Relations: The Conscious Efforts of the Republic of China Government. General Policy Archives (1994—2008) // Mainland Affairs Office. URL: https://www.mac.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=8A319E37A32E01EA&sms=2413CFE1BCE87E0E&s=D2DDE7EC7D678B5D

4. Konstitutsiya KNR (1982) [CPR Constitution] // «Zakonodatelstvo Kitaya». URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution

5. Deng Xiaoping. Osnovnyye voprosy sovremennogo Kitaya [The main Issues of the Modern China]. M.: Politizdat, 1988. 256 p.

6. Jiejue Taiwan wenti de ba xiang zhuzhang [Eight Proposals to Resolve the Taiwan Question] // *Zhongguo gongchandang xinwen*. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64107/65708/65722/4444435.html>

7. Goldstein, S. *China and Taiwan*. Cambridge: Polity Press, 2015, 228 p.

8. Lee Teng-hui. Pozitsiya Tayvanya [Taiwan's Stance]. M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 272 p.

9. Guidelines for national unification (1991) // Mainland Affairs Council. URL: https://www.mac.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=BEC36A4A0BB0663C&sms=BF821F021B282251&s=D0017062A39AF1C0

10. Voprosy i otvety, kasayushchiesya Beloy knigi «Tayvanskiy vopros i obyedineniye Kitaya» [Q&A on the Taiwan Question and China Unification White Paper]. Pekin: Mezkhkontinental'noye izdatelstvo Kitaya, 1997. 113 p.

11. Lee Teng-hui. Understanding Taiwan: Bridging the Perception Gap // «Foreign Affairs», 1999, № 6, pp. 9—14.

12. Cheng, T.; Wang, V. Theoretical Constructs Between convergence and collision: Whither Cross - Strait Relations? // «Cambridge Review of International Affairs», 2001, № 2, pp. 239—256.

13. Goldstein, S. The Taiwan Strait: A Continuing Status Quo of Deadlock? // “Cambridge Review of International Affairs”, 2002, № 1, pp. 85—94].

14. Chen Shuibian jiu zhi yanshuo (quanwen) [Chen Shui-bian’s Inaugural Address (full text)] // «Xinwen Zhongxin». URL: <https://news.zol.com.cn/2000/0520/4501.shtml>

15. Larin A.G. Printsip “odnogo Kitaya” vo vzaimootnosheniyakh dvukh beregov Tayvanskogo proliva [The “one China” principle in the cross-strait relations] // Sinkhayskaya revolyutsiya i respublikanskiy Kitay: vek revolyutsiy, evolyutsii i modernizatsii. Sbornik statey [Xinhai Revolution and Republican China: Age of Revolutions, Evolution and Modernization. Digest of articles]. M.: Institut vostokovedeniya RAN. 312 p.

16. “Fan fenlie guojia fa” quanwen [Anti-Secession Law Full Text] // «Xinhua». URL: http://news.xinhuanet.com/newscenter/2005-03/14/content_2694168.htm

17. Hu Jintao prizval ves kitayskiy narod borotsya vo imya dostizheniya mirnogo obyedineniya Rodiny [Hu Jintao called on the entire Chinese people to fight for the peaceful unification of the Motherland] // «Zhongguo wang». URL: <http://russian.china.org.cn/russian/164087.htm>

18. Remarks Following Discussions With Premier Wen Jiabao of China and an Exchange With Reporters, December 9, 2003 // The U.S. Government Publishing Office. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-2003-book2/html/PPP-2003-book2-doc-pg1700.htm>

19. Christensen, T. A Strong and Moderate Taiwan. Speech to U.S.-Taiwan Business Council, Defense Industry Conference, Annapolis, Maryland. September 11, 2007 // U.S. Department of State. Archive. URL: <http://2001-2009.state.gov/p/eap/rls/rm/2007/91979.htm>

20. Zhonghua minguo di 12 ren zongtong Ma Ying-jiu xiansheng jiu zhi yanshuo [Inaugural Address of Mr. Ma Ying-jeou, 12th President of the Republic of China] // Zhonghua minguo Zongtong fu. <https://www.president.gov.tw/NEWS/12226>

21. Chen, Y.; Cohen, J. China-Taiwan Relations Re-Examined: The “1992 Consensus” and Cross-Strait Agreements // University of Pennsylvania Asian Law Review, 2019, № 1, pp. 1—40.

22. Xi Jinping o gosudarstvennom upravlenii [Xi Jinping on state administration]. Pekin: Izd-vo lit-ry na inostrannykh yazykakh, 2014, p. 63.

23. Taiwan qingnian cheng wei Zhongguo dui Tai zhengce suoding mubiao [Taiwanese youth is a target of China’s Taiwanese policy] // Cmmedia. URL: <https://www.cmmedia.com.tw/home/articles/4052>

24. Liu Feitao; Teng Jianqun; Shen Yamei; Cui Lei; Du Lan. Zhong-Mei fenqi guan kong de lilun yu shijian — yi zhengzhi, jingji, anquan wei shi jiao [Theory and Practice of Containing and Controlling Sino-American Disagreements in Politics, Economics, Security] “CIIS yanjiu baogao” 2015, no. 11, p. 48.

25. Wang Yi huiwu Keli tan Taiwan wenti: zai ke kong de zhuangtai zhi nei [Wang Yi meets Kerry: Taiwan issue is under control] // Dakongwang, 21.09.2013. URL: <http://news.takungpao.com/taiwan/shizheng/2013-09/1915753.html>
26. President Tsai's new year's talk for 2019 (01.01.2019) // Office of the President, Republic of China (Taiwan). URL: <https://english.president.gov.tw/News/5618>
27. Taiwanese given 'equal status' on China's mainland, but is Beijing just trying to buy their support? // South China Morning Post, 01.08.2018. URL: <https://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2135291/taiwanese-given-equal-status-chinas-mainland-beijing>
28. Something wicked this way comes // The Economist, 2021, 1—7 May, p. 74.
29. Indo-Pacific Strategy Report: Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region (June 1, 2019) // Department of Defence. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>
30. Reunification only acceptable option for Taiwan question: experts / Global Times, 21.12.2019 URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1174282.shtml>
31. Ferguson, N. A Taiwan Crisis May Mark the End of the American Empire // Bloomberg Opinion, 22.03.2021. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2021-03-21/niall-ferguson-a-taiwan-crisis-may-end-the-american-empire>
32. Antony Blinken warns of China's 'increasingly aggressive actions' against Taiwan // Economic Times, 11.04.2021. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/antony-blinken-warns-of-chinas-increasingly-aggressive-actions-against-taiwan/articleshow/82018328.cms>
33. Zhuniao zhengzhi taidu fenbu quishi tu [Graphs showing the distribution of views on significant political issues] // Guoli Zhengzhi daxue xuanju. URL: <https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc?fid=7803>
34. Risks seen in future relations across the Taiwan Strait but overall situation controllable: expert // Global Times, 08.07.2020. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1193830.shtml>

В.А. Клиновский

СТАТУСНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРАВ В БРИТАНСКОМ ГОНКОНГЕ В 1970—1990 гг.

Аннотация. Актуальность темы обусловлена продолжающимся усугублением политического конфликта между властями КНР и оппозиционно настроенными жителями Гонконга, одним из факторов которого является постепенная аккультурация Гонконга в составе Китая, в рамках которой происходит вытеснение кантонского диалекта из сферы публичного общения. Данная статья имеет цель проанализировать причины понижения статуса кантонского диалекта в Гонконге после 1997 г. с юридической точки зрения.

В этом контексте изучается процесс формирования и развития института лингвистических прав, а также статусное языковое планирование в Гонконге в поздний период британского правления вплоть до вхождения региона в состав КНР. В качестве основных причин разворота в политике колониальной администрации в отношении языка коренного населения рассматривается влияние изменений в демографии послевоенного Гонконга и общемировых политических тенденций второй половины 1960-х годов, а также внешняя политика КНР. Так, повсеместная борьба за независимость в бывших европейских колониях в Азии и Африке и последующее приобретение ими суверенитета разрушили представление о незыблемости колониального миропорядка, чем подталкивали население других колоний к более активному утверждению своих прав. А социально-политические конфликты в самом Гонконге создавали дополнительные угрозы стабильности. В этой ситуации британской администрации необходимо было продемонстрировать готовность к диалогу с населением по вопросам прав человека, что запустило процесс реформ. Автором также выдвигается тезис о важной роли замеще-

ния управленческих кадров образованными представителями коренного населения в ускорении этих реформ в 80-е годы XX в.

Анализ основных законодательных норм, регулировавших лингвистические права в исследуемый период, показывает, что процесс институционализации этих прав с вхождением Гонконга в состав КНР замедлился. Этому способствовали неразрешенные противоречия в толковании природы официального языка в правовых системах Британского Гонконга и Китая, а также отставание китайского законодательства в области регулирования прав языковых сообществ.

Ключевые слова: Гонконг; Китай; конституционное право; права человека; языковая политика.

Автор: Клиновский Владимир Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (Москва). E-mail: klyn87@mail.ru

V.A. Klinovsky

STATUS PLANNING AND THE DEVELOPMENT OF LANGUAGE RIGHTS IN BRITISH HONG KONG IN 1970—1990

Abstract. The relevance of the topic is based on the proceeding political conflict between the authorities of China and the oppositionally-tuned citizens of Hong Kong which is aggravated inter alia by the gradual cultural assimilation of Hong Kong into the PRC. One of the consequences of this assimilation is the slow marginalization of the Cantonese dialect in the public communication sphere. The goal of this article is to analyze the causes of the Cantonese dialect downgrading in Hong Kong after 1997.

In this context, there is studied the process of the formation and evolution of the language rights concept and the status language planning in Hong Kong in the later period of the British rule up to the city handover. As the main reasons for the reverse in the colonial administration policy concerning the vernacular language of the indigenous population there is considered the impact of demographic changes in post-war Hong Kong, global political tendencies of the second half of the 1960-s and the foreign policy of the PRC as well. So, ubiquitous struggle for independence in the former European colonies of Asia and Africa and subsequent achievement of their sovereignty ruined the notion of the colonial world order inviolability thus encouraging the population of other colonies to assert their rights more actively. And social-political conflicts in Hong Kong itself caused additional threats for the stability. In such situation the British administration had to demonstrate the readiness for the dialogue with the population on the question of human rights, which started the reforms process. The author also states that the emergence of the new generation of public personnel consisted of the educated locals in the 1980-s was crucial for those reforms acceleration.

The analysis of the main legal regulations which adjusted the linguistic rights in the study period shows that the process of all those rights institutionalization

after Hong Kong handover slowed down. The main causes for that were, firstly, the highly different approaches to understanding the nature of the official language in the legislation of British Hong Kong and China, and secondly, the rawness of language rights regulations in China.

Keywords: Hong Kong; China; Constitutional Law; human rights; language policy.

Author: Vladimir A. KLINOVSKY, PhD (Hist), senior researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).

E-mail: klyn87@mail.ru

С окончанием Второй мировой войны и созданием Организации Объединенных Наций значительно актуализировались проблемы прав коренного населения. Чуть позже начинается постепенное превращение Гонконга в один из мировых финансовых центров. Стремительное усиление роли города в международных отношениях, рост численности населения и уровня его образованности неизбежно сопровождалось увеличением спроса на равноправие в употреблении различных языков. Несмотря на то, что языком повседневного общения для подавляющего большинства жителей был китайский (кантонский), его официальный статус никак не был закреплен в законодательстве. Это создавало серьезные проблемы во всех сферах жизни, прежде всего в сфере права. Все нормативно-правовые акты издавались на английском языке. Делопроизводство в судах также осуществлялось только на английском несмотря на то, что многие участники процессов из числа местных жителей не владели им на достаточном уровне.

Критически важным в такой ситуации следует считать обеспечение лингвистических прав граждан в правовых отношениях с властями. К числу важнейших таких прав относится право говорить и быть понятым при юридическом взаимодействии с государственными институтами, в том числе при обращении в органы власти, суды, непосредственно в ходе судебного процесса, в избирательной и образовательной сферах. Реализация данных прав требует от властей активных мер по устранению различных косвенных препятствий, мешающих участию граждан в этих процессах и получению ими необходимой информации.

Для защиты любых своих прав граждане в первую очередь должны иметь возможность донести до соответствующих органов свои требования и получить ответ на них. Поэтому эффективность правоохранительной системы напрямую зависит от того, насколько широко в ней используются языки, которые граждане понимают. Отказ от использования этих языков порождает дискриминацию в отношении определенной группы населения. Данная проблема стояла особенно остро в Гонконге до 60-х годов XX в.

В рамках дискуссии о правах человека лингвистические права обычно рассматриваются как права меньшинства, преимущественно национального. Специфика же этого вопроса в Гонконге заключалась в том, что здесь речь шла о правах большинства, поскольку с момента присоединения Гонконга к Британской империи в 1842 г. носители английского языка, имевшего привилегированный статус, никогда не составляли больше 2 % населения. Конечно же, такая ситуация была характерна для многих других колонизированных территорий. Однако в истории крайне мало примеров колоний, которые достигли бы такого уровня экономического развития и благосостояния, как поздний Гонконг, что придает ситуации некоторую уникальность.

Родным для большей части населения города всегда был кантонский язык. Но незнание английского сильно затрудняло общение с представителями власти. Владение же им увеличивало вертикальную мобильность и предоставляло значительно более широкие возможности для трудоустройства, к примеру, было необходимым условием для работы в тех же госорганах. Безусловно, это ставило носителей разных языков в неравное положение, причем по национальному признаку. Британский правовед Дерек Робак даже назвал такой режим «лингвистическим апартеидом» [1, с. 392]. Законодательная неопределенность статуса китайского языка и его низкое положение в правоохранительной деятельности приводили к ограничению прав носителей языка во всех остальных сферах общественной жизни. Люди, не знавшие английского, не имели возможности получить высшее образование, поскольку преподавание в университетах было исключительно англоязычным. Как следствие их труд в среднем ниже оплачивался [2, с. 36—37]. Получить же квалифицированную юридическую помощь вовсе не представлялось возможным.

В повышении уровня престижа китайского языка сыграли решающую роль послевоенные изменения демографии и образовательный бум 60-х годов XX в. В ходе гражданской войны в континентальном Китае и сразу после нее в Гонконг мигрировало большое количество жителей с «большой земли», не признавших победу КПК, оказавшихся в результате нее вне закона, или просто желавших обезопасить свое имущество. Среди них было и большое количество военнослужащих, политических деятелей и интеллигенции, лояльных к правительству Китайской Республики. В дальнейшем эти граждане сформировали в Гонконге новую социальную прослойку со своими интересами и политическими предпочтениями. Безусловно, попав из суверенного Китая в колониальный город, где китайцы, будучи большинством, были подчинены иностранцам, а власть осуществлялась на чужом языке, они испытали определенный культурный шок. Невозможность использовать при контактах с госорганами китайский язык на исторической территории Китая была для них, в отличие

от коренных жителей, непривычной и породила внутренний протест. Жизнь людей регулировалась законодательством, написанным на языке, который большинство из них не понимало. Обвиняемые по уголовным делам в судах не понимали хода заседаний и не были обеспечены правом требовать перевода. По сути, это дискредитировало систему английского общего права, провозглашавшую принципы доступности и равноправия [3, с. 51].

Миграции из континентального Китая еще больше увеличили пропорцию китаеязычного населения Гонконга. Первое послевоенное поколение очень высоко ценило образование. Для 1960-х годов в Гонконге характерно резкое повышение уровня владения английским языком среди населения. Однако в это же время возросли националистические настроения. Рост политического сознания молодежи привел к тому, что в 1969—1970 годах студенческое движение стало выдвигать требования по наделянию китайского языка официальным статусом.

Эти тенденции привлекали особое внимание властей по причине острого политического кризиса, нараставшего в конце шестидесятых годов. В апреле 1966 г. в городе вспыхнули первые крупные массовые протесты против британских властей. Начавшись как забастовка работников паромной компании, они привели к столкновениям с полицией и аресту почти 2000 человек. В мае же 1967 г. радикальные члены Федерации профсоюзов Гонконга устроили серию забастовок, перетекших в массовые беспорядки с применением насилия. Протесты были непосредственным следствием начавшейся в КНР культурной революции. После подавления демонстрации полицией к протестующим стали присоединяться рядовые рабочие и молодые люди, выступавшие против колониализма. Пик протестов пришелся на июль, когда демонстранты начали применять против полиции самодельное оружие, а по городу стали распространяться призывы к физическому устранению губернатора. О серьезности положения говорило еще и то, что в декабре 1966 г. аналогичное протестное движение началось в соседнем Макао, также являвшимся иностранной колонией. Тогда после жесткого разгона протестующих против колониализма силами полиции, левые радикалы захватили резиденцию португальского правительства. В городе было введено военное положение, что привело к человеческим жертвам, а Пекин направил к Макао военные корабли. В результате под давлением крупного бизнеса, вставшего на сторону китайской диаспоры, власти были вынуждены пойти на огромные уступки и выплатить компенсацию пострадавшим от полицейского насилия. Эти события фактически запустили процесс деколонизации Макао. В протестах 1967 г. в Гонконге властям четко виделся опыт Макао. Британское правительство категорически отказалось от переговоров с активистами, которые массово арестовывались. В условиях роста напря-

женности между Лондоном и Пекином сам премьер КНР Чжоу Эньлай официально выступил с требованием прекратить беспорядки, и они вскоре сошли на нет.

Все эти инциденты были естественным следствием общемировых процессов деколонизации и борьбы за независимость, охвативших мир в 1960-е годы. Лондон понимал, что сохранение власти в Гонконге в этих условиях требует принятия определенных мер в сфере экономики и защиты прав человека. По мнению некоторых исследователей, беспорядки 1966—1967 годов были «прямым сигналом о том, что язык законодательства и управления непонятен широким массам, что ведет к разрыву между властью и народом» [4, с. 24].

По совокупности этих причин правительство было вынуждено начать серию масштабных преобразований, которые привели к запуску в 1971 г. экономического курса «активного невмешательства». Также властям пришлось обратить внимание и на проблему неравного статуса языков, как и на требования граждан из различных социальных классов включить китайский язык в сферу управления для упрощения взаимодействия с госорганами. В октябре 1970 г. при правительстве был сформирован Комитет по проблемам китайского языка (анг. Chinese Language Committee), задачей которого было исследование употребления китайского языка в сфере бизнеса и управления [5, с. 28].

После продолжительных консультаций в 1974 г. было принято «Постановление об официальных языках» (анг. The Official Languages Ordinance), которое подразумевало совместное использование кантонского и английского языков в работе государственных учреждений [6]. Английский и китайский языки наделялись юридически равным статусом. Интересно, что в постановлении не уточнялось, какая именно разновидность китайского имеется в виду под вторым официальным языком. Проблема различий кантонского, мандаринского, хакка и других языков на тот момент не стояла. Кантонский считался официальным по умолчанию.

Документом устанавливалось, что оба языка «считаются официальными и могут равно использоваться для общения между правительственными или социальными службами и гражданами». Также разрешалось пользоваться обоими языками на заседаниях Законодательного совета, Городского совета, Регионального совета¹ и Окружных советов. При этом в четвертом разделе Постановления указывалось, что все прочие постановления должны издаваться на английском языке. Согласно пятому разделу, китайский язык мог использоваться на процессах в мировых судах, судах по делам несовершеннолетних, судах по разрешению трудовых

---

¹ Городской и Региональный советы — органы, контролировавшие работу городских служб на острове Сянган с полуостровом Каулун и на Новых территориях соответственно. Были реорганизованы в 1999 г.

споров, миграционных судах и в ходе разбирательств по гражданским делам. В то же время в Апелляционных судах, Верховном суде и окружных судах на заседаниях мог использоваться только английский. В итоге полное равноправие языков в сфере юстиции достигнуто не было. А приведенные выше нормы не конкретизировались никакими дополнительными документами, которые определяли бы порядок работы судов при проведении заседаний на том или ином языке или требования к квалификации персонала. Все эти нормы оставались, по большому счету, декларативными [7, с. 301].

Однако серьезный и резкий сдвиг в этой области произошел после подписания в 1984 г. «Объединенной китайско-британской декларации по вопросу передачи Гонконга». Следствием этого была актуализация идеи ускоренного внедрения китайского языка в работу государственных и правоохранительных учреждений². В 1986 г. было издано «Постановление о переводе и общих нормах» (анг. Interpretation and General Clauses Ordinance), а в 1987 г. — «Поправки к постановлению об официальных языках» (анг. The Official Languages Ordinance Amendment), согласно которым теперь все вновь принимаемые нормативно-правовые акты в регионе должны были публиковаться и на английском, и на китайском языках. Это создало правовую базу для реального внедрения кантонского в работу органов власти и судебную практику. В октябре 1988 г. в соответствии с данными поправками был создан Консультативный комитет по вопросам двуязычного законодательства (анг. The Bilingual Laws Advisory Committee, сокр. BLAC), занимавшийся проверкой и исправлением китайских переводов нормативно-правовых актов, издававшихся Отделом разработки законопроектов Юридического департамента Гонконга.

Таким образом, перевод законодательства с английского языка и переход юридической практики на двуязычную модель начались только в 1980-х, благодаря решению вопроса о сроках возвращения Гонконга Китаю. Это было важным шагом на пути к становлению китайского языка как языка работы государственных органов. Большинство судов к концу британского правления также стали использовать китайский язык. В иных условиях данный процесс, вероятнее всего, протекал бы значительно медленнее.

В истории этой длительной реформы отчетливо прослеживаются два периода. Если до 1984 г. движущей силой реформ были в основном народные массы, вынуждавшие колониальную администрацию институционализировать китайский язык, то после 1984 г. решения принимались в основном сверху. И важнейшую роль в подобном изменении направле-

---

² Приложение 1 к Декларации устанавливало, что с 1997 г. «помимо китайского английский язык также может быть использован в правительственных органах и судах Особого административного района Гонконг».

ния формирования политической воли сыграло опять же первое послевоенное поколение этнических китайцев Гонконга, представители которого к тому времени заняли большую часть государственных постов среднего уровня. И хотя целью реформы изначально было создание двуязычного пространства в сфере управления и охраны прав граждан, на деле в течение всего тринадцати лет с момента подписания Декларации и до вхождения Гонконга в состав КНР в регионе произошел очень быстрый переход к использованию китайского языка как основного в работе органов власти всех уровней.

В 1995 г. правительство представило официальный «Доклад об использовании китайского языка в сфере государственной службы». В рамках доклада были озвучены рекомендации по ускорению перехода на китайский язык, созданию программ переподготовки кадров, введению новых требований к соискателям должностей и использованию программного обеспечения на китайском языке [8].

1 июля 1997 г. состоялась официальная передача Гонконга Китаю. И с этого момента Основной закон Особого административного района (ОАР) Сянган стал для него подобием конституции. Статья 9 Основного закона устанавливает, что «в дополнение к китайскому языку английский язык может использоваться исполнительными, законодательными и судебными органами» [9].

Важнейшим теоретическим результатом проведенных реформ является формирование в юридическом поле Гонконга концепции лингвистических прав. Сами по себе лингвистические права часто обобщаются юристами как право на свободу выражения в частной сфере и на равенство и отсутствие дискриминации в публичной сфере. Первое подразумевает невмешательство в вопросы частной жизни как сферы общения. Второе зафиксировано в документах об основных правах и свободах. Важнейшим документом подобного рода при британской администрации был Гонконгский Билль о правах, составленный в 1990 и принятый в 1991 г. [10]. Имея своей целью устранить конфликты норм законодательства в сфере прав человека, он затрагивал в том числе лингвистические права. Статья 1 третьей части Билля устанавливала равенство граждан Гонконга вне зависимости от пола, национальности, вероисповедания и, в частности, родного языка. Это же подтверждалось в статье 22, устанавливающей равное право всех граждан на защиту со стороны закона.

В этих и других положениях Билль ориентировался на стандарты международного права. Текст его статей в значительной степени копировал содержание Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [11]. Так, описанная выше статья 1 Билля является копией статей 2 и 3 Пакта. Статья 22 Билля — эквивалент статьи 26 Пакта. Статья 11 Билля повторяет текст статьи 14 Пакта о том, что «гражданин, об-

виняемый по уголовному делу, имеет право получать своевременную и подробную информацию на языке, который он понимает».

Несмотря на то, что Гонконгский Билль о правах прекратил действие в результате вхождения в состав КНР, Основной закон особого административного района устанавливал, что положения Международного пакта о гражданских и политических правах, ранее принятые в Гонконге, должны оставаться в силе и реализовываться посредством законодательства ОАР (Статья 39). Лингвистические права не упоминаются в Основном законе напрямую, лишь статья 25 гласит, что «все граждане должны быть равны перед законом».

Стоит отметить, однако, что в языковой сфере абсолютное равноправие граждан невозможно уже потому, что государство не может предоставить официальный статус всем языкам, используемым его жителями, и этот статус получают, как правило, только языки коренного большинства или привилегированного меньшинства, как в случае с Гонконгом. Языки многочисленных национальных меньшинств, представители которых являются гражданами Гонконга, вынуждены использовать для нужд общения с государственными агентами или китайский, или английский.

Но еще более серьезной и весьма специфичной для Китая является проблема различия региональных разновидностей языка. Несмотря на значительные фонетические и лексические отличия между кантонским, хоккьенем, мандаринским и другими языками китайской группы, продвигавшаяся КНР в течение многих лет политика признания их диалектами единого китайского языка привела к тому, что стихийное признание одного из них официальным в том же Гонконге автоматически ведет к дискриминации других. Неспособность носителей одного из этих языков понять на слух другой ведет к тому, что человек, говорящий, к примеру, на хоккьене, но не понимающий кантонский, будет испытывать затруднения при общении с представителями власти, хотя с точки зрения права говорит на официальном языке — «китайском». Если для КНР данная проблема всегда была крайне актуальной, а ее решение трудным и весьма конфликтным, то британцы, управляя кантоноязычным Гонконгом, практически с ней не сталкивались. Судьба вопроса после 1997 г. тем более не могла их интересовать.

Как уже говорилось выше, статусом второго официального языка обладал просто «китайский». Однако после передачи города Китаю, его жители становились гражданами страны, где официальным был совершенно другой китайский — «путунхуа», и где сам институт языковых прав еще даже не сложился³. Положения Гонконгского Билля о правах

---

³ «Закон КНР об общеупотребительном языке и письменности» был принят в Китае лишь в 2001 г. и не содержал почти никаких норм, обеспечивающих защиту прав носителей «диалектов».

оставались в силе. Но они, во-первых, носили крайне обобщенный характер, а во-вторых, защищали права носителей именно «китайского языка». В КНР же китайский и так был официальным языком по умолчанию, а кантонский считался просто одним из его диалектов. С формальной точки зрения права жителей Гонконга в этой сфере не могли никак нарушаться. Проще говоря, нормы Билля теперь не имели юридического смысла. Добившись признания своих прав как носителей языка нормативными актами в Британской империи, они снова становились непризнанным языковым меньшинством в Китае. Все достигнутые результаты фактически аннулировались. В дальнейшем эта проблема станет одним из основных факторов политического конфликта между пекинскими властями и жителями Гонконга.

Таким образом, в условиях обозначившейся с начала 1960-х годов общемировой тенденции к деколонизации и росте образованности населения повышение уровня правосознания граждан Гонконга было неизбежным. Рост национализма в определенных кругах и попытка вмешательства со стороны КНР дополнительно ускорили формирование общественного движения, выступавшего, в том числе, за языковое равноправие. Первоначально реформы, проводившиеся в этом направлении британской администрацией, характеризовались осторожностью и нежеланием радикально усилить позиции китайского языка в официальной сфере. Однако в 1980-х годах по мере все большего проникновения в управленческие структуры молодого поколения образованных китайцев, реформа значительно интенсифицировалась. После подписания «Объединенной китайско-британской декларации по вопросу передачи Гонконга» у колониальной администрации не осталось реальной мотивации для продолжения англоцентричной языковой политики. Все это создавало возможность для закрепления норм о лингвистических правах в законодательстве. Несмотря на то, что документы, содержавшие их, были приняты лишь к концу британского правления, их действие, согласно «Китайско-британской декларации», не отменялось после передачи Гонконга КНР. Однако с юридической точки зрения большинство этих норм не имело смысла, поскольку они никак не затрагивали вопросы дискриминации внутри китайской группы языков, которая после передачи Гонконга стала основной для региона.

Что касается прочих положений об охране основных прав и свобод, то в соответствии с Декларацией и «Основным законом ОАР Сянган» особый правовой режим в Гонконге должен поддерживаться в течение пятидесяти лет с момента передачи. И вопрос о том, как после истечения этого срока будут обеспечиваться лингвистические и другие права коренных жителей, остается без ответа. Эта и другие проблемы будут становиться все более актуальными впоследствии.

Библиографический список

1. *Roebuck Derek*. The English Language and the common law // New Zealand Law Journal. Wellington, 1989. P. 391—396.
2. *Lau Chikuen*. Hong Kong's Colonial Legacy. Hong Kong, 1997. 200 p.
3. *Cheung Anne*. Language Rights & the Hong Kong Courts // Hong Kong Journal of applied linguistics. Hong Kong, 1997. № 2. P. 49—76.
4. *Chen Albert Hungyee*. Law in a foreign language: the case of Hong Kong // Hong Kong Law Journal. Hong Kong, 1989. № 15. P. 19—47.
5. *Chen Albert Hungyee*. 1997: The language of the law in Hong Kong // Hong Kong Law Journal. Hong Kong, 1985. № 15. P. 19—47.
6. Hong Kong Government. The Official Language Ordinance. URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap5> (дата обращения: 07.06.2021).
7. *Zhao Yuhong*. Hong Kong: The journey to a bilingual legal system // Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Journal. Los Angeles, 1997. № 19. P. 293—313.
8. Provisional Legislative Council Panel on Public Service (23.03.1998). Progress of Promoting the Wider Use of Chinese in the Civil Service. URL: <https://www.legco.gov.hk/yr97-98/english/panels/ps/papers/ps2303-3.htm> (дата обращения: 07.06.2021).
9. Basic Law of Hong Kong Special Administrative Region. URL: http://www.gov.cn/test/2005-07/29/content_18298.htm (дата обращения: 07.06.2021).
10. The Hong Kong Bill of Rights. URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap383> (дата обращения: 07.06.2021).
11. International Covenant on Civil and Political Rights URL: <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CCPR.aspx> (дата обращения: 07.06.2021).

References

1. *Roebuck Derek*. The English Language and the common law // New Zealand Law Journal. Wellington, 1989, p. 391—396.
2. *Lau Chikuen*. Hong Kong's Colonial Legacy. Hong Kong, 1997. 200 p.
3. *Cheung Anne*. Language Rights & the Hong Kong Courts // Hong Kong Journal of applied linguistics. Hong Kong, 1997. № 2, p. 49—76.
4. *Chen Albert Hungyee*. Law in a foreign language: the case of Hong Kong // Hong Kong Law Journal. Hong Kong, 1989. № 15, p. 19—47.
5. *Chen Albert Hungyee*. 1997: The language of the law in Hong Kong // Hong Kong Law Journal. Hong Kong, 1985. № 15, p. 19—47.
6. Hong Kong Government. The Official Language Ordinance. URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap5> (Accessed: 07.06.2021)
7. *Zhao Yuhong*. Hong Kong: The journey to a bilingual legal system // Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Journal. Los Angeles, 1997. № 19, p. 293—313.

8. Provisional Legislative Council Panel on Public Service (23.03.1998). Progress of Promoting the Wider Use of Chinese in the Civil Service. URL: [https:// www.legco.gov.hk/yr97-98/english/panels/ps/papers/ps2303-3.htm](https://www.legco.gov.hk/yr97-98/english/panels/ps/papers/ps2303-3.htm) (accessed: 07.06.2021).

9. Basic Law of Hong Kong Special Administrative Region. URL: http://www.gov.cn/test/2005-07/29/content_18298.htm (Accessed: 07.06.2021).

10. The Hong Kong Bill of Rights. URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap383> (Accessed: 07.06.2021)

11. International Covenant on Civil and Political Rights. URL: <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CCPR.aspx> (Accessed: 07.06.2021).

Summary

Wang Qi

Ph.D., Senior Professor at Tsinghua University, Executive Director of the Institute of China-Russia Strategic Cooperation at Tsinghua University, Beijing, China.

E-mail: wq@tsinghua.edu.cn

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE COMINTERN AND THE CHINESE REVOLUTION: CHINESE SCHOLARS RESEARCH

Abstract. The relationship between the Comintern and the Chinese Revolution is an important subject affecting the history of the Communist Party of China, the history of the Chinese revolution, the history of Sino-Soviet relations, the history of the international communist movement and the history of international relations. After Reform and Opening policy start in the late 1970s Chinese scholars overcame the ban in the academic science and achieved meaningful academic results through skills and hard work in this field. On the occasion of the 100th anniversary of the Communist Party of China foundation and the 20th anniversary of the signing of the Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation Between the People's Republic of China and the Russian Federation, the author conducted a systematic analysis of Chinese scholars research results of the relationship between "the Comintern and the Chinese Revolution" based on the Chinese scientific base ZHIWANG, which presents the collection of academic articles from the most authoritative scientific journals. The author analyzed the articles written on the basis of the original archival documents to clarify many historical issues thus promoting the process of scientific research of the problems of the Comintern and the Chinese Revolution relationship. The author presented the research results in four parts: 1) the review of research results of the Comintern and the Chinese Revolution relationship at the initial stage (March 1919- July 1925); 2) the review of research results of the Comintern and the Chinese Revolution relationship at the second stage (July 1927-July 1935); 3) the review of research results of the Comintern and the Chinese Revolution relationship at the final stage (July 1935- May 1943); 4) the review of conducted by the Chinese scientists case studies of the Comintern institutions and the Comintern representatives activity in

China. The purpose of this research is to master the historical knowledge and promote the relationship of China-Russia comprehensive strategic partnership in the new era. As long as China and Russia work closely together, they will fulfill the sacred mission of being a stabilizing factor for world peace and development.

Keywords: Comintern, the RCP(b), VKP(b), Chinese Revolution, scientific historical research.

Verchenko A.L.

senior researcher, Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).
E-mail: veailan@yahoo.com ORCID : 0000-0002-8718-8338

**GENDER PROBLEM IN THE CCP'S EARLY PERIOD
POLICIES (THE 1920-S)**

Abstract. The article discusses the formation of the CCP gender policy in the first years after the formation of the party (1921). A more detailed study of the CCP position in the women's movement expands the prospects for the further deeper analysis of the history of China. The political guidelines of the CCP in the women's movement were first formulated at the II CCP Congress in 1922 and formed the basis of the gender policy of the party. Among those guidelines were: the recognition of the importance of women's movement, women emancipation, gender equality establishment, providing women and men with equal rights in politics, economy, culture, education and other areas. The party considered the women liberation movement not only as a problem of gender equality but also as a part of the national revolutionary movement and the democratic revolution; the party focused its female members on the active participation in the country's social life. The first activists were representatives of intellectuals, they often turned out to be the wives of party leaders and worked alongside with their husbands propagating both educational aspects and party ideological postulates within the society. In the party's organizations, there were established women's units, but the expansion of the work with the women across the country stumbled upon the lack of the qualified personnel. The CCP took specific measures to strengthen its influence among women from various social layers: the party started to issue specialized newspapers targeted predominantly at females, in Shanghai, there was opened a special female training school, female communists were deployed to the enterprises for arranging women economic interests protection actions, especially during the rise of the strike movement actions in the early 1920s.

Keywords: the CCP, gender equality, women's movement, the CCP women-members, Comintern, Kuomintang.

Xu Xing

historian, professor, supervisor of doctoral students
at Zhou Enlai School of Government, Nankai University, Tianjin, PRC.
E-mail: ctxuxing77@163.com

THE INFLUENCE OF RUSSIAN OCTOBER REVOLUTION AND THE COMMUNIST INTERNATIONAL ON THE FOUNDING OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA

Abstract. The CCP was founded at the background of special historic conditions stipulated by the influence of both internal political and international factors. The October Revolution brought Marxism-Leninism to the Chinese people, it served as the guiding theoretical and organizational framework for the CCP foundation.

The publication of Li Dazhao three well-known articles in 1918 pushed the rapid propagation of Marxism. After the October Revolution a group of advanced intellectuals Li Dazhao, Chen Duxiu, Qu Qiubai and Mao Zedong realized that the October Revolution in Russia opened a new era of the world revolution, so they made their right choice to follow the October Revolution path.

At that time the Soviet Russia government and the Comintern led by Lenin fulfilled the following tasks: first, they sent Voitinsky (Chinese pseudonym Wu Tingkang) to assist in organizing the earliest Communist groups; second, they sent the Comintern representative Ma Lin [Maring] and Nikolsky, the representative of the Secretariat of the Comintern Far Eastern Bureau, to Shanghai to help convene the CCP “First Congress” and found a national united political party, they promoted the establishment of first cooperation between the Guomindang and the CCP; third, they included the CCP in the sphere of the Comintern activity; fourth, they gathered together the Chinese progressive young people in Shanghai Foreign Languages School, including Liu Shaoqi, who after a short-term training was sent to Moscow to study at the Communist University of the Toilers of the East (KUTV), thus they helped to train a group of revolutionaries who became the backbone of the newly created Communist Party of China.

One of the CCP’s peculiarities is that in the process of the Party creation it didn’t appear to be under the Second International influence. The resolution of the Second National Congress of the CCP “recognized the CCP as one of the Comintern parts”. From the first moment of its existence the CCP was closely connected with the Comintern. From the moment of its creation the CCP embodied the working class’ tradition and advantages, strict organization and discipline, strong revolutionary character and emphasis on the real struggle. For the period of 100 years’ struggle the CCP’s potency has rapidly grown and its influence continues expanding.

Keywords: the Communist Party of China, international situation, October Revolution, the Comintern, the Party foundation, Marxism, Lenin’s principles of party building.

Gerasimova T.G.

senior researcher, Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).
E-mail: gerta48@mail.ru

CHEN YUN'S (1905—1995) HISTORICAL PATH

Abstract. The article is dedicated to the biographical research of the Chinese statesman and politician, authoritative and influential economist, the oldest veteran of the CCP, who treated the USSR and its people warmly despite difficult periods in the Soviet-Chinese interaction. In Chinese Contemporary History Chen Yun's name is directly related to the revitalization measures of the economy ruined by the Civil war 1946—1949, his supervision of the construction of 156 largest industrial objects in the 1950-s, which was carried out with the URSS help. He made the first five-year plan in the PRC in 1953—1957, under his influence the socialist construction took place in the PRC. Chen Yun worked as a vice premier of the PRC State Council (1954—1972, 1976—1987), vice-chairman of the CCP Central Committee (1956—1970).

In Chen Yun's activity there appears some principal loyalty to the theory and practice of Marxist political economy, scientific communism and proletarian internationalism during both Mao Zedong's years of government and policy and at the first stage of "reform and openness policy" (1978—1992). Besides, Chen Yun realized the necessity of the connection between the economy and the "socialist spiritual civilization".

Talented economist-strategist, a convinced supporter of the centralized planning, Chen Yun pointed out multiple times that while "starting the economic creation" it is necessary to stand up against the conception of reconstruction of all that turned out to have been ruined; first, it's necessary to reconstruct the objects of the economy, the most important for the state. He thought that the production development is to become the CCP central task for the further time. To fulfill that task Chen Yun made a number of effective efforts of the national economic revival.

Chen Yun's historical merits are highly appreciated in China. His name is inalterably indicated among the outstanding proletarian revolutionaries of the older generation next to that of Mao Zedong, Zhou Enlai, Liu Shaoqi, Zhu De and Deng Xiaoping. At the XIX CCP Congress Xi Jinping called him an older generation leader, who "all his life dedicated to the national liberation of the Chinese, to the cause of reforms, openness and modernization of the country, who gained high credibility, general respect both in China and out".

In the research the author used Russian and foreign literature, original sources as well Internet resources.

Keywords: Chen Yun, China, Contemporary History, the PRC formation, the CCP, Mao Zedong, Deng Xiaoping, biography, proletarian revolutionaries of the older generation, modernization, New China construction.

Sotnikova I.N.

PhD (Hist), Leading Research Fellow at the Institute
of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences
(IFES RAS) (Moscow).

E-mail: sotnikova.irina@gmail.com

TO THE QUESTION ABOUT THE ROLE OF P.A. MYTH IN HISTORY THE CHINESE COMMUNIST PARTY IN 1925—1931

Abstract. This article will be of interest to the specialists in the history of the CCP and the Chinese revolution. It is dedicated to the study of the activities of the previously well-known sinologist-political scientist P.A. Mif, the author of numerous works on China, during the most active period of his participation in the Chinese policy of the Comintern regarding the CCP. Over the years P. Mif held different positions: from the vice rector of Moscow Sun Yat-sen University to the head of the Far Eastern section of the Eastern Secretariat of the ECCI, the member of the Chinese Commission of the Political Commission of the Political Secretariat of the ECCI. His influence on the CCP policies varied accordingly. For more than fifty years the issue of this influence has not been considered in Russian scientific literature in contrast to the Chinese studies in which, there was paid considerable attention to the role of P. Mif in the CCP history. The study is based on a large amount of archival documents and is viewed in the background of the ideological twists and turns in the C.P.S.U.(B.), the Comintern and the Chinese Communist Party. Mif's working period at the University coincided with the struggle in the VKP(b) against the right-wing opposition and Trotskyism. The notorious tandem Mif — Chen Shaoyu (Wang Ming) formed at the University at that time made a negative impact on the fate of many young Chinese revolutionaries. Mif's transfer to work in the Comintern put him on a par with the prominent developers of the CCP political course. Mif's position was influenced by the "leftist" tendencies strengthening in the communist movement associated with a capitalism general crisis prediction. The dogmatism in the formulation of directives given to the CCP by the eastern link of the Comintern under the leadership of Mif contributed to a significant spread of the so-called the "Li Lisan lines" adventurous views in the Party. The actual support of this course of the CCP on the part of the ECCI mission in China and the Eastern Secretariat of the Comintern continued right up to open disobedience and opposition of the CCP to the Far Eastern Bureau of the ECCI and the Comintern. It was this circumstance that first of all provoked sharp criticism from Moscow. The assessment of the leftist line recorded in the "Letter of the ECCI on the Lilisanevism" made a decisive influence on the CCP position. P.A. Mif, while being in China at that time had a negative impact on the CCP cadre by nominating Soviet universities graduates to the Party and the CYLC leadership.

Keywords: China, History of the Chinese Communist Party, Sun Yat-sen, P.A. Mif, ECCI, dogmatism, the IV Plenum of the CCP.

Ye Fan

Ph.D of Historical Sciences, Assistant professor
of the Institute of Marxism of Peking
University, China.
E-mail: ye5125172@mail.ru

THE TOLMACHYOV MILITARY-POLITICAL ACADEMY AND THE CPC FIRST HIGH-RANKING MILITARY-POLITICAL CARDES

Abstract. In the late 1920-s during the hardest period of the Chinese revolution at the situation of a serious shortage of the revolutionary cadres the N.G.Tolmachev Soviet Military-Political Academy (TMPA) trained more than 40 well-prepared military-political specialists many of which later became high-ranked cadres in the CCP apparatus, in its military forces, and after the PRC formation in the various state organs as well. Thus, this Soviet military educational institution for ever contributed to the formation and strengthening of the People's Liberation Army, to the cause of the Chinese revolution final victory and the Chinese people liberation. Nevertheless, inside and out of China this educational institution isn't as popular as it deserves; there is some certain lack of systematic research of the Chinese cadets contingent and individual cadets who studied at the TMPA. Turning to this "red history" on the eve of the 100-th anniversary of the CCP's formation, opening the bright pages of the Russia-China friendship history we pay tribute to the fallen heroes of the revolution, "throw bridges" from the past to the future of the Russia-China relationship thus promoting its continuous progressive development hereafter. Almost a century later historic materials in the Russian archives preserve the evidence of the Chinese cadets' stay at this Soviet military educational institution. Having taken as a basis the recently discovered materials of the Russian State Archive of Social and Political History (RSASPH) and Russian State Military Archive (RSMA) and having supplemented them with the Chinese cadets' memoirs the author of the present article tried to reconstruct comprehensively and systematically the history of the Chinese cadets' training and life at the TMPA at the end of the 1920-s., thus, fulfilling, to some extent, the history "white spots" at the sphere of the scientific research of the Chinese who studied in the USSR. Besides, this article appears useful for the research of personalities in the CCP history.

Keywords: the USSR, China, military-political cadres, the Tolmachev Military-Political Academy, Chinese cadets.

Pozhilov I.E.

PhD (Hist), Leading Research Fellow at the Institute
of Far Eastern Studies, Russian Academy
of Sciences (IFES RAS) (Moscow).
E-mail: pozhilov1@yandex.ru

**“REVOLUTION FOR HIRE” ABOUT SOME PROBLEMS
OF THE PEASANTS AND WORKERS RECRUITMENT
IN THE CCP AFTER THE BREAK WITH GUOMINDANG
(ON THE MATERIALS OF GUANGDONG)**

Abstract. In the article based on for the first time introduced into the scientific circulation documents of the CCP primary organizations of Guangdong province (formerly classified as “for official use”), there are researched, unlike in the most too general of nature publications on this theme, concrete problems and consequences of the Central Committee policy on the so-called Party building-up at the local level during two-three years after the end of the Great Revolution.

The CCP county committees in an effort to meet the requirements of the moment after previously annulling the Party recruitment conditions for the peasants and workers, ignoring the undeniable fact of “the revolutionary wave fall to the lowest development point”, set a task for themselves, by any means, including assurances in the proletarian revolution early victory, promises of providing the rural poor with the assistance in the financial difficulties and the city unemployed with the working places, involvement of consanguinity for ranks replenishment, recruitment of the tramps and bandits in the Party cells for payment etc. in order to fulfill and overfulfill the Party top staff orders. The result of the adventure tactics of the forced practice of the CCP recruitment of everyone who gets there appeared to be unprecedented multiple increase in the number of the county and provincial party organizations in Guangdong as a whole. Having received a bit of hope and partially satisfied with their mercantile interests the peasantry saw in the CCP a sort of “charity office”, the declassed saw the “almshouse” in it, the unemployed unskilled proletariat took it for a “labor exchange” etc. The Party of Communists itself turned into “a loose and shapeless structure of the hired strugglers for social revolution” (according to Zhou Enlai, it turned into “revolution for hire”).

Herewith, what critically aggravated the situation in the nominally formed party organizations (very often the organization of such wasn’t set about), ignorant and almost illiterate adherents after gaining a party membership appeared to be outside the framework of formal ideological-educational and practical work, went on being, first of all, at the status of an ordinary member of the clan community, leaning on the traditionally routine orders and intrafamily ties.

The consequences of irresponsible dogmatism in the recreation of the Party affected immediately. Not having noticed the “approaching revolutionary advance” or having been disappointed by the communist idea itself, the recruits quickly left the Party or got on the betrayal track addressing the authorities with

repentance. By 1933 the provincial party organization counted less a quarter of its staff, which managed to survive after the “May 15” repressions.

Keywords: Guangdong, the CCP, “party building-up”, “revolution for hire”, guilty turnout, collapse of forced recruitment into the Party in the province.

Mamaeva N. L.

Chief Researcher, Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences (IFES RAS), (Moscow).

E-mail: mamaeva_nl@mail.ru

**COMINTERN AND THE VI CONGRESS
OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA**

Abstract. The article is devoted to the study of one of the most striking events in the life of China — the VI Congress of the Communist Party of China (June 18 — July 11, 1928), celebrating its 100th anniversary in 2021. An integrated approach to the coverage of this historical event creates the prerequisites for a comprehensive coverage of the work of the 6th Party Congress. The congress is distinguished by the fundamentally new approaches to the assessment of the revolutionary situation, which were formed both with the participation of the Comintern and in the course of the revolutionary practice of the CPC. The article shows that in the pre-congress period and at the congress, there was a situation of sufficiently deep mutual understanding between the Chinese Communists and the Comintern, which contributed to the adoption, in fact, of a new detailed program of the party, taking into account the historical specifics of the country. In the article, there is used some specific material to present the directions of the revolutionary practice of the CPC in 1927—1928 and the decisions of the sixth Congress demonstrated the beginning of the formation of a new “route of the revolution”. As it is shown in the article, the “new democratic program” announced at the VII Congress of the CPC has its roots in a historical event in the life of China — the VI Congress of the CPC. The article also contains critical remarks addressed to the congress, mainly related to the assessments of the role of the national bourgeoisie in the revolutionary process. The article draws special attention to the fact that the CPC, as a result of the growth of class contradictions, was subjected to the most severe terror by the Kuomintang and was on the verge of physical destruction of the CPC members. The possibility of convening a congress in the USSR prevented the liquidation of the party and ensured the CPC’s exit from a serious crisis.

Keywords: Communist Party of China, the II Congress of the Comintern, Kuomintang, the IX Plenum of the Executive Committee of the Comintern, revolutionary bases, Soviet movement, Workers and Peasants’ Red Army.

Smirnov D. A.

PhD (Hist), Leading Research Fellow
at the Institute of the Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).
E-mail: smirnov_da@inbox.ru

**THE 6TH CCP CONGRESS AS AN ILLUSTRATION
OF INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS CORRELATION
IN THE CHINESE REVOLUTION STRATEGY
AND TACTICS DEVELOPMENT**

Abstract. In the article, there is considered the question of internal and external factors correlation in the Chinese Revolution strategy and tactics development during the preparation of the 6th CCP Congress and hereafter. This Congress took place at the situation of the revolutionary movement temporary recession which required some new revolutionary tactics from its leadership. The Comintern searched for the decision of the theoretical and practical tasks of the Chinese Revolution simultaneously providing the Chinese Communists with diversified practical help.

In the process of these tasks fulfillment the Comintern and the VKP(b)'s leadership together with the CCP had to decide the hardest problem of national and class interests correlation. Outlined by the 6th CCP Congress strategy and tactics at the revolution new stage in general went in line with the Comintern intention to bring to an end the bourgeois-democratic revolution in China and to shift the gravity centre of the CCP work to the conquest of the mass workers-peasants social base, to the establishment of the Councils of workers, peasants and soldiers deputies, as well as to the conquest of the separate regions as the Revolution strongholds. Adopted at the Congress comprehensive agricultural program and the fulfillment of the task of creating a "real Red Army" served this aim.

The CCP theoretical platform formation at the Revolution new stage happened at the situation of the continuous ideological inner-party and organizational struggle, even at the Congress itself, demoted by the CCP and the Comintern lack of long-term practical experience of struggle, of the necessity due awareness to consider China national specifics, for which the Comintern leadership was criticized by I.V.Stalin.

At the second half of the 1930-s at the CCP, there strengthened and prevailed the tendency to recognize the Chinese specifics primacy in the management of the revolutionary movement and to recognize the ideological and organizational independence from the Comintern. This process went on the initiative and under Mao Zedong guidance who put forward the principle of Marxism "sinicization" in 1938, which became the basis of the independent theoretical development of the strategy and tactics of the Chinese Revolution.

Keywords: the Communist Party of China (the CCP), the 6th Congress, Comintern, Mao Zedong, I.V.Stalin, Chinese Revolution strategy and tactics, sinicization of Marxism.

Chen Kaike

General Secretary of the All-China Society
on the History of Chinese-Russian relations,
the chief scientific researcher of the Institute
of Modern History, Chinese Academy of Social Sciences.
E-mail: chenkk@cass.org.cn

**FINANCIAL AND MILITARY AID OF THE SOVIET UNION
TO THE CHINESE COMMUNIST PARTY DURING THE PERIOD
OF THE ANTI-JAPANESE WAR**

Abstract. During the period of large-scale Anti-Japanese war, which China was waging, the Soviet Union began to provide secretly the Nationalist Government of China with the military aid to resist Japanese aggression in accordance with the articles stipulated in the Sino-Soviet “Non-Aggression Pact”. Besides, the USSR and the Comintern overcoming various difficulties did all possible to offer a long-term aid to the CCP and its armed forces which fought in the Anti-Japanese war. The aid provided by the Soviet Union and the Communist International for the CCP was mainly of two aspects: financial and armament.

Judging by the nowadays available archival materials, during the period of the large-scale Anti-Japanese war the amount of financial aid that the Soviet Union and the Comintern provided the CCP with was 1mln. 313 th. 123 US. dol. Though the sum was much less than that had been planned by the USSR and the Comintern, undoubtedly, the aid was of great significance. The USSR and the Comintern aid volume could be evaluated with the following figures: the Soviet financial aid received by the CCP in 1937 exceeded by 5,2 times the year income rate of the Shaanxi-Gansu-Ningxia Border Region and up to 1940 exceeded that mark by 1,5. Due to that financial and armament aid the CCP contributed to the victory in the Anti-Japanese war and strengthened its own forces. For the theme comprehensive coverage it is necessary to continue and deepen the search for the new archive materials which are limited for the present. Moreover, the process and the contents of the agreements between the USSR and the Republic of China on the question of the CCP forces provision with financial and armament aid are in need of additional documentary support. The question concerns those agreements according to which the fourth or the fifth part of the weapons purchased by the Republic of China government was to be supplied to the CCP troops.

Keywords: the Chinese Communist Party, large-scale anti-Japanese war, the USSR, the Chen Kaike Comintern, financial and armament aid.

Troshchinskiy P.V.

PhD (Law), Leading Research Fellow at the Institute
of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS).
E-mail: troshc@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8837-1097

POLITICAL AND LEGAL FRAMEWORK OF THE FORM OF THE PRC STATE STRUCTURE

Abstract. The article is devoted to the study of the issues of the administrative-territorial division of the People's Republic of China (PRC) in the political and legal aspects. Since the formation of the New China in 1949 the three-tiered division of the country into provincial, county and town levels has actually remained virtually unchanged. The PRC is a unitary multinational state with 56 officially recognized nationalities. Right after the creation of the socialist republic its authorities abandoned the Marxist-Leninist principle of recognizing the right of nations to self-determination. Neither in the first nor in subsequent constitutions of the PRC (including the current one) did this principle receive any reinforcement. The same applies to the legislation adopted in different years that regulates the issues of the country's administrative-territorial structure.

As opposed to the right to self-determination of peoples, the leaders of the New China pursued the path of granting broad powers to national autonomies. Three types of autonomous units were established in the PRC: an autonomous region, an autonomous prefecture and an autonomous county. The autonomous prefecture became the largest national-administrative unit, but still administrated by the central government. A large number of national minorities live compactly in autonomous prefectures and at the same time they have no right to demand the creation of an independent state. This approach to solving national and territorial issues allowed China to preserve its territorial integrity and not to repeat the tragic experience of the collapsed USSR.

Another unique feature of the administrative-territorial structure of the PRC is the creation of the special administrative regions of Hong Kong (HKSAR) and Macao. Their return "to the embrace of the Motherland" took place under the "cover" of the well-known political and legal concept "one country, two systems", which presupposes the existence of two different systems on a single territory. Despite external interference in China's internal affairs and internal contradictions deepening, China manages to ensure its sovereignty and territorial integrity. All these facts confirm the thesis that China has created a unique, successful and competitive model of state governance that helps to overcome the growing internal and external threats. The Chinese approach to the form of the state, which includes the form of state structure (along with the form of government and the form of regime), requires a mandatory study by Russian science.

Keywords: China, form of state, form of state structure, administrative-territorial division, the right to self-determination, national question, special administrative region

Ershov A.V.

Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies,

Russian Academy of Sciences (IFES RAS).

E-mail: alexandre.ershov@gmail.com

THE HISTORY OF THE PRC STATE GOVERNMENT SYSTEM

Abstract. The article is devoted to the history of formation, development and reforming of the PRC state management apparatus. As the whole regions of China broke free from under the Guomindang control in them there happened the gradual formation of the state management organs of the Soviet type. When the Common Program of the Chinese People's Political Consultative Conference (CPPCC) was adopted in 1949 the stage of the primary formation of the state organs unified system began; the next stage started after the Constitution of 1954 was adopted. Due to various reasons the formation of local government bodies system wasn't completed. The Cultural Revolution events of 1966—1976 negatively influenced the situation in the state government system sphere. In fact, in 1966—1968 there happened a total annihilation of the state and party apparatuses which had been already formed by then during the previous stage of the PRC development. After the 3rd Plenum of the CC CCP of the 11th Central Committee at the end of 1978 the PRC management started the realization of the strategy of the phased transition to the market economy model. By the 1980-s there was formed a unified administrative vertical at the local level, and there raised the question about system reforms in the state government sphere. From 1982 to 2018 8 large-scale reforms in the state government system were initiated, which covered all its levels. Those reforms were of regular and systematic character; each state government reform facilitated China economic system reforming and other accompanying transformations, conducted in close connection with current economic, industrial and social tasks. Without the state government full-scaled transformations elaboration, the state government system creation, appropriate legislative framework shaping economic reforms in the PRC couldn't have passed successfully during such a relatively short period of time.

Keywords: China, the PRC, the state government system, administrative organs, The State Council reform, local people's governments, civil service, personnel reform, e-government.

Smirnov D.A.

PhD (Hist), Leading Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).
E-mail: smirnov_da@inbox.ru;

Stepanova E.N.

PhD (Political Science), Leading Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).
E-mail: helenstepanova@bk.ru

POLITICAL ASPECT OF ECOLOGICAL PROBLEM OF MODERNIZATION IN TAIWAN AND GREATER CHINA

Abstract. In the article, there is considered the political aspect of the ecological problem of the economic modernization of the two sides of the Taiwan Strait from the point of each separate party and its representatives' reaction to ecological risks, from the point of the possibility of the efforts consolidation of Taiwan main socio-political forces in the environmental protection questions and the relationship of eco-protest movements with the island political parties and the possibility of these relations transformation.

In the article, there are shown the peculiarities of Taiwan authorities and corporations' work with the population living on the territory of large enterprises construction. The mechanism of the administrative management and regulation in the ecological sphere is revealed. There are also elicited the sharpest ecological problems created by nuclear stations and naphtha crackers in Taiwan, these problems influence on the contents, progress and intensity of the eco activism and the use of it by interested in it certain political forces accordingly. The problem of signing of the Economic Cooperation Framework Agreement with Continental China (ECFA) in 2010 is raised when Taiwan had to appraise in full the modernization "risk shifting" on both sides of the Taiwan Strait.

As for Continental China, there is analyzed the eco-protests peculiarities in the specific for the PRC conditions of the "market socialism" contradictions stipulated by the private capital use in the industrial modernization in combination with the command-authoritarian model of the state management. Besides, there are considered the working conditions at the plants of some Taiwan corporations on Continental China's territory. And there is traced some definite similarity of local authorities' actions as a reaction to ecological protests in both Continental China and Taiwan as well as the principal difference between them in political conditions dictating to each side of the Taiwan Strait own peculiarities of the strategy and tactics in the ecological policy conducting. In Taiwan this policy is mostly under the influence of the current balance of political power, in Continental China it is determined by the tasks fulfillment of the current 5-year plans of the social-economic development in the frames of realization of the adopted by the ruling CCP's program of the country development for a long-term perspective.

Keywords: Taiwan, Continental China, ecological problems, environmental protection, Guomintang, the DPP, Dangwai, the CCP, ecological civilization.

Voloshina A.V.

Junior Researcher at the Center for the Studies
of the Modern History of China and Its Relations
with Russia of the Institute of the Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences (IFES RAS), Moscow, Russia.
ORCID: 0000-0002-7508-8735; E-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru

THE CCP AND THE “TAIWAN ISSUE”: 25 YEARS SINCE THE THIRD TAIWAN STRAIT CRISIS

Abstract. The leaders of the People’s Republic of China have repeatedly emphasized that the unification of mainland China and Taiwan is a historical task for the country. However, more than seventy years of the “Taiwan issue” existence have proved the difficulty of its achievement, to a great extent due to the active involvement of the third party in the cross-strait affairs, namely the United States of America. Over the past period, the situation in the Taiwan Strait area has repeatedly aggravated, threatening to turn into military clashes between Beijing and Taipei or even really escalating into ones. The last of such episodes is the Third Taiwan Strait Crisis of 1995—1996. In this article, the author examines the crisis background, events and consequences, coming to the conclusion that the relations between the sides of the PRC-Taiwan-the US triangle ended up being in a state of structural deadlock. An analysis of the development of the situation in the Taiwan Strait area over the last 25 years gives an idea of the shifts in the status quo that were taking place. The author examines three periods (2000—2008, 2008—2016 and since 2016 until the present) and points out the dynamic and cyclical nature of the existing status quo, which undergoes phases of increasing confrontation, subsequent stabilization, improved relations and then again moves in the direction of heightened tensions. The analysis also provides the key factors that supposedly will be driving the development of the situation in the Taiwan Strait area in the long term and that will directly affect Beijing’s interests. Such factors, which are of a structural nature and will not disappear in the near future, are changes in the public opinions of Taiwanese people and the strengthening of national identity, the impact of these processes on the political parties’ platforms in Taiwan, as well as the growing competitive trends in Sino-American relations. The author concludes that the room for maneuver for each side of the triangle is becoming more and more narrow. It increases the risk that a structural deadlock will move in the direction of an armed conflict.

Keywords: PRC, Taiwan, Taiwan issue, cross-strait relations, crisis, USA, status quo.

Klinovsky V.A.

PhD (Hist), senior researcher, Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).
E-mail: klyn87@mail.ru

STATUS PLANNING AND THE DEVELOPMENT OF LANGUAGE RIGHTS IN BRITISH HONG KONG IN 1970—1990

Abstract. The relevance of the topic is based on the proceeding political conflict between the authorities of China and the oppositionally-tuned citizens of Hong Kong which is aggravated inter alia by the gradual cultural assimilation of Hong Kong into the PRC. One of the consequences of this assimilation is the slow marginalization of the Cantonese dialect in the public communication sphere. The goal of this article is to analyze the causes of the Cantonese dialect downgrading in Hong Kong after 1997.

In this context, there is studied the process of the formation and evolution of the language rights concept and the status language planning in Hong Kong in the later period of the British rule up to the city handover. As the main reasons for the reverse in the colonial administration policy concerning the vernacular language of the indigenous population there is considered the impact of demographic changes in post-war Hong Kong, global political tendencies of the second half of the 1960s and the foreign policy of the PRC as well. So, ubiquitous struggle for independence in the former European colonies of Asia and Africa and subsequent achievement of their sovereignty ruined the notion of the colonial world order inviolability thus encouraging the population of other colonies to assert their rights more actively. And social-political conflicts in Hong Kong itself caused additional threats for the stability. In such situation the British administration had to demonstrate the readiness for the dialogue with the population on the question of human rights, which started the reforms process. The author also states that the emergence of the new generation of public personnel consisted of the educated locals in the 1980-s was crucial for those reforms acceleration.

The analysis of the main legal regulations which adjusted the linguistic rights in the study period shows that the process of all those rights institutionalization after Hong Kong handover slowed down. The main causes for that were, firstly, the highly different approaches to understanding the nature of the official language in the legislation of British Hong Kong and China, and secondly, the rawness of language rights regulations in China.

Keywords: Hong Kong; China; Constitutional Law; human rights; language policy.

Список авторов

Ван Ци — профессор Цинхуа, исполнительный директор Института стратегического сотрудничества между Китаем и Россией (ИССКР), Университет Цинхуа, Пекин, КНР.

Е-mail: wq@tsinghua.edu.cn

Верченко Алла Леонидовна — старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН.

Е-mail: veailan@yahoo.com

Волошина Анна Валерьевна — младший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН.

Е-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru

Герасимова Татьяна Григорьевна — старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН.

Е-mail: gerta48@mail.ru

Е Фань — кандидат исторических наук, профессор-ассистент, научный руководитель аспирантов Института марксизма Пекинского университета, КНР.

Е-mail: ye5125172@mail.ru

Ершов Александр Валерьевич — научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН.

Е-mail: alexandre.ershov@gmail.com

Клиновский Владимир Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН.

Е-mail: klyn87@mail.ru

Мамаева Наталья Леонидовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

Е-mail: mamaeva_nl@mail.ru

Пожилков Игорь Евгеньевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН.

Е-mail: pozhilov1@yandex.ru

Смирнов Дмитрий Анатольевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: smirnov_da@inbox.ru

Сотникова Ирина Николаевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: sotnikova.irina@gmail.com

Степанова Елена Николаевна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: helenstepanova@bk.ru

Сюй Син — историк, профессор, руководитель докторантов Института государственного управления имени Чжоу Эньляя, Нанькайский университет, Тяньцзинь, КНР.

E-mail: ctxuxing77@163.com

Трощинский Павел Владимирович — ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской академии наук, кандидат юридических наук.

E-mail: troshc@mail.ru

Чэнь Кайкэ — Генеральный секретарь Всекитайского общества по изучению истории китайско-российских отношений, главный научный сотрудник Института новой истории Китайской Академии общественных наук, КНР.

E-mail: chenkk@cass.org.cn

List of Authors

Chen Kaike — General Secretary of the All-China Society on the History of Chinese-Russian relations, the chief scientific researcher of the Institute of Modern History, Chinese Academy of Social Sciences, PRC.

E-mail: chenkk@cass.org.cn

Ershov Alexander V. — Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).

E-mail: alexandre.ershov@gmail.com

Gerasimova Tat'yana G. — senior researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).

E-mail: gerta48@mail.ru

Klinovsky Vladimir A. — PhD (Hist), senior researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).

E-mail: klyn87@mail.ru

Mamaeva Natalia L. — Chief Researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).

E-mail: mamaeva_nl@mail.ru

Pozhilov Igor E. — PhD (Hist), Leading Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).

E-mail: pozhilov1@yandex.ru

Smirnov Dmitry A. — PhD (Hist), Leading Research Fellow at the Institute of the Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).

E-mail: smirnov_da@inbox.ru

Sotnikova Irina N. — PhD (Hist), Leading Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).

E-mail: sotnikova.irina@gmail.com

Stepanova Elena N. — PhD (Political Science), Leading Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).

E-mail: helenstepanova@bk.ru

Troshchinskiy Pavel V. — PhD (Law), Leading Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).

E-mail: troshc@mail.ru

Verchenko Alla L. — senior researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).

E-mail: veailan@yahoo.com

Voloshina Anna V. — Junior Researcher at the Center for the Studies of the Modern History of China and Its Relations with Russia of the Institute of the Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS) (Moscow).

E-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru

Wang Qi — Ph.D., Senior Professor at Tsinghua University, Executive Director of the Institute of China-Russia Strategic Cooperation at Tsinghua University, Beijing, China.

E-mail: wq@tsinghua.edu.cn

Xu Xing — historian, professor, supervisor of doctoral students at Zhou Enlai School of Government, Nankai University, Tianjin, PRC.

E-mail: ctxuxing77@163.com

Ye Fan — Ph.D of Historical Sciences, Assistant professor of the Institute of Marxism of Peking University, China.

E-mail: ye5125172@mail.ru

Научное издание

Исторические события в жизни Китая и современность

Выпуск VI

К 100-летию Коммунистической партии Китая

Редактор *Г.П. Манчха*
Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 16.12.2021.
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 18,5. Усл.-изд. л. 18,8. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).

Электронная библиотека ИДВ РАН

www.ifes-ras.ru

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.

АО «Т8 Издательские технологии»
109548, Москва, Волгоградский пр-т, 42, корпус 5